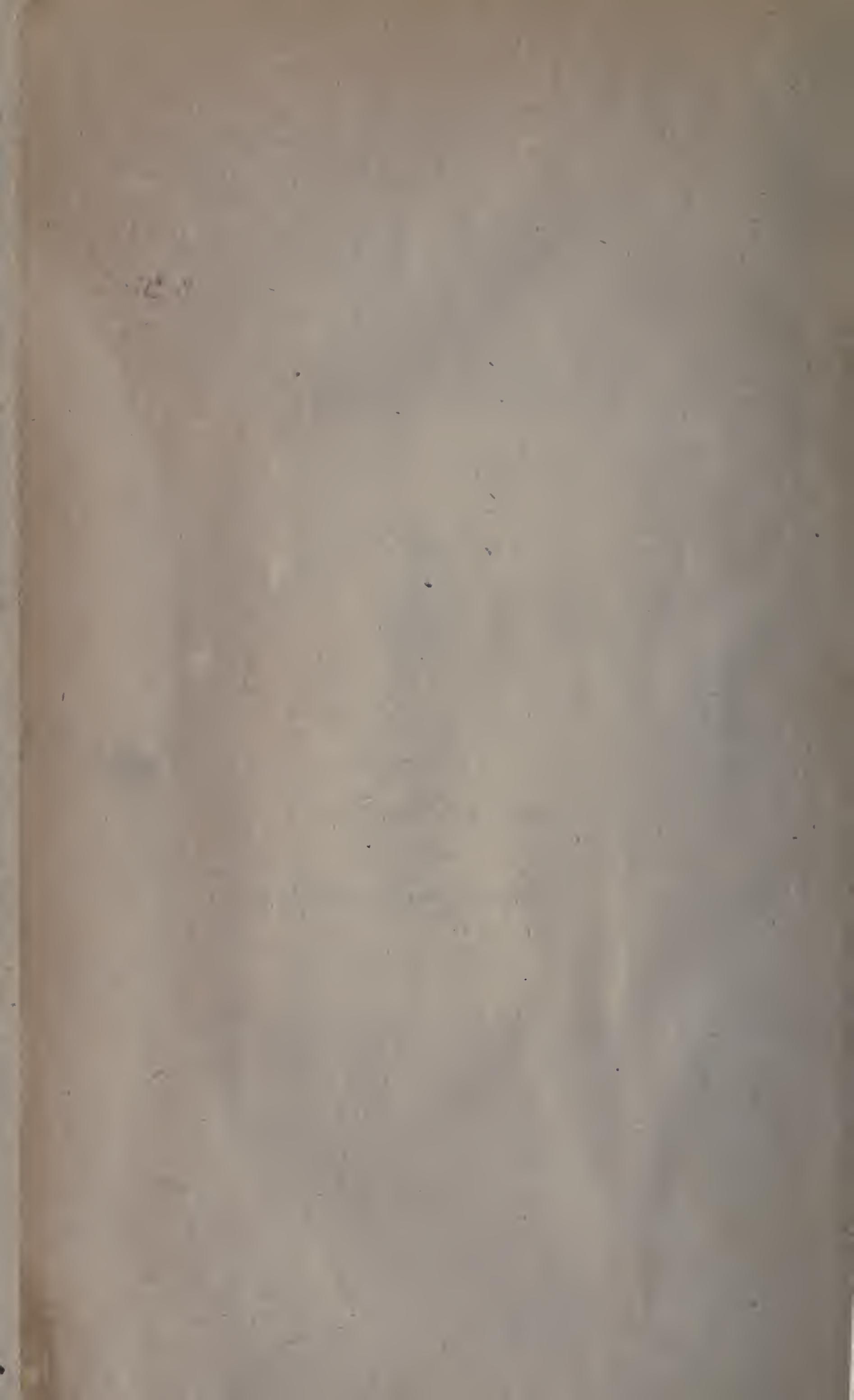

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01624027 7

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ КОМИССАРИАТА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Проф. В. Ключевский.

КУРС
РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Часть II.

ПЕТРОГРАД.
Третья Государственная Типография, Кабинетская, 15.
1918.

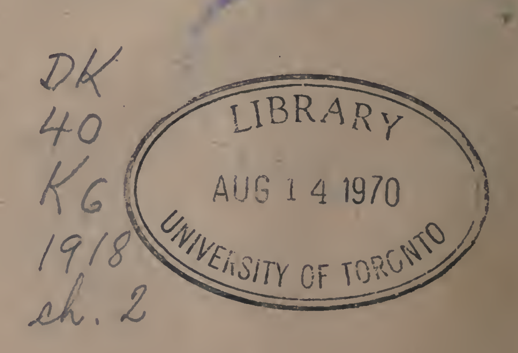
Сочинения В. О. Ключевского **монополизированы** Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 г.

Настоящее издание перепечатано без всяких изменений со второго издания, выпущенного в Москве в 1915 году.

Никем из книгопродавцев указанная на книге **цена не может быть повышена** под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар
Литер.-Изд. Отдела *П. И. Лебедев-Полянский.*

Петроград.
18/III 1918 г.

Лекция XXI.

Москва начинает собирать удельную Русь. — Первые известия о городе Москве.—Первоначальное пространство московского Кремля.—Экономические выгоды географического положения г. Москвы.—Г. Москва—узловой пункт разносторонних путей.—Следы ранней населенности Московского края.—Москва—этнографический центр Великороссии.—Р. Москва — транзитный путь.—Политические следствия географического положения г. Москвы.— Москва—младший удел. — Влияние этого на внешние отношения и внутреннюю деятельность московских князей. — Политические и национальные успехи московских князей до половины XV в.—I. Расширение территории княжества.—II. Приобретение великокняжеского стола. — III. Следствия этого успеха: приостановка татарских нашествий, Московский союз князей. — IV. Перенесение митрополичьей кафедры в Москву, значение этой перемены для московских князей.—Выводы.

Москва собирает удельную Русь.

Нам предстоит изучить второй процесс, совершавшийся на верхневолжской Руси в удельные века. Первый процесс, нами уже разсмотренный, дробил эту Русь на княжеские вотчины в потомстве Всеволода III. Одной ветви этого потомства пришлось начать обратное дело, собирать эти дробившиеся части в нечто целое. Москва стала центром образовавшегося этим путем государства.

Первые известия о г. Москве.

Летопись выводит Москву в числе новых городков Ростовской земли, возникших в княжение Юрия Долгорукого. Любопытно, что городок этот впервые является в летописном рассказе со значением пограничного

пункта между северным Суздальским и южным Черниговo-северским краем. Сюда в 1147 г. Юрий Долгорукий пригласил на свидание своего союзника князя новгород-северского Святослава Ольговича, послав сказать ему: «приди ко мне, брате, в Москву». Это — первое известие о Москве, сохранившееся в летописях. Повидимому, поселок был тогда сельской княжеской усадьбой или, точнее, станционным двором, где суздальский князь останавливается при своих поездках на киевский юг и обратно. Двор должен был иметь значительное хозяйственное обзаведение. На другой день по приезде Святослава хозяин устроил гостю «обед силен» и хорошо угостил его свиту, для чего надобно было иметь под руками достаточно запасов и помещения, хотя Святослав приехал в мале дружине. В 1156 г. по летописи кн. Юрий Долгорукий «заложи град Москву» пониже устья Неглинной, т.-е. окружил свой москворецкий двор деревянными стенами и превратил его в город. Это был московский Кремль в первоначальном своем очертании: он занимал, как это выяснено И. Е. Забелиным в его *Истории г. Москвы*, западный угол кремлевской горы, обрывавшийся крутым мысом к устью Неглинной у нынешнихъ Боровицких ворот, в названии которых сохранилась память о *боре*, хвойномъ лесе, некогда покрывавшем кремлевскую гору. Пространство, опоясанное стенами кн. Юрия и имевшее вид треугольника по соображениям г. Забелина, едва ли занимало половину, скорее третью долю нынешнего Кремля.

Первоначальное пространство московского Кремля.

Город возник на перепутьи между днепровским югом и верхневолжским севером. С темъ же значением пограничного городка Суздальской земли является Москва и в дальнейших летописных известиях. Я рассказывал о шумной борьбе, какая поднялась по смерти Андрея Боголюб-

ского между его младшими братьями и племянниками. В 1174 г. дяди, восторжествовав над племянниками, вызвали из Чернигова укрывавшихся там своих жен. Княгинь поехал провожать сын черниговского князя Олег; он довез теток до Москвы и оттуда воротился в «свою волость» Лопасню. Лопасня—село в 70 верстах от Москвы к югу по серпуховской дороге: так близко подходила тогдашняя черниговская граница к суздальскому городку Москве. Из рассказа той же летописи видно, что Москва носила и другое более раннее название *Куцкова*. Название это она получила от местнаго вотчинника, боярина и по преданию суздальского тысяцкого Степана Куцка или Кучка, которому принадлежали окрестные села и деревни и память о котором, замечу мимоходом, сохранялась после в названии московского урочища *Кучкова поля* (ныне улицы Сретенка и Лубянка).

С временем возникновения и с географическим положением Москвы тесно связана и ее дальнейшая политическая судьба. Как городок, новый и далекий от суздальских центров Ростова и Владимира, Москва позднее других суздальских городов могла стать стольным городом особого княжества и притом должна была достаться младшему князю. Действительно, в продолжение большей части XIII века в Москве не заметно постоянного княжения: князья появлялись в Москве лишь на короткое время, и все это были младшие сыновья своих отцов. Сначала сидел здесь некоторое время один из младших Всеволодовичей Владимир; потом видим здесь другого Владимира, одного из младших сыновей великого князя Юрия Всеволодовича: это—тот Владимир, который был захвачен татарами Батыя при взятии ими Москвы зимой 1237—1238 г. Позднее из сыновей Ярослава Всеволодовича Москва досталась младшему Михаилу

Хоробриту, по смерти которого в 1248 г. опять много лет не заметно в Москве особого князя. Наконец, уже в поколении правнуков Всеволода III, по смерти Александра Невского (1263 г.) в Москве является младший и малолетний сын его Даниил. С тех пор Москва становится стольным городом особого княжества с постоянным князем: Даниил стал родоначальником Московского княжеского дома.

Таковы ранние известия о Москве. По ним трудно было бы угадать ее дальнейшую политическую судьбу. Ее судьба представлялась неожиданной и дальнейшим поколениям северорусского общества. Задавая себе вопрос, каким образом Москва так быстро поднялась и стала политическим центром северовосточной Руси, древнерусское общество затруднялось найти ответ: быстрый политический подъем Москвы и ему казался исторической загадкой. Это впечатление отразилось в одном из многих народных сказаний, предметом которых служит первоначальная судьба этого города и его князей. Одно из этих сказаний, записанное уже в XVII в., начинается приблизительно в таком тоне: «Кто думал-гадал, что Москве царством быти, и кто же знал, что Москве государством слыти? Стояли на Москве-реке села красные боярина хорошего Кучка Степана Ивановича». Вы чувствуете, что записанное поздним книжником народное сказание еще не утратило признаков размеренной речи, былинного стиха. Причина загадочности первых успехов города Москвы заключается в том, что древние памятники нашей истории отметили далеко не первые моменты его роста, а уже крупные внешние приобретения, каких добилась Москва после долгих и незаметных подготовительных усилий. Но уцелели некоторые косвенные указания, в которых вскрываются таинственные исторические силы, работавшие над подготовкой успехов Московского княжества с первых минут его существования.

Действие этих сил выражалось прежде всего в экономических условиях, питавших рост города, а эти условия вытекли из географического положения его края в связи с ходом русской колонизации волжско-окского междуречья.

Географическое положение Москвы и его выгоды.

В ходе заселения междуречья Оки и верхней Волги можно заметить два направления, между которыми легче провести географическую, чем хронологическую раздельную черту. Повидимому, раньше и усиленнее заселялись главные реки, окаймляющие междуречье. По обеим изогнутым линиям, по верхней Волге от Ржева до Нижнего и по средней Оке от Калуги до Мурома ко времени татарского нашествия вытянулись две довольно густые цепи городов, основными звеньями которых были старинные русские поселения, Ярославль, Рязань, Муром. По первой линии шел колонизационный приток с новогородского северо-запада и смоленского запада, по второй с днепровского юго-запада и с верхнеокского юга, из страны вятичей. Вслед за окрайными речными магистралями заселялись и внутренние их притоки, прорезывающие междуречье, хотя и здесь были незапамятно-старинные центры, как Ростов и Суздаль. Большая часть здешних городов возникла с половины XII в. или немного раньше. Появление города на притоке служило признаком скопления вдоль реки значительного сельского населения, нуждавшегося в укрепленном убежище. Географическое размещение внутренних городов междуречья, постройку которых можно относить к XII и XIII вв., показывает, что пришлое население осаживалось по притокам всего междуречья разбросанными полосами (идя с З на В: Волок Ламский, Вышгород и может быть Боровск на Протве, Звенигород, Москва, Клин, Дмитров, Переяславль, Юрьев Польский, Владимир, Боголюбов, Нерехта, Стародуб, Гороховец). При просторных лесистых и болотистых промежут-

ках между притоками важное значение получали поселки, возникавшие на концах коротких переволок из одного притока в другой: здесь завязывались узловые пункты сухопутного и речного сообщения. В этом отношении географическое положение города Москвы было особенно выгодно. Верхним притоком своим Истрой река Москва подходит близко к Ламе, притоку Шоши, впадающей в Волгу. Таким образом река Москва Ламским волоком соединяла верхнюю Волгу со средней Окой. С другой стороны, город Москва возник на самом изломе реки, при ее повороте на ЮВ, где она притоком своим Яузой почти вплоть подходит к Клязьме, по которой шел через Москву поперечный путь с З на В. Этим путем в 1155 г. шел с чудотворной иконой Божией Матери Андрей Боголюбский, направляясь через Рогожские поля на Клязьме во Владимир с р. Вазузы, куда он поднялся Днепром из Вышгорода под Киевом. В конце XIV в. от Москвы шла, пролегая Кучковым полем, «великая дорога володимерская», о которой упоминает одна старая летопись по случаю сретения москвичами чудотворной иконы Божией Матери в 1395 г. Наконец с третьей стороны через Москву пролегала из Лопасни дорога с киевского и черниговского юга на Переяславль Залесский и Ростов. Так г. Москва возник в пункте пересечения трех больших дорог. Из такого географического положения проистекли важные экономические выгоды для города и его края.

Москва — узловой пункт.

Ранняя населенность Московского края.

Прежде всего это положение содействовало сравнительно более ранней и густой населенности края. Москва возникла на рубеже между юго-западной днепровской и северо-восточной волжской Русью, на раздельной линии говоров *о* и *а*. Это был первый край, в который попадали колонисты с юго-запада, перевалив за Угру; здесь, следовательно, они осаживались наибольшими массами, как на первом своем привале.

Бледные следы этого усиленного ссадка колонизации в области реки Москвы находим в старых генеалогических преданиях. Родословные росписи старинных боярских фамилий, с течением времени основавшихся в Москве, обыкновенно начинаются сказанием о том, как и откуда родоначальники этих фамилий пришли служить московскому князю. Соединяя эти отдельные фамильные предания, мы получим целый важный исторический факт: с конца XIII в., еще прежде чем город Москва начинает играть заметную роль в судьбе северной Руси, в него со всех сторон собираются знатные служилые люди из Мурома, из Нижнего, Ростова, Смоленска, Чернигова, даже из Киева и с Волыни. Так еще ко князю Юрию Даниловичу приехал на службу из Киева знатный боярин Родион, ставший родоначальником фамилии Квашниных, и привел с собой целый свой двор в 1700 человек, стоивший изрядного укрепленного города. Знатные слуги шли по течению народной массы. Генеалогические сказания боярских родословных отразили в себе лишь общее движение, господствовавшее в тогдашнем русском населении. В Москву, как в центральный водоем, со всех краев Русской земли, угрожаемых внешними врагами, стекались народные силы благодаря ее географическому положению.

Москва — этнографический центр Великороссии.

Москву часто называют географическим центром Европейской России. Если взять Европейскую Россию в ее нынешних пределах, это название не окажется вполне точным ни в физическом, ни в этнографическом смысле: для того, чтобы быть действительным географическим центром Европейской России, Москве следовало бы стоять несколько восточнее и несколько южнее. Но надо представить себе, как размещена была масса русского населения, именно великорусского племени, в XIII и XIV вв. Колонизация скучивала это население в междуречьи Оки и верхней Волги, и

здесь население долго задерживалось насильственно, не имея возможности выходить отсюда ни в какую сторону. Расселению на север за Волгу мешало перерезывающее движение новгородской колонизации, пугавшей мирных переселенцев своими разбойничьими ватагами, которые распространяли новгородские пределы к востоку от Новгорода. Вольный город в те века высылал с Волхова разбойничьи шайки удальцов ушкуйников, которые на своих речных судах, ушкуях, грабили по верхней Волге и ее северным притокам, мешая своими разбоями свободному распространению мирного населения в северном Заволжьи. Паисий Ярославов в своей летописи Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере (XV в.), имел в виду именно эти XIII и XIV века, когда писал, что тогда еще не вся Заволожская земля была крещена и много было некрещеных людей: он хотел сказать, как скудно было там русское христианское население. С северовостока, востока и юга скоплявшееся в междуречьи русское население задерживалось господствовавшими там инородцами, мордвой и черемисой, а также разбойничавшими за Волгой вятчанами и, наконец, татарами; на запад и югозапад русское население не могло распространяться, потому что с начала XIV в. там стояла уже объединившаяся Литва, готовясь к своему первому усиленному натиску на восточную Русь. Таким образом масса русского населения, скучившись в центральном междуречьи, долго не имела выхода отсюда. Москва и возникла в средине пространства, на котором сосредоточивалось тогда наиболее густое русское население, т.-е. в центре области тогдашнего распространения великорусского племени. Значит, Москву можно считать если не географическим, то этнографическим центром Руси, как эта Русь размещена была в XIV в. Это центральное положение Москвы прикрывало ее со всех сторон от внешних

врагов; внешние удары падали на соседние княжества Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Смоленское, и очень редко достигали до Москвы. Благодаря такому прикрытию Московская область стала убежищем для окрайного русского населения, всюду страдавшего от внешних нападений. После татарского погрома более столетия, до первого Ольгердова нападения в 1368 г., Московская страна была, может быть, единственным краем северной Руси, не страдавшим или так мало страдавшим от вражеских опустошений; по крайней мере за все это время здесь, за исключением захватившего и Москву татарского нашествия 1293 г., не слышно по летописям о таких бедствиях. Столь редкий тогда покой вызвал даже обратное движение русской колонизации междуречья с В на З, из старых ростовских поселений в пустынные углы Московского княжества. Признаки этого поворота встречаем в житии пр. Сергия Радонежского. Отец его, богатый ростовский боярин Кирилл, обнищал от разорительных поездок со своим князем в Орду, от частых набегов татарских и других бедствий, бросил все и вместе с другими ростовцами переселился в глухой и мирный московский городок Радонеж. Около того же времени многие люди из ростовских городов и сел переселились в московские пределы. Сын Кирилла, решившись отречься от мира, уединился неподалеку от Радонежа в дремучем лесу скудоводного перевала с верхней Клязьмы в Дубну, Сестру и Волгу. Лет 15 прожил здесь преп. Сергий с немногими сподвижниками; но потом их лесное убежище быстро преобразилось: откуда-то нашло множество крестьян, исходили они те леса вдоль и поперек и начали садиться вокруг монастыря и невозбранно рубить леса, наставили починков, дворов и сел, устроили поля чистые и «исказили пустыню», с грустью прибавляет биограф и спо-

движник Сергия, описывая один из переливов сельского населения в Московскую область, повидимому, не лишенный какой-либо связи с рассказанной им же ростовской эмиграцией. Таково одно условие, вытекавшее из географического положения Московского края и содействовавшее его успешному заселению.

Р. Москва транзитный путь.

То же географическое положение Москвы заключало в себе другое условие, благоприятствовавшее ранним промышленным ее успехам. Я только что упомянул о реке Москве, как водном пути между верхней Волгой и средней Окой. В старое время эта река имела немаловажное торговое значение. Изогнутой диагональю прорезывая Московское княжество с северозапада на юговосток и нижним течением связывая г. Москву с бассейном Оки, а верховьями близко подходя к правым притокам верхней Волги, она служила соединительной хордой, стягивавшей концы обширной речной дуги, образуемой двумя главными торговопромышленными путями междуречья. Одно явление указывает на такое торговое значение реки Москвы. Очень рано на самом перевале с верхней Волги в Москву возник торговый пункт Волок на Ламе (Волоколамск). Этот город был построен новгородцами и служил им складочным местом в их торговых сношениях с бассейном Оки и с областью средней Волги.

Так географическое положение Москвы, сделав ее пунктом пересечения двух скрещивавшихся движений, переселенческого на СВ и торгово-транзитного на ЮВ, доставляло московскому князю важные экономические выгоды. Сгущенность населения в его уделе увеличивала количество плательщиков прямых податей. Развитие торгового транзитного движения по реке Москве оживляло промышленность края, втягивало его в это торговое движение и обогащало казну местного князя торговыми пошлинами.

Политические следствия.

Рядом с этими экономическими следствиями, вытекавшими из географического и этнографического положения Москвы, из того же источника вышел ряд важных следствий политических. С географическим положением города Москвы тесно связано было генеалогическое положение его князя. Как город новый и окрайный, Москва досталась одной из младших линий Всеволодова племени. Поэтому московский князь не мог питать надежды дожить до старшинства и по очереди занять старший великокняжеский стол. Чувствуя себя безправным, точнее, обездоленным среди родичей и не имея опоры в обычаях и преданиях старины, он должен был обеспечивать свое положение иными средствами, независимо от родословных отношений, от очереди старшинства. Благодаря тому московские князья рано вырабатывают своеобразную политику, с первых шагов начинают действовать не по обычаю, раньше и решительнее других сходят с привычной колеи княжеских отношений, ищут новых путей, не задумываясь над старинными счетами, над политическими преданиями и приличиями. Это обнаруживается как в их отношениях к другим князьям, так и в ведении ими внутренних дел своего княжества. Они являются зоркими наблюдателями того, что происходит вокруг них, внимательно высматривают, что лежит плохо, и прибираютъ это к рукам. Первые московские князья выступают смелыми хищниками. Не даром один из них Михаил Ярославич перешел в потомство с прозванием *Хоробрита*, т. е. забияки: он в 1248 г. врасплох напал на своего дядю вел. кн. Святослава и вопреки всякому праву согнал его с владимирского стола. Первый московский князь Александрова племени Даниил, по рассказу летописца, точно так же врасплох напав на своего рязанского соседа князя Константина, победил его «некоей хитростью», т. е. обманом, взял

Москва — младший удел. Значение этого для ее князей.

его в плен и отнял у него Коломну. Сын этого Даниила Юрий в 1303 г., напав на другого соседа, князя можайского, также взял его в плен, и захватил можайский удел в самых верховьях р. Москвы, потом убил отцова пленника Константина и удержал за собой Коломну: теперь вся Москва-река до самого устья стала московской. Московский князь—враг всякому великому князю, кто бы он ни был: казалось, самая почва Москвы питала в ее князьях неуважение к прежним понятиям и отношениям старшинства. Даниил долго и упорно боролся с великими князьями, собственными старшими братьями, с Димитрием переяславским, потом с Андреем городецким. Но по смерти Димитрия он сблизился с добрым и бездетным его сыном Иваном и так подружился, что Иван, умирая в 1302 г., отказал свой удел московскому своему соседу и младшему дяде помимо старших родичей. Даниил принял наследство и отстоял его от притязаний старшего брата, вел. кн. Андрея. Но враги старшинства, московские князья были гибкие и сообразительные дельцы. Как скоро изменялись обстоятельства, и они изменяли свой образ действий. Татарский разгром надолго, на весь XIII в., поверг народное хозяйство северной Руси в страшный хаос. Но с XIV в. расстроенные отношения здесь начали улаживаться, народное хозяйство стало приходить в некоторый порядок. С тех пор и московские князья, начав свое дело беззастенчивыми хищниками, продолжают его мирными хозяевами, скопидомными, домовитыми устроителями своего удела, заботятся о водворении в нем прочного порядка, заселяют его промышленными и рабочими людьми, которых перезывают к себе из чужих княжеств, толпами покупают в Орде русских пленников и на льготных условиях сажают тех и других на своих московских пустошах, строят деревни, села, слободы. С XIV в. можем

следить за ходом этого хозяйственного домостроительства московских князей по длинному ряду их духовных грамот, начинающемуся двумя завещаниями третьего московского князя из Александрова племени Ивана Калиты. Эти грамоты объясняют нам, почему к половине XV в. в северной Руси привыкли смотреть на московского князя, как на образцового хозяина, на Московское княжество, как на самый благоустроенный удел. Следы этого взгляда находим в одном памятнике половины XV в. Это сухой генеалогический перечень русских князей, начиная от Рюрика. Здесь между прочим читаем, что Всеволод Большое Гнездо родил Ярослава, Ярослав родилъ Александра Великого, Храброго, Александр Даниила, а Даниил Ивана Калиту, «иже исправи землю Русскую отъ татей». Итак северное русское общество считало Ивана Калиту правителем, умевшим очистить свою землю от воров, водворить в ней общественную безопасность. Навстречу этому взгляду идут указания съ другой стороны. В приписке на одной рукописи, писанной в Москве в конце княжения Ивана Калиты, читаем хвалу правдолюбию этого князя, давшего Русской земле «тишину велию и правый суд». Канонист А. С. Павлов приписывает тому же князю введение в действие *Земледельческого закона*, византийского земско-полицейского и уголовного устава, составленного, как предполагают, императорами-иконоборцами въ VIII веке. Если так, то можно думать, что Иван Калита особенно заботился об устройстве сельского населения в своих владениях. Так благодаря своему генеалогическому положению, чувствуя себя наиболее безправным князем среди родичей, московский удельный владетель рано выработал себе образ действий, который держался не на преданиях старины, а расчетливом соображении обстоятельств текущей минуты.

Успехи Московского княжества до половины XV в.

Таковы были первоначальные условия быстрого роста Московского княжества. Этих условий было два: географическое положение Москвы и генеалогическое положение ее князя. Первое условие сопровождалось выгодами экономическими, которые давали въ руки московскому князю обильные материальные средства, а второе условие указывало ему, как всего выгоднее пустить в оборот эти средства, помогло ему выработать своеобразную политику, основанную не на родственных чувствах и воспоминаниях, а на искусном пользовании текущей минутой. Располагая такими средствами и держась такой политики, московские князья в XIV и в первой половине XV в. умели добиться очень важных политических успеховъ. Перечислим их.

Расширение территории.

I. Пользуясь своими средствами, московские князья постепенно выводили свое княжество из первоначальных тесных его пределов. В самом начале XIV в. на севере Руси, может быть, не было удела незначительнее московского. Пределы его далеко не совпадали даже с границами нынешней Московской губернии. Из существовавших тогда городов этой губернии в состав удельной московской территории не входили Дмитров, Клин, Волоколамск, Можайск, Серпухов, Коломна, Верея. Удел князя Даниила до захвата Можайска и Коломны занимал срединное пространство этой губернии по среднему течению р. Москвы с продолжением на В по верхней Клязьме, которое клином вдавалось между дмитровскими и коломенскими, т.-е. рязанскими волостями. В этом уделе едва ли было тогда больше двух городов, Москвы и Звенигорода: Руза и Радонеж тогда были, кажется, еще простыми сельскими волостями. Из 13 нынешних уездов губернии во владениях кн. Даниила можно предполагать только четыре: Московский, Звенигородский,

Рузский и Богородский с частью Дмитровского. Даже после того как третий московский князь из племени Александра Невского Иван Калита стал великим князем, московский удел оставался очень незначительным. В первой духовной этого князя, написанной в 1327 г., перечислены все его вотчинные владения. Они состояли из пяти или семи городов с уездами. То были: Москва, Коломна, Можайск, Звенигород, Серпухов, Руза и Радонеж, если только эти две последние волости были тогда городами (Переяславль не упомянут в грамоте). В этих уездах находилась 51 сельская волость и до 40 дворцовых сел. Вот весь удел Калиты, когда он стал великим князем. Но в руках его были обильные материальные средства, которые он и пустил в выгодный оборот. Тогдашние тяжкие условия землевладения заставляли земледельцев продавать свои вотчины. Вследствие усиленного предложения земли были дешевы. Московские князья, имея свободные деньги, и начали скупать земли у частных лиц и у церковных учреждений, у митрополита, у монастырей, у других князей. Покупая села и деревни в чужих уделах, Иван Калита купил целых три удельных города с округами, Белозерск, Галич и Углич, оставив впрочем эти уделы до времени за прежними князьями на каких-либо условиях зависимости. Преемники его продолжали это мозаическое собирание земель. В каждой следующей московской духовной грамоте перечисляются новоприобретенные села и волости, о которых не упоминает предшествующая. Новые «промыслы» выплывают в этих грамотах одни за другим неожиданно, выносимые каким-то непрерывным, но скрытым приобретательным процессом, без видимого плана и большею частью без указания, как они приобретались. Димитрий Донской как-то вытягал у смольнян Медынь; но неизвестно, как приобретены до него Верея, Боровск, Серпухов, половина

Волоколамска, Кашира и до полутора десятка сел, разбросанных по великокняжеской Владимирской области и по разным чужим уделам. При Калите и его сыновьях земельные приобретения совершались путем частных полюбовных сделок, обыкновенно прикупами; но потом на подмогу этим мирным способам снова пущен был в ход насильственный захват с помощью Орды или без нее. Димитрий Донской захватил Стародуб на Клязьме и Галич с Дмитровом, выгнав тамошних князей из их вотчин. Сын его Василий «умздил» татарских князей и самого хана и за «многое злато и серебро» купил ярлык на Муром, Тарусу и целое Нижегородское княжество, князей их выживал из их владений или жаловал их же вотчинами на условии подручнической службы. С конца XIV в. в видимо безпорядочном, случайном расширении московской территории становится заметен некоторый план, может быть, сам собою сложившийся. Захватом Можайска и Коломны московский князь приобрел все течение Москвы; приобретение великокняжеской области и потом Стародубского княжества делало его хозяином всей Клязьмы. С приобретением Калуги, Мещеры при Донском, Козельска, Лихвина, Алексина, Тарусы, Мурома и Нижнего при его сыне все течение Оки от впадения Упы и Жиздры до Коломны и от Городца Мещерского до Нижнего оказалось во власти московского князя, так что Рязанское княжество очутилось с трех сторон среди волостей московских и владимирских, которые с Калиты были в московских же руках. Точно так же с приобретением Ржева, Углича и Нижегородского княжества при тех же князьях и Романова при Василии Темном, при постоянном обладании Костромой, как частью великокняжеской Владимирской области, едва-ли не большее протяжение верхней Волги принадлежало Москве; и здесь княжества Тверское и Ярославское с раз-

ных сторон были охвачены московскими владениями. Так прежде всего московский князь старался овладеть главными речными путями междуречья, внутренними и окрайными. Наконец, с приобретением княжеств Белозерского и Галицкого открылся широкий простор для московских земельных промыслов в верхнем Заволжьи. Там московский князь нашел много удобств для своего дела. Обширные и глухие лесистые пространства по Шексне с ее притоками, по притокам озер Белого и Кубенского, по верхней Сухоне в первой половине XV в. были разделены между многочисленными князьями белозерской и ярославской линии. Слабые и бедные, беднея все более от семейных разделов и татарских тягостей, иногда совместно вчетвером или впятером владея фамильным городком или даже простой сельской волостью, они не были в состоянии поддерживать державные права и владетельную обстановку удельных князей и нечувствительно спускались до уровня частных и даже некрупных землевладельцев. Чтобы привести их под свою руку, московскому князю не нужно было ни оружия, ни даже денег: они сами искали московской службы и послушно поступались своими вотчинами, которые получали от нового государя обратно в виде служебного пожалования. Так уже Василий Темный распоряжается вотчинами князей Заозерских, Кубенских, Бохтюжских, как своими примыслами.

Население Заволжья.

Успешному распространению московской территории в эту сторону много помогло одно народное движение. С усилением Москвы верхнее Поволжье стало безопаснее и с новгородской, и с татарской стороны. Это давало возможность избытку долго скоплявшегося в междуречьи населения отливать за Волгу в просторные лесные пустыни тамошнего края. Разведчиками в этом переселенческом движении явились с конца XIV в. монахи центральных монастырей,

преимущественно Троицкого Сергиева; пробираясь в костромские и вологодские дебри, они основывали по речкам Комеле, Обноре, Пелшме, Авнеге, Глушице обители, которые становились опорными пунктами крестьянских переселений: через несколько лет по этим рекам возникали одноименные волости с десятками деревень. С этими монастырями-колониями повторялось то же, что испытала их метрополия, обитель преп. Сергия: они обсаживались крестьянскими поселениями, искажавшими их любимую дремучую пустыню. При совместном с новгородцами владении Вологдой и как правитель Костромской области по своему великокняжескому званию, московский князь был в праве считать своими эти волости, заселявшиеся выходцами из московских владений.

Способы расширения Московского княжества.

Так можно различить пять главных способов, которыми пользовались московские князья для расширения своего княжества: это были скупка, захват вооруженный, захват дипломатический с помощью Орды, служебный договор с удельным князем и расселение из московских владений за Волгу. По духовной Василия Темного, составленной около 1462 года, можно видеть плоды полуторавековых скопидомных усилий московских князей по собиранию чужих земель. В этой духовной великое княжение Владимирское впервые смешано с Московским княжеством, со старинными вотчинными владениями и новыми примыслами в одну безразличную владельческую массу. На всем пространстве окско-волжского междуречья не московскими оставались только части Тверского и Ярославского княжеств да половина Ростова, другая половина которого была куплена Василием Темным. Но московские владение выходили за пределы междуречья на юг вверх по Оке и Цне, а на северо-востоке углублялись в Вятскую землю и доходили до Устюга, который в конце XIV в. уже принадлежал Москве. Владения кн. Даниила далеко не заклю-

чали в себе и 500 кв. миль, так как во всей Московской губернии не более 590 кв. м. Если по духовной Василия Темного очертите пределы московских владений, вы увидите, что в них можно считать по меньшей мере 15000 кв. м. Таковы были территориальные успехи, достигнутые московскими князьями к половине XV в. Благодаря этим успехам к концу княжения Темного Московское княжество размерами своими превосходило любое из великих княжеств, тогда еще существовавших на Руси.

Приобретение великокняжеского стола.

II. Пользуясь своими средствами и рассчетливой фамильной политикой, московские князья в XIV в. постепенно сами выступали из положения безправных удельных князей. Младшие, но богатые, эти князья предприняли смелую борьбу со старшими родичами за великокняжеский стол. Главными их соперниками были князья тверские, старшие их родичи. Действуя во имя силы, а не права, московские князья долго не имели успеха. Князь Юрий московский оспаривал великое княжение у своего двоюродного дяди Михаила тверского и погубил в Орде своего соперника, но потом сам сложил там свою голову, убитый сыном Михаила. Однако окончательное торжество осталось за Москвою, потому что средства боровшихся сторон были неравны. На стороне тверских князей были право старшинства и личные доблести, средства юридические и нравственные; на стороне московских были деньги и уменье пользоваться обстоятельствами, средства материальные и практические, а тогда Русь переживала время, когда последние средства были действительнее первых. Князья тверские никак не могли понять истинного положения дел и в начале XIV в. все еще считали возможной борьбу с татарами. Другой сын Михаила тверского Александр призывал свою братию, русских князей «друг за друга и брат за брата стоять, а татарам не выдавать и всем вместе про-

тивиться им, оборонять Русскую землю и всех православных христиан». Так отвечал он на увещание русских князей покориться татарам, когда изгнанником укрывался в Пскове после того, как в 1327 г., не вытерпев татарских насилий, он со всем городом Тверью поднялся на татар и истребил находившееся тогда в Твери татарское посольство. Московские князья иначе смотрели на положение дел. Они пока вовсе не думали о борьбе с татарами; видя, что на Орду гораздо выгоднее действовать «смиренной мудростью», т.-е. угодничеством и деньгами, чем оружием, они усердно ухаживали за ханом и сделали его орудием своих замыслов. Никто из князей чаще Калиты не ездил на поклон к хану, и там он был всегда желанным гостем, потому что приезжал туда не с пустыми руками. В Орде привыкли уже думать, что когда приедет московский князь, будет «многое злато и сребро» и у великого хана-царя, и у его ханш и у всех именитых мурз Золотой Орды. Благодаря тому московский князь, по генеалогии младший среди своей братии, добился старшего великокняжеского стола. Хан поручил Калите наказать тверского князя за восстание. Тот исправно исполнил поручение: под его предводительством татары разорили Тверское княжество «и просто рещи, добавляет летопись, всю землю Русскую положиша пусту», не тронув, конечно, Москвы. В награду за это Калита в 1328 г. получил великокняжеский стол, который с тех пор уже не выходил из-под московского князя.

Следствие этого успеха.

III. Приобретение великокняжеского стола московским князем сопровождалось двумя важными последствиями для Руси, из коих одно можно назвать нравственным, другое политическим. Нравственное состояло в том, что московский удельный владелец, став великим князем, первый начал выводить русское население из того уныния и оцепенения,

в какое повергли его внешние несчастия. Образцовый устроитель своего удела, умевший водворить в нем общественную безопасность и тишину, московский князь, получив звание великого, дал почувствовать выгоды своей политики и другим частям северо-восточной Руси. Этим он подготовил себе широкую популярность, т.-е. почву для дальнейших успехов. Летописец отмечает, что с тех пор, как московский князь получил от хана великокняжеское звание, северная Русь начала отдыхать от постоянных татарских погромов, какие она терпела. Рассказывая о возвращении Калиты от хана в 1328 г. с пожалованием, летописец прибавляет: «бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на сорок лет и престаша татарове воевати землю Русскую». Это, очевидно, заметка наблюдателя, жившего во второй половине XIV в. Оглянувшись назад за сорок лет, этот наблюдатель отметил, как почувствовалось в эти десятилетия господство Москвы в северной России: время с 1328 по 1368 г., когда впервые напал на северо-восточную Русь Ольгерд литовский, считалось порою отдыха для населения этой Руси, которое за то благодарило Москву. В эти спокойные годы успели народиться и вырости целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татарином: они и вышли на Куликово поле.

Приостановка татарских нашествий.

Политическое следствие приобретения московским князем великого княжения состояло в том, что московский князь, став великим, первый начал выводить северную Русь из состояния политического раздробления, в какое привел ее удельный порядок. До тех пор удельные князья, несмотря на свое родство, оставались чуждыми друг другу, обособленными владетелями. При старших сыновьях Александра Невского, великих князьях Димитрии и Андрее, составлялись союзы удельных князей против того и другого брата.

Московский союз князей.

собирались княжеские съезды для решения спорных дел. Но это были случайные и минутные попытки восстановить родственное и владельческое единение. Направленные против старшего князя, который по идее, как названный отец, должен был объединять младших, эти союзы не поддерживали, а скорее ослабляли родственную связь Всеволодовичей. Вокруг Москвы со времени великокняжения Калиты образуется княжеский союз на более прочных основаниях, руководимый самим московским князем. Сначала этот союз был финансовый и подневольный. Татары по завоевании Руси на первых порах сами собирали наложенную ими на Русь дань, ордынский *выход*, для чего в первые 35 лет ига три раза производили через присылаемых из Орды *численников* поголовную, за исключением духовенства, перепись народа, *число*; но потом ханы стали поручать сбор выхода великому князю владимирскому. Такое поручение собирать ордынскую дань со многих, если только не со всех князей и доставлять ее в Орду получил и Иван Данилович, когда стал великим князем владимирским. Это полномочие послужило в руках великого князя могучим орудием политического объединения удельной Руси. Не охотник и не мастер бить свою братию мечом, московский князь получил возможность бить ее рублем. Этот союз, сначала только финансовый, потом стал на более широкое основание, получив еще политическое значение. Простой ответственный приказчик хана по сбору и доставке дани московский князь сделан был потом полномочным руководителем и судьею русских князей. Летописец рассказывает, что когда дети Калиты по смерти отца в 1341 г. явились к хану Узбеку, тот встретил их с честью и любовью, потому что очень любил и чтил их отца, и обещал никому мимо них не отдавать великого княжения. Старшему сыну Семену, назначенному

великим князем, даны были «под руки» все князья русские. Летописец прибавляет, что Семен был у хана в великом почете, и все князья русские, и рязанские, и ростовские, и даже тверские, столь подручны ему были, что все по его слову творили. Семен умел пользоваться выгодами своего положения и давал чувствовать их другим князьям, как показывает усвоенное ему прозвание *Гордого*. По смерти Семена в 1353 г. его брат и преемник Иван получил от хана вместе с великокняжеским званием и судебную власть над всеми князьями северной Руси: хан велел им во всем слушаться великого князя Ивана и у него судиться, а в обидах жаловаться на него хану. В княжение Иванова сына Димитрия этот княжеский союз с Москвою во главе, готовый превратиться в гегемонию Москвы над русскими князьями, еще более расширился и укрепился, получив национальное значение. Когда при Димитрии возобновилась борьба Москвы с Тверью, тверской князь Михаил Александрович искал себе опоры в Литве и даже в Орде, чем погубил популярность, какой дотоле пользовались тверские князья в населении северной Руси. Когда в 1375 г. московский князь шел на Тверь, к его полкам присоединилось 19 князей. Многие из них, например, князья ростовские, белозерский, стародубский, все потомки Всеволода III, были давнишними или недавнишними подручниками московского князя; но некоторые из них добровольно примкнули к нему из патриотического побуждения. Таковы были князья черниговской линии Святославичей брянский, новосильский, оболенский. Они сердились на тверского князя за то, что он неоднократно наводил на Русь Литву, столько зла наделавшую православным христианам, и соединился даже с поганым Мамаем. Наконец почти вся северная Русь под руководством Москвы стала против Орды на Куликовом поле и под

московскими знаменами одержала первую народную победу над агарянством. Это сообщило московскому князю значение *национального вождя* северной Руси в борьбе с внешними врагами. Так Орда стала слепым орудием, помощью которого создавалась политическая и народная сила, направившаяся против нее же.

Перенесение митрополичьей кафедры в Москву.

IV. Самым важным успехом московского князя было то, что он приобрел своему стольному городу значение церковной столицы Руси. И в этом приобретении ему помогло географическое положение города Москвы. Татарским разгромом окончательно опустошена была старинная Киевская Русь, пустовавшая с половины XII в. Вслед за населением на север ушел и высший иерарх русской Церкви, киевский митрополит. Летописец рассказывает, что в 1299 г. митрополит Максим, не стерпев насилия татарского, собрался со всем своим клиросом и уехал из Киева во Владимир на Клязьму; тогда же и весь Киев город разбежался, добавляет летопись. Но остатки южно-русской паствы в то тяжелое время не менее, даже более прежнего нуждались в заботах высшего пастыря русской Церкви. Митрополит из Владимира должен был время от времени посещать южнорусские епархии. В эти поездки он останавливался на перепутьи в городе Москве. Так, странствуя по Руси, проходя места и города, по выражению жития, часто бывал и подолгу живал в Москве преемник Максима митрополит Петр. Благодаря тому у него завязалась тесная дружба с князем Иваном Калитой, который правил Москвой еще при жизни старшего брата Юрия во время его частых отлучек. Оба они вместе заложили каменный соборный храм Успения в Москве. Может быть, святитель и не думал о перенесении митрополичьей кафедры с Клязьмы на берега Москвы. Город Москва принадлежал ко Владимирской епархии, архиереем

которой был тот же митрополит со времени переселения на Клязьму. Бывая в Москве, митрополит Петр гостил у местного князя, жил в своем епархиальном городе, на старинном дворе кн. Юрия Долгорукого, откуда потом перешел на то место, где вскоре был заложен Успенский собор. Случилось так, что в этом городе владыку и застигла смерть (в 1326 г.). Но эта случайность стала заветом для дальнейших митрополитов. Преемник Петра Феогност уже не хотел жить во Владимире, поселился на новом митрополичьем подворье в Москве, у чудотворцева гроба в новопостроенном Успенском соборе. Так Москва стала церковной столицей Руси задолго прежде, чем сделалась столицей политической. Нити церковной жизни, далеко расходившиеся от митрополичьей кафедры по Русской земле, притягивали теперь ее части к Москве, а богатые материальные средства, которыми располагала тогда русская Церковь, стали стекаться в Москву, содействуя ее обогащению. Еще важнее было нравственное впечатление, произведенное этим перемещением митрополичьей кафедры на население северной Руси. Здесь с большим доверием стали относиться к московскому князю, полагая, что все его действия совершаются с благословения верховного святителя русской Церкви. След этого впечатления заметен в рассказе летописца. Повествуя о перенесении кафедры из Владимира в Москву, этот летописец замечает: «иным же князем многим немного сладостно бе, еже град Москва митрополита имяше в себе живуща». Еще ярче выступает это нравственно-церковное впечатление в памятниках позднейшего времени. Митрополит Петр умер страдальцем за русскую землю, путешествовал в Орду ходатайствовать за свою паству, много труда понес в своих заботах о пасомых. Церковь русская причислила его к сонму святых предстателей Русской земли, и русские люди кля-

Значение этой перемены.

лись его именем уже в XIV в. Жизнь этого святителя описана его другом и современником, ростовским епископом Прохором. Этот биограф кратко и просто рассказывает о том, как скончался в Москве св. Петр в отсутствие кн. Ивана Калиты. В конце XIV или в начале XV в. один из преемников св. Петра серб Киприан написал более витиеватое жизнеописание святителя. Здесь встречаем уже другое описание его кончины: св. Петр умирает в присутствии Ивана Калиты, увещевает князя достроить основанный ими обоими соборный храм Успения Божией Матери и при этом святитель изрекает князю такое пророчество: «если, сын, меня послушаешь и храм Богородицы воздвигнешь и меня упокоишь в своем городе, то и сам прославишься более других князей, и прославятся сыны и внуки твои, и город этот славен будет среди всех городов русских, и святители станут жить в нем, и взойдут руки его на плеча врагов его, да и кости мои в нем положены будут». Очевидно, Киприан заимствовал эту подробность, неизвестную Прохору, из народного сказания, успевшего сложиться под влиянием событий XIV в. Русское церковное общество стало сочувственно относиться к князю, действовавшему об руку с высшим пастырем русской Церкви. Это сочувствие церковного общества, может быть, всего более помогло московскому князю укрепить за собою национальное и нравственное значение в северной Руси.

Рассказы о. Пафнутия.

Следы этого сочувствия находим и в другом несколько позднейшем памятнике. Около половины XV в. начал подвизаться в основанном им монастыре инок Пафнутий Боровский, один из самых своеобразных и крепких характеров, какие известны в древней Руси. Он любил рассказывать ученикам, что видел и слышал на своем веку. Эти рассказы, записанные слушателями, дошли до нас. Между прочим преп.

Пафнутий рассказывал, как в 1427 г. был мор великий на Руси, мерли «болячкой-прыщем»; может быть, это была чума. Обмирала тогда одна инокиня и очнувшись рассказывала, кого видела в раю и кого в аду, и о ком что рассказывала, рассудив по ихъ жизни, находили, что это правда. Видела она в раю вел. князя Ивана Даниловича Калиту: так он прозван был, добавлял повествователь, за свое нищелюбие, потому что всегда носил за поясом мешок с деньгами (калиту), из которого подавал нищим, сколько рука захватит. Может быть ироническому прозвищу, какое современники дали князю-скопидому, позднейшие поколения стали усвоять уже нравственное толкование. Подходит раз ко князю нищий и получает от него милостыню, подходит в другой раз, князь дает ему другую милостыню: нищий не унялся и подошел в третий раз; тогда и князь не стерпел и, подавая ему третью милостыню, с сердцем сказал: «на, возьми, несытые зенки!»—«Сам ты несытые зенки, возразил нищий: и здесь царствуешь, и на том свете царствовать хочешь». Это — тонкая хвала в грубой форме: нищий хотел сказать, что князь милостыней нищелюбием старается заработать себе царство небесное. Из этого ясно стало, продолжал рассказчик, что нищий послан был от Бога искусить князя и возвестить ему, что «по Бозе бяше дело его, еже творит». Видела еще инокиня в аду литовского короля Витовта в образе большого человека, которому страшный черный мурин (бес) клал в рот клещами раскаленные червонцы, приговаривая: «наедайся же, окаянный!» Добродушный юмор, которым проникнуты эти рассказы, не позволяет сомневаться в их народном происхождении. Не смущайтесь хронологией рассказа, не останавливайтесь на том, что в 1427 г. инокиня даже въ аду не могла повстречать Витовта, который умер в 1430 г. У народной памяти

своя хронология и прагматика, своя концепция исторических явлений. Народное сказание, забывая хронологию, противопоставляло литовского короля, врага Руси и православия, Ивану Даниловичу Калите, другу меньшой, нищей братии, правнук которого Василий Димитриевич сдержал напор этого грозного короля на православную Русь. Народная мысль живо восприняла эту близость обеих властей, княжеской и церковной, и внесла участие чувства в легендарную разработку образов их носителей, Калиты и московского первосвятителя. В тех же повестях о. Пафнутия есть коротенький, но выразительный рассказец. Раз Калита видел во сне гору высокую, покрытую снегом; снег растаял, а потом и гора скрылась. Калита спросил св. Петра о значении сна.—«Гора, отвечал святитель, это—ты, князь, а снег на горе — я, старик: я умру раньше твоего». Церковный колорит, которым окрашены приведенные рассказы, указывает на участие духовенства в их создании. Очевидно, политические успехи московского князя освящались в народном представлении содействием и благословением высшей церковной власти на Руси. Благодаря тому эти успехи, достигнутые не всегда чистыми средствами, стали прочным достоянием московского князя.

Выводы. Соединяя все изложенные факты, мы можем представить себе отношение, какое в продолжение XVI в. установилось среди северного русского населения к московскому княжеству и его князю: под влиянием событий XIV в. в этом населении на их установился троякий взгляд. 1) На старшего великого князя московского привыкли смотреть, как на образцового правителя-хозяина, установителя земской тишины и гражданского порядка, — а на Московское княжество, как на исходный пункт нового строя земских отношений, первым плодом которого

и было установление большей внутренней тишины и внешней безопасности. 2) На старшего московского князя привыкли смотреть, как на народного вождя Руси в борьбе с внешними врагами, а на Москву, как на виновницу первых народных успехов над неверной Литвой и погаными «сыроядцами» агарянами. 3) Наконец, в московском князе северная Русь привыкла видеть старшего сына русской Церкви, ближайшего друга и сотрудника главного русского иерарха, а Москву считать городом, на котором покоится особенное благословение величайшего святителя Русской земли и с которым связаны религиозно-нравственные интересы всего православного русского народа. Такое значение приобрел к половине XV в. удельный москворецкий князек, который полтораста лет назад выступал мелким хищником, из-за угла подстерегавшим своих соседей.

Лекция XXII.

Взаимные отношения московских князей.—Порядок наследования.—Видимое юридическое безразличие движимого имущества и удельных владений.—Отношение московского княжеского порядка наследования к юридическому обычаю древней Руси. — Отношение московских князей по родству и владению. — Усиление старшего наследника.—Формы подчинения ему младших удельных князей.—Влияние татарского ига на княжеские отношения.—Установление преемства московской великокняжеской власти в прямой нисходящей линии.—Встреча фамильных стремлений московских князей с народными нуждами Великороссии.—Значение московской усобицы при Василии Темномъ.—Характер московских князей.

Взаимные отношения Московских князей.

Начав изучать историю Московского княжества в XIV и в первой половине XV в., мы проследили территориальные приобретения и рост политического и национального значения его князей. Но это был лишь один из процессов, создавших силу Москвы,—процесс, которым обозначились *внешние* успехи московских князей, распространение их владений и их влияния за первоначальные пределы их вотчины. Но территориальный и национальный рост Московского княжества сопровождался еще политическим подъемом одного из его князей,—того, который носил звание великого и был признаваем старшим в московской княжеской семье. В то время, когда Московское княжество вбирало в себя разъединенные части Русской земли, этот фактически или фиктивно старший князь собирал в своих руках раздроб-

ленные элементы верховной власти, и как первый процесс превратил Московское княжество в национальное Русское государство, так результатом второго было превращение московского великаго князя, только старшего по званию из удельных, в единственного, т.-е. единодержавного русского государя. В то время, когда Москва поднималась, поглащая другие русские княжества, ее великий князь возвышался, подчиняя себе свою ближайшую братию— удельных московских князей. Это подчинение становилось возможно потому, что внешние успехи, достигнутые Московским княжеством, наибольшей долей своей доставались великому князю, который со своим московским уделом соединял обладание и Владимирской великокняжескою областью. Этот второй процесс, которым обозначились *внутренние* политические успехи Московского княжества, нам и предстоит изучить. Чтобы лучше понять его, надо еще раз представить себе порядок княжеского владения, действовавший в Московском, как и в других княжествах.

Следя за возвышением Москвы, мы видим на первом плане деятельность московского великого князя; но московский великий князь был не единственным, а только старшим из московских князей. Вотчина московских Даниловичей не была цельной владельческой единицей: подобно вотчинам других княжеских линий она представляла группу независимых удельных княжеств. В то время, когда начиналась объединительная роль Москвы, в семье ее князей еще вполне действовали старые удельные отношения. Но по мере того, как расширялись владения и внешнее значение Москвы, изменялись и внутренние отношения между московским великим князем и его младшими удельными родичами и изменялись в пользу первого. Чтобы изучить ход этого изменения, мы рассмотрим сначала порядок наследования, дей-

ствовавший в семье московских князей до половины XV в., и потом взаимные отношения князей-сонаследников по владению.

Порядок наследования.

Порядок наследования, действовавший в линии московских князей XIV и XV вв., открывается из длиннаго ряда дошедших до нас их духовных грамот. Начиная с Калиты и кончая Иваном III, почти каждый московский князь оставлял после себя духовную; от некоторых осталось даже по две и по три духовных, так что за изучаемое время их сохранилось всего до 16. Это довольно обильный материал для изучения московского порядка наследования. Самое появление этих грамот уже достаточно его характеризует. Как вам известно, есть два порядка наследования, по закону или обычаю и по завещанию. Первый состоит из правил, устанавливающих однообразный и обязательный переход имуществ независимо от усмотрения наследодателя, хотя бы и не вопреки его воле. Если у московских князей наследование всякий раз определялось завещанием, значит, не существовало таких обязательных обычных правил или устанавливались новые правила, несогласные с обычаем. Итак воля завещателя — вот юридическое основание порядка наследования, действовавшего в московском княжеском доме, как и в других линиях Всеволодова племени. Это основание вполне отвечало юридической сущности удельного владения, которая заключалась в понятии о княжестве, как личной собственности князя-владельца. Если князь — личный собственник владеемого им удела, то и преемство владения могло определяться только личной волей владельца. Такой порядок простирался лишь на вотчину и примыслы московских князей, делившиеся на уделы, но не на Владимирскую великокняжескую волость, которая по старому обычаю доставалась старшему князю, а старшим теперь был тот, кого признавал таким хан. Наследниками по московским духов-

ным грамотам являются прежде всего сыновья завещателя, за отсутствием сыновей его братья, наконец жена, одна или с дочерьми, даже при сыновьях и братьях. Вел. князь Иван Калита разделил свою вотчину на четыре части, из которых три отдал трем своим сыновьям, а четвертую второй своей жене с дочерьми; из них одна и по смерти матери продолжала владеть долей завещанного им совместного удела. Сын Калиты великий князь Семен, умирая бездетным, завещал весь свой удел жене помимо братьев. Княгини вдовы постоянно по завещанию участвуют в наследстве, хотя неодинаково с прямыми наследниками. Они получают от князей-завещателей, мужей своих, владения двоякого рода: 1) *опричнины*, т.-е. владения, принадлежавшие им вполне, и 2) *прожитки*, которыми они пользовались лишь «до своего живота», пожизненно. Это постоянное участие княгинь вдов в наследстве в силу завещания составляло вторую черту юридического характера удельного княжеского владения, как частной собственности владельца. Еще яснее вскрывается этот частно-правовой характер удельного княжества в завещательном распорядке его частей между наследниками. Вотчина завещателя не делилась по завещанию на сплошные пространства, в разделе господствовала чрезвычайная чересполосность. Причиною этого был самый способ раздела. Московское княжество состояло из нескольких пластов или разрядов владений, различавшихся между собою по своему хозяйственному значению или историческому происхождению. Эти разряды великий князь Димитрий Донской в своей духовной перечисляет в таком порядке: город Москва, дворцовые села подмосковные, дворцовые села в чужих не московских уделах и в великокняжеской области Владимирской, затем остальные владения, города и сельские волости, при том сначала владения московские старинные и, наконец,

позднейшие внемосковские приобретения. Каждый наследник получал особую долю в каждом из этих разрядов московских владений, точно так же как он получал особую долю в каждом разряде движимого имущества завещателя. Как всякому сыну отец-завещатель назначал из своей домашней рухляди особую шапку, шубу и кафтан с кушаком. так каждый наследник получал особый жеребий в городе Москве и в подмосковных дворцовых селах, особую долю в старинных московских владениях и в новых примыслах. Отсюда и происходила чересполосица княжеского владения. Безразличие в разделе движимого имущества, домашней рухляди и вотчинных владений составляет третью черту в юридическом характере, с каким является удельное владение в московских духовных. Князь завещатель делил так чересполосно свою вотчину, очевидно, по хозяйственным, а не по государственным соображениям, по рассчету своих семейных, а не общественных интересов. Он смотрел на свои владения только как на различные статьи своего хозяйства, а не как на целое общество, управляемое им во имя общего блага. Даже по своей форме духовные грамоты московских князей совершенно походили на завещания частных лиц того времени. Раскроем, например, первую духовную грамоту второго московского великого князя Ивана Калиты, составленную около 1327 г., когда он собирался ехать в Орду. Грамота эта начинается такими словами:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, се аз грешный, худый раб Божий Иван пишу душевную грамоту, идя в Орду, никим не нужен (никем не принуждаемый), целым своим умом, в своем здоровьи. Аже Бог что разгадает о моем животе, даю ряд сыном своим и княгине своей. Приказываю сынем своим отчину свою Москву, я се есмь им раздел учинил (т.-е. город Москву я отдаю всем сы-

новьям вместе, а сверх того вот что даю им каждому в отдельности)». Затем перечисляются города, села и волости, составлявшие удел каждого сына. Как завещания частных лиц совершались при свидетелях и скреплялись церковной властью, так и духовные грамоты московских великих князей писались при «послухах», которыми обыкновенно были их бояре, и подписывались московским митрополитом. Итак основными чертами господствовавшего среди московских князей порядка наследования были: личная воля завещателя, как единственное основание этого порядка, участие в разделе наследства всех членов семьи князя-завещателя, не исключая жены и дочерей, и видимое юридическое безразличие движимого и недвижимого имущества, домашней рухляди и территориальных владений.

Движимое и вотчина в завещаниях.

Из всех этих черт вас может смутить преимущественно это безразличие, как признак грубости общественного сознания. Но необходимо осторожно всматриваться в изучаемые старинные документы, чтобы не ошибиться в понимании людей, их составлявших. И Калита, конечно, понимал, что владеть Москвой с ее населением далеко не то же, что владеть своим сундуком с его содержимым. Понимание этого так просто само по себе, что трудно отказать в нем комулибо, даже людям XIV в. Калита различал в своем лице владельца и властелина, собственника и правителя. Он считал своей личной собственностью землю под городом Москвой с ее угодьями, право возводить на этой земле постройки, промышлять и торговать или за все это брать пошлины. Всем этим он и распоряжается в своих духовных наравне с платьем и посудой. Но он еще судил и наказывал обывателей Москвы за преступления и проступки, разбирал их иски, издавал обязательные для них распоряжения с целью поддержания общественного порядка, облагал их сборами

на общественные нужды, например, данью для уплаты ордынского выхода. Все он считал не своей собственностью, а делом властелина, от Бога поставленного «люди своя уймати от лихого обычая», как писал потом пр. Кирилл Белозерский одному из удельных московских князей. Потому Калита ничего и не говорит об этих державных правах в своих духовных: эти грамоты—частные завещательные распоряжения, а не земские уставы. И великого княжения Владимирского, где московские князья были только правителями, они не вносили в свои духовные, пока с Димитрия Донского не стали присвоять его себе на вотчинном праве. Наследовались по завещанию вещи, хозяйства, а не лица и не общества, как политические союзы, которые и тогда отличались от хозяйственных статей. И все-таки московского князя по рассматриваемым духовным грамотам нельзя признать государем в настоящем политическом смысле слова по двум причинам: пространство Московского княжества считалось вотчиной его князей, а не государственной территорией; державные права их, составляющие содержание верховной власти, дробились и отчуждались вместе с вотчиной, наравне с хозяйственными статьями. У этих князей нельзя отвергать присутствие государственных понятий, но понятий, еще не успевших получить форм и средств действия, которые соответствовали бы их природе. Итак указанное безразличие движимого и недвижимого имущества в завещаниях московских князей характеризует не столько их общественное сознание, сколько их владельческие привычки, еще не освободившиеся от удельного смешения владения с управлением.

Княжеское наследование и обычай.

Если в московском князе XIV—XV в., даже великом князе, было так много частного владельца, закрывавшего в нем собою государя, то можно спросить: как относился

устанавливаемый в московских княжеских завещаниях порядок наследования к юридическому обычаю, действовавшему в частном общежитии древней Руси, в ее гражданском обороте? Об этом всего удобнее было бы судить по случаям законного наследования; но такого случая с достаточно выясненными обстоятельствами не встречаем в московском княжеском доме изучаемого времени. В духовных грамотах видим и сходства, и отступления от этого обычая. Княгини сверх назначаемой им мужьями-завещателями опричнины получают еще в пожизненное владение доли из уделов своих сыновей вполне согласно с Русской Правдой, по которой вдове «у своих детей взяти часть», подразумевается, «до живота», а что ей дал муж, тому она «госпожа», т.-е. полная собственница. Точно так же не встречаем в московских духовных случая участия в наследстве братьев при детях, как вообще не было обычно в древней Руси призывать боковых наследников, когда есть прямые. Но в тех же духовных жены и дочери являются наследницами, притом иногда на праве полной собственности, при сыновьях и братьях вопреки древнерусскому обычаю. Значит, наследование по завещанию у московских князей не вполне совпадало с наследованием по закону. Это разногласие можно объяснить семейными соображениями, подобными тем, какие побуждали московских князей вопреки удельному началу строгой раздельности владения завещать город Москву не одному, именно старшему, а всем сыновьям, однако, с разделением на отдельные участки. При общем стремлении удельных князей к обособлению и взаимному отчуждению отцы хотели, чтобы сыновья чаще встречались в общем фамильном гнезде, у могил родителей, и не забывали, что они дети одного отца и одной матери.

Отношение князей по родству и владению.

Теперь посмотрим, какие *отношения* устанавливались между князьями-сонаследниками, когда закрывал глаза их отец-завещатель и они вступали во владение доставшимися им участками отцовой вотчины. Эти отношения можно изучить по договорным грамотам московских князей, которых также дошло до нас несколько десятков от XIV и XV вв. По этим грамотам каждый князь-сонаследник является полным хозяином доставшегося ему удела; он владеет им вполне независимо, как владел своей отчиной его отец. Формулой этой независимости можно признать слова великого князя Димитрия Донского в договорной его грамоте 1388 г. с двоюродным братом, удельным князем серпуховским Владимиром Андреевичем: «тобе знати своя отчина, а мне знати своя отчина». На основании этой формулы и определяются взаимные отношения князей-сонаследников по владению. Каждый князь обязывался не вмешиваться в удельные дела другого, не мог без разрешения владельца приобретать земли в чужом уделе, не мог даже без позволения местного владельца проехать через его владения «на свою утеху», т. е. на охоту. Но при изложенном порядке раздела княжеских вотчин между наследниками и при частных способах приобретения земель князьями обыкновенно бывало так, что один князь владел селами и деревнями в деле другого. У таких владений являлось два владельца, как бы сказать, территориальный и личный. Положение таких сел определялось условием договорных грамот, которое имело характер обычного правила: «судом и данью тянуть по земле и по воде», т.-е., такие села были подсудны и платили дань, прямой поземельный налог, местному территориальному владельцу, в уделе которого они находились, а не своему князю-собственнику, который довольствовался получением с них частного владельческого

оброка. Впрочем и это правило допускало исключение: иногда села князя, находившиеся в чужом уделе, только данью тянули к местному территориальному владельцу, а по суду зависели от своего князя-собственника. Итак каждый удельный князь был независимым владельцем своего удела.

Но легко понять, что удельные князья известной княжеской линии не могли стать вполне чуждыми друг другу владельцами потому уже, что были близкие родственники друг другу. Обыкновенно это были родные или двоюродные братья либо дяди с племянниками. Родственная близость устанавливала между князьями известные невольные связи. Подчиняясь этой близости, они в договорных грамотах обыкновенно обязывались «быть всем за один до живота». Согласно с заветом отца, приказывавшего старшему сыну молодшую его братию, чтобы он в Бозе был ей «печальник», попечитель, младшие удельные князья обязывались чтить старшего вместо отца, старший обязывался держать младших братьев в братстве без обиды и заботиться о детях их, если они осиротеют. При торжестве семейных отношений над родовыми между удельными князьями особенно важное значение в княжеской семье получала вдова-мать. Завещатели приказывали детям слушаться во всем своей матери, ни в чем не выступать из ее воли, чтить ее вместо отца. Но легко видеть, что все это родственные, а не владельческие отношения, скорее нравственные заветы или благодушные обещания, чем действительные политическия обязательства. Родство завязывало и владельческия отношения: пожизненные владения вдовы по смерти ее делились между ее сыновьями или внуками, свекрови обыкновенно завещали свои опричнины снохам, матери сыновьям и т. п. Но это были частные гражданские и не всегда обязательные отношения. Существовали ли какие-либо обязательные

отношения по владению с характером политических связей? По договорным грамотам московских князей XIV и первой половины XV в. старший великий князь в силу только своего старшинства не имел постоянного обязательного, т.-е. политического авторитета для младших своих родичей, не наделял, не судил их, как прежде, если это не были его дети. При том тогда не существовало уже на Руси и единого великого князя. С развитием удельного порядка владения разделилось и великокняжеское достоинство. Князья, владетели тогдашней северной Руси, принадлежали к различным княжеским линиям, большая часть которых шла от Всеволода III суздальского. Каждая обособившаяся княжеская линия заводила своего великого князя: у князей тверских был свой великий князь, свой у ростовских, ярославских, рязанских и в других линиях. Правда, первым из этих великих князей, старейших из старших, можно было считать великого князя московского, потому что с Ивана Калиты он владел непрерывно и великокняжеской Владимирской областью, которая в XIII в. была общим достоянием Всеволодова племени и которою по очереди владели старшие из Всеволодовичей. Но в XIV в. под влиянием начал, на которых был построен удельный порядок владения, и Владимирское великое княжество утратило свой прежний родовой характер. В духовной своей 1389 г. великий князь Димитрий Донской благословил своего старшего сына этим княжением, как своею отчиной, а внук его Василий Темный включил Владимирскую область в состав своей наследственной московской вотчины. Так исчез последний остаток прежнего нераздельного княжеского владения. Постоянных политических связей по владению между князьями старшими и младшими в каждой линии, как и между князьями разных линий, не существовало, судя по договорным московским грамотам;

завязывались лишь связи временные, семейные, как пожизненное обезпечение матери и т. п. Димитрий Донской в своей духовной впервые установил некоторую солидарность по владению между своими сыновьями, но случайного характера, стеснив право бездетного сына распоряжаться своим уделом на случай смерти: выморочный удел делится между остальными братьями умершего по усмотрению княгини-матери; только удел старшего брата, великого князя, в таком случае безраздельно переходит к следующему брату, а удел последнего мать делит между наличными сыновьями. Такие же временные и случайные связи возникли из потребностей внешней обороны и из отношений к Орде. В интересах внешней безопасности князья-родственники, обыкновенно ближайшие, составляли наступательный и оборонительный союз друг с другом. В договорных грамотах младшие удельные князья говорили своему старшему «быти тебе с нами, а нам с тобою». Великий князь обязывался не заключать договор без ведома младших и наоборот. Великий князь и младшие его родичи обязывались иметь общих друзей и общих врагов. Старший говорил в грамоте младшим: «сяду я на коня (пойду в поход), и вам садиться на коней; когда я сам не пойду, а вас пошлю, вам идти без ослушания». Но это были временные соглашения, какие заключаются между независимыми владельцами по международному праву. Потому условия эти изменялись с каждым поколением князей, даже с каждой переменой в наличном составе княжеского союза или просто с изменением обстоятельств. Благодаря этой изменчивости княжеских отношений до нас и дошло такое множество договорных грамот. Великий князь Василий Темный только с двоюродными братьями своими, удельными князьями можайскими Иваном и Михаилом Андреевичами, заключил в продолжение своего княжения

17 договоров; еще более договоров пришлось заключить тому же великому князю со своим дядей Юрием галицким и его сыновьями Василием Косым и Димитрием Красным. Другой ряд владельческих отношений между князьями завязывался под влиянием их зависимости от Орды. Ордынский хан, как я уже говорил, сначала собирал дань с Русской земли посредством своих агентов, потом нашел более удобным поручать сбор этой дани великим князьям русским. Каждый великий князь собирал татарскую контрибуцию, *выход*, с удельных князей своей линии и доставлял ее в Орду; Калите поручено было собирать дань даже с князей других линий. Этим преимуществом, которое давало великим князьям возможность держать в зависимости князей удельных, первые очень дорожили и старались не допускать младших родичей до непосредственных сношений с Ордой. Это стремление выражалось в договорных княжеских грамотах словами великого князя, обращенных к удельным: «мне знать Орду, а тобе Орды не знать». Финансовая зависимость удельных князей от великого современем могла превратиться в зависимость политическую. Но князья очень хорошо помнили, что эта связь навязана им извне, и твердо стояли на той мысли, что она должна исчезнуть с исчезновением этой сторонней силы. Вот почему в упомянутом договоре Димитрия Донского с серпуховским удельным князем мы встречаем условие: «оже ны Бог избавит, ослободит от Орды, ино мне два жеребья дани, а тобе треть», т.-е великий князь будет удерживать свои две трети Ордынской дани в своих руках, а удельный свою треть в своих. Значит московские князья предполагали, что как скоро спадет татарское иго, должна исчезнуть и финансовая зависимость удельных князей от великого. Таким образом, рассматривая договорные грамоты XIV и XV вв., мы не па-

ходим никакой постоянной политической связи, которая подчиняла бы удельных князей великому. При таких отношениях каким же способом могла завязаться политическая зависимость удельных князей от великого? Вот вопрос, разрешением которого вскрывается процесс образования верховной государственной власти в Московском княжестве.

Договорные грамоты не отвечают действительности.

Для изучающего взаимные отношения московских князей XIV и XV вв. их договорные грамоты—довольно коварный источник. Изложенные условия их уже не соответствовали современной им действительности. С этой стороны московские договорные грамоты представляют в некотором смысле исторический анахронизм; они воспроизводят княжеские отношения, несомненно действовавшие некогда, именно в первую пору удельного порядка, в XIII и разве в начале XIV в., не позднее. С тех пор, как Москва начала приобретать решительный перевес над другими княжествами, эти условия скоро устарели и повторялись в договорных грамотах, как затверженные формулы, по старой памяти, вследствие обычной неповоротливости мышления канцелярий, их не уменья поспевать за жизнью. Этот недостаток разделяли со своими дьяками и сами князья. Вот опасность, которая грозит исследователю договорных грамот. Эта отсталость понятий от действительности выступает в княжеских договорах особенно явственно. Здесь северные князья XIV в. продолжают говорить языком родства, каким их южные предки XI—XII в. определяли свои взаимные отношения. Но родственные выражения имеют чисто условный смысл. Удельный дядя, старший, но слабейший князь, обязуется считать младшего родича, племянника, но великого князя, своим старшим братом; степенями родства измеряется неравенство силы и власти. Для новых отношений еще не были найдены подходящие слова и эти отношения ушли

от ходячих понятий, значит, были созданы условиями, действовавшими помимо сознания людей, захваченных их действием.

Усиление старшего наследника.

Действительные отношения московских князей с Димитрия Донского, или даже при ближайших его предшественниках, становились уже на другие основания. Под прикрытием терминологии условного родства и началось постепенное превращение удельных князей из самостоятельных владельцев в слуг своего условно ли действительно старшего родича, великого князя. Великий князь московский, как мы видели, приобретал все большее преобладание над удельными младшими родичами. Любопытно, что это преобладание старшего великого князя, разрушившее потом удельный порядок, создавалось из условий этого же самого порядка. Мы видели из московских духовных грамот, что порядок наследования в среде московских князей определялся исключительно личной волей завещателя. Но эти завещатели постепенно выработали и усвоили себе известные постоянные правила, которыми они руководились в разделе своей вотчины между наследниками. Так уже с первой московской духовной грамоты, написанной Иваном Калитой, мы замечаем стремление московских князей-завещателей делить свою вотчину на неравные части: размеры каждой части соответствовали степени старшинства получавшего ее наследника. Чем старше был наследник, тем большая доля наследства доставалась ему. В этом неравенстве раздела, очевидно, сказывалось смутное воспоминание о некогда действовавшем между князьями порядке владения по очереди старшинства. Но и в этом случае старое предание припомнилось, потому что отвечало семейным соображениям: старший сын после отца становился для младших своих братьев вместо отца, а потому должен быть сильнее их.

Благодаря этому обычаю, усвоенному московскими завещателями, старший наследник, т.-е. старший сын завещателя, получал из отцовского наследства большую долю сравнительно с младшими братьями-сонаследниками. Этот излишек давался ему «на старейший путь», т.-е. по праву старшинства. Сначала он является очень малозначительным, состоит из немногих лишних городов или сел, из нескольких лишних доходов; но с завещания Димитрия Донского этот излишек на старейший путь получает все большие размеры. По духовной Димитрия Донского владения его были разделены между пятью его сыновьями; в духовной определяется и доходность каждого удела. Завещатель указывает сколько должен вносить каждый из его наследников в состав каждой тысячи рублей ордынской дани. Очевидно, взнос каждого наследника соразмерялся с доходностью его удела. Старший сын, великий князь Василий, должен был вносить в состав тысячи не пятую часть, а 342 р., т.-е. больше трети всей суммы. После Димитрия Донского с каждым поколением излишек старшего наследника на старейший путь растет все более. Возьмем духовную великого князя Василия Темного, составленную в 1462 г. Василий также разделил свою вотчину между пятью сыновьями. Старшему, великому князю Ивану, он дал одному 14 городов с уездами, притом самых значительных, а остальным сыновьям всем вместе только 11 или 12. Чтобы еще яснее представить себе этот процесс, мы перейдем за пределы изучаемого периода и перелистуем духовную грамоту великого князя Ивана III, составленную около 1504 года. Иван III разделил свою вотчину также между пятью сыновьями. Старшему из наследников, великому князю Василию, он отказал одному 66 городов с уездами, а всем остальным вместе только 30. И этот завещатель определяет долю каждого наследника в составе каждой тысячи

рублей на ордынские расходы. Великий князь, старший наследник, один должен был вносить в тысячу 717 рублей, т. е. около $^3/_4$ всей суммы, почти втрое больше, чем вс младшие братья вместе. К такому результату привел рано усвоенный московскими завещателями обычай нарушать равенство раздела вотчины между наследниками в пользу старшего из них. Излишек на старейший путь, сначала столь мало заметный, в начале XV века достиг таких размеров, которые давали старшему наследнику решительное материальное преобладание над младшими. Князья-завещатели не давали старшим сыновьям никаких лишних политических прав, не ставили их младших братьев в прямую политическую от них зависимость; но они постепенно сосредоточивали в руках старшего наследника такую массу владельческих *средств*, которая давала им возможность подчинить себе младших удельных родичей и без лишних политических прав. Таким чисто-материальным, имущественным преобладанием и положено было основание политической власти московского великого князя, старшего наследника. Посредством такого вотчинного фактического преобладания, без политических преимуществ, этот великий князь и превратился в государя не только для простых обывателей московских уделов, но и для самых удельных князей. Значит, политическая власть великого князя московского, уничтожившая потом удельный порядок владения, создавалась из условий этого же самого порядка, при помощи права князей-завещателей располагать своими вотчинами по личному усмотрению.

Формы подчинения младших князей.

Усиление старшего наследника посредством старейшего пути сопровождалось в Москве, как и в Твери стремлением сильнейших подчинять себе слабейших удельных князей. Это подчинение по обстоятельствам принимало различные

формы, достигало неодинаковых степеней зависимости. Простейшую форму представляла личная служба удельного князя великого по договору. Эту форму встречаем в договоре Димитрия Донского с двоюродным братом Владимиром серпуховским 1362 года: здесь удельный князь, оставаясь независимым в своем уделе, обязывается служить великому без ослушания «по згадце», по обоюдному договору, а великий князь «кормить», вознаграждать слугу по его службе. Здесь служебное обязательство нисколько не связывается с удельным владением слуги. Другую форму представляло положение *окупных* князей, у которых великий князь покупал их уделы, оставляя за ними пользование их бывшими вотчинами с известными служебными обязательствами. Так поступил Калита с князьями белозерским и галицким, Василий Темный с ростовскими: здесь владельческая зависимость была источником служебных обязательств. В подобном положении находились и князья, у которых великий князь отнимал уделы, но самих принимал на свою службу, возвращая под ее условием отнятые вотчины или части их в виде пожалования. В такое положение стали князья стародубские при Донском, тарусские и муромские при его сыне Василии. Наконец, великие князья стремились подчинить себе удельных в силу общего принципиального требования, чтобы удельные князья повиновались великому именно потому, что они удельные, — повиновались, обеспечивая повиновение своими вотчинами. Самое решительное выражение этого требования встречаем в договоре вел. князя тверского Бориса Александровича с Витовтом 1427 г.: все князья тверские, дяди, братья, племянники великого князя обязаны быть у него в послушании; он волен кого жаловать, кого казнить; кто из них вступит в службу к другому князю, лишается своей вотчины. На подобных условиях с некото-

рыми изменениями подчинились Василию Темному князья суздальские. Здесь вотчины удельных князей не отнимались и не покупались, а князья сами по договору отказывались от них и получали их обратно, как пожалование; в отличие от второй формы подчинения здесь служебные обязательства становились источником владельческой зависимости; но в отличие от первой формы служебный договор обеспечивался уделом, служебные отношения связывались с владельческими. В Московском княжестве две последние формы зависимости удельных князей нашли особенно успешное применение, и Василий Темный в конце своего княжения мог с некоторым преувеличением сказать новгородскому владыке, что ему дана власть над всеми князьями русскими.

Мы проследили два процесса, которыми создавалось политическое и национальное значение московского княжества и его старшего князя. Один процесс расширял территорию и внешнее влияние этого княжества, другой собирал элементы верховной власти в лице старшего из московских князей. Эти успехи были закреплены встречей благоприятных условий, выпавших на долю этих князей и поддержавших действие первоначальных причин усиления Москвы.

Влияние татарского ига.

Прежде всего татары стали в отношение к порабощенной ими Руси, устранявшее или облегчавшее многие затруднения, какие создавали себе и своей стране северно-русские князья. Ордынские ханы не навязывали Руси каких-либо своих порядков, довольствуясь данью, даже плохо вникали в порядок, там действовавший. Да и трудно было вникнуть в него, потому что в отношениях между тамошними князьями нельзя было усмотреть никакого порядка. С этой стороны верхневолжские Всеволодовичи стояли гораздо ниже своих предков, днепровских Ярославичей. У тех мелькали в головах хоть шаткие идеи старшинства и земского долга; эти идеи

иногда направляли их отношения и сообщали им хотя бы тень права. Всеволодовичи XIII в. в большинстве плохо помнили старое родовое и земское предание и еще меньше чтили его, были свободны от чувства родства и общественного долга. Юрий московский в Орде возмутил даже татар своим родственным бесчувствием при виде изуродованного трупа Михаила тверского, валявшегося нагим у палатки. В опустошенном общественном сознании оставалось место только инстинктам самосохранения и захвата. Только образ Александра Невского несколько прикрывал ужас одичания и братского озлобления, слишком часто прорывавшегося в среде русских правителей, родных или двоюродных братьев, дядей и племянников. Если бы они были предоставлены вполне самим себе, они разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечно враждующие между собою удельные лоскутья. Но княжества тогдашней северной Руси были не самостоятельные владения, а даннические «улусы» татар; их князья звались холопами «вольного царя», как величали у нас ордынского хана. Власть этого хана давала хотя призрак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей. Правда, и в волжском Сарае напрасно было искать права. Великокняжеский владимирский стол был там предметом торга и переторжки; покупной ханский ярлык покрывал всякую неправду Но обижаемый не всегда тотчас хватался за оружие, а хотел искать защиты у хана и не всегда безуспешно. Гроза ханского гнева сдерживала забияк; милостью, т.-е. произволомъ хана не раз предупреждалась или останавливалась опустошительная усобица. Власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли. Русские летописцы не напрасно называли поганых агарян батогом Божиим, вразумляющим грешников, чтобы привести их на

путь покаяния. Всех удачнее пользовались этим батогом великие князья московские против своей братии. Особенно явственно обнаружилось это во время единственной московской усобицы, разыгравшейся в княжение Василия Темного. Эта усобица произошла вследствие притязания кн. Юрия галицкого, дяди Василиева, занять великокняжеский стол мимо племянника. Этот дядя, опираясь на свое старшинство и ссылаясь на духовную своего отца Димитрия Донского, не хотел признать старшим десятилетнего племянника и в 1431 г. поехал в Орду тягаться с ним. Успех Юрьева притязания перенес бы великое княжение в другую линию московского княжеского дома, расстроил бы порядки, заводившиеся Москвой целое столетие, и грозил безконечной усобицей. Хан рассек узел, отуманенный льстиво-насмешливою речью ловкого московского боярина Всеволожского доказывавшего, что источник права—его ханская милость, а не старые летописцы и не мертвые грамоты (т.-е. духовная Донского), хан решил дело в пользу Василия.

Преемство в прямой нисходящей линии.

Другое благоприятное условие заключалось в новом порядке преемства великокняжеской власти. Значение, какое приобретало Московское княжество своими успехами, все доставалось великому князю, старшему из московских князей, который сверх своего московского удела владел еще великокняжеской Владимирской областью. С Ивана Калиты в продолжение ста лет таким великим князем становился почти всегда старший сын предшествовавшего великого князя, у которого в минуту смерти обыкновенно не оказывалось на лицо младших братьев. Случилось так, что московский княжеский дом не разростался в боковые ветви, младшие дяди во-время уходили со сцены, не становясь поперек дороги старшим племянникам. Потому переход великокняжеского достоинства в нисходящей линии до смерти Кали-

тина правнука вел. кн. Василия Димитриевича не вызывал спора среди московских князей, а князьям других линий, соперничавшим с московскими, ни суздальским, ни тверским, не удалось перебить у них великого княжения. Случайность, повторяясь, становится прецедентом, который силой привычки превращается в обязательное требование, в правило. Неоспариваемый переход великокняжеской власти от отца к сыну, повторявшийся в продолжение нескольких поколений, стал, по выражению летописи, «отчеством и дедством», обычаем, освященным примерами отцов и дедов, на который общество начало смотреть, как на правильный порядок, забывая о прежнем порядке преемства по старшинству. И это условие резко вскрылось въ той же московской усобице. Продолженная по смерти Юрия его сыновьями, она взволновала все русское общество, руководящие классы которого, духовенство, князья, бояре и другие служилые люди решительно стали за Василия. Галицкие князья встречены были в Москве, как чужие и как похитители чужого, и чувствовали себя здесь одиноко, окруженные недоверием и недоброжелательством. Когда сын Юрия Шемяка, по смерти отца наследник его притязаний, нарушил свой договор с Василием, последний отдал дело на суд духовенства. Духовный собор из пяти епископов с несколькими архимандритами (тогда не было митрополита на Руси) в 1447 г. обратился к нарушителю договора с грозным посланием, и здесь иерархи высказали свой взгляд на политический порядок, какой должен существовать на Руси. Духовенство решительно восстало против притязаний Шемякина отца на великокняжеский стол, признавая исключительное право на него за племянником, старшим сыном предшествовавшего великого князя. Притязание Юрия, помыслившего беззаконно о великом княжении, послание сравнивает с грехом проатца Адама, во-

зымевшего желание «равнобожества», внушенное сатаной. «Сколько трудов понес отец твой, писали владыки, сколько истомы потерпело от него христианство, но великокняжеского стола он все-таки не получил, чего ему не дано Богом, ни *земскою изначала пошлиной*». Итак духовенство считало единственно правильным порядком преемство великокняжеского стола в нисходящей линии, а не по очереди старшинства, и даже наперекор истории признавало такой порядок исконной *земской пошлиной*, т.-е. старинным обычаем Русской земли. Этот новый порядок пролагал дорогу к установлению единовластия, усиливая одну прямую старшую линию московского княжеского дома, устраняя и ослабляя боковые младшие. И усобица еще не кончилась, а глава русской иерархии уже провозглашал единовластие законного московского великого князя совершившимся фактом, пред которым обязано преклониться все русское общество, и князья, и простые люди. Новопосвященный митрополит Иона в известительном окружном послании 1448 г. о своем посвящении призывает князей, *панов*, бояр, воевод и все христоименитое «людство» бить челом своему господарю вел. князю Василию, отдаться в его волю; если же они этого не сделают и допустят Шемяку возобновить усобицу, с них взыщется вся пролитая кровь христианская, в земле их никто не будет больше зваться христианином, ни один священник не будет священствовать, все церкви Божии будут затворены.

Московские князья и Великороссия.

В деятельной поддержке, оказанной обществом во время усобицы новому порядку преемства великокняжеской власти, сказалось самое важное условие, упрочившее политические и национальные успехи Московского княжества. Как скоро из среды удельных князей поднялся один с такими средствами, какими обладал, со стремлениями, какие проводил

преемственный ряд великих князей московских, вокруг него начали сосредоточиваться политические помыслы и народные интересы всего севернорусского населения. Это население ждало такого вождя, и это ожидание шумно проявилось в усобице. Здесь фамильные условия московских великих князей встретились с народными нуждами и стремлениями. Первоначальной движущей пружиной деятельности этих князей был династический интерес, во имя которого шло и внешнее усиление их княжества, и внутреннее сосредотечение власти в одном лице. Но этот фамильный своекорыстный интерес был живо поддержан всем населением северной Руси с духовенством во главе, лишь только почувствовали здесь, что он совпадает с «общим добром всего нашего православного христианства», как писал в одном послании тот же митрополит Иона. Эта поддержка объясняется фактом, незаметно совершившимся в северной Руси под шум княжеских усобиц и татарских погромов. Мы знаем, какие обстоятельства заставили массу русского населения передвинуться из старой днепровской Руси в область верхней Волги. Это передвижение сопровождалось раздроблением народных сил, выразившимся в удельном дроблении верхневолжской Руси. Очутившись в новых условиях, в непривычной обстановке, среди чуждого им туземного населения, пришельцы с юга не могли ни восстановить старого, ни скоро установить нового общего порядка и рассыпались по многочисленным все мельчавшим уделам. Но они не смыкались в замкнутые удельные миры, отчужденные друг от друга, как были отчуждены удельные князья. Народное брожение продолжалось, и сами князья поддерживали его своими усобицами: летописи прямо говорят, что ссоры тверских и других князей заставляли обывателей их княжеств уходить в более спокойные края. А с конца XIV в. под-

нялось усиленное переселенческое движение из междуречья на север за Волгу. Размещаясь мелкими поселками, ведя более двух веков дробную работу по местам, но при сходных экономических и юридических условиях, переселенцы со временем сложились всюду в сходные общественные типы, освоились между собою, выработали на значительных пространствах известные взаимные связи и отношения, юридический быт и хозяйственный оборот, нравы, ассимилировали окрестных инородцев, и из всех этих этнографических элементов, прежде рассыпанных и разъединенных, к половине XV в. среди политического раздробления сложилась новая национальная формация. Так завязалась и окрепла в составе русского населения целая плотная народность—великорусское племя. Оно складывалось тяжело и терпеливо. В продолжение 234 лет (1228—1426) северная Русь вынесла 90 внутренних усобиц и до 160 внешних войн, при частых поветриях, неурожаях и неисчислимых пожарах. Выросши среди внешних гроз и внутренних бед, быстро уничтожавших плоды многолетней кропотливой работы, оно чувствовало потребность в политическом сосредоточении своих неустроенных сил, в твердом государственном порядке, чтобы выйти из удельной неурядицы и татарского порабощения. Эта потребность и была новой скрытой, но могущественной причиной успехов вел. князя московского, присоединившейся к первоначальным и основным, какими были: *экономические выгоды* географического положения г. Москвы и Московского княжества, *церковное значение*, приобретенное Москвой при содействии того же условия, и согласованный с обстоятельствами времени *образ действий* московских князей, внушенный их генеалогическим положением.

Значение Московской усобицы.

Той же потребностью объясняется неожиданный и чрезвычайно важный для северной Руси исход московской усобицы. Начав княжение чуть не ребенком, мягкий и благодушный Василий, казалось совсем не годился для боевой роли, какая ему была суждена. Не раз побитый, ограбленный и заточенный, наконец ослепленный, он однако вышел из 19-тилетней борьбы с приобретениями, которые далеко оставили за собою все, что заработали продолжительными усилиями его отец и дед. Когда он вступал на спорный великокняжеский стол, московская вотчина была разделена на целый десяток уделов, а когда он писал свою духовную, вся эта вотчина была в его руках кроме половины одного из прежних уделов (верейская половина Можайского княжества). Сверх того ему принадлежало Суздальское княжество, вотчичи которого служили ему или бегали по чужим странам, московские наместники сидели по рязанским городам, Новгород Великий и Вятка были во всей его воле. Наконец он не только благословил своего старшего сына великим княжением, что еще колебался сделать его отец, но и прямо включил великокняжескую область в состав своей наследственной вотчины. Такие успехи достались Темному потому, что все влиятельное, мыслящее и благонамеренное в русском обществе стало за него, за преемство великокняжеской власти в нисходящей линии. Приверженцы Василия не давали покоя его соперникам, донимали их жалобами, протестами и происками, брали на свою душу его клятвы, пустили в дело на его защиту все материальные и нравственные средства, какими располагали. Внук Донского попал в такое счастливое положение, не им созданное, а им только унаследованное, в котором цели и способы действия были достаточно выяснены, силы направлены, средства заготовлены, орудия приспособ-

лены и установлены,—и машина могла уже работать автоматически, независимо от главного механика. Как скоро население северной Руси почувствовало, что Москва способна стать политическим центром, около которого оно могло собрать свои силы для борьбы с внешними врагами, что московский князь может быть народным вождем в этой борьбе, в умах и отношениях удельной Руси совершился перелом, решивший судьбу удельного порядка: все дотоле затаенные или дремавшие национальные и политические ожидания и сочувствия великорусского племени, долго и безуспешно искавшие себе надежного пункта прикрепления, тогда сошлись с династическими усилиями московского великого князя и понесли его на высоту национального государя Великороссии. Так можно обозначить главные моменты политического роста Московского княжества.

Характер московских князей.

Часто дают преобладающее значение в ходе возвышения Московского княжества личным качествам его князей. Окончив обзор политического роста Москвы, мы можем оценить и значение этих качеств в ее истории. Нет надобности преувеличивать это значение, считать политическое и национальное могущество московского княжества исключительно делом его князей, созданием их личного творчества, их талантов. Исторические памятники XIV и XV вв. не дают нам возможности живо воспроизвести облик каждого из этих князей. Московские великие князья являются в этих памятниках довольно бледными фигурами, преемственно сменявшимися на великокняжеском столе под именами Ивана, Семена, другого Ивана, Димитрия, Василия, другого Василия. Всматриваясь в них, легко заметить, что перед нами проходят не своеобразные личности, а однообразные повторения одного и того же фамильного типа. Все московские князья до Ивана III, как две капли воды, похожи друг на друга,

так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий. В их деятельности заметны некоторые индивидуальные особенности; но они объясняются различием возраста князей или исключительными внешними обстоятельствами, в какие попадали иные из них; эти особенности не идут далее того, насколько изменяется деятельность одного и того же лица от таких условий. Следя за преемственной сменой московских князей, можем уловить в их обликах только типические фамильные черты. Наблюдателю они представляются не живыми лицами, даже не портретами, а скорее манекенами; он рассматривает в каждом его позу, его костюм, но лица их мало что говорят зрителю.

Прежде всего московские Даниловичи отличаются замечательно устойчивой посредственностью — не выше и не ниже среднего уровня. Племя Всеволода Большого Гнезда вообще не блестело избытком выдающихся талантов, за исключением одного разве Александра Невского. Московские Даниловичи даже среди этого племени не шли в передовом ряду по личным качествам. Это князья без всякого блеска, без признаков как героического, так и нравственного величия. Во-первых, это очень мирные люди; они неохотно вступают в битвы, а вступая в них, чаще проигрывают их; они умеют отсиживаться от неприятеля за дубовыми, а с Димитрия Донского за каменными стенами московского Кремля, но еще охотнее при нападении врага уезжают в Переяславль или куда-нибудь подальше, на Волгу, собирать полки, оставляя в Москве для ее защиты владыку митрополита, да жену с детьми. Не блестя ни крупными талантами, ни яркими доблестями, эти князья равно не отличались и крупными пороками или страстями. Это делало их во многих отношениях образцами умеренности и аккуратности: даже их наклонность выпить лишнее за обедом не возвышалась

до столь известной страсти древнерусскаго человека, высказанной устами Владимира Святого. Это средние люди древней Руси, как бы сказать, больше хронолические знаки. чем исторические лица. Лучшей их фамильной характеристикой могут служить черты, какими характеризует великого князя Семена Гордого один из позднейших летописных сводов: «великий князь Симеон был прозван Гордым, потому что не любил неправды и крамолы и всех виновных сам наказывал, пил мед и вино, но не напивался до пьяна и терпеть не мог пьяных, не любил войны, но войско держал наготове». В шести поколениях один Димитрий Донской далеко выдался вперед из строго выровненного ряда своих предшественников и преемников. Молодость (умер 39 лет), исключительные обстоятельства, с 11 лет посадившие его на боевого коня, четырехсторонняя борьба с Тверью. Литвой, Рязанью и Ордой, наполнившая шумом и тревогами его 30-летнее княжение, и более всего великое побоище на Дону положили на него яркий отблеск Александра Невского, и летопись с заметным подъемом духа говорит о нем. что он был «крепок и мужествен и взором дивен зело». Биограф современник отметил и другие, мирные качества Димитрия, набожность, семейные добродетели, прибавив «аще книгам не учен сый добре, но духовные книги в сердце своем имяше». При этом единственном исключении художнику высокого стиля вообще мало дела с московскими князьями. Но не блистая особыми доблестями, эти князья совмещали в себе много менее дорогих, но более доходных качеств, отличались обилием дарований, какими обыкновенно наделяются недаровитые люди. Прежде всего эти князья дружно живут друг с другом. Они крепко держатся завета отцов: «жити за один». В продолжение четырех поколений, со смерти Данила до смерти Василия Димитриевича, Москов-

ское княжество было, может быть, единственным в северной Руси, не страдавшим от усобиц собственных князей. Потом московские князья очень почтительные сыновья: они свято почитают память и завет своих родителей. Поэтому среди них рано складывается наследственный запас понятий, привычек и приемов княжения, образуется фамильный обычай, отцовское и дедовское предание, которое заменяло им личный разум, как нам школьная выучка нередко заменяет самодеятельность мысли. Отсюда твердость поступи у московских князей, ровность движения; последовательность действия; они действуют более по памяти, по затверженному завету отцов, чем по личному замыслу, и поэтому действуют наверняка без капризных перерывов и с постоянным успехом, как недаровитому ученику крепкая память позволяет тверже отвечать урок сравнительно с бойким мальчиком, привыкшим говорить своими словами. Работа у московских князей идет ровной и непрерывной нитью, как шла пряжа в руках их жен, повинуясь движению веретена. Сын цепко хватается за дело отца и по мере сил ведет его дальше. Уважение к отцовскому завету в их холодных духовных грамотах порой согревается до степени теплого набожного чувства. «А пишу вам се слово,—так Семен Гордый заканчивает свое завещание младшим братьям,—того деля, чтобы не перестала память родителей наших и наша и свеча бы не погасла». В чем же состояло это фамильное предание, эта наследственная политика московских князей. Они хорошие хозяева-скопидомы по мелочам, понемногу. Недаром первый из них, добившийся успеха в невзрачной с нравственной стороны борьбе, перешел в память потомства с прозванием Калиты, денежного кошеля. Готовясь предстать пред престолом Всевышнего Судии и диктуя дьяку духовную грамоту, как эти князья внимательны

ко всем подробностям своего хозяйства, как хорошо помнят всякую мелочь в нем! Не забудут ни шубки, ни стадца, ни пояса золотого, ни коробки сердоликовой, все запишут, всему найдут место и наследника. Сберечь отцовское стяжение и прибавить к нему что-нибудь новое, новую шубку построить, новое сельцо прикинуть—вот на что повидимому были обращены их правительственные помыслы, как они обнаруживаются в их духовных грамотах. Эти свойства и помогли их политическим успехам.

У каждого времени свои герои, ему подходящие, а XIII и XIV века были порой всеобщего упадка на Руси, временем узких чувств и мелких интересов, мелких ничтожных характеров. Среди внешних и внутренних бедствий люди становились робки и малодушны, впадали в уныние, покидали высокие помыслы и стремления; в летописи XIII—XIV в. не услышим прежних речей о Русской земле, о необходимости оберегать ее от поганых, о том, что не сходило с языка южнорусских князей и летописцев XI—XII в. Люди замыкались в кругу своих частных интересов и выходили оттуда только для того, чтобы попользоваться на счет других. Когда в обществе падают общие интересы и помыслы его руководителей замыкаются в сердоликовую коробку, положением дел обыкновенно овладевают те, кто энергичнее других действует во имя интересов личных, а такими чаще всего бывают не наиболее даровитые, а наиболее угрожаемые, те, кому наиболее грозит это падение общих интересов. Московские князья были именно в таком положении: по своему генеалогическому значению это были наиболее бесправные, приниженные князья, а условия их экономического положения давали им обильные средства действовать во имя личной выгоды. Потому они лучше других умели приноровиться к характеру и условиям своего времени и решительнее стали дей-

ствовать ради личного интереса. С ними было то же, что бывает с промышленниками, у которых ремесло усиленно развивает сметливость и находчивость на счет других, высших качеств и стремлений. Купец чем энергичнее входит в свое купеческое дело, забывая другие интересы, тем успешнее ведет его. Я хочу сказать, что фамильный характер московских князей не принадлежал к числу коренных условий их успехов, а был сам произведением тех же условий: их фамильные свойства не создали политического и национального могущества Москвы, а сами были делом исторических сил и условий, создавших это могущество, были такой же второстепенной, производной причиной возвышения Московского княжества, какою, например, было содействие плотного московского боярства, привлеченного в Москву удобным ее положением,—боярства, которое не раз и выручало своих князей в трудные минуты. Условия жизни нередко складываются так своенравно, что крупные люди размениваются на мелкие дела подобно кн. Андрею Боголюбскому, а людям некрупным приходится делать большие дела подобно князьям московским.

Лекция XXIII.

Вольные городские общины. — Новгород Великий. — Его местоположение, стороны и концы. — Область Новгорода; пятины и волости. — Условия и развитие новгородской вольности. — Договорные отношения Новгорода к князьям. — Управление. — Вѣче и его отношение к князьям. — Посадник и тысяцкий. — Суд. — Совет господ. — Областное управление. — Пригороды и их отношение к главному городу. — Заключение.

Мы кончили изучение удельного порядка владения и того процесса, которым одно из удельных княжеств поднялось над другими и потом поглотило все другие. Мы останавливаемся на половине XV в., на том моменте в истории Московского княжества, когда оно готовилось завершить этот процесс и поглотить последние самостоятельные княжества, еще оставшиеся в северной Руси. Но Московское княжество, некогда одно из многих удельных и потом вобравшее в себя все уделы, не было единственной политической формой на Руси въ те века. Рядом с ним существовали две другие формы, в которых общественные элементы находились совсем в других сочетаниях. То были: 1) козачество, 2) вольные городские общины. Козачество в XV в. еще только завязывалось. Напротив вольные городские общины тогда уже доживали свой век. Для полноты изучения русского общества строя Русской земли в удельные века, мы сделаем беглый

обзор истории и устройства этих общин. Их было три на Руси в удельное время: Новгород Великий, его «младший брат» Псков и его колония Вятка, основанная в XII в. Не изучая истории каждой из этих общин порознь, мы познакомимся с ними по судьбе старшей из них, Новгородской, отметив только важнейшие особенности склада и быта вольного Пскова. Новгород Великий был родоначальником и типическим представителем остальных двух вольных городских общин.

Местоположение Новгорода Великого.

Политический строй Новгорода *Великого*, т. е. старшего города в своей земле, был тесно связан с местоположением города. Он расположен по обеим сторонам реки Волхова, недалеко от истока ее из озера Ильменя. Новгород составился из нескольких слобод или поселков, которые сначала были самостоятельными обществами, а потом соединились в одну большую городскую общину. Следы этого самостоятельного существования составных частей Новгорода сохранились и позднее в распределении города на концы. Волхов делит Новгород на две половины или *стороны:* на правую—по восточному берегу и левую — по западному; первая называлась *Торговой*, потому что здесь находился главный городской рынок, торг; вторая носила название *Софийской* с той поры, как в конце X в., по принятии христианства Новгородом, на этой стороне построен был соборный храм св. Софии. Обе стороны соединялись большим волховским мостом, находившемся недалеко от торга и называвшемся в отличие от других *великим.* К торгу примыкала площадь, называвшаяся *Ярославовым* или *Княжим* двором, потому что здесь некогда находилось подворье Ярослава, когда он княжил в Новгороде при жизни отца. На этой площади возвышалась *степень*, помост, с которого новгородские

Стороны.

сановники обращались съ речами к собиравшемуся на вече народу. Близ степени находилась вечевая башня, на которой висел вечевой колокол, а внизу ее помещалась вечевая канцелярия. Торговая сторона состояла из двух концов, *Плотницкого* севернее и *Славенского* южнее. Славенский конец получил свое название от древнейшего поселка, вошедшего в состав Новгорода, *Славна;* потому и вся Торговая сторона называлась также *Славенской.* Городской торг и Ярославов двор находились в Славенском конце. На Софийской стороне, тотчас по переходе через волховский мост, находился *детинец*, обнесенное стеной место, где стоял соборный храм св. Софии. Софийская сторона делилась на три конца: *Неревский* к северу, *Загородский* к западу и *Гончарский* или *Людин* к югу, ближе к озеру. Названия концов Гончарского и Плотницкого указывают на ремесленный характер древних слобод, из которых образовались концы Новгорода. Не даром киевляне в XI в. обзывали новгородцев презрительной кличкой плотников. За валом и рвом, опоясывавшими все пять концов, рассеяны были составлявшие продолжение города многочисленные посады и слободы монастырей, цепью окаймлявших Новгород. О населенности Новгорода можно приблизительно судить по тому, что в сгоревшей в 1211 г. части города числилось 4300 дворов.

Концы.

Новгород со своими пятью концами был политическим средоточием обширной территории, к нему тянувшей. Эта территория состояла из частей двух разрядов, из *пятин и волостей;* совокупность тех и других составляла *область* или *землю* св. Софии. Пятины были следующие: на С-З от Новгорода между реками Волховом и Лугой простиралась по направлению к Финскому заливу пятина Вотьская, получившая свое название от обитавшего здесь финскаго племени *Води* или *Воти*; на С-В справа

Пятины.

от Волхова шла далеко к Белому морю по обе стороны Онежского озера пятина *Обонежская*; к Ю-В между реками Мстою и Ловатью простиралась пятина *Деревская*; к Ю-З между реками Ловатью и Лугой, по обе стороны реки Шелони, шла *Шелонская* пятина; на отлете за пятинами Обонежской и Деревской простиралась далеко на В и Ю-В пятина *Бежецкая*, получившая свое название от селения Бежичей, бывшего некогда одним из ее административных средоточий (в нынешней Тверской губернии). Эта пятина захватывала северную часть нынешней Тверской губернии, западную Ярославской и юго-восточный угол Новгородской. Это пятинное деление Новгородской области появляется уже в актах московского времени, с конца XV в., но неизвестно по памятникам вольного Новгорода. По этим памятникам Новгородская область исстари делилась на округа, носившие одинаковые названия с пятинами; только они звались не пятинами, а *землями*, в XII в. *рядами*: *Вотьская* земля, *Обонежский* и *Бежецкий* ряд или просто *Шелонь*, *Дерева*. Неясный след пятинного или соответственного ему деления лет за 50 до падения Новгорода находим и в житии преп. Варлаама Важского, составленном в конце XVI в., где читаем: «бысть тогда (около 1426 г.) В. Новгород по жребиям разделен, яже нарицаются *пятины*». Вероятно, Москва не любя ломать местную старину, удержала и в Новгороде готовое областное деление. Особенностью пятинного деления Новгородской области было то, что все пятины кроме Бежецкой начинались вплоть у самого Новгорода или, как Деревская, недалеко от него и в виде расширяющихся радиальных полос бежали во все стороны. Так Деревяницкий погост Обонежской пятины находился в двух верстах от Новгорода, а погост Спасский той же пятины в 700 верстах на Выго-озере около Белого моря. Только в Бежецкой

пятине по книгам XVI в. ближайший погост находился от Новгорода в 100 верстах. Это наводит на мысль, что округа, рано или поздно получившие название пятин, состояли из древнейших и ближайших к Новгороду владений и постепенно расширялись.

Волости. Владения, более отдаленные и позднее приобретенные не вошли в пятинное деление и образовали ряд *волостей*, находившихся на особом положении. Так города Волок-Ламский, Бежичи, Торжок, Ржева, Великие Луки со своими округами не принадлежали ни к какой пятине. В положении этих городов была та особенность, что они состояли в совместном владении у Новгорода—первые три с великими князьями владимирскими и потом московскими, а последние два с князьями смоленскими и потом литовскими, когда Смоленск был захвачен Литвой. За пятинами Обонежской и Бежецкой простиралась на С-В волость *Заволочье* или *Двинская земля*. Она называлась Заволочьем, потому что находилась за *волоком*, обширным водоразделом, отделяющим бассейн Онеги и Северной Двины от бассейна Волги. Течением реки Вычегды с ее притоками определялось положение *Пермской земли*. За Двинской землей и Пермью далее к северовостоку находились волость *Печора* по обеим сторонам реки этого имени, а по ту сторону северного Уральского хребта волость *Югра*. На северном берегу Белого моря была волость *Тре* или *Терский берег*. Таковы были главные волости новгородские, не входившие в пятинное деление. Они рано приобретены были Новгородом: так уже в XI в. новгородцы ходили собирать дань за Двину на Печору, а въ XII в. на Терский берег. Новгородская территория расширялась преимущественно посредством военно-промышленной колонизации. В Новгороде составлялись компании вооруженных промышленников, которые направлялись по рекам в разные стороны от города,

чаще всего на финский северо-восток, основывали там поселения, облагали данью покоренных туземцев и заводили лесные и другие промыслы.

Развитие новгородской вольности.

Теперь изучим условия и ход развития новгородской вольности. В начале нашей истории Новгородская земля по устройству своему была совершенно похожа на другие области Русской земли. Точно так же и отношения Новгорода к князьям мало отличались от тех, в каких стояли другие старшие города областей. На Новгород с тех пор, как первые князья покинули его для Киева, наложена была дань в пользу великого князя киевского. По смерти Ярослава Новгородская земля присоединена была к великому княжеству Киевскому и великий князь обыкновенно посылал туда для управления своего сына или ближайшего родственника, назначая в помощники ему посадника. До второй четверти XII в. в быте Новгородской земли не заметно никаких политических особенностей, которые выделяли бы ее из ряда других областей Русской земли; только впоследствии новгородцы в договорах с князьями ссылались на грамоты Ярослава I, по которым они платили дань великим князьям. Это было письменное определение финансовых отношений, которые в других старших городах устанавливались устными договорами князей с вечем. Но со смерти Владимира Мономаха новгородцы все успешнее приобретают преимущества, ставшие основанием новгородской вольности. Успешному развитию этого политического обособления Новгородской земли помогали различные условия, которые нигде, ни в какой другой русской области не приходили в такое своеобразное сочетание, в каком они действовали в судьбе Новгорода. Одни из этих условий были связаны с географическим положением края, другие вышли из исторической обстановки, в какой жил Новгород, из

внешних его отношений. Укажу сперва географические условия. 1) Новгород был политическим средоточием края, составлявшего отдаленный северо-западный угол тогдашней Руси. Это отдаленное положение Новгорода ставило его вне круга русских земель, бывших главной ареной деятельности князей и их дружин. Это освобождало Новгород от непосредственного давления со стороны князя и его дружины и позволяло новгородскому быту развиваться свободнее на большом просторе. 2) Новгород был экономическим средоточием края, наполненного лесами и болотами, в котором хлебопашество никогда не могло стать основанием народного хозяйства. Наконец 3) Новгород лежит близко к главным речным бассейнам нашей равнины, к Волге, Днепру и Западной Двине, а Волхов соединяет его прямым водным путем с Финским заливом и Балтийским морем. Благодаря этой близости к большим торговым дорогам Руси Новгород рано втянулся в разносторонние торговые обороты. Таким образом промышленность и торговля стали основанием местного народного хозяйства. Столь же благоприятно для развития новгородской вольности складывались и внешние отношения. В XII в. усобицы князей уронили княжеский авторитет. Это давало возможность местным земским мирам свободнее определять свои отношения к князьям. Новгород шире всех воспользовался этой выгодой. Став на окраине Руси, с нескольких сторон окруженный враждебными инородцами и притом занимаясь преимущественно внешней торговлей, Новгород всегда нуждался в князе и его боевой дружине для обороны своих границ и торговых путей. Но именно в XII в., когда запутавшиеся княжеские счеты уронили княжеский авторитет, Новгород нуждался в князе и его дружине гораздо менее, чем нуждался прежде и чем стал нуждаться потом. Потом на новгородской границе стали два опасных врага, Ливон-

ский орден и объединенная Литва. В XII в. еще не грозила ни та, ни другая опасность: Ливонский орден основался в самом начале XIII в., а Литва стала объединяться с конца этого столетия. Совокупным действием всех этих благоприятных условий определились и отношения Новгорода к князьям, и устройство его управления, и его общественный склад, и наконец характер его политической жизни. С этих четырех сторон мы и рассмотрим историю города.

Гарантии вольности.

В X и XI вв. князья еще очень мало дорожили Новгородской землей: их интересы были привязаны к южной Руси. Когда Святослав, собираясь во второй болгарский поход, стал делить Русскую землю между своими сыновьями, к нему пришли и новгородцы просить князя. Святослав, по летописи, сказал им: «да пойдет ли кто к вам?» Это пренебрежение к отдаленному от Киева городу было одною из причин, почему Новгород не сделался достоянием ни одной ветви Ярославова племени, хотя новгородцы, тяготясь частыми сменами своих наезжих князей, много хлопотали о приобретении постоянного князя. Другою причиною было то, что Новгородская область по смерти Ярослава не образует особого княжения, а служит придатком к великому княжению Киевскому и разделяет превратности судеб этого княжества, считавшегося общим достоянием Ярославичей. Позднее князья стали обращать больше внимания на богатый город. Но тотчас после смерти Мономаха, как только упала его тяжелая рука, обстоятельства помогли Новгороду добиться важных политических льгот. Княжеские усобицы сопровождались частыми сменами князей на новгородском столе. Пользуясь этими усобицами и сменами, новгородцы внесли в свой политический строй два важные начала, ставшие гарантиями их вольности: избирательность высшей администрации и *рядъ*, т. е. договор с князьями. Частые смены

князей в Новгороде сопровождались переменами и в личном составе новгородской администрации. Князь правил в Новгороде при содействии назначаемых им или великим князем киевским помощников, посадника и тысяцкого. Когда князь покидал город добровольно или по неволе, и назначенный им посадник обыкновенно слагал с себя должность, потому что новый князь приводил или назначал своего посадника. Но в промежуток между двумя княжениями новгородцы, оставаясь без высшего правительства, привыкли выбирать на время исправляющего должность посадника и требовать от нового князя утверждения его в должности. Так самым ходом дел завелся в Новгороде обычай выбирать посадника. Этот обычай начинает действовать тотчас после смерти Мономаха, когда, по рассказу летописи, в 1126 г. новгородцы «дали посадничество» одному из своих сограждан. После выбор посадника стал постоянным правом, которым очень дорожили новгородцы. Понятна перемена в самом характере этой должности, происшедшая вследствие того, что она давалась не на княжеском дворе, а на вечевой площади. Из представителя и блюстителя интересов князя пред Новгородом посадник должен был превратиться в представителя и блюстителя интересов Новгорода пред князем. После и другая важная должность тысяцкого также стала выборной. В новгородском управлении важное значение имел местный епископ. До половины XII в. его рукополагал русский митрополит с собором епископов в Киеве, следовательно под влиянием великого князя. Но со второй половины XII в. новгородцы начали выбирать из местного духовенства и своего владыку, собираясь «всем городом» на вече и посылая избранного в Киев к митрополиту для рукоположения. Первым таким выборным епископом был игумен одного из местных монастырей Аркадий, избранный новгородцами в

1156 г. С тех пор за киевским митрополитом осталось лишь право рукополагать присланного из Новгорода кандидата. Так во второй и третьей четверти XII в. высшая новгородская администрация стала выборной. В тоже время новгородцы начали точнее определять и свои отношения к князьям. Усобицы князей давали Новгороду возможность и приучали его выбирать между князьями соперниками и налагать на выбранного князя известные обязательства, стеснявшие его власть. Сами князья поддерживали эту привычку. Вместе с успехами самоуправления общественная жизнь Новгорода принимала все более безпокойное, шумное течение и делала положение новгородского князя все менее прочным, так что князья иногда сами отказывались править своевольным городом, даже тайком ночью бегали из него. Один князь в XII в. сказал другому, позванному править на Волхове: «не хлопочи о Новгороде; пусть управляются сами, как умеют, и ищут себе князя, где хотят». Всеволод III, бесцеремонно нарушавший все вольности, приобретенные Новгородом, иногда позволял им выбирать князя по своей воле, а в 1196 г. он и другие князья дали Новгороду свободу—«где им любо, ту собе князя поимают», берут князя из какой им угодно княжеской линии.

Договоры с князьями.

Новгородскими *рядами*, в которых излагались принимаемые выбранным князем обязательства, и определялось его значение в местном управлении. Неясные следы таких договоров, скреплявшихся крестным целованием со стороны князя, появляются уже в первой половине XII века. Позднее они яснее обозначаются в рассказе летописца. В 1209 г. новогородцы усердно помогали великому князю Всеволоду суздальскому в его походе на Рязанскую землю. В награду за это Всеволод сказал новгородцам: «любите, кто вам добр, и казните злых». При этом—добавляет летописец,—Всево-

лод дал новгородцам «всю волю и уставы старых князей, чего они хотели». Итак Всеволод восстановил какие-то старые уставы князей, обезпечивавшие права новгородцев, и предоставил городу судебную власть в известных делах, точнее, право самовольной расправы с неугодными согражданами. В 1218 г. из Новгорода ушел правивший им Мстислав Мстиславич Удалой, князь торопецкий. На место его прибыл его смоленский родич Святослав Мстиславич. Этот князь потребовал смены выборного новгородского посадника Твердислава. «А за что, спросили новгородцы, какая его вина?—Так, без вины», отвечал князь. Тогда Твердислав сказал, обращаясь к вечу: «рад я, что нет на мне вины, а вы, братья, и в посадниках, и в князьях вольны». Тогда вече сказало князю: «вот ты лишаешь мужа должности, а ведь ты нам крест целовал без вины мужа должности не лишать». Итак уже в начале XIII в. князья крестным целованием скрепляли известные права новгородцев. Условие не лишать новгородского сановника должности без вины, т. е. без суда, является в позднейших договорах одним из главных обезпечений новгородской вольности. Льготы, которых добились новгородцы, излагались в договорных грамотах. Первые договорные грамоты, в которых излагались политические льготы Новгорода, дошли до нас от второй половины XIII в. Их три: они содержат в себе условия, на которых правил новгородскою землей Ярослав Ярославич тверской. Две из них написаны в 1265 г. и одна в 1270 г. Позднейшие договорные грамоты с некоторыми изменениями и прибавками повторяют условия этих договоров с Ярославом. Изучая их, мы видим основания политического устройства Новгорода, главные условия его вольности. Здесь новгородцы обязывают князя целовать крест, на чем целовали деды и отцы и его отец Ярослав. Главное

общее обязательство, падавшее на князя, состояло в том, чтобы он правил, «держал Новгород в старине по пошлине», по старому обычаю. Значит, условия, изложенные в грамотах Ярослава, были не нововведением, а заветом старины. Договоры определяли: 1) судебно-административные отношения князя к городу, 2) финансовые отношения города к князю, 3) отношения князя к новгородской торговле.

Князь в управлении и суде.

Князь был в Новгороде высшей правительственной и судебной властью, руководил управлением и судом, определял частные гражданские отношения согласно с местным обычаем и законом, скреплял сделки и утверждал в правах. Но все эти судебные и административные действия он совершал не один и не по личному усмотрению, а в присутствии и с согласия выборного новгородского посадника: «без посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамот ти даяти». На низшие должности, завещаемые не по вечевому выбору, а по княжескому назначению, князь избирал людей из новгородского общества, а не из своей дружины. Все такие должности, «волости», раздавал он с согласия посадника. Князь не мог отнять без суда должности у выборного или назначенного на нее лица. Все судебные и правительственные действия совершал он лично в Новгороде и ничем не мог распоряжаться с Низу, из Суздальской земли, находясь в своей вотчине. «А из Суждальской ти земли Новагорода не рядити, ни волостий ти не раздавати». Так вся судебная и правительственная деятельность князя шла под постоянным и бдительным надзором новгородского представителя.

Финансовые отношения.

С мелочной подозрительностью определяли новгородцы свои финансовые отношения к князю, его доходы, стараясь в этом отношении возможно крепче связать ему руки. Князь получал «дар» с новгородских волостей, не входивших в

состав древнейших коренных владений Новгорода, каковы: Волок, Торжок, Вологда, Заволочье и др. Сверх того он получал еще дар от новгородцев, едучи в Новгород, по станциям, но не получал его, уезжая из Новгородской земли. Боясь отпадения или захвата Заволочья, новгородцы старались не допускать прямых сношений князя с этой обширной и важной для них волостью и требовали в договорах, чтобы князь отдавал свои заволоцкие сборы на откуп новгородцам. Если же он сам хотел собирать их, то посылал бы в Заволочье своего сборщика из Новгорода, и этот сборщик не отвозил бы собранную дань прямо на Низ, т.-е. в Суздальскую землю, в вотчину князя, а завозил бы наперед в Новгород, откуда она и передавалась князю: так Новгород получал возможность контролировать эту операцию. После татарского нашествия и на Новгород был наложен ордынский *выход*, дань. Татары поручали сбор этого выхода, названного *черным бором*, т. е. повальным, поголовным налогом, великому князю владимирскому, который обыкновенно правил и Новгородом. Новгородцы сами собирали черный бор и передавали его великому князю, который доставлял его в Орду. Кроме того князь пользовался в Новгородской земле судными и проезжими пошлинами и разными рыбными ловлями, сенокосами, бортями, звериными гонами; но всеми этими доходами и угодьями он пользовался по правилам, точно определенным, в урочное время и в условленных размерах. Князь по договорам не мог иметь в Новгородской земле своих источников дохода, независимых от Новгорода. Новгородцы всего более старались помешать князю завязать непосредственные юридические и хозяйственные связи в Новгородской земле, которые шли бы помимо выборных новгородских властей, и давали бы князю возможность пустить здесь прочные корни. В договорных грамотах

особым условием запрещалось князю с его княгиней, боярами и дворянами приобретать или заводить села и слободы в Новгородской земле и принимать людей в заклад, т.-е. в личную зависимость.

С такой же точностью были определены отношения князя и к новгородской торговле. Торговля внутренняя и внешняя была жизненным нервом города. Князь нужен был Новгороду не только для обороны границ, но и для обезпечения торговых его интересов: он должен был давать в своем княжестве свободный и безопасный путь новгородским купцам. Князь обязывался пускать их в свои владения «гостить без рубежа», без задержки. Было точно определено, какие пошлины взимать князю с каждой новгородской ладьи или торгового воза, являвшихся в его княжество. В Новгороде рано появляются заморские купцы с Запада. Около половины XII в. здесь основались купцы с острова Готланда из г. Висби, который был тогда средоточием торговли по балтийским берегам. Готландцы построили в Новгороде на торговой стороне у торга двор с церковью скандинавского святого Олафа, с «варяжскою божницей», как его называли новгородцы. Потом купцы из немецких городов, составлявшие торговое общество на том же Готланде, построили в той же части Новгорода другой двор, на котором в 1184 г. поставлена была «немецкая ропата», церковь св. Петра. С усилением Ганзы в XIV в. немцы в Новгороде вытеснили готов и стали нанимать их новгородский двор, и тогда высшее руководство немецкой торговлей в Новгороде перешло от Висби к Любеку, главе ганзейского союза. Новгородцы очень дорожили своей балтийской торговлей и давали большие льготы обеим иноземным конторам, хотя при корпоративной сплоченности и расчетливо выработанном порядке ведения дел заморские торговые компании извле-

Отношения по торговле.

кали из Новгорода несравненно больше выгод, чем умел извлечь Новгород из них. По договорным грамотам князь мог участвовать в торговле города с заморскими купцами только чрез новгородских посредников; он не мог затворять немецкого торговаго двора, ни ставить к нему своих приставов. Таким образом новгородская внешняя торговля была ограждена от произвола со стороны князя.

Неполнота договорных грамот.

Нельзя сказать, чтобы в изложенных договорных грамотах действительные отношения князя к Новгороду были определены полно и всесторонне. Одна из главнейших целей, если не самая главная, для чего нужен был князь Новгороду, это—защита от внешних врагов, а об этом в договоре с Ярославом тверским нет ни слова и лишь в позднейших говорится мимоходом, что в случае размирья с немцами, Литвой или с какой другой землей князь обязан пособлять Новгороду без хитрости. Значение князя по договорам неясно, потому что неясно его назначение, выражавшееся в его правах и обязанностях. Но права и обязанности князя в грамотах не излагаются прямо, а лишь предполагаются; грамоты формулируют только границы прав и следствия обязанностей, т.-е. способы вознаграждения за их исполнение, *корма* за боевые и правительственные услуги князя. В недоверчивом, скрупулезно-детальном развесе кормовых статей и состоит основное содержание новгородских договоров с князьями. Припомним значение князя, вождя дружины в старинных торговых городах Руси IX в. Это был наемный военный сторож города и его торговли. Точно такое же значение сохранял для Новгорода и князь удельного времени. Это значение князя выражено в псковской летописи, которая одного новгородского князя XV в. называет «воеводой, князем *кормленым*, о ком было им стояти и боронитися». Значение князя как наемника, новгородцы,

верные своей старине-пошлине, старались поддерживать договорами до конца своей вольности. Так смотрели на князя их отцы и деды; иначе не хотели или не умели посмотреть на него дети и внуки. Но такой старообразный взгляд Новгорода на князя удельного времени, как увидим, совсем не сходился со взглядом тогдашнего князя на Новгород.

Управление Новгорода В.

Переходим к устройству новгородского управления и суда. Они строились в связи с определением отношений вольного города к князю. Эти отношения, видели мы, определялись договорами; но договорами определялись еще в XII в. и отношения других старших городов на Руси к князьям. Следовательно Новгород в удельные века развивал лишь порядок политических отношений, какой завязался всюду на Руси гораздо раньше; но этот порядок прежде времени погиб в остальных областях, а в Новгороде имел время развиться в сложную систему правительственных учреждений. В этом и сходство его с волостными городами Киевской Руси, и вместе отличие от них. Рассмотрим основания этой системы.

Новгород—державная союзная община.

У Новгорода не было *своих* постоянных князей. По идее общее достояние княжеского рода, владеемое по очереди старшими его представителями, великими князьями, он стал ничьим на деле. Выбирая князей по произволу на условиях найма и корма, он был всем чужой и все князья были ему чужие. По мере того, как устанавливались у него договорные отношения к князьям, новгородский князь постепенно выступал из состава местного общества, теряя органические связи с ним. Он со своей дружиной входил в это общество лишь механически, как сторонняя временная сила. Он и жил вне города, на *Городище*, как называлось его подворье. Благодаря тому политический центр тяжести в Новгороде должен был с княжеского двора переместиться

в среду местного общества, на вечевую площадь. Вот почему, несмотря на присутствие князя Новгород в удельные века был собственно державной общиной. Далее, в Новгороде мы встречаем то же военное устройство, какое еще до князей сложилось в других старших городах Руси. Новгород составлял *тысячу*, вооруженный полк под командой тысяцкого. Эта тысяча делилась на *сотни*, военные части города. Каждая сотня со своим выборным сотским представляла особое общество, пользовавшееся известной долей самоуправления, имевшее свой сход, свое вече. В военное время это был рекрутский округ, в мирное—округ полицейский. Но сотня не была самой мелкой административной частью города: она подразделялась на *улицы*, из которых каждая со своим выборным *улицким* старостой составляла также особый местный мир, пользовавшийся самоуправлением. С другой стороны, сотни складывались в более крупные союзы, *концы*. Каждый городской конец состоял из двух сотен. Во главе конца стоял выборный *кончанский* староста, который вел текущие дела конца. Но он правил концом не один, а при содействии коллегии знатных обывателей конца, которая составляла кончанскую управу. Эта управа была исполнительным учреждением, действовавшим под надзором кончанского веча, имевшего распорядительную власть. Союз концов и составлял общину Великого Новгорода. Таким образом Новгород представлял многостепенное соединение мелких и крупных местных миров, из которых большие составлялись сложением меньших.

Вече и его отношение к князю.

Совокупная воля всех этих союзных миров выражалась в общем вече города. По происхождению своему новгородское вече было городским собранием, совершенно однородным со сходами других старших городов Руси. Можно было бы предполагать, что больший политический простор позволял

новгородскому вечу сложиться в более выработанные формы. Однако в рассказах древней новгородской летописи вече благодаря этому простору является только более шумным и произвольным, чем где-либо. В устройстве его до конца вольности города оставались важные пробелы. Вече созывали иногда князь, чаще который-нибудь из главных городских сановников, посадник или тысяцкий. Впрочем иногда, особенно во время борьбы партий, вече созывали и частные лица. Оно не было постоянно действующим учреждением, созывалось, только когда являлась в нем надобность. Никогда не было установлено постоянного срока для его созыва. Вече собиралось по звону вечевого колокола. Звук этого колокола новгородское ухо хорошо отличало от звона церковных колоколов. Вече собиралось обыкновенно на площади, называвшейся Ярославовым двором. Обычным вечевым местом для выбора новгородского владыки была площадь у Софийского собора, на престоле которого клали избирательные жеребьи. Вече не было по составу своему представительным учреждением, не состояло из депутатов: на вечевую площадь бежал всякий, кто считал себя полноправным гражданином. Вече обыкновенно состояло из граждан одного старшего города; но иногда на нем являлись и жители младших городов земли, впрочем только двух: Ладоги и Пскова. Это были или пригородские депутаты, которых посылали в Новгород, когда на вече возникал вопрос, касавшийся того или другого пригорода, или случайные посетители Новгорода из пригорожан, приглашенные на вече. В 1384 г. пригорожане Орехова и Корелы прибыли в Новгород жаловаться на посаженного у них новгородцами кормленщика, литовского князя Патрикия. Собрались два веча, одно за князя, другое за пригорожан. Это было, очевидно, обращение обижаемых провинциалов за управой к державной столице, а не участие

их в законодательной или судебной власти веча. Вопросы, подлежавшие обсуждению веча, предлагались ему со *степени* князем или высшими сановниками, степенным посадником либо тысяцким. Вече ведало всю область законодательства, все вопросы внешней политики и внутреннего устройства, а также суд по политическим и другим важнейшим преступлениям, соединенным с наиболее тяжкими наказаниями, лишением жизни или конфискацией имущества и изгнанием (*поток и разграбление* Русской Правды). Вече постановляло новые законы, приглашало князя или изгоняло его, выбирало и судило главных городских сановников, разбирало их споры с князем, решало вопросы о войне и мире и т. п. В законодательной деятельности веча принимал участие и князь; но здесь в компетенции обеих властей трудно провести раздельную черту между правомерными и фактическими отношениями. По договорам князь не мог замышлять войны «без новгородского слова»; но не встречаем условия, чтобы Новгород не замышлял войны без княжеского согласия, хотя внешняя оборона страны была главным делом новгородского князя. По договорам князь не мог без посадника раздавать доходных должностей, *волостей и кормлений*, а на деле бывало, что вече давало кормления без участия князя. Точно также князь не мог отнимать должностей «без вины», а вину должностного лица он обязан был объявить на вече, которое тогда производило дисциплинарный суд над обвиняемым. Но иногда роли обвинителя и судьи менялись: вече привлекало на суд пред князем неудобного областного кормленщика. По договорам князь не мог без посадника давать грамот, утверждавших права должностных или частных лиц; но нередко такие грамоты исходили от веча помимо князя и даже без его имени и только решительным поражением новгородской рати Василий Темный

заставил новгородцев в 1456 г. отказаться от «вечных грамот».

Анархический характер веча.

На вече по самому его составу не могло быть ни правильного обсуждения вопроса, ни правильного голосования. Решение составлялось на глаз, лучше сказать, на слух, скорее по силе криков, чем по большинству голосов. Когда вече разделялось на партии, приговор вырабатывался насильственным способом, посредством драки: осилившая сторона и признавалась большинством. Это была своеобразная форма *поля*, суда Божия, как сбрасывание с волховского моста осужденных вечевым приговором было пережиточной формой древнего испытания водой. Иногда весь город «раздирался» между боровшимися партиями и тогда собирались одновременно два веча, одно на обычном месте, на Торговой стороне, другое на Софийской; но это были уже мятежные междоусобные сборища, а не нормальные веча. Случалось не раз, раздор кончался тем, что оба веча, двинувшись друг против друга, сходились на большом волховском мосту и начинали побоище, если духовенство во-время не успевало разнять противников. Такое значение волховского моста, как очевидца городских усобиц, выразилось в поэтической форме, в легенде, занесенной в некоторые русские летописи и в записи одного иностранца, бывавшего в России в начале XVI в. барона Герберштейна. По его рассказу, когда новгородцы при Владимире Святом сбросили идол Перуна в Волхов, рассерженный бог, доплыв до моста, выкинул на него палку со словами: «вот вам, новгородцы, от меня на память». С тех пор новгородцы в урочное время сходятся с палками на волховском мосту и начинают драться, как бешеные.

Посадник и тысяцкий.

Исполнительными органами веча были два высших выборных сановника, которые вели текущие дела управления

и суда, *посадник и тысяцкий*. Пока они занимали свои должности, они назывались *степенными*, т.-е. стоящими на степени, а покинув степенную службу, получали звание посадников и тысяцких *старых*. Довольно трудно разграничить ведомство обоих сановников: посадники степенные и старые в походах командуют новгородскими полками; тысяцкие делают одни дела с посадниками. Кажется, посадник был собственно гражданским управителем города, а тысяцкий военным и полицейским; вот почему немцы в удельные века называли посадника бургграфом, а тысяцкого герцогом. Оба сановника получали свои правительственные полномочия на неопределенное время: одни правили год, другие меньше, иные по нескольку лет. Кажется, не раньше XV в. установился постоянный срок для занятия этих должностей. По крайней мере один фламандский путешественник Guillebert de Lannoy, посетивший Новгород в начале XV в., говорит о посаднике и тысяцком, что эти сановники сменялись ежегодно. Посадник и тысяцкий правили с помощью целого штата подчиненных им низших агентов, называвшихся *приставами*, *биричами*, *подвойскими*, *позовниками*, *изветниками*, которые исполняли разные судебные и административно-полицейские распоряжения, объявляли решения веча, призывали к суду, извещали суд о совершенном преступлении, производили обыски и т. п. В пользу посадника и тысяцкого за их службу шел поземельный налог *поралье* (рало—плуг).

Суд. Кроме дел собственно правительственных посадник и тысяцкий принимали деятельное участие в судопроизводстве. Изображение новгородского суда находим в сохранившейся части Новгородской Судной грамоты, устава, составленного и утвержденного вечем в последние годы новгородской вольности. Источники ее—«старина», т.-е. юридический обычай

и давняя судебная практика Новгорода, постановления веча и договоры с князьями. В новгородском судоустройстве прежде всего внимание останавливается на обилии подсудностей. Суд не сосредоточивался в особом ведомстве, а был распределен между разными правительственными властями: он составлял доходную статью, в которой нуждались все ведомства. Был свой суд у новгородского владыки, свой у княжеского наместника, у посадника, свой у тысяцкого. Возникновение инстанций вносило новое осложнение в судопроизводство. По договорным грамотам князь не мог судить без посадника, и по Судной грамоте посадник судит с наместником князя, а без наместника суда не *кончает*, следовательно только начинает его. На практике эта совместная юрисдикция посадника и наместника разрешалась тем что уполномоченные органы того и другого, *тиуны*, каждый отдельно разбирали подлежавшие им дела в своих *одринах* или камерах при содействии избранных тяжущимися сторонами двух *приставов*, заседателей, но не решали дел окончательно, а переносили их в высшую инстанцию: или на *доклад*, т.-е. для составления окончательного решения, или на *пересуд*, т.-е. на ревизию, для пересмотра дела и утверждения положенного тиуном решения. В суде этой докладной и ревизионной инстанции с посадником и наместником или с их тиунами сидели 10 присяжных заседателей, по боярину и житьему от каждого конца. Они составляли постоянную коллегию *докладчиков*, как они назывались, и собирались на дворе новгородского архиепископа «во владычне комнате» три раза в неделю под страхом денежной пени за неявку. Наконец судопроизводство усложнялось еще комбинациями разных юрисдикций в смесных делах, где встречались стороны различных подсудностей. В тяжбе церковного человека с мирянином городской судья

судил вместе с владычним наместником или его тиуном. Княжеского человека с новгородцем судила на Городище особая коммиссия из двух бояр, княжеского и новгородского, и если они не могли согласиться в решении, дело докладывалось самому князю, когда он приезжал в Новгород, в присутствии посадника. Тысяцкий повидимому судил дела преимущественно полицейского характера. Но он же был первым из трех старшин в совете, который стоял во главе возникшего в XII в. при церкви св. Іоанна Предтечи на Опоках купеческого общества и ведал торговый суд. Этот же совет с участием посадника кстати разбирал дела между новгородцами и купцами немецкого двора в Новгороде. Столь заботливо расчлененное судоустройство повидимому прочно обеспечивало право и общественное спокойствие. Но статьи Судной грамоты об огромных штрафах за грабежи и наезды на оспариваемые земли и за *наводку*, подговор толпы к нападению на суд, производят другое впечатление. Усиленная строгость законодательства в поддержании общественного порядка не говорит за то, что общество пользуется достаточным порядком.

Совет господ.

Вече было законодательным учреждением, посадник и тысяцкий—его исполнительными судебно-административными органами. По характеру своему вече не могло правильно обсуждать предлагаемые ему вопросы, а тем менее возбуждать их, иметь законодательный почин; оно могло только отвечать на поставленный вопрос, отвечать простым *да* или *нѣт*. Нужно было особое учреждение, которое предварительно разрабатывало бы законодательные вопросы и предлагало вечу готовые проекты законов или решений. Таким подготовительным и распорядительным учреждением был новгородский *совѣт господ*, Herrenrath, как называли его немцы, или *господа*, как он назывался в Пскове. Госпóда

вольного города развилась из древней боярской думы князя с участием городских старейшин. Такую думу встречаем мы при Владимире Святом в Киеве. Новгородские князья для обсуждения важных вопросов в XII в. приглашали к себе на совет вместе со своими боярами городских сотских и старост. По мере того, как князь терял органические связи с местным обществом, он с боярами был постепенно вытеснен из местного правительственного совета. Тогда постоянным председателем этого совета господ остался местный владыка-архиепископ, в палатах которого он и собирался. Новгородский совет после того состоял из княжеского наместника и городских властей: из степенных посадника и тысяцкого, из старост кончанских и сотских. Но рядом со степенными в совете сидели и старые посадники и тысяцкие. Частые смены высших сановников под влиянием борьбы партий были причиной того, что в совете господ было всегда много старых посадников и тысяцких. Вот почему новгородский совет в XV в. накануне падения новгородской вольности состоял более чем из 50 членов. Все они кроме председателя назывались *боярами*. Совет, сказали мы, подготовлял и вносил на вече законодательные вопросы, представлял готовые проекты законов, не имея своего собственного голоса в законодательстве; но по характеру социально-политического строя Новгорода этот совет на деле имел более важное значение. Состоя из представителей высшего новгородского класса, имевшего могущественное экономическое влияние на весь город, этот подготовительный совет часто и предрешал вносимые им на вече вопросы, проводя среди граждан подготовленные им самим ответы. В истории политической жизни Новгорода боярский совет имел гораздо больше значения, чем вече, бывшее обыкновенно послушным его орудием: это была скры-

тая, но очень деятельная пружина новгородского управления.

Областное управление. Центральное управление и суд в Новгороде осложнялись двойственностью властей—вечевой и княжеской. В областном управлении встречаем двойственность начал—централизации и местной автономии. Новгород был державный город, повелевавший обширной территорией, но он предоставлял частям этой территории значительную самостоятельность. При взаимном антагонизме этих начал установилось довольно своеобразное отношение областного управления к центральному. Сохранились следы, впрочем неясные, указывающие на то, что коренные области, вошедшие потом в пятинное деление Новгородской земли, зависели в управлении от частей Новгорода, между которыми они были расписаны.

Отношение пятин к концам. На эту зависимость указывает упомянутый мною барон Герберштейн; впрочем это свидетельство очень неясно выражено. Передаю его слова в возможно близком к подлиннику изложении. Лет 40 с чем-нибудь спустя после падения Новгорода Герберштейну рассказывали в Москве, что некогда во времена своей вольности, этот город имел обширную область, разделенную на пять частей; каждая из этих частей не только относилась во всех общественных и частных делах к подлежащему начальству своей части (quarum quaelibet pars non solum de publicis ac privatis rebus cognoscendis ad ordinarium ac competenten suae partis magistratum referebat), но и сделки с согражданами каждый мог совершать только в своей части города, и никому не позволялось обращаться с чем-либо к другому начальству того же города (verum in sua dumtaxat civitatis regione contrahere res quiscunque ac commode cum aliis civibus suis conficere poterat etc.). Герберштейн хотел сказать или ему говорили, что каждая *территориальная*

часть Новгородской земли во всех делах обращалась к управлению своей *городской* части, т.-е. городского конца. Такое же отношение частей территории к концам города существовало и в Псковской земле. Здесь старые пригороды издавна были распределены между концами города. В 1468 г., когда накопилось много новых пригородов, на вече было решено также разделить их по жребию между концами, по два пригорода на каждый конец. И в новгородских документах есть кое-какие указания на административную зависимость загородных земел от городских концов. Так по писцовым книгам конца XV в. известны съемщики подгородных земель в Вотской пятине, тянувшие тяглом в Неревский конец, с которым она соприкасалась. Новгородская Судная грамота говорит о сельских волостных людях «кончанских и улицких», которых старосты концов и улиц обязаны были ставить на суд в исках на них сторонних лиц. Впрочем пятина или соответствующая ей округа не была цельной административной единицей, не имела своего местного административного средоточия. Она распадалась по пригородам на части, называвшиеся их *волостями*, а в московское время *уездами* или *присудами*; каждая волость имела свое особое административное средоточие в известном пригороде, так что кончанское управление было единственной связью, соединявшей пятины в одно административное целое. Пригород со своей волостью был такой же местный самоуправляющийся мир, какими были новгородские концы и сотни. Его автономия выражалась в местном пригородном вече. Впрочем этим вечем руководил посадник, который обыкновенно присылался из старшего города. Назначение пригородских посадников из Новгорода было одной из форм, в которых выражалась политическая зависимость пригородов от старшего города. Вместе с этою открываются

Пригороды.

и другие формы в рассказе о том, как Псков стал самостоятельным городом. До половины XIV в. он был пригородом Новгорода, в 1347 г. по договору с Новгородом получил независимость от него, стал называться младшим его братом. По этому договору новгородцы отказались от права посылать в Псков посадника и вызывать псковичей в Новгород на суд гражданский и церковный; новгородский владыка, к епархии которого принадлежал Псков, должен был для церковного суда назначать туда своим наместником природного псковича. Значит, судебные учреждения старшего города служили высшей инстанцией для пригорожан. По договорным грамотам *сотские и рядовичи* без княжеского наместника и посадника не судят нигде. Это значит, что старосты городские и сельские подобно новгородским тиунам посадника и наместника только начинали судебные дела, а для окончательного решения переносили их к докладу в суд докладчиков в Новгороде. Третья форма политической зависимости пригорода от старшего города состояла в праве последнего облагать пригородное население сборами на свои нужды. Далее, Новгород раздавал свои пригороды в кормление князьям, которых призывал к себе на службу; во время войны пригороды по приказу Новгорода высылали свои ополчения, которыми иногда командовали новгородские воеводы. За ослушание Новгород наказывал пригороды денежной пеней и даже «казнью», которая состояла в военной экзекуции, сжигавшей села в волости непокорного пригорода. Так казнены были в 1435 г. Ржева и Великие Луки за отказ платить дань Новгороду. Несмотря на то политическая зависимость пригородов, выражавшаяся в столь разнообразных формах, была всегда очень слаба: пригороды иногда отказывались принимать посадников, которых присылал главный город; Торжок не раз ссорился с Новгородом и прини-

мал к себе князей против его воли; в 1397 г. вся Двинская земля «задалась» за великого князя московского Василия по первому его зову и целовала ему крест, отпав от Новгорода. Вообще в устройстве областного управления Новгородской земли заметен решительный перевес центробежных сил, парализовавших действие политического центра.

Противоречия политического строя.

В начале сегодняшнего чтения я сказал, что устройство Новгородской земли в удельные века было дальнейшим развитием основ, лежавших в общественном быту старших городов Киевской Руси; только это развитие осложнялось местными условиями. Там и здесь встречаем ту же двойственность власти веча и князя—и те же договорные отношения между ними. Но в Новгороде эти отношения разработаны и определены подробнее, отлиты в стереотипные формулы письменного договора, управление расчленено и сплелось в сложную, даже запутанную сеть учреждений, и все это, и отношения, и учреждения, направлено в одну сторону, против князя, без которого однако вольный город не мог обойтись. Князь должен был стоять около Новгорода, служа ему, а не во главе его, правя им. Он для Новгорода или наемник, или враг; в случае вражды к нему, как к враждебной державе, посылали с веча на Городище ультиматум, грамоту, „исписавше всю вину его", с заключением: „поеди от нас, а мы собе князя промыслим". Но так как князь в Новгороде был единственной централизующей силой, которая могла объединить и направить сословные и местные интересы к общей цели, то ослабление его власти помогало накопиться в общественном быту Новгорода обильному запасу противоречий и условий раздора. Жизненные стихии Новгородской земли сложились в такое сочетание, которое сделало из нее обширный набор крупных и мелких местных миров, устроившихся по образцу центра, с большей или меньшей долей

уступленной или присвоенной державности,—набор, неустойчивый внутри и только механически сжатый внешними опасностями. Нужна была внутренняя нравственная сила, чтобы сообщить земле некоторую прочность. Такой силы будем искать в общественном составе Новгорода.

Лекция XXIV.

Классы новгородского общества.—Новгородское боярство и его происхождение.—Житые люди.—Купцы и черные люди.—Холопы, смерды и половники.—Земцы, происхождение и значение этого класса.—Основание сословного деления новгородского общества.—Политический быт Новгорода.—Происхождение и борьба партий княжеских и социальных.—Характер и значение новгородских усобиц.—Особенности псковского политического строя и быта.—Различный характер псковского и новгородского политического порядка.—Недостатки новгородского политического быта.—Общая причина падения вольности Новгорода.—Предсказания.

Мы изучали политическия формы жизни Новгорода Великого. Теперь войдем в ее содержание и прежде всего остановимся на составе новгородского общества.

Новгородская Судная грамота, в которой можно видеть завершительное дело новгородской юридической мысли, в первой статье своей о суде церковном ставит как бы общее правило: „судити всех равно, как боярина, так и житьего, так и молодчего человека“; по договору с Казимиром литовским это правило обязательно и для совместного суда посадника и наместника. Можно подумать, что в этой формуле равенства всех состояний перед законом выразилось вековое развитие новгородского общества в демократическом направлении. В таком случае Новгород надобно признать непохожим на его сверстников, на старшие волостные города Киевской Руси, в которых общественный

Состав общества

быт отличался аристократическим, патрицианским характером.

В составе новгородского общества надобно различать классы городские и сельские. Население Новгорода Великого состояло из *бояр*, *житьих людей*, *купцов и черных людей.*

Происхождение боярства.

Во главе новгородского общества состояло *боярство*. Мы знаем, что в других областях Русской земли боярство создавалось вольной службою князю. В Новгороде князь со своей дружиной был сторонней, пришлой силой, не входившей органически в состав местного общества. Каким же образом могло возникнуть боярство в Новгороде, когда здесь не было самого корня, из которого выростал этот класс в других областях Руси? Отвечая на этот вопрос, надо припомнить, что еще до князей старшие города на Руси управлялись военной старшиной, выходившей из местной промышленной знати. Новгородское боярство образовалось из такого же класса. В других областях Руси с появлением князей городская военно-промышленная знать была вытеснена из управления княжеской дружиной. По разным обстоятельствам в Новгороде эта знать не утратила своего правительственного значения и при князьях. Уже в XI в. князья, правившие Новгородом, назначили на местные правительственные должности людей из местного же общества. Таким образом новгородская администрация по личному составу своему стала туземной еще прежде, чем сделалась выборной. Посредством таких назначений из княжеских сановников туземного происхождения к началу XII в. в Новгороде и сложился влиятельный класс или круг знатных фамилий, имевший двоякое руководящее значение в местном обществе: члены его занимали правительственные должности в городе по назначению князя, а в столкновениях последнего с городом этот класс становился во главе горо-

жан против князя. Занимая по назначению князя должности, которые в других областях давались княжеским боярам, и новгородская знать усвоила себе значение и звание бояр. Князь Всеволод в данном им Новгороду церковном уставе (1135 г.) прямо называет новгородских сотских «своими мужами», а княжи мужи — бояре. Значит, и в Новгороде боярство вышло из того же политического источника, из какого оно выходило в других областях Русской земли: этим источником была служба князю, занятие высших правительственных должностей по назначению князя. Усвоив себе звание бояр на княжеской службе, местная правительственная знать удержала его и после, когда стала получать свои правительственные полномочия не от князя, а от местного веча.

Житые люди.

Не так ясно выступает в новгородских памятниках второй класс по месту на социальной лествице Новгорода, *житые* или *житьи* люди. Можно заметить, что в управлении этот класс стоял ближе к местному боярству, чем к низшим слоям населения. Значение его несколько объясняется в связи с экономическим значением местного боярства. Правя городом по вечевому выбору, это боярство вместе с тем руководило и народным хозяйством в Новгородской земле. Это были крупные землевладельцы и капиталисты, принимавшие двоякое участие в торговле. Обширные земельные имущества служили им не столько пашней, сколько промысловыми угодьями: отсюда ставили они на новгородский рынок товары, бывшие главными статьями русского вывоза за море: меха, кожи, воск, смолу, золу, строевой лес и пр. Посредниками между ними и иноземцами служили новгородские купцы. Точно так же и своими капиталами они пользовались не для непосредственных торговых операций, а для кредитных оборотов, ссужали ими торговцев или вели торговые дела при

посредстве агентов из купцов. В новгородских памятниках и преданиях местный боярин чаще всего является с физиономией капиталиста—дисконтера. У одного посадника в XIII в. народ, разграбивший его дом, нашел долговые «доски», на которых значилось отданных взаймы денег «без числа». Таким непрямым участием в торговле можно объяснить отсутствие старосты от бояр в совете новгородского купеческого общества, образовавшегося около 1135 г. при церкви св. Іоанна Предтечи на гостинном дворе. *Житьи* были, повидимому, люди среднего состояния, *середние жилецкие* по московской социальной терминологии, стоявшие между боярством и молодчими или черными людьми. Они принимали более прямое участие в торговле, и их вместе с черными людьми представлял в составе купеческого общества тысяцкий. Капиталисты средней руки и постоянные городские обыватели, домовладельцы, это были и землевладельцы, иногда очень крупные. Упомянутый уже мною рыцарь Ланнуа пишет, что в Новгороде кроме бояр есть еще такие горожане (bourgeois), которые владеют землями на 200 лье в длину, чрезвычайно богатые и влиятельные. Это свидетельство может относиться только к житьим людям. По личному землевладению, как наиболее характерной черте в общественном положении житьих людей, Москва, переселяя их тысячами в свои области после падения Новгорода, верстала их не в городское посадское население, как купцов, а в служилые люди с поместным наделом. Личное землевладение сближало их с новгородским боярством; но они не принадлежали к тому рано замкнувшемуся кругу знатных фамилий, из которого вече привыкло выбирать высших сановников города, хотя вместе с боярами они исполняли, как представители концов, судебные, дипломатические и другие правительственные поручения. Класс настоящих торговцев назывался *куп-*

цами. Они уже стояли ближе к городскому простонародию, слабо отделялись от массы городских черных людей. Они работали с помощью боярских капиталов, либо кредитуясь у бояр, либо служа им комиссионерами в торговых оборотах. Впрочем и в их сословной организации не было равенства. Купеческое общество при церкви св. Іоанна Предтечи образовало высший разряд, своего рода первую гильдию новгородского купечества. По уставу этого общества, данному князем Всеволодом около 1135 г., чтобы стать «пошлым купцом», полноправным и потомственным членом «Иванского купечества», надобно было дать вкладу 50 гривен серебра— целый капитал при тогдашней ценности этого металла. Обществу даны были важные привелегии; совет его, состоявший из двух купеческих старост под председательством тысяцкого, ведал все торговые дела и торговый суд в Новгороде независимо от посадника и совета господ. Есть следы и других разрядов или гильдий, стоявших ниже Иванского купечества: таково «купецкое сто», упоминаемое в духовной одного новгородца XIII в. *Черные* люди были мелкие ремесленники и рабочие, которые брали работу или деньги для работы у высших классов, бояр и житьих людей. Таков состав общества в главном городе. Те же самые классы встречаем мы и в пригородах, по крайней мере, важнейших.

Купцы.

Черные люди.

В глубине сельского, как и городского общества в Новгородской земле видим *холопов.* Этот класс был там очень многочислен. Развитию его способствовало особенно боярское и житье землевладение. Крупные вотчины заселялись и эксплоатировались преимущественно холопами. Все свободное крестьянское население в Новгородской земле носило общее название *смердов;* но в составе его различаются два разряда: смерды в тесном смысле слова, обрабатывавшие государственные земли Новгорода Великого, и *половники,*

Холопы и крестьяне.

сидевшие на землях частных владельцев. Название свое половники получили от обычного в древней Руси условия поземельной аренды—обрабатывать землю *исполу*, из половины урожая. Впрочем в Новгородской земле половники снимали земли и на более льготных условиях, из третьего или четвертого снопа, смотря по ценности земли и земледельческого труда в данном месте. Половники подобно закупам Русской Правды, являются в Новгородской земле в более подневольном состоянии сравнительно с вольными крестьянами в княжеской Руси, стояли в положении, близком к холопам, и эта зависимость не была исконной, а устанавливалась в XIII—XV в., в период расцвета новгородской вольности. Это можно заметить по новгородским договорам с князьями. Сначала здесь постановлялось, что судьи князя не судят холопа без его господаря. Потом это условие осложняется присоединением к холопу половника: землевладельцу косвенно присвоялась вотчинная юрисдикция над его крестьянином. Договор с князем Ярославом 1270 г. постановил не верить доносу холопов на своих господ; позднейшие договоры распространяют это условие и на смердов. Наконец договор с тверским князем Михаилом 1308 года требует обратной выдачи вместе с холопами и новгородских половников, бежавших в Тверскую область. В Московской земле подобные стеснения крестьянского перехода и то в виде частной или местной меры становятся известны не ранее половины XV в. В новгородской Судной грамоте появляются следы письменных обязательств, ограничивавших свободу крестьян, и также неизвестных в княжеской Руси того времени. Грамота говорит о волостных, сельских людях владычних (архиепископа), монастырских, боярских, житьих, которых господари, их хозяева, обязаны ставить на суд в случае частного их обвинения в уголовном преступлении.

Эти люди не были холопы, однако «давались в грамоту» землевладельцам, входили в личную зависимость на тех или иных условиях. Значит, в вольной Новгородской земле сельское население, работавшее на господских землях, было поставлено в бо́льшую зависимость от землевладельцев, чем где-либо в тогдашней Руси.

Земцы.

Другою особенностью новгородского землевладения был класс крестьян-собственников. Этого класса мы не встречаем на всем пространстве княжеской Руси: там все крестьяне работали либо на государственных, либо на частных господских землях. В областях вольных городов, напротив, встречаем сельский класс населения, очень похожий на крестьян, но владевший землей на праве собственности. Он назывался *земцами* или *своеземцами*. Этот класс в Новгородской земле повидимому был довольно многочислен. По поземельной новгородской книге, составленной в 1500 г., в уездах Новгородском, Ладожском и Ореховском значится около 400 земцев, на землях которых обрабатывалось свыше 7000 десятин; на каждого своеземца приходилось средним числом пашни десятин по 18. Итак это вообще мелкие землевладельцы с небольшими хозяйствами. Но землевладение земцев отличалось некоторыми своеобразными чертами. Они редко владели землей в одиночку. Чаще всего своеземцы сидят гнездами, землевладельческими товариществами, связанными родством или договором. Многие владеют и пашут совместно, иные раздельно, живя вместе, в одной деревне, или особыми деревнями, но приобретают землю обыкновенно сообща, в складчину; раздельное владение— уже следствие раздела совместно приобретенной земли. Встречаем одно имение, в котором пашни было всего 84 десятины и которое принадлежало 13 совладельцам. Своеземцы или сами обрабатывали свои земли, или сдавали их в аренду

крестьянам половникам. По роду занятий и размерам участков своеземцы ничем не отличались от крестьян; но они владели своими землями на правах полной собственности. Такой характер их землевладения ясно обозначается в писцовых книгах. Своеземцы меняли и продавали свои земли, выкупали у родичей, отдавали в приданое за дочерьми: даже женщины, вдовы и сестры являются владельцами и совладельцами таких земель. Наконец, псковские летописи в рассказе о событиях, которыми сопровождалось падение Пскова, прямо называют земли своеземцев их «вотчинами». Каково было происхождение этого своеобразного класса в областях вольных городских общин? Следы этого происхождения еще сохранились в городских поземельных книгах, составленных уже московскими писцами после падения Новгорода, в последние годы XV в. В городе Орешке по книге 1500 г. рядом с «городчанами» обозначено 29 дворов своеземцев, из которых некоторые принадлежали к разряду *лутчих* людей. Эти своеземцы ясно отличены в книге от горожан, даже от «лутчих» горожан. Читая описание сельских погостов уезда, находим, что эти орешковские двороврадельцы-своеземцы владели еще землями в Ореховском и других ближних уездах. Одни из них жили в городе, сдавая свои земли в аренду крестьянам; другие только числились в городском обществе, а жили в своих деревнях, отдавая городские свои дворы в аренду «дворникам» (постояльцам), которые за них и тянули городское тягло вместе с горожанами. Любопытно, что в одном разряде с землями своеземцев поземельная книга перечисляет и земли «купецкие». Среди своеземцев появляются изредка поповичи, отцы которых служили при городских церквах. Итак сельский класс своеземцев образовался преимущественно из горожан: это были не сельские обыватели,

приобретавшие дворы в городах, а чаще горожане, приобретавшие земли в уезде. В Новгородской и Псковской земле право земельной собственности не было привилегией высшего служилого или правительственного класса, как в княжеской Руси, оно усвоено было и другими классами свободного населения. Городские, как и сельские обыватели приобретали мелкие земельные участки в собственность с целию не только земледельческой, но и промышленной их эксплоатации, разводя лен, хмель и лесные борти, ловя рыбу и зверя; но как люди небогатые, они складывались для этого в товарищества, в землевладельческие компании. Такие землевладельческие товарищества носили в Новгородской и Псковской земле специальные юридические названия сябров (соседей) и складников. К типу такого землевладения в складчину принадлежало и земецкое, и этим коллективным способом приобретения и владения оно отличалось от личного боярского и житьего. Значит, городской промышленный капитал, главный рычаг народного хозяйства в Новгородской земле, создал здесь и особый своеобразный класс земельных собственников, какого не встречается в княжеской Руси.

Обозревши состав общества в Новгородской земле, остается решить вопрос: перечисленные общественные классы— простые ли это экономические состояния, или сословия в юридическом смысле слова, с особыми правами и обязанностями, с неодинаковым правомерным, а не фактическим только значением в управлении и жизни вольного города? И то, и другое: в истории Новгорода наблюдаем довольно редкий случай совпадения экономической и политической классификации общества. Боюсь, что объяснение возможности такого совпадения покажется вам несколько сложным и даже запутанным.

Основание сословного деления.

При изучении основания, на котором держалось общественное деление в Новгороде, внимание прежде всего останавливается на видимой резкой разнице между политическим и социальным строем Новгорода, между формами его политического быта и действительными общественными отношениями. Формы его политического быта носили демократический отпечаток: перед судом были равны лица всех свободных состояний; все свободные обыватели имели место и равные голоса на вече. Но общественный быт Новгорода созидался не на почве равенства. Значение каждого класса в новгородской политической жизни зависело от его экономического положения; политический авторитет каждого состояния на деле определялся его торговым весом. На верху общества лежал класс бояр, крупных капиталистов, к которым примыкали капиталисты средней руки, житые люди; оба эти класса и были политическими руководителями местного общества. Ниже их стояли купцы, настоящие торговцы: они работали чужим капиталом. Еще ниже лежал слой черных людей, ремесленников и рабочих, экономически зависевших также от высших классов. Еще менее последних значили в политической жизни земли сельские классы, дальше городских стоявшие от главного источника власти и богатства, от торгового капитала, кроме разве земцев, которые по своему происхождению больше принадлежали к городскому обществу. Таким образом новгородская социально-политическая лествица выстроилась соответственно имущественному неравенству состояний. Это соответствие отражалось и в сословно-юридических определениях. Боярство образовало правительственный класс, исключительно, монопольно комплектовавший по выборам веча личный состав высшего управления. Это было только обычаем, и вече могло выбрать посадника из какого ему было угодно класса. Но политиче-

ский обычай заменял тогда закон, и демократическое вече, чтя старину, ни разу, сколько известно, не дало посадничества ни купцу, ни смерду. Бояре вместе с житьими ставили из своей среды представителей от концов, присяжных докладчиков в суд, посадника и наместника, также в выборные комиссии по внешним сношениям и внутренним делам. производившемся с участием депутаций от державного города. Все это—важные политические права, созданные обычаем, закрепленные длинным рядом договоров с князьями и отчасти Судной грамотой. Можно думать, что и в отбывании повинностей, в податном обложении оба правящие класса пользовались некоторыми льготами и изъятиями. То же значение их сказывалось и в частных отношениях. Договоры с князьями и Судная грамота ставили основное правило «судити всех равно»; однако купец или черный человек не мог явиться со своим иском в «тиуню одрину» без подысканного им пристава из «добрых людей», т. е. из тех же бояр и житьих. Купцы имели свое сословное устройство, свой торговый суд и свое выборное управление, судились только в Новгороде, каждый в своем *сте*, а также разделяли с высшими классами преимущество иметь на своих землях холопов и половников с правами полицейского надзора и участия в суде над ними. Смерда и половника нельзя признать равноправными состояниями с боярином или житьим. Не говорим о духовенстве, которое в Новгороде, как и везде на Руси, имело свое точно определенное сословное устройство, свои права и законы.

Так экономическое неравенство общественных классов служило основой и опорой неравенства юридического, а то и другое покрывалось народной верховной властью, по своей форме совсем не соответствовавшей ни такому складу общества, ни общественному положению высших санов-

ников, облекаемых властью от веча. Запомним это важное в истории Новгорода противоречие его жизни, на беду новгородцев не единственное.

Мы рассмотрели отношения Новгорода к князьям, строй его управления и склад общества, главные элементы его политической жизни. Теперь взглянем на эту жизнь, как она шла в совместном действии своих сил, как ее ход обнаруживался в явлениях, отмеченных древней летописью.

Политический быт.

Внешние и внутренние условия, в каких жил вольный город, укоренили в его политическом быту два противоречия, сообщившие своеобразный характер его политической жизни и не оставшияся безучастными в решении судьбы его вольности. Я только что указал одно из этих противоречий, состоявшее в несогласии политического строя Новгорода с социальным. Раньше начало обнаруживаться другое противоречие, заключавшееся в отношениях Новгорода к князьям. Город нуждался в князе для внешней обороны и поддержания внутреннего порядка, искал его, иногда готов был силою удержать его у себя и в то же время относился к нему с крайним недоверием, старался стеснить его права, оставить ему возможно меньше места в правительственном своем обиходе, гнал его от себя, когда был им недоволен. Эти противоречия и вызывали необыкновенный шум и движение в политической жизни города. Ни один из старинных городов древней Руси не дал такой тревожной истории, как Новгород. С самых ранних пор видим здесь оживленную борьбу политических партий; но в разное время характер ее был неодинаков. В этом отношении внутреннюю политическую жизнь города можно разделить на два периода.

Партіи княжеские.

До XIV века в Новгороде часто сменялись князья и эти князья соперничали друг с другом, принадлежа к враждебным княжеским линиям. Под влиянием этих княжеских

смен в Новгороде образовались местные политические кружки, которые стояли за разных князей и которыми руководили главы богатейших боярских фамилий города. Так первый период в истории политической жизни Новгорода был ознаменован борьбою княжеских партий. Но не князья сами по себе вызывали эту борьбу: ими прикрывались важные местные интересы, для которых враждебные друг другу князья служили только орудиями или знаменами. Князь нужен был Норгороду не только для внешней обороны, но и для расширения и обезпечения торговых оборотов. В договорах с князьями новгородцы настойчиво требовали, чтобы они не замышляли «рубежа», не задерживали новгородских купцов в своих землях, давали им «путь чист». Во время размолвки с Новгородом суздальский князь ловил новгородских купцов, торговавших в его владениях, и тогда партия в Новгороде, к которой принадлежали задержанные купцы, поднимались, чтобы заставить вече мириться с суздальским князем. Эти торговые связи и разделяли новгородских капиталистов-бояр и купцов в борьбе за князей на враждебные партии. Богатые торговые дома, имевшие дела преимущественно с Суздальским или Смоленским краем, стояли за суздальского или смоленского Мономаховича, а черниговский Ольгович нужен был, когда на киевском столе сидел князь из черниговской линии, тем новгородским капиталистам, которые вели дела преимущественно с Черниговским краем или с Киевской землей. Значит, борьба княжеских партий, наполнявшая смутами историю Новгорода до XIV века, была собственно борьбой новгородских торговых домов, соперничавших друг с другом.

Партии социальные.

С XIV в. прекращается частая смена князей на новгородском столе; вместе с этим изменяется и характер политической жизни в Новгороде. Читая рассказ местной лето-

писи, легко заметить эту перемену. Со смерти Ярослава I до татарского нашествия новгородская летопись, по счету С. М. Соловьева, описывает до 12 смут в городе; из них только две не были связаны с княжескими сменами, т. е. не были вызваны борьбою местных политических кругов за того или другого князя. С татарского нашествия до вступления Ивана III на великокняжеский стол в местной летописи описано более 20 смут; из них всего четыре связаны с княжескими сменами, вызваны были борьбой новгородских партий за того или другого князя; все остальные имели совсем другой источник. Этим новым источником смут, заметно обнаруживающимся с XIV века, была социальная рознь, борьба низших бедных классов новгородского общества с высшими богатыми. Новгородское общество делится с тех пор на два враждебные лагеря, из которых в одном стояли *лепшие* или *вятшие* люди, как называет новгородская летопись местную богатую знать, а в другом люди *меньшие*, т. е. чернь. Так в XIV в. борьба торговых домов Новгорода сменяется борьбою общественных классов. Эта новая борьба имела свой корень также в политическом и экономическом строе города; здесь вступило в действие другое противоречие мною упомянутое. Резкое имущественное неравенство между гражданами — очень обычное явление в больших торговых городах, особенно с республиканскими формами устройства. В Новгороде это неравенство при политическом равноправии, при демократических формах устройства, чувствовалось особенно резко, получило острый характер, производило раздражающее действие на низшие классы. Это действие усиливалось еще тяжкой экономической зависимостью низшего рабочего населения от бояр-капиталистов. Бедняки, неоплатно задолжавшие, спасаясь от долговой неволи, собирались в шайки и с беглыми холопами пускались разбойничать по Волге, ссоря

свой город с низовскими князьями, особенно с Москвой. Встречаясь на вече, равноправные сограждане, меньшие люди Новгорода тем с большей горечью чувствовали на себе экономический гнет со стороны немногих богатых фамилий, а по старине из них же должны были выбирать себе правителей. Этим был воспитан в низших классах новгородского общества упорный антагонизм против высших. Малые люди вдвойне озлобляются на больших, когда нуждаются в их деньгах и тяготятся их властью. Раздвоение между верхом и низом новгородского общества не раз проявлялось и до XIV в. Так в 1255 г. по поводу ссоры города с Александром Невским меньшие отделились от вятших, а те сговорились побить меньших. Но здесь меньшие являются еще не политической партией, а подвластным непокорным сословием, чернью, которую правящий класс хотел покарать за ослушание. Они получили характер такой партии, когда само боярство раскололось, и во главе новгородского простонародья стали также некоторые богатые боярские фамилии, отделившись в политической борьбе от своей братии.

Так новгородское боярство оставалось руководителем местной политической жизни во все продолжение истории вольного города. Благодаря тому с течением времени все местное управление перешло в руки немногих знатных домов. Из них новгородское вече выбирало посадников и тысяцких; их члены наполняли новгородский правительственный совет, который собственно и давал направление местной политической жизни. Читая новгородскую летопись, легко заметить это господство боярской аристократии в Новгороде, которая является даже с признаками замкнутой правительственной олигархии. В продолжение XIII в. новгородское вече 23 раза выбирало посадника. На эту должность выбрано было 15 лиц, так как некоторые посадники

Господство боярства.

по нескольку раз смещались и вновь выбирались на должность. Десятеро из них принадлежали к двум знатным фамилиям, из которых одна шла от новгородского боярина Михалка Степанича, а другая имела своим родоначальником другого новгородского боярина Мирошку Нездинича; оба они были посадниками в Новгороде в конце XII в. и в начале XIII столетия. Обе эти фамилии постоянно враждовали между собою, стоя во главе двух враждебных политических партий. Михалчичи были вождями Софийской стороны, где преимущественно сосредоточивалась новгородская боярская знать, а Нездиничи верховодили демократической торговой стороной, где обыкновенно поднимались восстания новгородских меньших людей против боярства. Значит, первенствующая должность новгородского посадника в продолжение XIII века оставалась почти исключительно в руках двух боярских фамилий. Из фамилии Михалчичей в продолжение двух столетий, с конца XII в. до конца XIV в., выбрано было 12 одних посадников, не говоря о других важных должностях, которые замещались членами того же боярского дома. Так противоречие, укоренившееся в политическом строе Новгорода, повело к тому, что этот вольный город при демократических формах своего устройства стал аристократической республикой, и местное общество, вечно неспокойное и недоверчивое к своей знати, во все время своей политической вольности оставалось в руках немногих знатных фамилий богатых капиталистов.

Усобицы. Древняя новгородская летопись, сухая и тусклая по изложению, не скупится на краски в описании «усобных ратей» в родном городе и наглядно изображает, как разыгрывалась на площади внутренняя нескладица новгородской политической жизни. Автономия кончанских и улицких обществ проявлялась в пренебрежении к вер-

ховному вечу державного города. В 1359 г. Славенскому концу не полюбился посадник Андреян Захарьинич, и конец самовольно назначил другого вопреки воле города. Пользуясь близостью своей к вечевой площади, славяне в доспехах «подсели» на вече и разогнали безоружных заречан Софийской стороны, многих бояр избили и «полупили», ограбили, а одного и убили. Волховской мост разметали; обе стороны стояли друг против друга по берегам реки 3 дня, пока духовенство не уговорило их разойтись. Однако много сел у славян пограбили, много и невиноватых людей погибло. Посадничество дали третьему боярину и на том помирились: «не попустил Бог диаволу до конца порадоваться, но возвеличено было христианство в род и род»: так закончила летопись свой рассказ. Взаимное озлобление обеих сторон, простонародной Торговой и Софийской боярской, резко и характерно выразилось в востании 1418 г. «Человек некий» Степанко, совсем простой, малый человек, схватил на улице одного боярина и закричал прохожим: «господа! пособите мне на этого злодея». Боярина притащили на вече, избили чуть не до смерти и сбросили с моста, как государственного преступника. Случившийся у моста рыбак сжалился над боярином и взял его к себе в челн. За это народ разграбил дом рыбака. Спасенный от народной казни боярин хотел отмстить за обиду и схватил обидчика. Тогда созвали вече на Ярославовом дворе и стали друг против друга «чернь» и «бояре». Чернь в доспехах со знаменем разграбила дом боярина и Кузьмодемьянскую улицу, где он жил. Боясь худшего, бояре заставили освободить Степанка, и по их просьбе архиепископ отправил его с попом и своим боярином на вече. Опьянев от политического разгула, вечевая толпа не угомонилась и принялись сводить счеты со знатью, разграбила несколько боярских улиц, также монастырь

св. Николая, где находились боярские житницы. Только Прусская улица, главное гнездо знати, отбилась. Тогда толпа прибежала на свою Торговую сторону, крича: «Софийская сторона хочет дома наши грабить». Поднялся звон по всему городу; с обеих сторон вооруженные люди повалили на главный мост. Завязалось настоящее сражение, начали падать убитые. К тому же разразилась страшная гроза. Обе стороны были в ужасе. Тогда владыка с собором духовенства в церковном облачении протеснился к мосту и стал посреди него, благословляя крестом на обе подравшиеся стороны, потом послал свое благословение на Ярославов двор к степенным посаднику и тысяцкому, руководившим Торговой стороной, и по слову святителя обе стороны разошлись.

Их значение.

В эти усобицы новгородское вече получало значение какого оно не имело при нормальном течении дел. В обычном порядке оно законодательствовало и частью наблюдало за ходом управления и суда, сменяло выборных сановников, которыми было недовольно; в поземельной тяжбе, затянувшейся по вине судей, истец всегда мог взять с веча приставов, чтобы понудить суд решить дело в узаконенный срок. Но когда народ подозревал или видел со стороны выборных властей либо всего правящего класса замыслы или действия, казавшиеся ему преступными или опасными, тогда вече, преобразуясь в верховное судилище, получало не всенародный, а простонародный состав, становилось односторонним, представляло одну лишь Торговую *черную* сторону во главе с боярами демократической партии. Так как движение в таких случаях шло против наличных властей, то оно получало вид народного мятежа. Анархический его характер усиливался еще применением к политическим преступлениям переживших свой смысл древних форм судопроизводства: сбрасывание с волховского моста

было остатком старинного вида суда Божия, испытания водой, а в грабеже боярских домов вынуждавшем домовладельцев бежать из города, сказывалась смутная память о древней казни за тяжкие преступления, которая в Русской Правде называется *потоком* и *разграблением.* Нельзя, конечно, назвать прочным общественный порядок, который приходится поддерживать средствами анархии; но у новгордского веча мятеж был единственным средством сдерживать правительство, когда оно по мнению народа угрожало народному благу. К такому средству прибегал не один Новгород, как вам известно из истории средневековой Европы.

Корень указанных недостатков новгородского политического строя и быта лежал не в природе вольной городской общины, а в условиях, которых могло и не быть. Доказательством этого может служить Псков. Прежде пригород Новгорода, а с XIV г. такой же вольный город, как и Новгород, Псков далеко не был его копией. Мимоходом отмечу его особенности, прежде чем закончу речь об его старшем брате.

Псков.

Переходя в изучении истории вольных городов от новгородских летописей к псковским, испытываешь чувство успокоения, точно при переходе с толкучего рынка в тихий переулок. Псковские летописцы описывают преимущественно явления мирного характера, поиски князя, строение церквей, городских стен и башень, знамения от икон, пожары и поветрия, изредка недоразумения с новгородским владыкой, епархиальным архиереем Пскова, из-за церковного суда и сборов с духовенства. Особенно часты известия о храмоздательстве: в 19 лет (1370—1388) псковичи построили 14 каменных церквей. В Пскове не заметно ни бурных сцен и побоищ на вечевой площади перед Троицким собором, ни новгородского задора в отношениях к князьям, ни социаль-

ного антагонизма и партийной борьбы. Раз прибили посадников на вече за неудачную меру; в другой раз собирались кнутом избесчествовать на вече псковских священников, протестовавших против участия духовенства в военных расходах; однажды спихнули с вечевой степени московского наместника, не прошенного Псковом. Впрочем подобные излишества—редкие явления в политической истории Пскова. Но при довольном мирном течении внутренней жизни этому городу во внешних делах досталась тяжелая боевая участь. С тех пор как в соседстве с Псковской землей объединилась Литва и основался Ливонский орден, Псков, стоя на рубеже Русской земли, в продолжение трех веков ведет с ними упорную двухстороннюю борьбу, располагая средствами своей небольшой области, простиравшейся верст на 300 неширокой полосой с юга на север, от верховьев р. Великой до р. Наровы. При двусмысленном и нередко прямо враждебном отношении Новгорода, для которого Псков со своими стенами в четыре ряда служил передовым оплотом с запада и юга, эта борьба была крупной исторической заслугой не только перед Новгородом, но и перед всей Русской землей тех веков. Эта же борьба в связи с ограниченным пространством области создала главные особенности политического строя и быта Пскова.

Управление.

Этим условиям, во-первых, Псков обязан был большей сравнительно с Новгородом сосредоточенностью управления и земского состава своей области. Подобно Новгороду Псков делился на концы, которых известно по летописи шесть, с подразделением на сотни. Между концами по делам военного управления распределены были, по два на каждый, пригороды, которых во второй половине XV в. было 12 (Изборск, Гдов, Остров, Опочка, и др.). Это были небольшие укрепленные поселения; большинство их оборонитель-

ной сетью размещено было в югозападном углу области, вблизи наиболее угрожаемых границ с Литвой и Ливонией. К каждому из них были приписаны сельские волости; но это были небольшие административные округа, непохожие на обширные области важнейших новгородских пригородов. И псковские пригороды пользовались долей самоуправления, но будучи более стратегическими пунктами, чем местными земскими центрами, они не могли достигнуть самостоятельности, какую обнаруживали некоторые новгородские пригороды Под действием тех же условий и центральное управление в Пскове получило больше единства и силы. Как пригород, Псков не составлял *тысячи*, военной единицы старших городов, и не устроил ее, когда сам стал вольным городом; потому в его управлении не было должности тысяцкого. Зато с той поры или несколько позднее Псков начал выбирать двух посадников, которые вместе со старыми посадниками и сотскими, а также, вероятно, и со старостами концов, под председательством князя или его наместника составляли правительственный совет, подобный новгородскому, а в тесном составе, без кончанских старост,—судебную коллегию, *господу*, соответствовавшую новгородскому суду докладчиков и заседавшую в *судебне*, «у князя на сенех». Пригородское положение Пскова отразилось на авторитете его князя, когда город стал вольным. До того времени псковский князь, присланный ли из Новгорода, или призванный самим Псковом, был наместником или подручником новгородского князя либо веча. Он и теперь сохранил то же значение; только его прежнее отношение перешло к псковскому вечу: он не разделял власти с этим вечем, а служил ему, как наемный вождь боевой дружины, обязан был защищать страну, исполняя поручения Пскова наравне с посадниками, и за то получал определенный корм. Права новгородского

князя, участие в законодательстве и управлении, в назначении и смене должностных лиц, перенесены были не на псковского князя, а достались безраздельно тамошнему вечу, которое сверх законодательства и суда по чрезвычайным и политическим делам принимало еще деятельное участие в текущем управлении. Внешние опасности делали такое сосредоточение власти необходимым, а тесные пределы области возможным.

Состав общества.

Действие указанных условий, сообщивших земскую плотность и цельность Псковской области, еще явственнее сказалось в составе псковского общества. И в Пскове было влиятельное боярство, образовавшее правительственный класс, в фамилиях которого высшие правительственные должности преемственно передавались из поколения в поколение; и на псковском вече случались острые столкновения простого народа со знатью. Но боярская аристократия в Пскове не вырождается в олигархию; политические столкновения не разростаются в социальный антагонизм, не зажигают партийной борьбы; обычные тревоги и неровности народных правлений сдерживаются и сглаживаются. Можно заметить и некоторые причины такого направления общественных отношений, как бы сказать, столь мягкого тона псковской политической жизни. Ограниченное пространство Псковской земли не давало такого пространства для развития крупного боярского землевладения, какой открывался для того в беспредельной Новгородской области. Потому политическая сила псковского боярства не находила достаточной опоры в его экономическом положении и это сдерживало политические притязания правительственного класса. В связи с тем не заметно ни резкого сословного неравенства, ни хронической социальной розни, как в Новгороде. Бояре наравне с прочими классами «обрубались», несли с своих земель военные тягости по вечевой разверстке. Псков, как и Новгород, жил торговлей и

землевладельческий капитал отступал здесь еще более, чем там, перед капиталом торговым. Это сближало здесь классы, резко разделенные в Новгороде: псковские купцы по местной летописи являются в числе лучших людей и притом рядом с боярами, выше житьих. Но самые характерные особенности встречаем в составе черного населения, преимущественно сельского. И в Псковской земле было развито землевладение земцев и сябров. Но здесь нет следов холопства и полусвободных состояний, подобных новгородским половникам. В этом отношении Псковская область была, может быть, единственным исключением в тогдашней России В псковском законодательстве заметно даже усиленное внимание к интересам *изорника*, как назывался там крестьянин, работавший на земле частного владельца. Это вольный хлебопашец, снимавший землю по годовому договору из четвертого или второго снопа и пользовавшийся правом перехода от одного владельца к другому. Ссуда—обычное и повсеместное условие найма земли крестьянином у частного владельца в древней Руси, и везде она ставила первого в большую или меньшую личную зависимость от последнего И псковский изорник обыкновенно брал у землевладельца ссуду, *покруту*. Но долгое обязательство не стесняло личной свободы изорника. По Русской Правде закуп, бежавший от хозяина без расплаты, становился полным его холопом. По псковскому закону в случае побега изорника без возврата покруты землевладелец в присутствии властей и сторонних людей брал покинутое беглецом имущество в возмещение ссуды по оценке, а если оно не покрывало долга, господин мог искать доплаты на изорнике, когда тот возвращался из бегов,—и только, без дальнейших последствий для беглеца.

Псковская Правда. Таковы постановления об изорнике в псковской *Судной грамоте* или *Правде*. Этот замечательный памятник псков-

ского вечевого законодательства получил окончательный состав во второй половине XV в. Основным источником его были «псковские пошлины», местные юридические обычаи. Грамота очень трудна для объяснения: единственный доселе известный полный список ее страдает описками и недописками, местами перепутывает порядок слов; в языке его не мало местных идиотизмов, терминов, не встречающихся в других древнерусских памятниках; предусматриваемые законом случаи нередко излагаются слишком сжато, только намеками, в свое время для всех ясными, но теперь малопонятными. За то трудность изучения вознаграждается интересом содержания. Вместе с другими подобными законодательными уставами или юридическими сводами древней Руси псковская Правда уделяет значительное место судоустройству и судопроизводству, но при этом дает обильный запас норм и материального права, особенно гражданского. Встречаем обстоятельные постановления о договорах купли-продажи, найма и займа, о торговых и землевладельческих товариществах, о семейных отношениях по имуществу. В заемных записях обыкновенно обозначался размер процента, *гостинца*. Кредитор, потребовавший досрочной уплаты долга, лишается условленного процента; в досрочной уплате по желанию должника процент взимается по рассчету времени. Должник мог не платить долга, отказавшись от заклада, которым заем обезпечен; но он мог искать своего заклада присягой или судебным поединком, если кредитор отказывался от взыскания долга, чтобы овладеть закладом. Получивший по завещанию недвижимое имущество в пользование, в *кормлю*, и продавший его обязан его выкупить, а за незаконную продажу теряет право пользования, как за кражу: «а свою кормлю покрал». Правда различает юридические понятия, требо-

вавшие развитого правосознания, предусматривает юридические случаи, какие могли возникнуть в живом и сложном гражданском обороте торгового города. В ее определениях имущественных и обязательственных отношений сказывается чутье правды, стремившееся установить равновесие борющихся частных интересов и на нем построить порядок, ограждаемый не только законами, но и нравами. Поэтому в ряду судебных доказательств она дает предпочтительное значение присяге, отдавая обыкновенно на волю истца решить тяжбу этим способом: «хочет, сам поцелует, или у креста положит», т.-е. предоставит целовать крест ответчику, положив у креста спорную вещь или ее цену. Такое доверие закона к совести тяжущихся должно было иметь опору в характере самого быта. Герберштейн, собиравший свои наблюдения и сведения о России немного лет спустя после падения вольности Пскова, с большой похвалой отзывается о благовоспитанных и человечных нравах псковичей, говоря, что они в торговых сделках отличались честностью и прямотой, не тратя лишних слов, чтобы подвести покупателя, а коротко и ясно показывая настоящее дело.

Псков и Новгород.

В псковских нравах и заключалась нравственная сила, смягчавшая действие противоречий, какие мы заметили в политическом быту Новгорода, хотя элементы их были на лицо и в Пскове: князь, то призываемый, то изгоняемый, влиятельное и зажиточное боярство, руководившее управлением, торговый капитал, способный угнетать рабочую массу, и народное вече, дававшее рабочей массе возможность угнетать капиталистов. Но в Пскове эти элементы не разростались черезчур, сохраняли способность ко взаимному соглашению и дружному действию и тем выработали некоторый политический такт, эту нравственную силу, обнаружившуюся в настроении общества и в складном соотношении обще-

ственных классов, в гуманных и благовоспитанных нравах, которые замечали в псковичах иноземные наблюдатели. А в Новгороде эта сила сосредоточивалась в одном классе, в духовенстве, и действовала торжественными выходами на волховской мост, примирительными вторжениями в новгородские побоища. Различие политических порядков в том и в другом городе всего яснее выражалось в отношении боярства к вечу в обоих городах. По псковской Судной грамоте вече постановляет новые законы по предложению посадников, как представителей боярского совета господ, предварительно обсуждавшего проекты законов. В Новгороде «новгородским словом», законом признавалось постановление, состоявшееся на вече в присутствии и с согласия городских властей, правительственной знати, во главе которой стоял такой же боярский совет господ: иначе решение веча являлось незаконным, мятежным актом, поступком неразумной черни, как выразился совет господ в одном документе. Но при постоянном антагонизме между вечевой простонародной массой и правительственной знатью не простонародью приходилось добиваться соглашения с правительством, а наоборот боярам происками привлекать на свою сторону часть простонародья, чтобы придать решению веча вид народной воли. Так в Пскове совет господ с боярством позади являлся одним из органов законодательной власти, а в Новгороде боярство с советом господ во главе — политической партией, не более. Потому псковский политический порядок можно назвать смягченной, умеренной аристократией, а новгородский — поддельной, фиктивной демократией.

Политические недостатки Новгорода.

Непримиренные противоречия политической жизни Новгорода стали роковой причиной внутреннего разрушения его вольности. Ни в каком другом краю древней Руси не

встретим такого счастливого подбора условий, благоприятных для широкого развития политической жизни. Новгород рано освободился от давления княжеской власти и стал в стороне от княжеских усобиц и половецких разбоев, не испытал непосредственного гнета и страха татарского, в глаза не видал ордынского баскака, был экономическим и политическим центром громадной промышленной области, рано вступил в деятельные торговые сношения и мог вступить в тесные культурные связи с европейским Западом, был несколько веков торговым посредником между этим Западом и азиатским Востоком. Дух свободы и предприимчивости, политическое сознание «мужей вольных», поднимаемое идеей могущественной общины «господина Великого Новгорода»—нигде более в древней Руси не соединялось столько материальных и духовных средств, чтобы воспитать в обществе эти качества, необходимые для устроения крепкого и справедливого общественного порядка. Но Великий Новгород так воспользовался доставшимися ему дарами исторической судьбы, что внешние и внутренние условия, в первоначальном своем сочетании создавшие политическую вольность города, с течением времени приведены были в новую комбинацию, подготовлявшую ее разрушение. Мы еще раз бросим беглый взгляд на изученную нами судьбу Новгорода в кратком обзоре недостатков, укоренившихся в его политической жизни.

Природа Новгородской земли, рано вызвав оживленный и разносторонний торгово-промышленный оборот, открывала населению обильные источники обогащения. Но богатства распределялись с крайней неравномерностью, которая, закрепившись политическим неравенством, разбила общество на дробные части и создала *социальную рознь*, глубокий антагонизм между имущими и неимущими, между правящими и работающими классами. Смуты, какими эта рознь

Социальная рознь.

наполняла жизнь Новгорода в продолжение веков, приучали степенную или равнодушную часть общества не дорожить столь дорого стоившей вольностью города и скрепя сердце или себе на уме обращаться к князю, от него ждать водворения порядка и управы на своевольную вечевую толпу и своекорыстную знать.

Земская рознь.

Политическая свобода помогла Новгороду широко развернуть свои общественные силы, особенно на торгово-промышленном поприще. Начало автономии легло и в основу политического быта местных миров, из которых сложилась Новгородская земля. Но при неумелом или своекорыстном обращении центра с местными мирами эта общность политической основы стала причиной *земской розни* в Новгородской области. Неурядицы и злоупотребления, шедшие из Новгорода в пригороды и волости, побуждали их стремиться к обособлению, а местная автономия давала к тому возможность, и Новгород не обнаружил ни охоты, ни уменья привязать их к себе крепкими правительственными узами. либо прочными земскими интересами. Списывая новгородские злоупотребления, летопись с горечью замечает, что не было тогда в Новгороде правды и правого суда, были по всей области разор и поборы частые, крик и вопль, «и все люди проклинали старейшин наших и город наш». Крупные области Новгородской земли издавна стремились оторваться от своего центра: Псков уже в XIV в. добился полной политической независимости; отдаленная новгородская колония Вятка с самых первых пор своей жизни стала в независимое отношение к метрополии; Двинская земля также не раз пыталась оторваться от Новгорода. В минуту последней решительной борьбы Новгорода за свою вольность не только Псков и Вятка. но и Двинская земля не оказали ему никакой поддержки или даже послали свои полки против него на помощь Москве.

Зависимость от Низа.

Мы видели, как много содействовало успехам новгородской вольности политическое обособление Новгорода от княжеской Руси. Но оставалась *экономическая зависимость* от Низа, от центральной княжеской Великороссии. Новгород всегда нуждался в привозном хлебе с Низа. Это заставляло его поддерживать постоянно добрые отношения к Низовой Руси. Суздальские князья, враждуя с Новгородом легко вынуждали у него покорность, задерживая в Торжке обозы с хлебом, направлявшиеся в Новгород. Потому новгородцы не могли быть долго во вражде с низовыми князьями: по выражению летописца, тогда «ни жито к ним не идяше ни отколеже». В Новгороде начиналась дороговизна, наступал голод; простонародье поднималось на бояр и заставляло их итти на мировую с князем. В 1471 г. прекращение подвоза хлеба Иваном III и восстание простого народа в Новгороде довершили торжество Москвы начатое победой на Шелони. Но Новгород не умел и не мог приобрести себе искренних и надежных друзей ни среди князей, ни в Низовой Руси. Чужой для князей, точнее, ничей, но богатый Новгород был для них лакомым куском, возбуждавшим их аппетит, а новгородское устройство было для них досадным препятствием, мешавшим воспользоваться этим куском. Разнообразные причины рано поселили и в населении княжеской Руси очень враждебное отношение к Новгороду. Эти причины были: своеобразный политический быт Новгорода, частые походы новгородских «молодцов», разорявших встречные города Низовой Руси по Волге и ее притокам, ранние и тесные торговые и культурные связи Новгорода с немецким католическим Западом, наконец и более всего союз с литовским королем-папежником. Вот чем объясняется радость, с какою Низовая Русь приветствовала разгром Новгорода при Иване III. Здесь на новгородцев привыкли

смотреть, как на крамольников и вероотступников, вознесшихся гордостью. В глазах низового летописца новгородцы хуже неверных. «Неверные, по его словам, искони не знают Бога; эти же новгородцы так долго были в христианстве, а под конец начали отступать к латинству; великий князь Иван пошел на них не как на христиан, а как на иноплеменников и вероотступников“. В то время, как Ивановы полки громили новгородцев в низовых областях, сам народ добровольно собирался большими толпами и ходил на Новгородскую землю за добычей, так что, по замечанию летописца, весь край был опустошен до самого моря.

Слабость военных сил.

Наконец существенным недостатком новгородского устройства была *слабость военных сил*. Новгороду рано, особенно с XIII в., пришлось вести многостороннюю внешнюю борьбу со шведами, ливонскими немцами, Литвой и русскими князьями, из-за него соперничавшими. Потом он сам неразумно усложнял свои внешние затруднения ссорами со своим бывшим пригородом Псковом. В этой борьбе Новгород выработал себе военное устройство с тысяцким во главе. Главную силу составляло народное ополчение, *полк*, набиравшийся на время войны по *разрубу*, разверстке, из обывателей главного города, пригородов и сельских волостей. Внешнюю борьбу облегчали Новгороду князья с их дружинами, которых он призывал к себе, и Псков, на который по его пограничному положению падала наибольшая тяжесть борьбы. С половины XIV века во внешних отношениях Новгорода наступило затишье, изредка прерывавшееся столкновениями на западных границах. Но он не воспользовался столетним покоем, чтобы обновить и усилить свое старое военное устройство, напротив, повидимому допустил его до упадка в привычной надежде среди соперничавших

князей всегда найти себе союзника. Но к половине XV в. на Руси уже не стало соперников, боровшихся за Новгород: за него боролись только Москва и Литва. Не приготовив своей силы, достаточной для обороны, Новгород до времени лавировал между обеими соперницами, откупаясь от той и другой. Москва грозила Новгороду уничтожением вольности. Чтобы спасти ее, оставалось искать спасения у Литвы; но союз с Литвой казался изменой родной вере и земле в глазах не только остальной Руси, но и значительной части самого новгородского общества. В последние годы независимости новгородцы больно почувствовали свой недосмотр. В походе 1456 г. 200 москвичей под Русой наголову разбили 5000 новгородских конных ратников, совсем не умевших биться конным строем. В 1471 г., начав решительную борьбу с Москвой и потеряв уже две пешие рати, Новгород наскоро посадил на коней и двинул в поле тысяч 40 всякого сброда, гончаров, плотников и других ремесленников, которые, по выражению летописи, от роду и на лошади не бывали. На Шелони $4^1/_2$ тысячи московской рати было достаточно, чтобы разбить наголову эту толпу, положив тысяч 12 на месте.

Общая причина падения вольного города.

Таковы недостатки новгородского государственного строя и быта. Не подумайте, что я изложил их, чтобы объяснить падение Новгорода. Эти недостатки важны для нас не как причины его падения, а как следствия противоречий его политического склада, как доказательство, что в ходе исторических дел есть своя логика, известная закономерность. Около половины XV в. мыслящие люди Новгорода, предчувствуя его падение, расположены были видеть причину приближавшейся беды в городских раздорах. Новгородский архиепископ Иона, отговаривая Василия Темного не задолго до его смерти от похода на Новгород, обещал

великому князю испросить у Бога его сыну Ивану свободу от Орды за сохранение свободы Новгорода и при этом, вдруг заплакав, произнес: «кто может озлобить толикое множество людей моих, смирить величие моего города? Только усобицы смятут их, раздор низложит их». Но в судьбе Новгорода усобицами, как и другими недостатками его быта можно объяснить разве только легкость его покорения Москвой. Новгород пал бы, если бы и был от них свободен: участь вольного города была решена не местными условиями, а более общей причиной, более широким и гнетущим историческим процессом. Я указывал на этот процесс, заканчивая историю Московского княжества в удельные века. К половине XV в. образование великорусской народности уже завершилось; ей недоставало только единства политического. Эта народность должна была бороться за свое существование на востоке, на юге и на западе. Она искала политического центра, около которого могла бы собрать свои силы для этой тяжелой и опасной борьбы. Мы видели, как таким центром сделалась Москва, как удельные династические стремления московских князей встретились с политическими потребностями всего великорусского населения. Эта встреча решила участь не только Новгорода Великого, но и других самостоятельных политических миров, какие еще оставались на Руси к половине XV в. Уничтожение особности земских частей независимо от их политической формы было жертвой, которой требовало общее благо земли, теперь становившейся строго централизованным и однообразно устроенным государством, и московский государь явился исполнителем этого требования. А Новгород, по основам своего народного быта органическая часть Великороссии, жил отдельною от нее жизнью и хотел продолжать так жить, не разделяя ее интересов и тягостей: в 1477 г.,

переговариваясь с Иваном III, новгородцы ставили условие, чтобы их «в Низовскую землю к берегу» на службу не посылали—защищать южную окраину Московского государства от татар. Новгород при лучшем политическом устройстве мог бы вести более упорную борьбу с Москвой, но исход этой борьбы был бы все тот же: вольный город неминуемо пал бы под ударами Москвы.

Предсказания.

Когда разрушается сильный физический организм, его разрушение сказывается тяжкими вздохами и стонами; когда гибнет общественный союз, живший долгой и сильной жизнью, его гибель обыкновенно, предваряется или сопровождается легендой, в которую отливается усиленная работа мысли современников над тем, что ими ожидалось или что с ними случилось. В нашей истории немного таких катастроф, которые были бы окружены таким роем сказаний, как падение Новгорода, из коих иные не лишены фактической основы. Ожидание близкой беды еще в начале княжения Ивана III привело новгородские умы и нервы в напряженное состояние; это напряжение обнаруживалось в пророчествах о близкой судьбе города. В новгородском монастыре на подгородном урочище Клопске в сороковых годах XV столетия подвизался блаженный Михаил, известный в наших святцах под именем Клопского. В 1440 г. посетил его местный архиепископ Евфимий. Блаженный сказал владыке: «а сегодня радость большая в Москве».— «Какая, отче, радость?»—«У великого князя московского родился сын, которому дали имя Иван; разрушит он обычаи Новгородской земли и принесет гибель нашему городу». Незадолго до падения Новгорода с далекого острова Белого моря пришел в Новгород основатель Соловецкого монастыря преп. Зосима ходатайствовать пред властями о нуждах своей обители. Пошел он и к боярыне Марфе

Борецкой, вдове посадника, пользовавшейся большим влиянием в новгородском обществе; но она не приняла старца и велела холопам прогнат его. Уходя со двора надменной боярыни, Зосима покачал головой и сказал спутникам: «придут дни, когда живущие в этом дворе не будут ступать по нему ногами своими, когда затворятся его ворота и не отворятся более, и запустеет этот двор»,—что и случилось, прибавляет жизнеописатель преп. Зосимы. Марфа после одумалась, узнав, как радушно новгородские бояре принимают обиженного ею пустынника. Она усердно просила Зосиму притти к ней и благословить ее. Зосима согласился. Марфа устроила для него обед со знатными гостями, первыми новгородскими сановниками, вождями литовской партии, душой которой была Марфа. Среди обеда Зосима взглянул на гостей и вдруг с изумлением молча опустил глаза в землю. Взглянув в другой раз, он опять сделал то же; взглянул в третий раз—и опять наклонившись, покачал головой и прослезился. С той минуты он не дотронулся до пищи, несмотря на просьбы хозяйки. По выходе из дому ученик Зосимы спросил его, что значило его поведение за столом. Зосима отвечал: «взглянул я на бояр и вижу—некоторые из них без голов сидят». Эти были те новгородские бояре, которым Иван III в 1471 г. после Шелонской битвы велел отрубить головы, как главным своим противникам. Задумав передаться литовскому королю, новгородцы выпросили себе у него в наместники подручника его, князя Михаила Олельковича. Готовилась борьба с Москвой. Посадник Немир, принадлежавший к литовской партии, приехал в Клопский монастырь к упомянутому блаженному Михаилу. Михаил спросил посадника, откуда он.— Был, отче, у своей пратещи (тещиной матери) —Что, сынок у тебя, за дума, о чем это ты все ездиш думать с женщинами? Слышно, сообщил по-

садник, летом собирается итти на нас князь московский, а у нас есть свой князь Михаил.—То, сынок, не князь, а грязь, возразил блаженный: шлите-ка скорее послов в Москву, добивайте челом московскому князю за свою вину, а не то придет он на Новгород со всеми силами своими, выйдете вы против него, и не будет вам Божьего пособия, и перебьет он многих из вас, а еще больше того в Москву сведет, а князь Михаил от вас в Литву уедет и ни в чем вам не поможет.—Все так и случалось, как предсказал блаженный.

Лекция XXV.

Главные явления III периода русской истории.—Положение русской земли в половине XV в.—Границы Московского княжества.—Перемена в дальнейшем ходе собирания Руси Москвой.—Территориальные приобретения Ивана III и его преемника.—Политическое объединение Великороссии—основной факт III периода.—Ближайшие следствия этого факта.—Перемена во внешнем положении Московского княжества и во внешней политике его великих князей.—Мысль о народном русском государстве и ее выражение во внешней политики Ивана III.

Обратимся к изучению третьего периода нашей истории. Он начинается с половины XV в., точнее говоря, со вступления Ивана III на великокняжеский стол в 1462 г., и продолжается до начала XVII в. (1613 г.), когда на московском престоле является новая династия. Я назвал этот период временем Московской Руси или Великорусского государства.

Главные явления.

Северная Русь, дотоле разбитая на самостоятельные местные миры, объединяется под одной государственной властью, носителем которой является московский государь; но он правил при содействии нового класса, вокруг него образовавшегося, боярства. Основой народного хозяйства в этом государстве остается попрежнему земледельческий труд вольного крестьянина, работающего на государственной или частной земле, но государственная земля все более переходит в руки нового военного класса, создаваемого государ-

ством, и вместе с тем все более стесняется свобода крестьянского труда, заменяясь хозяйственной зависимостью крестьянина от служилого земледельца. Таковы главные явления, которые в этом периоде нам предстоит изучить.

Прежде всего попытаемся выяснить основной, так сказать, центральный факт, от которого шли или к которому сводились все эти явления. Что дает нам право положить грань нового периода на половине XV в.? С этого времени происходят важные перемены в Русской земле и все эти перемены идут от Московского государства и от московского государя, который правил этим государством. Вот главные действующие силы, которые в продолжение полутораста лет этого периода ставят Русскую землю в новое положение. Но когда Иван III наследовал на московском столе своему отцу, в Русской земле еще не было ни Московского государства в тех границах, которые оно имело в конце XVI века, ни московского государя с тем политическим значением, с каким он появляется 100 лет спустя. Оба эти фактора еще не были готовы в 1462 году, оба являются результатами медленного и трудного процесса, совершающегося в этот самый период. Чтобы лучше понять появление этих факторов, надобно представить себе политическое положение Русской земли около половины XV в.

Русская земля въ половинѣ XV в.

Весь почти север нашей равнины с северозападным ее углом к Финскому заливу составлял область вольного Новгорода Великого, к которой на югозападе, со стороны Ливонии, примыкала маленькая область другого вольного города, Пскова. Вся западная Русь, т.-е. Белоруссия вместе с частью Великороссии, областью Смоленской, и Русь Малая с соседними краями нынешних великорусских губерний Курской, Орловской, даже с частями Тульской и Калужской, входили в состав Литовско-Польского государства. За Тулой и Рязанской землей

начиналось обширное степное пространство, тянувшееся до берегов Черного, Азовского и Каспийского морей, на котором оседлому населению Руси не удавалось основаться прочно и где господствовали татары, гнездившиеся в Крыму и на нижней Волге. На востоке за средней и верхней Волгой господствовали татары Казанского царства, отделившиеся от Золотой Орды в первой половине XV в., затем вятчане, мало слушавшиеся московского князя, хотя Вятка числилась в его владениях, и разные инородцы Пермской земли. Собственно центральное пространство равнины представляло кучу больших и малых княжеств, среди которых находилось и княжество Московское. Обозначим в общих чертах его границы.

Московское княжество.

Северная часть нынешней Московской губернии, именно Клинский уезд, принадлежала еще Тверскому княжеству. Далее на север и северовосток за Волгой московские владения соприкасались или перемежались с владениями новгородскими, ростовскими, ярославскими, простираясь до слияния Сухоны и Юга. С югозападной стороны граница с Литвой шла по Угре, в Калужской губернии; Калуга находилась на югозападной окрайне Московского княжества, а она всего в 170 верстах от Москвы. Средним течением Оки между Калугой и Коломной Московское княжество граничило с великим княжеством Рязанским, а нижнее течение Оки от устья Цны и течение Волги от нижнего до устья Суры и Ветлуги отделяло его от Мордвы и Черемисы, находившихся под властью казанских татар. Этот стесненный югозападный угол территории и был головной частью княжества, передовым его оплотом, указывавшим, в какие стороны были обращены его боевые силы: здесь находилось их средоточие. Город Москва в половине XV в. лежал вблизи трех окраин княжества: на севере верстах в 80 на-

чиналось княжество Тверское, самое враждебное Москве из русских княжеств; на юге верстах во 100 по берегу средней Оки шла сторожевая линия против самого беспокойного врага—татар; на западе верстах во 100 с чем-нибудь за Можайском в Смоленской области стояла Литва, самый опасный из врагов Москвы. С северной, западной и южной стороны неприятельским полкам достаточно было немногих переходов, чтобы дойти до Москвы. Собираясь изучать историю Москвы с половины XV в., запомним хорошенько это неудобство ее внешнего положения в то время.

Итак Русская земля распадалась на множество мелких и крупных политических миров, независимых друг от друга, и среди этих миров Московское княжество было далеко не самым крупным: Литовское княжество, по большинству населения состоявшее из Руси, и область Новгорода Великого были гораздо обширнее его. Раздробленная внутри Русская земля распадалась на две половины по своему внешнему политическому положению: югозападная половина была под властью соединенных Польши и Литвы, северовосточная платила дань хану Золотой Орды. Значит, положение Русской земли в половине XV века можно определить двумя чертами: политическое порабощение извне и политическое раздробление внутри. На всем пространстве вашей равнины, где только обитала Русь, кроме Вятки, не было деревни, которая не находилась бы под чуждым, иноземным игом.

Политический состав восточной Руси.

В такой обстановке Иван III продолжал дело своих предшественников, великих князей московских. Еще до него на протяжении полутора столетия мы наблюдали в истории северной Руси два параллельные процесса: собирание земли и сосредоточение власти, постепенное территориальное расширение вотчины московских князей на счет других княжеств и постепенное материальное усиление

великого князя московского на счет удельных. Как ни были велики успехи, достигнутые Москвой, ни тот, ни другой из этих процессов далеко еще не был доведен до конца, когда Иван III вступил на стол отца и деда. Территориальное собирание Руси Москвой не подвинулось еще настолько, чтобы захватить все самостоятельные местные миры, какие существовали в центральной и северной Руси. Эти миры, ждавшие своей очереди быть поглощенными Москвой, по их политическому устройству можно разделить на два разряда: то были или вольные города (Новгород, Псков, Вятка), или княжества. Последние принадлежали двум княжеским линиям—старого Святослава черниговского и Всеволода III суздальского—и образовали 4 группы удельных княжеств с особым великим князем во главе каждой: то были княжества Рязанское, Ростовское, Ярославское и Тверское. С другой стороны, ни Иван III, ни его старший сын Василий не были единственными властителями Московского княжества, делили обладание им с ближайшими родичами, удельными московскими князьями, и власть великого князя не разрослась еще настолько, чтобы превратить этих удельных владетелей в простых подданных московского государя. Великий князь пока поднимался над удельными не объемом власти, а только количеством силы, пространством владений и суммой доходов. У Ивана III было 4 удельных брата и двоюродный удельный дядя Михаил верейский; у Василия III также было 4 брата. Отношения между ними попрежнему определялись договорами, и здесь встречаем все прежние определения, повторяются знакомые нам формулы княжеских отношений, давно уже не соответствовавшие действительности. Договаривающиеся стороны продолжают притворяться, будто не замечая совершившихся перемен, как будто между ними все оставалось по-старому, хотя

Иван III по пустому поводу пригрозил тюрьмой сыну Михаила верейского и отнял у старика дяди удел за побег этого сына в Литву.

Перемена в моск. собирании Руси.

Иван III продолжал старое дело территориального собирания Руси, но уже не по-старому. В удельное время территориальные приобретения московских князей носили характер или захватов, или частных хозяйственных сделок с соседними князьями. Местные общества еще не принимали заметного деятельного участия в этом территориальном объединении Руси, хотя по временам и проявлялось их нравственное тяготение к Москве. С половины XV в. становится заметно прямое вмешательство самих местных общест в дело. Можно заметить, что не везде одни и те же классы местных обществ обнаруживают открытое влечение к Москве. В Новгороде московская партия состояла преимущественно из простонародья с несколькими боярами, стоявшими во главе его; эта сторона ищет управы на своевольную новгородскую знать у московского великого князя. В княжеской Руси, напротив, высшие служилые классы общества тяготеют к Москве, соблазняясь выгодами службы у богатого и сильного князя. Так в Твери еще задолго до последнего удара, нанесенного ей Москвой, местные бояре и рядовые служилые люди начали переходить на московскую службу. Когда Иван III только еще собирался в поход на Тверь за ее союз с Литвой, многие тверские бояре и дети боярские стали покидать своего князя и толпами переходить в Москву; даже два тверских удельных князя перешли тогда на московскую службу. Когда Иван III подступил к Твери (1485 г.), новая толпа тверских князей и бояр переехала в московский лагерь и била челом Ивану на службу. Тверской летописец называет этих перелетов крамольниками и считает их главными виновниками

падения Тверского княжества. По замечанию другого летописца, Иван взял Тверь изменой боярскою. То же самое явление повторилось и в другом великом княжестве--Рязанском. Это княжество присоединено было к Москве при Ивановом преемнике в 1517 г. Но задолго до этого московский государь имел там опору в главном рязанском боярине Коробьине, который подготовил низложение своего князя. Далее, союз князей, образовавшийся под рукою московского государя из ближних и дальних его родичей еще в удельные века, теперь расширился и скрепился новыми интересами, усилившими авторитет московского государя. Прежде в этом союзе, завязавшемся по воле хана, заметно было действие преимущественно материальной силы или случайных, временных отношений: союзные князья большею частью становились под руку московского государя, уступая его материальному давлению и его влиянию в Орде или движимые патриотическими побуждениями, по которым некоторые из них соединились с Димитрием Донским против Твери и Мамая. Теперь этот союз расширился под действием новой связи, входящей в его состав, интереса религиозного. Действие этого интереса обнаруживается среди православных князей, подвластных Литве. Мы покинули Югозападную Русь в минуту ее разгрома татарами в 1240 г. С половины XIII ст. в соседстве с этой Русью начинает подниматься княжество Литовское, В XIII и XIV в. литовские князья постепенно подчиняют себе разъединенные и опустошенные княжества Западной Руси. Эта Русь со своими князьями не оказывала особенно упорного сопротивления Литве, которая освобождала ее от татарской неволи. С тех пор начинается могущественное культурное и политическое влияние Западной Руси на Литву. Уже к концу XIV в. Литва и по составу населения, и по

складу жизни представляла из себя больше русское, чем литовское княжество. Но в 1386 г. литовский великй князь Ягелло (Яков), воспитанный в православии своею матерью, рожденной княжной тверской Юлианией, женился на наследнице Польского королевства Ядвиге и принял католичество. Этот династический союз Литвы и Польши завязал роковой для соединенного государства религиозно-политический узел. С тех пор началась при содействии польско-литовского правительства католическая пропаганда в Западной Руси. Пропаганда эта особенно усилилась во второй половине XV в., когда Литвой правил сын Ягелла Казимир IV. Православное русское общество оказывало стойко противодействие католическим миссионерам. В Западной Руси начиналось сильное брожение, «замятня великая» между католиками и православными. «Все наше православное христианство хотят окрестить», писали оттуда: «за это наша Русь вельми ся с Литвою не любят». Увлекаемые этим религиозным движением, и православные князья Западной Руси, еще не утратившие прежней самостоятельности в своих владениях под легкою властью великого князя литовского, начали один за другим приставать к Москве, как к своему религиозному центру. Те из них, которые могли присоединиться к Москве со своими владениями по их близости к московским границам, принимали условия зависимости, выработавшиеся в Москве для добровольно поддавшихся удельных князей: они делались постоянными и подчиненными союзниками московского государя, обязывались служить ему, но сохраняли при себе дворы, дружины, и не только оставались или становились вотчинниками своих владений, но и пользовались в них административными правами, держали свое особое управление. В такое положение становились передававшиеся Москве владельцы мелких княжеств по верхней

Оке, потомки св. Михаила черниговского, князья Белевские, Новосильские, Воротынские, Одоевские и другие. Примеру их последовали потомки Всеволода III, князья черниговский и новгород-северский, сын Ивана Андреевича можайского и внук Шемяки. Отцы их, когда их дело в борьбе с Василием Темным было проиграно, бежали в Литву и там получили обширные владения по Десне, Семи, Сожу и Днепру с городами Черниговом и Новгородом-Северским. Отец одного и дед другого были злейшими недругами Василия Темного, своего двоюродного брата, а сын и внук, стоя за православие, забыли наследственную вражду и стали подчиненными союзниками Васильева сына. Так московский союз князей, расширяясь, превращался в военную гегемонию Москвы над союзными князьями.

Приобретения Ивана III и Василия III.

Таковы новые явления, которые замечаются в территориальном собирании Руси Москвой с половины XV в. Сами местные общества начинают открыто обращаться к Москве, увлекая за собой и свои правительства или увлекаемые ими. Благодаря этому тяготению московское собирание Руси получило иной характер и ускоренный ход. Теперь оно перестало быть делом захвата или частного соглашения, а сделалось национально-религиозным движением. Достаточно короткого перечня территориальных приобретений, сделанных Москвой при Иване III и его сыне Василии, чтобы видеть, как ускорилось это политическое объединение Руси. С половины XI в. и вольные города со своими областями, и княжества быстро входят в состав московской территории. В 1463 г. все князья Ярославские, великий с удельными, били Ивану III челом о принятии их на московскую службу и отказались от своей самостоятельности. В 1470-х годах покорен был Новгород Великий с его обширной областью в Северной

Руси. В 1472 г. приведена была под руку московского государя Пермская земля, в части которой (по р. Вычегде) начало русской колонизации положено было еще в XIV в., во времена св. Стефана Пермского. В 1474 г. князья Ростовские продали Москве оставшуюся за ними половину Ростовского княжества; другая половина еще раньше была приобретена Москвой. Эта сделка сопровождалась вступлением князей Ростовских в состав московского боярства. В 1455 г. без боя присягнула Ивану III осажденная им Тверь. В 1489 г. окончательно покорена Вятка. В 1490-х годах князья Вяземские и целый ряд мелких князей черниговской линии, Одоевские, Новосильские, Воротынские, Мезецкие, а также сейчас упомянутые сыновья московских беглецов, князья черниговский и северский все со своими владениями, захватывавшими восточную полосу Смоленской и большую часть Черниговской и Северской земель признали над собой, как уже сказано было, верховную власть московского государя. В княжение Иванова преемника присоединены были к Москве в 1510 г. Псков с его областью, в 1514 г. Смоленское княжество, захваченное Литвой в начале XV в., в 1517 г. княжество Рязанское; наконец, в 1517—1523 гг. княжества Черниговское и Северское включены были в число непосредственных владений Москвы, когда северский Шемячич выгнал своего черниговского соседа и товарища по изгнанию из его владений, а потом и сам попал в московскую тюрьму. Мы не будем перечислять территориальных приобретений, сделанных Москвой в царствование Ивана IV за пределами тогдашней Великоруссии, по средней и нижней Волге и в степях по Дону и его притокам. Довольно того, что было приобретено отцом и дедом царя, чтобы видеть, насколько расширилась территория Московского княжества. Не считая шатких не-

укрепленных зауральских владений в Югре и земле вогуличей, Москва владела от Печоры и гор северного Урала до устьев Невы и Наровы и от Васильсурска на Волге до Любеча на Днепре. При восшествии Ивана III на великокняжеский стол московская территория едва ли заключала в себе более 15.000 квадр. миль. Приобретения Ивана III и его сына увеличили эту территорию по меньшей мере тысяч на 40 квадр. миль.

Основной факт.

Такова перемена, происшедшая в положении Московского княжества. Территориальное расширение само по себе— успех чисто внешний, географический; но оно оказало могущественное действие на политическое положение Московского княжества и его князя. Важно было не количество новых пространств. В Москве почувствовали, что завершается большое давнее дело, глубоко касающееся внутреннего строя земской жизни. Это чувство выразили тогдашние органы московской публицистики, — летопись и юродивый. Летопись называет вел. князя Василия III последним собирателем Руси. Только что упомянутый Шемячич северский был последний московский родом князь не из семьи Темного, находившийся на положении удельного. Когда его посадили в тюрьму, на московских улицах появился блаженный с метлой в руках. На вопрос, зачем у него метла, он отвечал: «государство не совсем еще чисто; пора вымести последний сор». Если вы представите себе новые границы Московского княжества, созданные перечисленными территориальными приобретениями, вы увидите, что это княжество вобрало в себя целую народность. Мы знаем, как в удельные века путем колонизации в центральной и северной Руси сложилось новое племя в составе русского населения, образовалась новая народность—*великорусская*. Но до половины XV в. эта народность оставалась лишь фактом этнографи-

ческим, без политического значения: она была разбита на несколько самостоятельных и разнообразно устроенных политических частей; единство национальное не выражалось в единстве государственном. Теперь вся эта народность соединяется под одной государственной властью, вся покрывается одной политической формой. Это сообщает новый характер Московскому княжеству. До сих пор оно было одним из нескольких великих княжеств северной Руси; теперь оно остается здесь единственным и потому становится национальным: его границы совпадают с пределами великорусской народности. Прежние народные сочувствия, тянувшие Великую Русь к Москве, теперь превратились в политические связи. Вот тот основной факт, от которого пошли остальные явления, наполняющие нашу историю XV и XVI веков. Можно так выразить этот факт: *завершение территориального собирания северовосточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство* и таким образом сообщило великому князю московскому значение национального великорусского государя. Если вы припомните главные явления нашей истории XV и XVI вв., вы увидите, что внешнее и внутреннее положение Московского государства в это время слагается из последствий этого основного факта.

Перемена во внешнем положении и в политике Москвы.

Вследствие этого, во-первых, изменилось *внешнее положение* Московского княжества. До сих пор оно почти со всех сторон было прикрыто от внешних врагов другими русскими же княжествами или землями вольных городских общин; с севера княжествами или землями вольных городских общин; с севера княжеством Тверским, с северовостока и востока Ярославским, Ростовским и до конца XV в. Нижегородским, а с юга Рязанским и мелкими княжествами по верхней Оке, с запада Смоленским (до захвата его Витов-

том в 1404 г.), с северо-запада землями Новгорода и Пскова. С половины XV в. все эти внешние прикрытия исчезают, и московское княжество становится глаз-на-глаз с иноземными государствами, не принадлежавшими к семье русских княжеств. В связи с этой переменой во внешнем положении княжества изменилась и *внешняя политика* московских князей. Теперь, действуя на более широкой сцене, они усвояют себе новые задачи, какие не стояли перед московскими князьями удельных веков. До сих пор внешние отношения московских князей ограничивались тесным кругом своей же братии, других русских князей, великих и удельных, да татарами. С Ивана III московская политика выходит на более широкую дорогу: Московское государство заводит сложные дипломатические сношения с иноземными западно-европейскими государствами, Польшей и Литвой, Швецией, с орденами Тевтонским и Ливонским, с императором германским и др.

Идея национального государства.

Вместе с расширением дипломатической сцены изменяется и программа внешней политики. Эта перемена тесно связана с одной идеей, пробуждающейся в московском обществе около этого времени, идеей национального государства. Эта идея требует тем большего внимания с нашей стороны, чем реже приходится нам отмечать прямое участие идей в образовании фактов нашей древней истории. Сознание или, скорее, чувство народного единства Русской земли—не новый факт XV—XVI веков: это дело Киевской Руси XI—XII в., и, заканчивая изучение политического строя Русской земли в те века, я указывал на это чувство, даже пытался отметить некоторые его особенности. Я говорил, что в то время оно выражалось не столько в сознании характера и исторического назначения народа, сколько в мысли о Русской земле, как *общем отечестве* (лекц. XII).

Трудно сказать, какое действие оказали на эту мысль тревоги удельных веков. Но она несомненно тлела в народе, питаемая церковными и другими связями. Разрыв русской народности на две половины, югозападную и северовосточную, удельное дробление последней, иноземное иго—эти неблагоприятные условия едва ли могли содействовать прояснению мысли о народном единстве, однако были способны пробудить или поддержать смутную потребность в нем, и мы уже знаем, какую крупную роль сыграла эта потребность в ходе успехов Московского княжества. Я веду речь не об этой потребности, а об идее *национального* государства, о стремлении к политическому единству на народной основе. Эта идея возникает и усиленно разрабатывается прежде всего в московской правительственной среде по мере того, как Великороссия объединялась под московской властью. Любопытно следить, в каком виде и с какою степенью понимания дела проявлялась эта идея, которая не могла не оказать влияния на ход жизни Московского княжества. Видно, во-первых, что она вырабатывается под давлением изменявшихся внешних сношений московского великого князя. Потому первой провозвестницей ее является московская дипломатия Иванова времени и уже отсюда, из государева дворца и кремлевской канцелярии, она проникает в московское общество. Прежде столкновения московских великих князей с их русскими соседями затрогивали только местные интересы и чувства москвича, тверича, рязанца, разъединяющие их друг с другом. Боролась Москва с Тверью, Рязанью; теперь борется Русь с Польшей, со Швецией, с немцами. Прежние войны Москвы—усобицы русских князей; теперь это—борьба народов. Внешние отношения Москвы к иноплеменным соседям получают одинаковое общее значение для всего великорусского народа:

они не разъединяли, а сближали его местные части в сознании общих интересов и опасностей, и поселяли мысль, что Москва—общий сторожевой пост, откуда следят за этими интересами и опасностями, одинаково близкими и для москвича, и для тверича, для всякого русского. Внешние дела Москвы усиленно вызывали мысль о народности, о народном государстве. Эта мысль должна была положить свой отпечаток и на общественное сознание московских князей. Они вели свои дела во имя своего фамильного интереса. Но равнодушие или молчаливое сочувствие, с каким местные общества относились к московской уборке их удельных князей, открытое содействие высшего духовенства, усилия Москвы в борьбе с поработителями народа—все это придавало эгоистической работе московских собирателей земли характер народного дела, патриотического подвига, а совпадение их земельных стяжаний с пределами Великороссии волей-неволей заставляло их слить свой династический интерес с народным благом, выступить борцами за веру и народность. Вобрав в состав своей удельной вотчины всю Великороссию и принужденный действовать во имя народного интереса, московский государь стал заявлять требование, что все части Русской земли должны войти в состав этой вотчины. Объединившаяся Великороссия рождала идею народного государства, но не ставила ему пределов, которые в каждый данный момент были случайностью, раздвигаясь с успехами московского оружия и с колонизационным движением великорусского народа.

Ее выражение в политике Ивана III.

Вот эта идея все настойчивее начинает пробиваться в московских дипломатических бумагах со времени Ивана III. Приведу из них несколько, может быть, не самых выразительных черт. Иван III два раза воевал со своим литовским соседом великим князем Александром, сыном Казимира IV. Обе войны вызваны были одинаковым поводом:

переходом мелких князей Черниговской земли на московскую службу. Первая война началась тотчас по смерти Казимира в 1492 г. и прервалась в 1494. Женитьба Александра на дочери Ивановой не помешала второй войне (1500—1503 гг.), когда переход служилых князей из Литвы возобновился в усиленной степени. Посредником между враждующими сторонами явился приехавший в Москву посол от папы и венгерского короля Владислава, старшего брата Александрова. В то же время (1501) Александр литовский был избран по смерти другого брата Яна Альбрехта и на польский престол. Посол жаловался в Москве на то, что московский государь захватывает вотчины у Литвы, на которые он не имеет никакого права. Московское правительство возражало на эту жалобу: «короли венгерский и литовский объявляют, что хотят стоять против нас за свою вотчину; но они что называют своей вотчиной? Не те ли города и волости, с которыми русские князья пришли к нам служить или которые наши люди у Литвы побрали? Папе, надеемся, хорошо известно, что короли Владислав и Александр вотчичи Польского королевства да Литовской земли от своих предков, а Русская земля от наших предков из старины наша вотчина. Папа положил бы себе то на разум, гораздо ли короли поступают, что не за свою вотчину воевать с нами хотят». По этой дипломатической диалектике вся Русская земля, а не одна только великорусская ее половина объявлена была вотчиной московского государя. Это же заявление повторено было Москвой и по заключении перемирия с Александром в 1503 г., когда литовский великий князь стал жаловаться на московского за то, что тот не возвращает ему захваченных у Литвы земель, говоря, что ему, Александру, жаль своей вотчины. «А мне,— возражал Иван,—разве не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой, Киева, Смоленска и других го-

родов?» Во время мирных переговоров в 1503 г. московские бояре от имени Ивана III упрямо твердили польско-литовским послам: «Ано и не то одно наша отчина, кои городы и волости ныне за нами: и вся Русская земля из старины от наших прародителей наша отчина». В то же время Иван III объявлял в Крыму, что у Москвы с Литвою прочного мира быть не может, пока московский князь не воротит своей отчины, всей Русской земли, что́ за Литвой, что борьба будет перемежаться только перемириями для восстановления сил, чтобы перевести дух. Эта мысль о государственном единстве Русской земли из исторического воспоминания теперь превращается в политическое притязание, которое Москва и спешила заявить во все стороны, как свое неотъемлемое право.

Войны с Польшей.

Таковы были два ближайшие следствия, вышедшие из указанного основного факта. Благодаря новым территориальным приобретениям московских князей: 1) изменилось внешнее положение Московского княжества, 2) усложнились задачи внешней московской политики, которая теперь, когда Великая Русь образовала единое политическое целое, поставила на очередь вопрос о политическом объединении всей Русской земли, из этого вопроса вышла вековая борьба двух соседних славянских государств, Руси и Польши. Простой перечень войн Москвы с Польшей-Литвой при Иване III и его двух ближайших преемниках показывает, сколько тяжелого исторического предвидения было в его крымском заявлении: две войны при нем самом, две при его сыне Василии, одна война в правление Васильевой вдовы Елены, при Иване IV война с Ливонией, сопровождавшаяся продолжительной войной, точнее говоря, двумя войнами с Польшей, поглотившими около 20 лет его царствования. Из 90 лет (1492—1582) не менее 40 ушло на борьбу с Литвой—Польшей.

Лекция XXVI.

Внутренние следствия основного факта III периода.—Рост политического самосознания московского государя. — Софья Палеолог и ее значение в Москве. — Новые титулы. — Новая генеология и сказание о короновании Владимира Мономаха.—Идея божественного происхождения великокняжеской власти. — Вотчина и государство.—Колебания между обеими формами правления.—Порядок престолонаследия.—Расширение власти великого князя.—Запоздалость и вред удельного владения. — Нерешительное отношение к нему Ивана III и его преемников.—Состав верховной власти московского государя.—Перемена во взгляде московского общества на своего государя.—Выводы.

Я указал ближайшие внешние следствия, какие вышли из основного факта изучаемого периода. Но этот факт подействовал и на более скрытые сферы московской государственной жизни, на политические понятия и внутренние государственные отношения, и это действие требует особенного внимания.

Рост политического сознания.

Указанный факт заметно отразился на политическом самосознании московского государя и великорусского общества. Мы не можем, конечно, ожидать, чтобы новое положение, в каком очутился московский государь, как бы сильно оно ни почувствовалось, тотчас вызвало в московских правительственных умах соответственный ряд новых и отчетливых политических понятий. Ни в одном тогдашнем памятнике мы не найдем прямого и цельного выражения по-

нятий, отлагавшихся в умах под влиянием изменившегося положения. Тогдашние политические дельцы не привыкли в своей деятельности ни исходить из отвлеченных теорией, ни быстро переходить от новых фактов к новым идеям. Новая идея развивалась туго, долго оставаясь в фазе смутного помысла или шаткого настроения. Чтобы понять людей в этом состоянии, надобно искать более простых, первичных проявлений человеческой души, смотреть на внешние подробности их жизни: на костюм, по которому они строят свою походку, на окружающую их обстановку, по которой они подбирают себе осанку: эти признаки выдают их помыслы и ощущения, еще не ясные для них самих, не созревшие для более понятного выражения. Почувствовав себя в новом положении, но еще не отдавая себе ясного отчета в своем новом значении, московская государственная власть ощупью искала дома и на стороне форм, которые бы соответствовали этому положению, и уже облекшись в эти формы, старалась с помощью их уяснить себе свое новое значение. С этой стороны получают немаловажный исторический интерес некоторые дипломатические формальности и новые придворные церемонии, появляющиеся в княжение Ивана III.

Софья Палеолог.

Иван был женат два раза. Первая жена его была сестра его соседа, великого князя тверского, Марья Борисовна. По смерти ее (1467) Иван стал искать другой жены подальше и поважнее. Тогда в Риме проживала сирота племянница последнего византийского императора Софья Фоминична Палеолог. Несмотря на то, что греки со времени флорентийской унии сильно уронили себя в русских православных глазах, несмотря на то, что Софья жила так близко к ненавистному папе, в таком подозрительном церковном обществе, Иван III, одолев в себе религиозную брезгливость, выписал царевну из Италии и женился на ней в 1472 г. Эта царевна, извест-

ная тогда в Европе своей редкой полнотой, привезла в Москву очень тонкий ум и получила здесь весьма важное значение. Бояре XVI в. приписывали ей все неприятные им нововведения, какие с того времени появились при московском дворе. Внимательный наблюдатель московской жизни барон Герберштейн, два раза приезжавший в Москву послом германского императора при Ивановом преемнике, наслушавшись боярских толков, замечает о Софье в своих записках, что это была женщина необыкновенно хитрая, имевшая большое влияние на великого князя, который по ее внушению сделал многое. Ее влиянию приписывали даже решимость Ивана III сбросить с себя татарское иго. В боярских росказнях и суждениях о царевне не легко отделить наблюдение от подозрения или преувеличения, руководимого недоброжелательством. Софья могла внушить лишь то, чем дорожила сама и что понимали и ценили в Москве. Она могла привести сюда предания и обычаи византийского двора, гордость своим происхождением, досаду, что идет замуж за татарского данника. В Москве ей едва ли нравилась простота обстановки и бесцеремонность отношений при дворе, где самому Ивану III приходилось выслушивать, по выражению его внука, «многие поносные и укоризненные слова», от строптивых бояр. Но в Москве и без нее не у одного Ивана III было желание изменить все эти старые порядки, столь не соответствовавшие новому положению московского государя, а Софья с привезенными ею греками, видавшими и византийские, и римские виды, могла дать ценные указания, как и по каким образцам ввести желательные перемены. Ей нельзя отказать во влиянии на декоративную обстановку и закулисную жизнь московского двора, на придворные интриги и личные отношения: но на политические

дела она могла действовать только внушениями, вторившими тайным или смутным помыслам самого Ивана. Особенно понятливо могла быть воспринята мысль, что она, царевна, своим московским замужеством делает московских государей преемниками византийских императоров со всеми интересами православного Востока, какие держались за этих императоров. Потому Софья ценилась в Москве и сама себя ценила не столько как великая княгиня московская, сколько как царевна византийская. В Троицком Сергиевом монастыре хранится шелковая пелена, шитая руками этой великой княгини, которая вышила на ней и свое имя. Пелена эта вышита в 1498 г. В 26 лет замужества Софье, кажется, пора уже было забыть про свое девичество и прежнее византийское звание; однако в подписи на пелене она все еще величает себя «царевною царегородскою», а не великой княгиней московской. И это было недаром: Софья, как царевна, пользовалась в Москве правом принимать иноземные посольства. Таким образом брак Ивана и Софьи получал значение политической демонстрации, которою заявляли всему свету, что царевна, как наследница павшего византийского дома, перенесла его державные права в Москву, как в новый Царьград, где и разделяет их со своим супругом.

Новые титулы.

Почувствовав себя в новом положении еще рядом с такой знатной женой, наследницей византийских императоров, Иван нашел тесной и некрасивой прежнюю кремлевскую обстановку, в какой жили его невзыскательные предки. Вслед за царевной из Италии выписаны были мастера, которые построили Ивану новый Успенский собор, Грановитую палату и новый каменный дворец на месте прежних деревянных хоров. В то же время в Кремле при дворе стал заводиться тот сложный и строгий церемо-

ниал, который сообщал такую чопорность и натянутость придворной московской жизни. Точно так же, как у себя дома, в Кремле, среди придворных слуг своих, Иван начал выступать более торжественной поступью и во внешних сношениях, особенно с тех пор, как само собою, без бою, при татарском же содействии, свалилось с плеч ордынское иго, тяготившее на северовосточной Руси $2^{1}/_{2}$ столетия (1238—1480). В московских правительственных, особенно дипломатических бумагах с той поры является новый, более торжественный язык, складывается пышная терминология, незнакомая московским дьякам удельных веков. Между прочим для едва воспринятых политических понятий и тенденций не замедлили подыскать подходящее выражение в новых титулах, какие появляются в актах при имени московского государя. Это — целая политическая программа, характеризующая не столько действительное, сколько искомое положение. В основу ее положены те же два представления, извлеченные московскими правительственными умами из совершившихся событий, и оба эти представления—политические притязания: это—мысль о московском государе, как о национальном властителе *всей* Русской земли, и мысль о нем, как о политическом и церковном преемнике византийских императоров. Много Руси оставалось за Литвой и Польшей, и однако в сношениях с западными дворами, не исключая и литовского, Иван III впервые отважился показать европейскому политическому миру притязательный титул *государя всея Руси*, прежде употреблявшийся лишь в домашнем обиходе, в актах внутреннего управления, и в договоре 1494 г. даже заставил литовское правительство формально признать этот титул. После того как спало с Москвы татарское иго, в сношениях с неважными иностранными правителями, например, с ливонским магистром, Иван III

титулует себя *царем* всея Руси. Этот термин, как известно, есть сокращенная южнославянская и русская форма латинского слова *цесарь* или по старинному написанию *цѣсарь*, как от того же слова по другому произношению *кесарь* произошло немецкое Kaiser. Титул царя в актах внутреннего управления при Иване III иногда, при Иване IV обыкновенно соединялся со сходным по значению титулом *самодержца*: это славянский перевод византийского императорского титула αὐτοκράτωρ. Оба термина в древней Руси значили не то, что стали значить потом, выражали понятие не о государе с неограниченной внутренней властью, а о властителе, независимом ни от какой сторонней внешней власти, никому не платящем дани. На тогдашнем политическом языке оба эти термина противополагались тому, что мы разумеем под словом *вассал*. Памятники русской письменности до татарского ига иногда и русских князей называют царями, придавая им этот титул в знак почтения, не в смысле политического термина. Царями по преимуществу древняя Русь до половины XV века звала византийских императоров и ханов Золотой Орды, наиболее известных ей независимых властителей, и Иван III мог принять этот титул, только перестав быть данником хана. Свержение ига устраняло политическое к тому препятствие, а брак с Софьей давал на то историческое оправдание: Иван III мог теперь считать себя единственным оставшимся в мире православным и независимым государем, какими были византийские императоры, и верховным властителем Руси, бывшей под властью ордынских ханов. Усвоив эти новые пышные титулы, Иван нашел, что теперь ему не пригоже называться в правительственных актах просто по-русски Иваном, государем великим князем, а начал писаться в церковной книжной форме: «Иоанн, Божиею

милостью государь всея Руси». К этому титулу, как историческое его оправдание, привешивается длинный ряд географических эпитетов, обозначавших новые пределы Московского государства: «Государь всея Руси и великий князь Владимирский и Московский и Новгородский и Псковской и Тверской и Пермский и Югорский и Болгарский и иных», т.-е. земель. Почувствовав себя и по политическому могуществу, и по православному христианству, наконец и по брачному родству преемником павшего дома византийских императоров, московский государь нашел и наглядное выражение своей династической связи с ними: с конца XV в. на его печатях появляется византийский герб, двухглавый орел.

Генеалогия Рюрика.

Тогда мыслили не идеями, а образами, символами, обрядами, легендами, т.-е. идеи развивались не в логические сочетания, а в символические действия или предполагаемые факты, для которых искали оправдания в истории. К прошлому обращались не для объяснения явлений настоящего, а для оправдания текущих интересов, подыскивали примеры для собственных притязаний. Московским политикам начала XVI в. мало было брачного родства с Византией: хотелось породниться и по крови, притом с самым корнем или мировым образцом верховной власти—с самим Римом. В московской летописи того века появляется новое родословие русских князей, ведущее их род прямо от императора римского. Повидимому в начале XVI в. составилось сказание, будто Август, кесарь римский, обладатель всей вселенной, когда стал изнемогать, разделил вселенную между братьями и сродниками своими и брата своего Пруса посадил на берегах Вислы-реки на реку, называемую Неман, что и доныне по имени его зовется Прусской землей, «а от Пруса четырнадцатое колено—великий государь Рюрик». Москов-

ская дипломатия делала из этого сказания практическое употребление: в 1563 г. бояре царя Ивана, оправдывая его царский титул в переговорах с польскими послами, приводили словами летописи эту самую генеалогию московских Рюриковичей. Хотели осветить историей и идею византийского наследства. Владимир Мономах был сын дочери византийского императора Константина Мономаха, умершего за 50 лет слишком до вступления своего внука на киевский стол. В московской же летописи, составленной при Грозном, повествуется, что Владимир Мономах, вокняжившись в Киеве, послал воевод своих на Царьград воевать этого самого царя греческого Константина Мономаха, который с целью прекратить войну отправил в Киев с греческим митрополитом крест из животворящего древа и царский венец со своей головы, т.-е. Мономахову шапку, с сердоликовой чашей, из которой Август, царь римский, веселился, и с золотою цепью. Митрополит именем своего царя просил у князя киевского мира и любви, чтобы все православие в покое пребывало «под общею властью нашего царства и твоего великого самодержавства Великие Руси». Владимир был венчан этим венцом и стал зваться Мономахом, боговенчанным царем Великой Руси. «Оттоле—так заканчивается рассказ—тем царским венцом венчаются все великие князи владимирские». Сказание было вызвано венчанием Ивана IV на царство в 1547 г., когда были торжественно приняты и введены как во внешние сношения, так и во внутреннее управление титулы царя и самодержца, появлявшиеся при Иване III как бы в виде пробы лишь в некоторых, преимущественно дипломатических актах. Основная мысль сказания: значение московских государей, как церковно-политических преемников византийских царей, основано на установленном при Владимире Мономахе совместном властительстве греческих и рус-

Сказание о Вл. Мономахе.

ских царей-самодержцев над всем православным миром. Вот почему Иван IV нашел неоходимым укрепить принятие царского титула соборным письменным благословением греческих святителей со вселенским патриархом константинопольским во главе: московскому акту 1547 года в Кремле придавали значение вселенского церковного деяния. Любопытно, что и в этот акт восточных иерархов внесено московское сказание о царском венчании Владимира Мономаха. Есть византийское известие XIV в., что русский великий князь носил чин стольника (τὸ τοῦ ἐπί τραπέζης ὀφφίκιον) при дворе греческого царя, владыки вселенной (ὁ τῆς οἰκουμένης κύριος καὶ ἄρχων), как учила о нем византийская иерархия, а Василий Темный в одном послании к византийскому императору называет себя «сватом святого царства его». Теперь по московской теории XV—XVI в. этот стольник и сват вселенского царя превратился в его товарища, а потом преемника. Эти идеи, на которых в продолжение трех поколений пробовала свои силы московская политическая мысль, проникали и в мыслящее русское общество. Инок одного из псковских монастырей Филофей едва ли высказывал только свои личные мысли, когда писал отцу Грозного, что все христианские царства сошлись в одном его царстве, что во всей поднебесной один он православный государь, что Москва—третий и последний Рим.

Идея божественного происхождения власти.

Изложенные подробности, не все одинаково важные сами по себе, все любопытны, как своего рода символы политического мышления, как выражение усиленной работы политической мысли, какая началась в московских государственных умах при новых условиях положения. В новых титулах и церемониях, какими украшала или обставляла себя власть, особенно генеалогических и археологических легендах, какими она старалась осветить свое прошлое, сказывались успехи

ее политического самосознания. В Москве чувствовали, что значительно выросли, и искали исторической и даже богословской мерки для определения своего роста. Все это вело к попытке вникнуть в сущность верховной власти, в ее основания, происхождение и назначение. Увидев себя в новом положении, московский государь нашел недостаточным прежний источник своей власти, каким служила *отчина и дедина*, т. е. преемство от отца и деда. Теперь он хотел поставить свою власть на более возвышенное основание, освободить ее от всякого земного юридического источника. Идея божественного происхождения верховной власти была нечужда и предкам Ивана III; но никто из них не выражал этой идеи так твердо, как он, когда представлялся к тому случай. В 1486 году некий немецкий рыцарь Поппель, странствуя по малоизвестным в Европе отдаленным краям, каким-то образом попал в Москву, Вид столицы неведомого Московского государства поразил его, как политическое и географическое открытие. На католическом Западе знали преимущественно Русь Польско-Литовскую, и многие даже не подозревали существования Руси и Московской. Воротясь домой, Поппель рассказывал германскому императору Фридриху III, что за Польско-Литовской Русью есть еще другая Русь, Московская, независимая ни от Польши ни от татар, государь которой будет, пожалуй посильнее и побогаче самого короля польского. Удивленный таким неожиданным известием, император послал Поппеля в Москву просить у Ивана руки одной из дочерей для своего племянника и в вознаграждение за это предложить московскому князю королевский титул. Иван благодарил за любезное предложение, но в ответ на него велел сказать послу: «а что ты нам говорил о королевстве, то мы Божиею милостью государи на своей земле изначала,

от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы. Молим Бога, чтобы нам и детям нашим дал до века так быть, как мы теперь государи на своей земле, а поставления как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим». Подобно деду царь Иван, в беседе с польско-литовскими послами, жалуясь на то, что король Сигизмунд Август не признает его титулов и прав, ими выражаемых, говорил, что эти права даны ему Богом и ни в чьем признании не нуждаются.

Вотчина и государство.

Таковы успехи, достигнутые московским политическим самосознанием путем столь разнообразных усилий. Объединение Великороссии повело к мысли о соединении всей Руси под одною властью и к стремлению придать этой власти не только всероссийское, но и вселенское значение. Но во имя чего объединили Великороссию и хотели объединить всю Русь? Иван III настойчиво заявлял и его преемники повторяли, что вся Русская земля—их *отчина*. Значит, новый союз, образуемый объединявшейся Великороссией, подводился под старую политическую форму: ни из чего не видно, чтобы Иван III понимал отчину как нибуд иначе, не так, как понимали эту форму его удельные предки. Но общественные союзы имеют свою природу, требующую соответственных ей политических форм. В удельной вотчине, где свободные обыватели находились к князю во временных договорных отношениях, ежеминутно способных порваться, князь был собственником только территории, земельного пространства с хозяйственными угодьями. Страна, населенная целым народом, для которого она стала отечеством, соединившись под одною властью, не могла оставаться вотчинной собственностью носителей этой власти. В Москве заявляли притязание на всю Русскую землю, как на цельный народ,

во имя государственного начала, а соблюдать ею хотели, как отчиной, на частном удельном праве. В этом состояло внутреннее противоречие того объединительного дела, которое с таким видимым успехом довершили Иван III и его преемник. Иван III, первый из московских князей, громко объявлявший всю Русскую землю своей вотчиной, кажется, чувствовал это противоречие и искал из него выхода, усиливаясь согласовать свою вотчинную власть с требованиями изменившегося положения. Увидев себя государем целого православного народа, он сознавал, хотя и смутно, те новые обязанности, какие ложились на него, как на поставленного свыше блюстителя народного блага. Мысль об этом мелькнула при одном случае, о котором впрочем узнаем далеко не из первого источника. В 1491 г. по договору Иван велел своим удельным братьям послать их полки на помощь своему крымскому союзнику хану Менгли-Гирею. Удельный князь Андрей углицкий не послушался, не послал своих полков. В Москве сначала смолчали и, когда князь Андрей приехал в столицу, приняли его ласково, но потом неожиданно схватили и посадили в тюрьму. Митрополит по долгу сана ходатайствовал перед великим князем за арестованного; но Иван отказался дать ему свободу, говоря, что этот князь и раньше несколько раз злоумышлял против него. «Да это бы еще ничего, добавил Иван: но когда я умру, он будет искать великого княжения под внуком моим, и если даже не добудет княжения, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю бить, жечь и пленить и дань опять наложат, и кровь христианская польется попрежнему, и все мои труды останутся напрасны, и вы попрежнему будете рабами татар». Так повествует Татищев в своем летописном своде, не указывая, откуда заим-

ствовал слова великого князя. Во всяком случае с тех пор, как обеспечен был успех московского собирания Руси, в Иване III, его старшем сыне и внуке начинают бороться вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти. Это колебание между двумя началами или порядками обнаруживалось в решении важнейших вопросов, поставленных самым этим собиранием, о порядке преемства власти, об ее объеме и форме. Ход политической жизни объединенной Великороссии более чем на столетие испорчен был этим колебанием, приведшим государство к глубоким потрясениям, а династию собирателей к гибели.

Престолонаследие

Мы уже знаем, как еще до Ивана III фактическим, не юридическим путем устанавливался в московском княжеском доме порядок преемства великокняжеской власти в прямой нисходящей линии. Все зависело от обстоятельств и хана; но обстоятельства и воля хана обыкновенно складывались в пользу такого порядка и образовали обычай, в силу которого великое княжение уже с Димитрия Донского стало не только московской отчиной, но именно отчиной старшего сына московского великого князя. Василий Темный, столько потерпевший в борьбе за этот порядок, придумал средство упрочить его, еще при своей жизни назначив старшего своего сына Ивана великим князем-соправителем. Иван хотел последовать примеру отца и старшего сына своего от первой жены Ивана так же назначил своим соправителем. Но соправитель умер, оставив сына Дмитрия, когда и у Софьи подростал сын Василий. У Ивана III получились две нисходящие и равносильные линии: представитель старшей (внук) на одно колено был ниже представителя младшей (сын). Бояре по нелюбви к Софье были за внука. Софья с сыном завела темную придворную интригу, которая от-

крылась, и рассерженный Иван решил назначить соправителем и наследником внука. Но он не довольствовался простым изъявлением своей воли: недавний обычай назначать наследника, предварительно объявив его соправителем, он хотел освятить торжественным церковным венчанием избранника на великое княжение. Из византийских коронационных обрядников выбрали подходящие церемонии, дополнили их подходящими к случаю подробностями и составили «чин» поставления Димитрия Ивановича на великое княжение, дошедший до нас в современной рукописи. Венчание происходило в Успенском соборе в 1498 г. Великий князь-дед возложил на великого князя-внука *шапку*, венец и *бармы*, оплечье, широкий отложной воротник. Во время венчания митрополит, обращаясь к деду, называл его «преславным царем самодержцем». Торжественная минута вызвала в московском князе потребность оглянуться назад и призвать старину, историю, в оправдание нового порядка престолонаследия—в прямой нисходящей линии. Обратясь к митрополиту, Иван сказал: «Отец митрополит! Божиим изволением от наших прародителей, великих князей, старина наша оттоле и до сих мест: отцы наши, великие князья, сыновьям своим старшим давали великое княжение: и я было сына своего первого Ивана при себе благословил великим княжением; но Божьею волей сын мой Иван умер; у него остался сын первый Димитрий, и я его теперь благословляю при себе и после себя великим княжением Владимирским, Московским и Новгородским, и ты бы его отец, на великое княжение благословил». По прямому смыслу этих слов Иван решил при назначении преемника держаться прямой нисходящей линии в самом строгом смысле слова. Торжественный церковный обряд, освящавший такой порядок престолонаследия, придавал установлению характер основного закона

в тогдашнем сознании. Такие законы и впереди всех закон о престолонаследии были особенно необходимы в момент превращения непомерно расширившейся вотчины Даниловичей в Московское государство: государство тем и отличается от вотчины, что в нем воля вотчинника уступает место государственному закону. Но Иван сам же нарушил свое столь торжественное установление. Софья успела поправить свои дела: венчанный внук был разжалован и заключен под стражу, а сын пожалован и посажен на великое княжение «самодержцем».—«Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? Кому хочу, тому и дам княжение»—сказал однажды Иван по другому случаю; здесь в нем говорил своенравный хозяин вотчинник, а не государь, которым издан первый *Судебник*. Та же мысль о произвольном выборе преемника между нисходящими выражена и в договоре, заключенном между Василием и Юрием, старшими сыновьями Ивана III, еще при его жизни и по его воле; отец благословляет великим княжеством сына, которого хочет, невзирая на старшинство. Преемникам Ивана III дан был пример, которому они следовали с печальным постоянством—одной рукой созидать, а другой разрушать свое создание, пока не разрушили созданного ими государства.

Расширение власти вел. князя.

Такое же колебание заметно и в определении объема и формы верховной власти. Усиленная работа политической мысли повела не к одному лишь накоплению новых украшений вокруг великого князя и его титула: от этой работы оставались и некоторые практические осадки. Новое значение верховной власти, постепенно уясняясь, отражалось не только на придворном церемониале, но и на государственном праве. Мы знаем, как великие князья московские уже с первой половины XIV в. постепенно усиливали вотчинное преобладание старшего своего наслед-

ника над младшими князьями удельными. Иван III в своем завещании довел это усиление до небывалых размеров: старшему своему сыну и наследнику великого княжения он одному завещал более 60 областей, городов с уездами или целых земель с городами и пригородами, а четырем удельным его братьям всем вместе было дано не более 30 городов, притом большею частью малозначительных. Теперь великий князь московский стал гораздо богаче и сильнее всех удельных своих родичей, вместе взятых. Это было практическое средство, к которому прибегали и предшественники Ивана III для обезпечения политического преобладания старшего наследника. Иван III и здесь сделал важное нововведение, в котором сказалось действие государственных идей, усиленно проникавших в сознание московского государя. Усиливая материальное преобладание старшего сына, великого князя, он в своей духовной дал ему и существенные политические преимущества над младшими удельными братьями. В этом отношении духовная Ивана есть первый акт своего рода в истории нашего государственного права: в нем видим попытку определить состав верховной власти. Перечислю эти политические преимущества, данные великому князю над удельными. 1) До сих пор все князья-сонаследники совместно по долям или участкам владели городом Москвой, собирали с нее дань и пошлины, прямые и косвенные налоги; в духовной Ивана III важнейшие статьи финансового управления столицей, торговые пошлины и сборы с торговых помещений предоставлены одному великому князю, который только выдавал из них по 100 рублей (не менее 10 тыс. руб. на наши деньги) в год каждому из удельных своих братьев. 2) До сих пор удельные князья творили суд и расправу по всем делам каждый в своем участке столицы и в принадлежав-

ших ему подмосковных селах; по духовной Ивана III суд по важнейшим уголовным делам во всей Москве и в подмосковных станах, доставшихся в удел братьям, принадлежал исключительно великому князю. 3) До сих пор каждый владетельный князь великий, как и удельные, бил или мог бить свою монету, и в наших нумизматических кабинетах вы найдете много экземпляров удельной монеты XIV и XV вв.; по духовной Ивана III право чеканить монету предоставлено было одному великому князю московскому. 4) До сих пор согласно с удельным порядком владения удельные князья могли располагать своими вотчинами в завещаниях по личному усмотрению. Дмитрий Донской впервые ввел некоторое ограничение в это право, постановив в своей духовной, что удельный князь, умирая бессыновным, не мог никому завещать свой удел, который по смерти бессыновного владельца делился между оставшимися братьями по усмотрению матери. В духовной Ивана III это ограничение направлено исключительно в пользу великого князя: выморочный удел весь без раздела переходил к последнему. Часть удела, выделенная княгине-вдове «на прожиток», оставалась в ее пользовании только до ее смерти, «до живота», а потом также отходила к великому князю.

Вред удельного владения.

Видим, что духовная Ивана III определяет верховную власть великого князя только с одной стороны, по отношению к князьям удельным. Великий князь, прежде превосходивший удельных родичей только размерами своих владений, количеством материальных средств, теперь сосредоточил в своем лице и наибольшее количество политических прав. Преемник Ивана III вступал на великокняжеский стол более государем, чем сам Иван. Удельные братья, в первую половину Иванова княжения еще способные наделать больших хлопот

великому князю, потом являются перед ним бессильными и бесправными владетелями. Они беднели и падали все более, вели хищническое управление в своих уделах и все-таки нуждались, не были в состоянии нести расходов на татар, занимали деньги, у кого и сколько могли, иногда по 2 рубля на соль и не платили процентов, умирали в больших долгах, возлагая уплату их на великого князя, которому отказывали свои уделы. В таких чертах рисуется их хозяйственное положение в их духовных грамотах. Еще печальнее было положение удельных братьев великого князя Василия. Они иногда помышляли о побеге в Литву, но по обнаружении замысла униженно ходатайствовали о прощении через митрополита, монахов, московских бояр, называли себя холопами великого князя, своего «государя». С ними и не стеснялись в Москве ни при Иване, ни при Василии: они знали, что за ослушание и за крамолу по одному доносу, даже только по подозрению, их ждет московская тюрьма. Но удельное право формально признавали оба эти великие князя, заключали с удельными договоры на старых условиях, как с независимыми владетелями, только обязывая их быть неотступными от великих князей «никуда ни к кому никоторыми делы», ни с кем не заключать договоров, вообще не сноситься без ведома великих князей и под их детьми, своими племянниками, великих княжеств не подыскиваться: попрежнему действуют личные обязательства вместо закона. Однако безопасные сами по себе, по своей политической и нравственной слабости, неспособные и своих уделов устроить, не то чтобы царством править, как отозвался о своих удельных братьях вел. кн. Василий, они не перестали быть вредными при тогдашнем ходе дел и при складе общества того времени. Удельные предания были еще слишком свежи и кружили слабые удельные головы при всяком удоб-

ном случае. Удельный князь был крамольник если не по природе, то по положению: за него цеплялась всякая интрига, заплетавшаяся в сбродной придворной толпе. В московском Кремле от него ежеминутно ожидали смуты; всего более боялись его побега за границу, в Литву, хотя эта опасность была, может быть, лучшим средством освободить государство от этих ни на что непригодных остатков безнарядной старины, как это средство избавило Василия Темного от его злейших врагов, князей Можайского и Шемячича. Формальное, т-е. притворное признание удельного права, не соответствовавшее действительным отношениям, внося фальшь в государственную жизнь, мешало московским государям уяснить себе и проводить одно из основных начал государственного порядка, единство, цельность верховной власти. Печальный опыт отца и свой собственный заставил Ивана III тревожно задумываться над мыслью о такой власти. Московский посланец от его имени говорил в Вильне его дочери, вел. княгине литовской: «слыхал я, каково было нестроение в Литовской земле, коли было государей много, а и в нашей земле, слыхала ты, каково было нестроение при моем отце, а после отца каковы были дела и у меня с братьями, надеюсь, слыхала же, а иное и сама помнишь». Но восприимчивые к идее самодержавия, московские государи очень туго усвояли себе мысль о единодержавии. Мы скоро увидим, как Иван IV, торжественно принявший постоянный титул царя и самодержца, в полемике с кн. Курбским принялся за напряженную разработку нового взгляда на самодержавие, незнакомого древней Руси; но и он не мог отрешиться от удельных привычек. В духовной 1572 г., назначив своим преемником старшего сына Ивана, он отказал ему все царство Русское, но при этом выделил и второму сыну Федору удел, набранный из городов в разных частях

Нерешительность моск. государей.

государства (Суздаль, Кострома, Волоколамск, Козельск, Мценск и др.). Правда, этот удел не становился особым самостоятельным княжеством; его владетель не получал значения автономного государя подобно удельным князьям прежнего времени, а во всем подчинен был царю, и самый удел его оставался под верховной властью старшего брата, как единственного государя, составлял неотделимую часть единого нераздельного Русского царства; «а удел сына моего Федора, гласила духовная, ему ж (старшему сыну, царю Ивану) к великому государству». В уме завещателя, очевидно, присутствовала мысль о нераздельности верховной власти и государственной территории. В той же духовной впервые в истории нашего государственного права решительно выражено было понятие об удельном князе, как о простом слуге государя. В самых настойчивых выражениях отец внушает младшему сыну безусловную и беспрекословную покорность перед старшим, приказывает ни в чем ему не прекословить, во всем жить из его слова, во всем быть в его воле до крови и до смерти, даже в случае обиды от старшего брата рати не поднимать и самому собой не обороняться, а бить ему челом, чтоб гнев сложить изволил. Словом, удельный князь — владетельный подданный государя и больше ничего. Но дело было в самом звании удельного князя, а не в степени его подчинения государю по завещательным отеческим наставлениям, не имевшим никакого практического значения. Когда старший сын Грозного погиб, второй заступил его место наследника, а родившемуся незадолго до смерти отца царевичу Димитрию назначен был маленький удел Углич. Но отец не успел еще закрыть глаз, а у колыбели этого удельного князя уже завязалась смута, которая, долго тлея, наконец разгорелась в такую беду, едва не разрушившую всех

плодов 300-летней терпеливой работы московских Даниловичей. Так до конца династии в Кремле не могли оторваться от мысли, что каждый член владетельного рода должен иметь удел, хоть маленький и хоть с призрачной властью, но все же свой удел, и такой смелый мыслитель и преобразователь, как Иван Грозный, остался верен фамильной московской логике и политике,—логике полумыслей и политике полумер.

Сведем все сказанное, чтоб видеть, как сложилась верховная власть в Московском государстве к концу изучаемого периода.

Состав верховной власти.

Одному из маленьких уделов окско-волжского междуречья счастливое сочетание различных условий помогло расшириться на всю область тогдашнего распределения великорусского племени. Столь успешное расширение побуждало владетелей этого удела постепенно расширять и свой взгляд на себя, на свою власть, чтобы привести ее в меру все улучшавшегося положения. Разнообразные пособия вовлечены были в эту работу московской политической мысли: общехристианские воззрения и византийские предания, туземные исторические воспоминания и уроки, выносимые из переживаемых событий, даже чаяния будущего. Из такого материала выработался довольно сложный, но недостаточно определенный образ верховной власти, в котором с некоторой ясностью обозначались три черты: божественное происхождение, вселенское представительство православия на основе церковно-исторической связи с павшей Византией и национальное всероссийское значение на основе прямого преемства от вел. князя Владимира Мономаха. Но эти черты были привнесены в состав власти, а не развивались из ее исторически сложившегося содержания. Это содержание состояло в вотчинном праве мо-

сковского государя на Русскую землю, как принадлежащую, так и имеющую принадлежать ему в будущем. В этом праве можно различить три определения: независимое от сторонней силы вотчинное полновластие, выраженное в заимствованных титулах царя и самодержца; наследование по завещанию в прямой нисходящей линии с выбором наследника из нисходящих по усмотрению завещателя; неделимость *царства*, как власти и как области, с сохранением подчиненного царю удельного владения. Исходя из чисто вотчинных оснований, эти определения при надлежащей законодательной обработке и очистке от вотчинной примеси могли стать основами государственного порядка; из них два последних тем и были вызваны, что вотчина расширилась до размеров, в которых она не могла оставаться вотчиной и превращалась в государство.

Взгляд общества на государя.

Мы доселе перечисляли последствия основного факта, обнаружившиеся, с одной стороны, во внешнем положении и внешней политике Московского государства, с другой— в политическом сознании московского государя и в составе его верховной власти. Но этот факт отразился и на отношении московского общества к своему государю. До конца XV в. это отношение отличалось простотой удельного времени и еще не заметно было следовъ того почитания, своего рода культа, которым впоследствии был окружен московский государь. В 1480 г., во время нашествия хана Ахмата, Иван III, постояв с полками на Оке, покинул армию и воротился в Москву. Столица была в смятении; горожане сносили в Кремль свои пожитки, ожидая татарской осады. Увидев возвращавшегося великого князя, они подступили к нему с жалобами и говорили ему, по свидетельству летописи: «когда ты, государь, княжишь над нами в мирное время, тогда нас много понапрасну обременяешь

поборами, а теперь сам, рассердив хана, не заплатив ему выхода, нас же выдаешь татарам». Престарелый ростовский архиепископ Вассиан встретил великого князя еще более резкими упреками, начал «зло говорить ему», называя его «бегуном». трусом, и грозя, что на нем взыщется кровь христианская, которая прольется от татар. Приведем еще эпизод из княжения Иванова преемника. И в это время еще не исчезли прежние простые отношения подданных к государю. Тогда в Москве заподозрили по доносу в злом умысле государева брата, удельного дмитровского князя Юрия и решили дождаться его приезда в столицу, чтобы арестовать его. Узнав об этом, Юрий обратился к волоколамскому игумену преп. Иосифу, жалуясь ему, что в Москве слушают наветников, и прося игумена съездить в Москву, походатайствовать за него перед великим князем. Иосиф уговаривал удельного князя не противиться великому: «преклони главу твою пред помазанником Божиим и покорись ему» Юрий отвечал на это: «будь мне вместо отца родного; я по твоему наставлению не буду против государя, готов все терпеть от него, даже самую смерть, только съезди к нему». Иосиф послал к великому князю двух старцев своего монастыря. Не соблюдая обычных правил вежливости, не поздоровавшись и не спросив о здоровье игумина, Василий встретил посланных сердитыми словами: «зачем пришли, какое вам до меня дело?» Тогда один из старцев начал наставительно пенять великому князю, что государю не подобает так выходить из себя, не разузнав наперед, в чем дело, а следует расспросить хорошенько и выслушать с кротостью и смирением. Великий князь смутился, встал и улыбаясь сказал: «ну, простите, старцы, я пошутил». Затем, сняв шапку, он поклонился старцам и спросил о здоровье игумена. Тогда

уж пошла речь о деле, и великий князь уважил ходатайство Иосифа, помирился с братом. Это было до 1515 года, когда умер Иосиф. Так еще в начале XVI в. по временам проявлялись простые удельные отношения подданых к своему государю; но эти отношения исчезали быстро вместе с последними уделами. Уже при Иване III, еще более при Василии, верховная власть окружала себя тем ореолом, который так резко отделил московского государя от всего остального общества. Посол императора германского Герберштейн, наблюдавший Москву при Василии, замечает, что этот великий князь докончил то, что начал его отец, и властью своею над подданными превосходить едва ли не всех монархов на свете. Он добавляет: что в Москве говорят про великого князя: воля государева—Божия воля, государь исполнитель воли Божией. Когда москвичей спрашивают о каком-нибудь неизвестном им или сомнительном деле, они отвечают затверженными выражениями: мы того не знаем, знает то Бог да великий государь. По словам Герберштейна, они даже величали своего государя ключником и постельничим Божиим, применяя язык московского двора к столь возвышенным отношениям. Так уже ко времени Василиева преемника Иван IV в Москве был готов тот кадекс политических понятий, которым так долго жила потом Московская Русь.

Выводы. Помпная изученные нами сегодня явления, не можем сказать, чтобы полтора века со смерти Василия Темного прошли даром для политического сознания и власти московского государя. Идея государственного объединения всей Русской земли, национального значения московского государя, свыше возложенного на него полномочия блюсти народное благо,—эти идеи вместе с первыми попытками установить состав верховной власти, единой и неделимой,

надобно признать значительными успехами для московских умов того времени. Впрочем значение этих успехов ограничилось бы историей понятий, если бы они не сопровождались соответственным движением общественного и государственного порядка, к изучению которого мы обращаемся.

Лекция XXVII.

Московское боярство.—Перемена в его составе с половины XV в.—Условия и правила родословного распорядка боярских фамилий.—Политическое настроение боярства въ новом его составе.—Определение московского боярства, как класса.—Местничество.—Местническое *отечество*.—Местнический счет простой и сложный.—Законодательные ограничения местничества. — Идея местничества.—Когда оно сложилось в систему.—Значение его, как политической гарантии для боярства.—Недостатки его в этом отношении.

Внутренние отношения.

Изучая политические последствия основного факта периода, превращения Московского княжества в великорусское государство, я указал действие этого факта на политическое сознание московского государя и великорусского общества. Этот факт утвердил в уме московского государя новый взгляд на свою власть, как и в умах великорусского народа новый взгляд на своего государя. Почувствовав себя на высоте национального властителя, московский государь страшно вырос в своих собственных глазах, как и в глазах своего народа. Но, заронив в умы новые политические *понятия*, тот же факт вызвал и новые политические *отношения*. Политическое объединение Великороссии глубоко изменило положение и взаимные отношения классов объединенного русского общества и прежде всего состав и настроение его верхнего слоя, боярства, а перемена в составе и настроении этого класса изменила его отношение к госу-

дарю и изменила не в том направлении, в каком изменилось отношение к нему остального общества.

Состав боярства.

Чтобы понять эту перемену, надобно припомнить положение московского боярства в удельные века. Уже тогда Москва привлекла к себе многочисленное и блестящее боярство, какого не было ни при каком другом княжеском дворе северной Руси. С конца XIII столетия на берега р. Москвы стекаются со всех сторон знатные слуги и из соседних северных княжеств, и с далекого русского юга, из Чернигова, Киева, даже с Волыни, и из-за границы, с немецкого запада и татарского юго-востока, из Крыма и даже из Золотой Орды. Благодаря этому приливу уже к половине XV в. московский великий князь был окружен плотной стеной знатных боярских фамилий. По старинным родословным книгам московского боярства таких фамилий можно насчитать до четырех десятков. Наиболее видные из них были Кошкины, Морозовы, Бутурлины и Челяднины, Вельяминовы и Воронцовы, Ховрины и Головины, Сабуровы и др. В своих отношениях к великому князю это боярство сохраняло тот же характер случайных, вольных советников и соратников князя по уговору, какими были бояре при князьях XII в. С половины XV в. состав московского боярства глубоко изменяется. Родословные боярские росписи XVI в. вскрывают эту перемену. К концу XVI в. по этим книгам на московской службе можно насчитать до 200 родовитых фамилий. Выключив из этого числа фамилии, основавшиеся в Москве еще до Ивана III, найдем, что более 150 фамилий вошло в состав московского боярства с половины XV в. По происхождению своему это боярство было очень пестро. Старые родословные книги его производят впечатление каталога русского этнографического музея. Вся русская равнина со своими окраи-

нами была представлена этим боярством во всей полноте и пестроте своего разноплеменного состава, со всеми своими русскими, немецкими, греческими, литовскими, даже татарскими и финскими элементами. Важнее всего то, что решительное большинство в этом новом составе боярства принадлежало титулованным княжеским фамилиям. Усиленное собирание Руси Москвой с Ивана III сопровождалось вступлением на московскую службу множества князей, покидавших упраздненные великокняжеские и удельные столы. Съ тех пор во всех отраслях московского управления, в государевой думе советниками, в приказах судьями, т. е. министрами, в областях наместниками, в полках воеводами являются все князья и князья. Служилое княжье если не задавило, то закрыло старый слой московского нетитулованного боярства. Эти князья за немногими исключениями были наши Рюриковичи или литовские Гедиминовичи. Вслед за князьями шли в Москву их ростовские, ярославские, рязанские бояре.

Родословный распорядок. Столь пестрые и сбродные этнографические и социальные елементы не могли скоро слиться в плотную и однообразную массу. Новое московское боярство образовало длинную иерархическую лествицу, на которой боярские фамилии размещались уже не по уговору, а по своему служебному достоинству. Это достоинство определялось различными условиями. В Москве восторжествовала мысль, что князь, только потому, что он князь, должен стоять выше простого боярина, хотя бы он был только вчерашним слугой московского государя, а боярин имел длинный ряд предков, служивших в Москве. Так давность службы была принесена в жертву знатности происхождения. Таково было первое условие. Но и князья не все выстроились в одну линию на московской службе: потомки прежних великих князей стали выше, по-

томки бывших удельных — ниже. Князья Пенковы всегда становились выше по службе своих ближайших родичей князей Курбских или Прозоровских, потому что Пенковы шли от великих князей ярославских, а Курбские и Прозоровские — от князей ярославских удельных. Итак служебное положение титулованного слуги в Москве определялось его значением в минуту перехода на московскую службу. Таково второе условие. Последовательное применение этого второго условия приводило к одному исключению из первого, т. е. ставило иных князей ниже простых бояр. Многие удельные князья теряли свои уделы еще до перехода на московскую службу. В Москву они переходили уже со службы при каком-либо другом дворе, великокняжеском или удельном. Как слуги младших князей, они в Москве становились ниже здешних старинных бояр служивших старшему из всех князей, каким считался великий князь московский, как обладатель старейшей Владимирской области. Отсюда вытекало третье условие: московское положение князей, перестававших быть владетельными до перехода на московскую службу, равно как и положение простых бояр, переходивших в Москву из других княжеств, определялось сравнительным значением княжеских дворов, при которых и те и другие служили перед переходом на московскую службу. На этих условиях основывались правила родословного распорядка титулованных и простых слуг в Москве. Положение на московской службе определялось для владетельных князей значением *столов*, на которых они сидели, для простых бояр и служилых князей значением *дворов*, при которых они служили. Следовательно: 1) потомок великих князей становился выше потомка удельных, 2) владетельный потомок удельного князя выше простого боярина, 3) московский великокняжеский боярин выше служилого

князя и боярина удельного. Благодаря такому распорядку московское боярство в новом своем составе распалось на несколько иерархических слоев. Верхний слой образовали потомки бывших великих князей русских и литовских. Здесь встречаем князей Пенковых ярославских, князей Шуйских, суздальских, старших князей Ростовских, литовских князей Бельских, Мстиславских и Патрикеевых, от которых пошли князья Голицыны и Куракины. Из старинного нетитулованного боярства Москвы в этом слое удержались одни Захарьины, ветвь старого московского боярства рода Кошкиных . Второй слой составился из потомков значительных удельных князей, Микулинских из тверских, Курбских из ярославских, Воротынских, Одоевских и Белевских из черниговских, Пронских из рязанских. К ним примкнули и знатнейшие фамилии старинного московского боярства: Вельяминовы, Давыдовы, Бутурлины, Челяднины и др. Второстепенное московское боярство и потомство мелких удельных князей вместе с боярами из княжеств Тверского, Ростовского и других образовали третий и дальнейшие разряды. Впрочем, мы сейчас увидим, что по отношениям, установившимся в высшей московской служилой среде, легче было определить сравнительный служебный вес отдельных лиц и фамилий, чем провести точные раздельные черты между целыми разрядами.

Политическое настроение.

В новом своем составе московское боярство стало проникаться и новым политическим *настроением*. Первостепенная знать, ставшая во главе этого боярства, шла от бывших великих и удельных князей. Не думайте, что с исчезновением великих и удельных княжеств тотчас без следа исчезал и удельный порядок, существовавший в северной Руси. Нет, этот порядок долго еще действовал и под самодержавной рукой московского государя. Политиче-

ское объединение северной Руси на первых порах выражалось только в единстве московской верховной власти, но не сопровождалось немедленной коренной перестройкой местного управления, где еще довольно устойчиво хранились остатки удельного порядка. Власть московского государя становилась не на место удельных властей, а над ними, и новый государственный порядок ложился поверх действовавшего прежде, не разрушая его, а только образуя новый высший ряд учреждений и отношений. Даже высшие местные управления в Твери, Ростове, Нижнем-Новгороде и пр., не упразднялись, а только переносились в Москву и здесь продолжали действовать особняком, не сливаясь с центральными московскими учреждениями. Точно так же и удельные князья, переставая быть самостоятельными владетелями своих уделов, обыкновенно оставались в них простыми вотчинниками-землевладельцами, иногда очень крупными, и часто даже продолжали пользоваться долей своей прежней правительственной власти, судили и рядили по старым местным обычаям и законам, сохраняли свои удельные полки, иные даже оффициально назывались *удельными*, а не служебными князьями. Еще при Грозном до опричнины встречались землевладельцы из высшей знати, которые в своих обширных вотчинах правили и судили безапелляционно, даже не отдавая отчета царю. Благодаря тому переход князя на московскую службу с удельного и даже великокняжеского стола не был для него крутым переворотом, потерей всего, что имел он прежде. При дворе московского государя, в Кремле, он видел себя в новой обстановке, к какой не привыкли его владетельные предки: но у себя дома, среди своих дворовых слуг, в кругу своего вотчинного хозяйства, этот князь не переставал чувствовать себя узлом прежних

отношений, поддерживал прежние понятия и привычки. С другой стороны, титулованное боярство заняло все высшие должности в московском управлении, командовало московскими полками, правило областями Московского государства. Известны случаи, когда бывший владетельный князь продолжал править своим княжеством в качестве наместника московского государя. Все это помогло новым титуловинным московским боярам, потомкам князей великих и удельных, усвоить взгляд на себя, какого не имели старые нетитулованные московские бояре. Последние были вольными и перехожими слугами князя *по договору*; первые стали видеть в себе властных правителей земли, государства *по происхождению*. Руководя всем в объединенной северной Руси, потомки бывших великих и удельных князей и в Москве продолжали смотреть на себя, как на таких же хозяев Русской земли, какими были их владетельные предки; только предки, рассеянные по уделам, правили Русской землей по частям и по одиночке, а потомки, собравшись в Москве, стали править всей землей и все вместе. Среди титулованного боярства XVI в. утверждается взгляд на свое правительственное значение не как на пожалование московского государя, а как на свое наследственное право, доставшееся им от предков независимо от этого государя, установившееся само собою, ходом событий. Сами московские государи поддерживали среди них этот взгляд, не трогая их удельных порядков и преданий, и даже отец Грозного, не долюбливавший знатного боярства, признал его наследственное правительственное право, назвав своих советников в предсмертном к ним обращении «извечными боярами» своего дома. Увидев себя в сборе вокруг московского Кремля, новое титулованное боярство взглянуло на себя, как на собрание наследсвенных и привычных, т.-е. общепризнанных властителей Рус-

ской земли, а на Москву, как на сборный пункт, откуда они попрежнему будут править Русской землей, только не по частям и не в одиночку, как правили предки, а совместно и совокупно, — будут править все вместе и всей землей в совокупности. Значит, в новом московском боярстве предание власти, шедшее из удельных веков, не прервалось, а только преобразилось Теперь, когда потомки прежних владетельных князей собрались в Москве, их прежняя власть, унаследованная от отцов, из одиночной, личной и местной превратилась в собирательную, сословную и всеземскую. Так московская боярская знать в новом своем составе усвоила себе и новый взгляд на свое политическое значение, незнакомый боярству удельных веков, и по этому взгляду настроилась политически.

Местничество.

Итак, обратившись к изучению состава общества в Московском государстве XV—XVI в., встречаемся еще с одним следствием основного факта этого периода. Образование национального великорусского государства отразилось в боярском сознании своего рода теорией аристократического правительства. Основное положение этой теории можно выразить так: московский государь для управления соединенной под его властью Русской землей призывает родовитых сотрудников, предки которых некогда владели частями этой земли. Объединение Великороссии, сообщив великому князю московскому значение всеземского, национального государя, и собранным под его рукой местным правителям внушило идею всеземского правительственного класса. Такой взгляд боярства на свое значение не остался только политическим притязанием, но облекся в целую систему служебных отношений, известную в нашей истории под названием *местничества*. Прежде чем обратиться к его изучению, объясню, что я разумею под московским боярством.

Боярство как класс.

Я пользуюсь этим словом не в том значении, какое оно имело на оффициальном московском языке XII в. Тогда им обозначался не общественный класс, а высший служебный чин боярина: *сказать* кому *боярство* значило объявить оффициально лицу, что оно пожаловано в бояре. Я говорю о боярстве в условном смысле верхнего слоя многочисленного военно-служилого класса в Московском государстве изучаемого времени. Для определения состава этого слоя можно принять за основание оффициальную родословную книгу, содержавшую в себе поименные росписи важнейших служилых родов в порядке поколений. Этот *Государев Родословец*, как он назывался, составлен был при Грозном, и на него опирались при разборе генеалогических споров московских служилых людей. Фамилии, помещенные в этом родословце, назывались *родословными*. Эту родословную знать мы и называем московским боярством. Можно заметить два условия или признака принадлежности к этой знати. Фамилия входила в родословный круг, если приблизительно до начала XVI в., когда этот круг складывался, в своих поколенных рядах имела лиц, служивших в Москве боярами, окольничими и в других высших чинах. Потом, чтобы фамилия не выпала из этого круга, надобно было членам ее держаться на столичной службе, занимая высшие должности по центральному, областному и военному управлению.

Местническое отечество.

Изложу главные основания местничества. Этим словом в собственном смысле следует называть тот порядок служебных отношений, какой сложился между родословными фамилиями в Московском государстве XV и XVI вв.

Чтобы понять такое сложное и запутанное явление, как старинное *московское* местничество, надобно отрешиться от некоторых современных понятий о государственной службе

или, лучше сказать, сопоставить тогдашние и нынешние условия назначения на правительственные должности. Теперь при назначении лиц на службу по одному ведомству их ставят в отношение равенства или подчинения одного другому по их сравнительной служебной годности, а эта годность определяется способностями, степенью школьной и служебной подготовки, заслугами, т.-е. продолжительностью и успешностью прежней службы, и вообще *личными* качествами; по крайней мере другие соображения признаются побочными и негласными. Во всяком случае служебное отношение между назначаемыми лицами устанавливается при самом их назначении на должности и устанавливается на основании сравнительной оценки нужных для службы личных качеств, производимой начальством. В Москве XVI в. при замещении высших должностей служилыми людьми соображались не с личными качествами назначаемых, а с относительным служебным значением фамилий, к которым они принадлежали, и с генеалогическим положением каждого из них в своей фамилии. Князья Одоевские на службе по одному ведомству вообще ставились выше Бутурлиных; таково было взаимное иерархическое отношение обеих этих фамилий. Но старшие Бутурлины могли приближаться к младшим князьям Одоевским и даже равняться с ними, и сообразно с тем менялось их служебное соотношение. Значит, каждая родословная фамилия и каждое отдельное лицо такой фамилии занимали определенное и постоянное положение среди других фамилий и отдельных лиц, с которым должны были сообразоваться их должностные назначения и которые следовательно не зависело от этих назначений. Иерархическое отношение между сослуживцами не устанавливалось при их назначении на должности по усмотрению назначавшей их власти, а заранее указывалось помимо нее фамильным положением назначаемых. Это

фамильное значение лица по отношению к другим лицам как своей собственной, так и чужих фамилий называлось его *отечеством*. Это значение приобреталось предками и становились наследственным достоянием всех членов фамилии.

Местнический счет простой.

Итак, повторю, местническое отечество—это унаследованное от предков отношение по службе служилого лица и целой служилой фамилии к другим служилым лицам и фамилиям. Был выработан особый способ определять отечество с математической точностью. Отечество каждого высчитывалось. Правила этого вычисления—целая система, которую можно назвать местнической арифметикой. По двойственному назначению отечества, указывавшего отношение лица к его родичам и чужеродцам, и местнический счет был двоякий: простой—по *родословцу*, или *лествицею*, и двойной—по родословцу и по *разрядам* вместе. Мы уже знакомы с родословцем. Разрядами назывались росписи назначений на высшие должности придворные, по центральному и областному управлению, начальниками приказов, т.-е. министерств, наместниками и воеводами городов, также полковыми походными воеводами и т. п. Эти записи велись в *Разрядном* приказе, соответствующем нынешнему Военному министерству или точнее Главному Штабу, и сводились в погодные разрядные книги. В 1556 г., как это выяснено г. Милюковым, составлен был *Государев разряд*, официальная разрядная книга за 80 лет назад, начиная с 1475 г. Счет по родословцу определял генеалогическое отношение лица к его родичам; этот счет был снят с отношений между членами старинного русского дома, т. е. семьи, состоявшей из отца с женатыми сыновьями или из живших вместе родных братьев с семействами. Члены такой сложной семьи строго наблюдали отношения старшинства, выражавшиеся между прочим в их рассадке за обеденным столом.

Возьмем семью из родных братьев с детьми. Первое место принадлежало старшему брату, домохозяину, большаку, два за ним следующие—двум его младшим братьям, четвертое место его старшему сыну. Если у большака был третий брат, он не мог сесть ни выше, ни ниже старшего племянника, был ему ровня (ровесник). Это равенство указывалось, вероятно, обычным порядком нарождения; четвертый брат рождался обыкновенно около времени появления на свет первого сына у старшего брата и потому отчислялся уже ко второму поколению—детей, тогда как три старшие брата составляли первое поколение—*отцов*. Таким распорядком мест объясняются основные правила местнической арифметики. По этой арифметике старший сын от своего отца—четвертое место, т.-е. между тем и другим должны оставаться два свободных места для второго и третьего отцова брата. Каждый следующий брат местом ниже предшествующего старшего: значит, родные братья садятся рядом в порядке старшинства. Из этих двух правил вытекало третье: четвертый из братьев или третий дядя равен старшему племяннику. Это правило выражалось формулой: «первого брата сын четвертому (считая и отца) дяде в версту», т.-е. *сверстник*, ровня, ровесник (*верста*—мера, уравнение). Значит они не сидели рядом, а должны были сесть врозь или насупротив. Общее основание этих правил: отечество каждого из родичей определялось его сравнительным расстоянием от общего предка. Это расстояние измерялось особыми местническими единицами, *местами*. Отсюда и самое название *местничества*. По местнической связи генеалогии со службой и *место* имело двоякое значение, генеалогическое и служебное. В генеалогическом смысле это—ступень, занимаемая каждым членом фамилий на фамильной лествице старшинства по его расстоянию от родоначальника, измеряемому количеством

предшествующих ему в прямой восходящей линии рождений. Первоначальное понятие о месте в смысле служебном, очевидно, сложилось среди бояр за княжеским столом, где они рассаживались, в порядке служебно-генеалогического старшинства; но потом это понятие было перенесено и на все служебные отношения, на правительственные должности. Отсюда употребляемое нами выражение *искать места*. Генеалогическое расстояние между лицами одной и той же или разных фамилий, назначенными на известные должности по одному ведомству, должно было соответствовать иерархическому расстоянию между этими должностями. Для этого каждая сфера служебных отношений, каждое правительственное ведомство, места в государевой думе, должности административные, городовые наместничества, как и должности полковых воевод, были также расположены в известном порядке старшинства, составляли иерархическую лестницу. Вот, например, в каком порядке следовали одна за другой должности полковых воевод. Московская армия, большая или малая, ходила в поход обыкновенно пятью *полками* или отрядами. Это были *большой полк*, *правая рука*, *передовой и сторожевой* полки, т.-е. авангард и арьергард, и *левая рука*. Каждый полк имел одного или нескольких воевод, смотря по численному составу полка, по числу *сотен*, рот в нем. Эти воеводы назывались *большими* или первыми, *другими* или вторыми, *третьими* и т. д. Должности этих воевод по старшинству следовали в таком порядке: первое место принадлежало первому воеводе большого полка, второе — первому воеводе правой руки, третье—первым воеводам передового и сторожевого полков, которые были ровни, четвертое — первому воеводе левой руки, пятое—второму воеводе большого полка, шестое— второму воеводе правой руки и т. д. Если из двух род-

ственников, назначенных воеводами в одной армии, старший по генеалогии, по отечеству, был двумя местами выше младшего, то при назначении старшего первым воеводой большого полка младшего надобно было назначить первым воеводой сторожевого либо передового полка, не выше и не ниже. Если его назначили местом выше, большим воеводой правой руки, старший родич бил челом, что такое повышение младшего родича грозит ему, челобитчику, «потерькой» чести, отечества, что все, свои и чужие, считавшиеся ему ровнями, станут его «утягивать», понижать, считать себя выше его на одно место, так как он стоял рядом, одним местом выше человека, который ниже их двумя местами. Если младшего назначали ниже, большим воеводой левой руки, он бил челом о бесчестии, говоря, что ему так служить со своим родичем «не вместно», что он «потеряет», а родич «найдет» перед ним, выиграет одно место. Привожу этот схематический пример, чтобы показать, как в лествичном счете генеалогия лиц должна была соответствовать иерархии мест.

Счет сложный.

Сложнее был счет, определявший местнические отношения между чужеродцами. Если члены двух разных фамилий назначались на службу, где они должны были действовать вместе с подчинением одного другому, они для проверки назначения высчитывали, какое между ними расстояние по служебному отечеству, принимая за основание обыкновенно службу своих «родителей», т.-е. родственников по восходящей линии, как прямых, так и боковых. Для этого они брали разряды и искали в них *случая*, прецедента, такого назначения из прежних лет, где бы их предки также назначены были служить вместе. Встретив такой случай, они вычисляли ранговое расстояние, какое лежало между доставшимися их родителям должностями. Это расстояние принималось за основание для учета служебного отношения

обеих фамилий, их сравнительного отечества, фамильной чести. Определив это отношение фамилий по разрядам, оба назначенные «совместника» брали свои родословные и по ним высчитывали свое генеалогическое расстояние каждый от того своего предка, который встретился на службе в найденном случае с предком другого совместника. Если расстояние это было одинаково у обоих совместников, то они могли быть назначены на такие же должности, т. е. с таким же иерархическим расстоянием, какое было между должностями их предков. Но если один из совместников дальше отстоял от своего предка, чем его соперник от своего, он должен был спуститься ниже соперника на соответствующее число мест. Если в найденном случае предки совместников, кн. Одоевский и Бутурлин, служили первый большим воеводой большого полка, другой большим же воеводой левой руки, значит, кн. Одоевский по фамильной чести относился к Бутурлину, как отец к сыну, «был ему что отец», т.-е. отделялся от него двумя местами, потому что большой воевода левой руки—четвертое место, как и старший сын от отца. Установив по разрядам общее служебное отношение фамилий, предстояло еще определить по родословной частное генеалогическое положение лиц, каждого в своей фамилии. Если потомок кн. Одоевского отстоял от своего предка на шесть мест, а потомок Бутурлина от своего на пять, то потомок Бутурлина не мог служить первым воеводой левой руки при назначении потомка кн. Одоевского первым воеводой большого полка: Бутурлин должен был подняться на одно место выше. В постоянное местническое отношение фамилий по разрядам вводился изменчивый коэффициент поколений, определявший генеалогическое положение каждого отдельного лица в своей фамилии. Итак родословцем определялось взаимное служебное отношение

лиц одной и той же фамилии, разрядами—отношение разных фамилий, родословцем и разрядами вместе—отношение лиц разных фамилий.

Законодательные ограничения.

Изложенной схемы местнического счета, думаю, достаточно, чтобы понять, как местничество осложняло должностные назначения. Особенно в распорядке мест полковых воевод дьякам Разрядного приказа трудно было составить подбор лиц, который предусматривал бы все разнообразные генеалогические и разрядные отношения, примирял все возможные фамильные притязания. Редкая полковая роспись обходилась без споров, челобитий о счете мест, без жалоб на «поруху в отечестве». Путаница увеличивалась еще тем, что знатные молодые дворяне местничались с полковыми воеводами, к которым их прикомандировывали в штаб или для особых поручений. Этими затруднениями вызывались законодательные ограничения местничества. Так приговором государя и боярской думы в 1550 г. с участием даже митрополита некоторые должности полковых воевод были изъяты из местнического счета, объявлены «без мест». Было, например, постановлено, что большому воеводе правой руки, который тремя местами был выше второго воеводы большого полка, до этого воеводы дела и счета нет, а первые воеводы передового и сторожевого полков не меньше воевод правой руки. Также и служба знатных дворян под командой менее знатного воеводы не ставилась им в счет при дальнейших назначениях, когда они сами становились воеводами. Иногда все назначения полковых воевод или при каком-либо придворном торжестве объявлялись без мест.

Идея местничества.

Из того же местнического счета открывается и идея местничества, строго консервативная и аристократическая. Позднейшие поколения родословных людей должны были размещаться на службе и за столом государя, как разме-

щались первые поколения. Отношения между фамилиями, раз установившиеся, не должны были изменяться. Как некогда стали на службе отцы и деды, так должны стоять дети и все дальнейшие потомки. Итак, местничество устанавливало не фамильную наследственность служебных должностей, как это было в феодальном порядке, а наследственность служебных отношений между фамилиями. Этим объясняется значение правительственных должностей в местничестве. Должность сама по себе здесь ничего не значила: она была тем же по отношению к отечеству, чем служит арифметическое число по отношению к алгебраическому выражению, т. е. конкретной случайностью. Кн. Одоевский готов был занять какую-угодно должность, лишь бы Бутурлин с ним вместе стоял на должности еще ниже, и бывали случаи, когда одно и то же лицо в походах последовательно занимало полковые воеводские должности все в порядке понижения: это не было понижением лица по службе, а зависело от его местнического отношения к товарищам, воеводам других полков. Все дело было не в должности, а во взаимном отношении лиц по должностям. Следовательно должности в местничестве имели значение, совершенно обратное тому, какое они имеют теперь. Теперь правительственное значение лица определяется его должностью, т. е. степенью власти и ответственности, с ней сопряженной; в местничестве генеалогическим положением лица указывалась должность, какую оно получало. Теперь по известной поговорке место красит человека; тогда думали, что человек должен красить свое место.

Когда оно сложилось. Князья Одоевские стали выше Бутурлиных и многих других старинных фамилий московского боярства в силу одного из указанных мною правил московского родословного распорядка, потому что в конце XV в. эти

князья пришли в Москву прямо со своего удела. Московское местничество было практическим приложением этих правил к служебным отношениям московских служилых людей. Поэтому можно приблизительно определить время, когда оно сложилось. Элементы местничества встретим еще в удельные века при московском, как и при других княжеских дворах, заметим присутствие мысли о служебном старшинстве, найдем указания на застольно и должностное размещение бояр по этому старшинству, на их требование, чтобы их рассаживали за княжеским столом, как сидели их отцы, на признание *случаев* обязательными прецедентами. Но при удельной бродячести вольных служилых людей служебный их распорядок лишен был устойчивости. Положение их при княжеских дворах определялось временными личными договорами с князем. Лишь только бояре усядутся, уладятся местами и служб́ой, новы знатный пришелец урядится с князем «в ряд и крепость возьмет», «заедет», сядет выше многих старых служак и спутает установившийся распорядок мест. В 1408 г. приехал в Москву на службу внук Гедимина литовского кн. Патрикей. Сын его Юрий, ставший в Москве родоначальником князей Голицыных и Куракиных, «заехал», посажен был выше многих московских бояр, потому что вел. князь московский, выдавая за него свою сестру, «место ему упросил» у своих бояр. У Юрия был старший брат кн. Федор Хованский. На Юрьевой свадьбе его «посел», сел выше старый московский боярин Федор Сабур, прапрадед которого вступил на московскую службу при Калите. Кн. Хованский при этом сказал Сабуру: «сядь-ка повыше моего брата меньшого кн. Юрья».—«У твоего брата бог в кике (счастье в кичке, в жене), а у тебя бога в кике нет», возразил Сабур, и сел выше Хованского. Возможность завоевывать высокие

места жениной кичкой, эта кичливость прекратилась в Москве, когда при массовом наплыве сюда служилого княжья, сменившем прежние одиночные заезды, пришлось заменить личное соглашение князя с новым приезжим слугой «уложением», общим способом оценки служебного достоинства служилых людей. Только в Москве элементы местничества успели сложиться в целую систему, и его сложение надобно относить к эпохе, когда шел этот наплыв, т.-е. к княжению Ивана III и его сына Василия. К этому времени стали готовы две основы местничества: личный уговор заменился уложением; исполнился комплект фамилий, между которыми действовали местические отношения. С той поры собравшиеся в Москве боярские фамилии стали в стройные ряды. Поэтому линии предков, на служебные отношения которых потомки в местнических спорах XVI и XVII вв. ссылались в оправдание своих родословных и разрядных притязаний, обыкновенно не восходили раньше княжения Ивана III. Большая часть знатнейших московских фемилий, служивших главными звеньями местнической цепи, до Ивана III еще и не значились в московском родословце.

Политическое его значение. Теперь мы можем уяснить себе политическое значение местничества для московского боярства. Оно ставило служебные отношения бояр в зависимость от службы их предков, т. е. делало политическое значение лица или фамилии независимым ни от личного усмотрения государя, ни от личных заслуг или удач служилых людей. Как стояли предки, так вечно должны стоять и потомки, и ни государева милость, ни государственные заслуги, ни даже личные таланты не должны изменять этой роковой наследственной расстановки. Служебное соперничество становилось невозможно: должностное положение каждого было предопределено, не завоевывалось, не заслуживалось, а на-

следовалось. Служебная карьера лица не была его личным делом, его частным интересом. За его служебным движением следил весь род, потому что каждый его служебный выигрыш, каждая местническая *находка* повышала всех его родичей, как всякая служебная *потерька* понижала их. Каждый род выступал в служебных столкновениях, как единое целое; родовая связь устанавливала между родичами и служебную солидарность, взаимную ответственность, круговую поруку родовой чести, под гнетом которой личные отношения подчинялись фамильным, нравственные побуждения приносились в жертву интересам рода. В 1598 г. кн. Репнин-Оболенский по росписи занимал в походе место ниже кн. Ив. Сицкого, чего ему не следовало делать по служебному положению своего рода, и не бил челом царю об обиде на Сицкого, потому что они с Сицким были «свояки и великие други». Тогда обиделись все его родичи, и кн. Ноготков-Оболенский «во всех Оболенских князей место» бил челом царю, что кн. Репнин то сделал, дружась с кн. Иваном, чтоб тем его воровским нечелобитьем поруху и укор учинить всему их роду Оболенских князей от всех чужих родов. Царь разобрал дело и решил, что кн. Репнин был на службе с кн. Ив. Сицким по дружбе и потому один «виноват» кн. Ивану, т. е. себя одного понизил перед Сицким и его родичами, а роду его всем князьям Оболенским в том порухи в отечестве нет никому. Таким образом местничество имело оборонительный характер. Им служилая знать защищалась как от произвола сверху, со стороны государя, так и от случайностей и происков снизу, со стороны отдельных честолюбивых лиц, стремившихся подняться выше своего отечества, наследственного положения. Вот почему бояре так дорожили местничеством: за места, говорили они в XVII веке, наши отцы помирали. Боярина

можно было избить, прогнать со службы, лишить имущества, но нельзя было заставить занять должность в управлении или сесть за государевым столом ниже своего отечества. Значит, местничество, ограничивая сферу своего действия родословными людьми, выделяло из военно-служилой массы класс, из которого верховная власть волей-неволей должна была преимущественно выбирать лиц для занятия правительственных должностей, и таким образом оно создавало этому классу политическое право или, точнее, привилегию на участие в управлении, т. е. в деятельности верховной власти. Этим местничество сообщало боярству характер правящего класса или сословной аристократии. Сама власть поддерживала такой взгляд на местничество, значит, признавала боярство такой аристократией. Вот один из многих случаев, где выразился взгляд на местничество, как на опору или гарантию политического положения боярства. В 1616 г. кн. Волконский, человек неродовитый, но много служивший, бил челом государю, что ему по своей *службе* меньше боярина Головина быть невместно. Головин ответил челобитчику встречной жалобой, что князь Волконский его и родичей его обесчестил и опозорил, и просил государя «дать ему оборонь». По указу государя бояре в думе разобрали дело и приговорили послать князя в тюрьму, сказав ему, что он человек неродословный, а по государеву указу неродословным людям с родословными суда и счета в отечестве не бывает; что же касается до службы Волконского, то «за службу жалует государь поместьем и деньгами, а не отечеством». Итак, государь может сделать своего слугу богатым, но не может сделать его родовитым, потому что родовитость идет от предков, а покойных предков уже нельзя сделать ни более, ни менее родовитыми, чем они были при жизни. Так, когда московское боярство из пестрых, сброд-

ных элементов стало складываться в цельный правительственный класс, его склад вышел своеобразно аристократическим.

Недостатки его.

Своеобразный отпечаток клали на аристократическое значение боярства два недостатка, какими страдало местничество. Вводя в государственную службу ценз породы, оно ограничивало верховную власть в самой щекотливой ее прерогативе, в праве подбора подходящих проводников и исполнителей своей воли: она искала способных и послушных слуг, а местничество подставляло ей породистых и зачастую бестолковых неслухов. Оценивать служебную годность происхождением или службою предков значило подчинять государственную службу обычаю, который коренился в нравах и понятиях частного быта, а в сфере публичного права становился по существу своему противогосударственным. Таким обычаем и было местничество, и государственная власть могла терпеть его, пока или сама не понимала настоящих задач своих, или не находила в неродословных классах пригодных людей для службы. Петр Великий смотрел на местничество строго государственным взглядом, назвав его «зело жестоким и вредительным обычаем, который как закон почитали». Так местничество поддерживало ежеминутную молчаливую досаду московского государя на свое боярство. Но подготовляя вражду, оно не увеличивало, а скорее ослабляло силы класса, для которого служило главной, если не единственной политической опорой. Сплачивая родичей в ответственные фамильные корпорации, оно разрознивало самые фамилии мелочным сутяжничеством за места вносило в их среду соперничество, зависть и неприязнь, чувством узко понимаемой родовой чести притупляло чутье общественного, даже сословного интереса и таким образом разрушало сословие нравственно и политически. Значит,

местничество было вредно и государству, и самому боярству, которое так им дорожило.

Нам предстоит теперь видеть, как политическое настроение московского боярства, нашедшее себе такую ненадежную опору, выразилось в отношениях, какие устанавливались между боярством и государем с конца XV века.

Лекция XXVIII.

Отношение боярства в новом его составе к своему государю.— Отношение московских бояр к вел. князю в удельные века.— Перемена в этих отношениях с Ивана III. — Столкновение. — Неясность причины разлада. — Беседы Берсеня с Максимом Греком.—Боярское правление.—Переписка царя Ивана с кн. Курбским.—Суждение кн. Курбского. — Возражения царя.—Характер переписки.—Династическое происхождение разлада.

Мы видели, как вследствие политического объединения Великороссии изменились и состав, и настроение московского боярства. Эта перемена неизбежно должна была изменить и добрые отношения, существовавшие между московским государем и его боярством в удельные века.

Отношение бояр к в. князю в удельные века.

Эта перемена отношений была неизбежным последствием того же самого процесса, которым созданы были власть московского государя и его новое боярство. В удельные века боярин ехал на службу в Москву, ища здесь служебных выгод. Эти выгоды росли для служилого человека вместе с успехами его хозяина. Это устанавливало единство интересов между обеими сторонами. Вот почему московские бояре во весь XIV в. дружно помогали своему государю в его внешних делах и усердно радели ему во внутреннем управлении. Тесная связь, задушевность отношений между обеими сторонами яркой чертой проходит по московским памятникам того века. Великий князь Семен Гордый пишет, обращаясь в духовной к своим младшим братьям с пред-

смертными наставлениями: «слушали бы вы во всем отца нашего владыки Алексея да старых бояр, кто хотел отцу нашему добра и нам». Еще задушевнее выступают эти отношения в написанной современником биографии вел. кн. Димитрия Донского, который и великокняжеским столом обязан был своим боярам. Обращаясь к своим детям, великий князь говорил: «бояр своих любите, честь им достойную воздавайте по их службе, без воли их ничего не делайте». Обратившись затем к самим боярам, великий князь в сочувственных словах напомнил им, как он работал вместе с ними в делах внутренних и внешних, как они укрепляли княжение, как стали страшны недругам Русской земли. Между прочим Димитрий сказал своим сотрудникам: «я всех вас любил и в чести держал, веселился с вами, с вами и скорбел, и вы назывались у меня не боярами, а князьями земли моей».

Перемена отношений.

Эти добрые отношения и стали расстраиваться с конца XV в. Новые титулованные бояре шли в Москву не за новыми служебными выгодами, а большею частью с горьким чувством сожаления об утраченных выгодах удельной самостоятельности. Теперь только нужда и неволя привязывали новое московское боярство к Москве, и оно не могло любить этого нового места своего служения. Разошедшись в интересах, обе стороны еще более разошлись в политических чувствах, хотя эти чувства выходили из одного источника. Одни и те же обстоятельства, с одной стороны, поставили московского великого князя на высоту национального государя с широкой властью, с другой—навязали ему правительственный класс с притязательными политическими вкусами и стремлениями и со стеснительной для верховной власти сословной организацией. Почувствовав себя в сборе вокруг московского Кремля, титулованные бояре стали смотреть на

себя, как не смели смотреть московские бояре удельного времени. Почувствовав себя государем объединенной Великой Руси, великий князь московский с трудом переносил и прежние свои отношения к боярам, как вольным слугам по договору, и совсем не мог ужиться с новыми их притязаниями на раздел власти. Одна и та же причина—объединение Великороссии—сделала московскую верховную власть менее терпеливой и уступчивой, а московское боярство более притязательным и заносчивым. Таким образом одни и те же исторические обстоятельства разрушили единство интересов между обеими политическими силами, а разъединение интересов растроило гармонию их взаимных отношений. Отсюда и вышел ряд столкновений между московским государем и его боярами. Эти столкновения вносят драматическое оживление в монотонную и церемонную жизнь московского двора того времени и производят впечатление политической борьбы московского государя с его непокорным боярством. Впрочем, это была довольно своеобразная борьба как по приемам борцов, так и по руководившим ею побуждениям. Отстаивая свои притязания, бояре не поднимались открыто против своего государя, не брали в руки оружия, даже не вели дружной политической оппозиции против него. Столкновения разрешались обыкновенно придворными интригами и опалами, немилостями, происхождение которых иногда трудно разобрать. Это скорее придворная вражда, иногда довольно молчаливая, чем открытая политическая борьба, скорее пантомима, чем драма.

Столкновения.

Эти столкновения с особенной силой обнаруживались два раза и каждый раз по одинаковому поводу, по вопросу о престолонаследии. Иван III, как мы знаем, сперва назначил своим наследником внука Димитрия и венчал его на великое княжение, а потом развенчал, назначив преемни-

ком сына своего от второй жены Василия. В этом семейном столкновении боярство стало за внука и противодействовало сыну из нелюбви к его матери и к принесенным ею византийским понятиям и внушениям, тогда как на стороне Василия оказались все малые худые служилые люди. Столкновение доходило до сильного раздражения с обеих сторон, вызвало шумные ссоры при дворе, резкие выходки со стороны бояр, кажется, даже что-то похожее на крамолу. По крайней мере сын Василия, царь Иван, жаловался после, что бояре на его отца вместе с племянником последнего Димитрием «многие пагубные смерти умышляли», даже самому государю деду «многие поносные и укоризненные слова говорили». Но как шло дело, чего именно добивались бояре, в подробностях это остается не совсем ясным; только через год после венчания Димитрия (1499) пострадали за противодействие Василию знатнейшие московские бояре: князю Семену Ряполовскому-Стародубскому отрубили голову, а его сторонников кн. И. Ю. Патрикеева с сыном Василием, знаменитым впоследствии старцем Вассианом Косым, насильно постригли в монашество. Та же глухая придворная вражда, сопровождавшаяся опалами, шла и в княжение Василия. Этот великий князь с понятным недоверием относился к боярам, как государь, которого они не хотели видеть на престоле и с трудом на нем терпели. Между прочим за что-то посадили в тюрьму первостепенного боярина кн. В. Д. Холмского, женатого на сестре великого князя и отец которого был еще удельным тверским владетелем, а второстепенному думному человеку Берсеню Беклемишеву отсекли голову за непригожие речи о великом князе и его матери. Но особенно сильно разгорелась вражда при Грозном и опять по тому же поводу, по вопросу о престолонаследии. Вскоре по завоевании царства Казанского, в

конце 1552 года или в начале 1553, царь Иван опасно занемог и велел боярам присягнуть новорожденному сыну своему царевичу Димитрию. Многие первостепенные бояре отказались от присяги или принесли ее неохотно, говоря, что не хотят служить «малому мимо старого», т. е. хотят служить двоюродному брату царя, удельному князю Владимиру Андреевичу старицкому, которого они имели в виду посадить на царство в случае смерти царя. Пробужденное этим столкновением озлобление царя против бояр через несколько лет повело к полному разрыву между обеими сторонами, сопровождавшемуся жестокими опалами и казнями, которым подверглось боярство.

Неясность причины разлада.

Во всех этих столкновениях, прорывавшихся в продолжение трех поколений, можно разглядеть поводы, их вызывавшие, но побуждения, руководившие ссорившимися сторонами, питавшие взаимную неприязнь, не высказываются достаточно внятно ни той, ни другой стороной. Иван III глухо жаловался на неуступчивость, строптивость своих бояр. Отправляя в Польшу послов вскоре после дела о наследнике, Иван между прочим давал им такое наставление: «смотрите, чтобы во всем между вами гладко было, пили бы бережно, не допьяна, и во всем бы себя берегли, а не поступали бы так, как князь Семен Ряполовский *высокоумничал* с князем Василием, сыном Ивана Юрьевича (Патрикеева)». Несколько явственнее выступают чувства и стремления оппозиционной боярской знати в княжение Василия. До нас дошел от того времени памятник, вскрывающий политическое настроение боярской стороны: это— отрывок следственного дела об упомянутом сейчас думном человеке Иване Николаевиче Берсене Беклимишеве (1525). Берсень, далеко не принадлежавший к первостепенной знати, был человек упрямый, неуступчивый. В то время прожи-

вал в Москве вызванный с Афона для перевода с греческого Толковой Псалтири ученый монах Максим Грек, человек бывалый, образованный, знакомый с католическим Западом и его наукой, учившийся в Париже, Флоренции и Венеции. Он привлек к себе любознательных людей из московской знати, которые приходили к нему побеседовать и поспорить «о книгах и цареградских обычаях», так что Максимова келья в подмосковном Симоновом монастыре стала похожа на ученый клуб. Любопытно, что наиболее обычными гостями Максима были все люди из оппозиционной знати: между ними встречаем и князя Андр. Холмского, двоюродного племянника упомянутого опального боярина, и В. М. Тучкова, сына боярина Тучкова, наиболее грубившего Ивану III, по свидетельству Грозного. Но самым близким гостем и собеседником Максима был Иван Никитич Берсень, с которым он часто и подолгу сиживал с глазу на глаз. Берсень находился в это время в немилости и удалении от двора: оправдывая свое колючее прозвище (*берсень*—крыжовник), Иван Никитич раз в думе что-то резко возразил государю при обсуждении вопроса о Смоленске. Великий князь рассердился и выгнал его из совета, сказав: «пошел, смерд, вон, ты мне не надобен». В беседах с Максимом Берсень и изливал свои огорченные чувства, в которых можно видеть отражение политических дум тогдашнего боярства. Передам их беседы, как они записаны были на допросах. Это очень редкий случай, когда мы можем подслушать интимный политический разговор в Москве XVI века.

Беседы Берсеня с М. Греком.

Опальный советник, конечно, очень раздражен. Он ничем недоволен в Московском государстве, ни людьми, ни порядками. «Про здешние люди есми молвил, что ныне в людях правды нет». Всего более недоволен он своим

государем и не хочет скрывать своего недовольства перед иноземцем.

— «Вот, говорил Берсень старцу Максиму, у вас в Царьграде цари теперь басурманские, гонители; настали для вас злые времена, и как-то вы с ними перебиваетесь?»

— «Правда, отвечал Максим, цари у нас нечестивые, однако в церковные дела у нас они не вступаются».

— «Ну, возразил Берсень, хоть у вас цари и нечестивые, да ежели так поступают, стало быть, у вас еще есть Бог».

И как бы в оправдание проглоченной мысли, что в Москве уже нет Бога, опальный советник пожаловался Максиму на московского митрополита, который в угоду государю не ходатайствует по долгу сана за опальных, и вдруг, давая волю своему возбужденному пессимизму, Берсень обрушился и на своего собеседника.

— Да вот и тебя, господин Максим, взяли мы со Св. Горы, а какую пользу от тебя получили?»

— «Я — сиротина, отвечал Максим обидчиво: какой же от меня и пользе быть?»

— «Нет, возразил Берсень, ты человек разумный и мог бы нам пользу принести, и пригоже нам было тебя спрашивать, как государю землю свою устроить, как людей награждать и как митрополиту вести себя.

— «У вас есть книги и правила, сказал Максим, можете и сами устроиться».

Берсень хотел сказать, что государь в устроении своей земли не спрашивал и не слушал разумных советов и потому строил ее неудовлетворительно. Это «несоветие», «высокоумие», кажется, всего больше огорчало Берсеня в образе действия в. кн. Василия. Он еще снисходительно относился к Васильеву отцу: Иван III, по его словам, был

добр и до людей ласков, а потому и Бог помогал ему во всем; он любил «встречу», возражение против себя. «А нынешний государь, жаловался Берсень, не таков: людей мало жалует, упрям, встречи против себя не любит и раздражается на тех, кто ему встречу говорит».

Итак, Берсень очень недоволен государем; но это недовольство совершенно консервативного характера: с недавнего времени старые московские порядки стали шататься и шатать их стал сам государь — вот на что особенно жаловался Берсень. При этом он излагал целую философию политического консерватизма.

— «Сам ты знаешь, говорил он Максиму, да и мы слыхали от разумных людей, что которая земля переставливает свои обычаи, та земля недолго стоит, а здесь у нас старые обычаи нынешний великий князь переменил: так какого же добра и ждать от нас?»

Максим возразил, что Бог наказывает народы за нарушение Его заповедей, но что обычаи царские и земские переменяются государями по соображению обстоятельств и государственных интересов.

— «Так-то так, возразил Берсень, а все-таки лучше старых обычаев держаться, людей жаловать и стариков почитать; а ныне государь наш, запершись сам третей у постели, всякие дела делает».

Этой переменой обычаев Берсень объясняет внешние затруднения и внутренние неурядицы, какие тогда переживала Русская земля. Первой виновницей этого отступничества от старых обычаев, сеятельницей этой измены родной старине Берсень считает мать великого князя.

— «Как пришли сюда греки, говорил он Максиму, так земля наша и замешалась, а до тех пор земля наша Русская в мире и тишине жила. Как пришла сюда мать вел.

князя вел. княгиня Софья с вашими греками, так и пошли у нас нестроения великие, как и у вас в Царе-городе при ваших царях».

Максим Грек счел долгом заступиться за землячку и возразил:

— «Великая княгиня Софья с обеих сторон была роду великого—по отцу царского роду царегородского, а по матери великого дуксуса феррарийского Италийской страны».

— «Господин! какова бы она ни была, да к нашему нестроению пришла»—так заключил Берсень свою беседу.

Итак, если Берсень точно выражал взгляды современного ему оппозиционного боярства, оно было недовольно нарушением установленных обычаем правительственных порядков, недоверием государя к своим боярам и тем, что рядом с боярской думой он завел особый интимный кабинет из немногих доверенных лиц, с которыми предварительно обсуждал и даже предрешал государственные вопросы, подлежавшие восхождению в боярскую думу. Берсень не требует никаких новых прав для боярства, а только отстаивает старые обычаи, нарушаемые государем: он—оппозиционный консерватор, противник государя, потому что стоит против вводимых государем перемен.

Боярское правление.

По смерти Василия, в малолетство его сына, требовавшее продолжительной опеки, власть надолго попала в руки бояр. Теперь они могли распорядиться государством по-своему, осуществить свои политические идеалы и согласно с ними перестроить государственный порядок. Но они не пытались строить никакого нового государственного порядка. Разделившись на партии князей Шуйских и Бельских, бояре повели ожесточенные усобицы друг с другом из личных или фамильных счетов, а не за какой-либо государственный порядок. В продолжение десяти лет со смерти правитель-

ницы Елены (1538) они вели эти усобицы, и это десятилетие прошло не только бесплодно для политического положения боярства, но и уронило его политический авторитет в глазах русского общества. Все увидели, какая анархическая сила это боярство, если оно не сдерживается сильной рукой: но причина его разлада с государем и на этот раз не выяснилась.

Переписка царя с Курбским.

В царствование Грозного, когда возобновилось столкновение, обе ссорившиеся стороны имели случай высказать яснее свои политические взгляды и объяснить причины взаимного нелюбья. В 1564 г. боярин кн. А. М. Курбский, сверстник и любимец царя Ивана, герой казанской и ливонской войны, командуя московскими полками в Ливонии, проиграл там одну битву и, боясь царского гнева за эту ли неудачу, или за связь с павшими Сильвестром и Адашевым, убежал к польскому королю, покинув в Дерпте, где был воеводой, свою жену с малолетним сыном. Он принял деятельное участие в польской войне против своего царя и отечества. Но беглый боярин не хотел молча расстаться со своим покинутым государем: с чужбины, из Литвы он написал резкое укоризненное, «досадительное» послание Ивану, укоряя его в жестоком обращении с боярами. Царь Иван, сам «словесной мудрости ритор», как его звали современники, не хотел остаться в долгу у беглеца и отвечал ему длинным оправдательным посланием, «широковещательным и многошумящим», как назвал его кн. Курбский, на которое последний возражал. Переписка с длинными перерывами шла в 1564—1579 г.г. Кн. Курбский написал всего четыре письма, царь Иван—два; но его первое письмо составляет по объему больше половины всей переписки (62 из 100 страниц по изданию Устрялова). Кроме того Курбский написал в Литве обвинительную *Историю князя великого москов-*

ского, т. е. царя Ивана, где также выражал политические воззрения своей боярской братии. Так обе стороны как бы исповедались друг другу, и можно было бы ожидать, что они полно и откровенно высказали свои политические воззрения, т. е. вскрыли причины взаимной неприязни. Но и в этой полемике, веденной обеими сторонами с большим жаром и талантом, не находим прямого и ясного ответа на вопрос об этих причинах, и она не выводит читателя из недоумения. Письма кн. Курбского наполнены преимущественно личными или сословными упреками и политическими жалобами; в *Истории* он высказывает и несколько общих политических и исторических суждений.

Суждения Курбского.

Свою Историю царя Ивана он начинает заунывным раздумьем. «Много раз докучали мне вопросом: как все это приключилось от столь доброго прежде и прекрасного царя, для отечества пренебрегавшего своим здоровьем, понесшего тяжкие труды и беды в борьбе с врагами креста Христова и от всех пользовавшегося доброй славой? И много раз со вздохом и слезами молчал я на этот вопрос,—не хотелось отвечать; наконец вынужден был сказать хоть что-нибудь об этих происшествиях и так отвечал на учащенные вопросы: если бы рассказывать с начала и по порядку, много пришлось бы мне писать о том, как в предобрый русских князей род посеял дьявол злые нравы, особенно злыми их женами чародейками, как это было и у израильских царей, более же всего же всего теми, которые взяты были из иноплеменников». Значит, во взгляде на ближайшее московское прошлое и кн. Курбский стоит на точке зрения Берсеня, видит корень зла в царевне Софье, за которой следовала такая же иноземка Елена Глинская, мать царя. Впрочем и без того как-то предобрый некогда русских князей род выродился в московский, «этот наш издавна кровопийствен-

ный род», как выразился Курбский в письме к царю. «Обычай у московских князей издавна, пишет он в Истории, желать братий своих крови и губить их убогих ради и окаянных вотчин, несытства ради своего». Попадаются у Курбского и политические суждения, похожие на принципы, на теорию. Он считает нормальным только такой государственный порядок, который основан не на личном усмотрении самовластия, а на участии «синклита», боярского совета в управлении; чтобы вести государственные дела успешно и благочинно, государю необходимо советоваться с боярами. Царю подобает быть главой, а мудрых советников своих любить, «яко свои уды»: так выражает Курбский правильные, благочинные отношения царя к боярам. Вся его История построена на одной мысли— о благотворном действии боярского совета: царь правил мудро и славно, пока был окружен доброродными и правдивыми советниками. Впрочем, государь должен делиться своими царскими думами не с одними великородными и правдивыми советниками: кн. Курбский допускает и народное участие в управлении, стоит за пользу и необходимость земского собора. В своей Истории он высказывает такой политический тезис: «если царь и почтен царством, но не получил от Бога каких-либо дарований, он должен искать доброго и полезного совета не только у своих советников, но и у всенародных человек, потому что дар духа дается не по богатству внешнему и не по могуществу власти, но по правоте душевной». Под этими *всенародными человеками* Курбский мог разуметь только собрание людей, призываемых для совета из разных сословий, от всей земли: келейные совещания с отдельными лицами едва ли ему были желательны. Вот почти и все политические воззрения Курбского. Князь стоит за правительственное значение боярского совета и за участие земского собора в управлении. Но он мечтает

о вчерашнем дне, запоздал со своими мечтами. Ни правительственное значение боярского совета, ни участие земского собора в управлении не были уже в то время идеалами, не могли быть политическими мечтами. Боярский совет и земский собор были уже в то время политическими фактами, первый — фактом очень старым, а второй — явлением еще недавним, и оба — фактами, хорошо знакомыми нашему публицисту. Искони государи русские и московские думали о всяких делах, законодательствовали со своими боярами. В 1550 г. созван был и первый земский собор, и кн. Курбский должен был хорошо помнить это событие, когда царь обратился за советом ко «всенародным человекам», к простым земским людям. Итак, кн. Курбский стоит за существующие факты; его политическая программа не идет за пределы действующего государственного порядка: он не требует ни новых прав для бояр, ни новых обеспечений для их старых прав, вообще не требует перестройки наличного государства. В этом отношении он разве только немного идет дальше своего предшественника И. Н. Берсеня Беклемишева, и, резко осуждая московское прошлое, ничего не умеет придумать лучше этого прошлого.

Возражение царя.

Теперь послушаем другую сторону. Царь Иван пишет менее спокойно и складно. Раздражение теснит его мысль множеством чувств, образов, и помыслов, которых он не умеет уложить в рамки последовательного и спокойного изложения. Новая фраза, навернувшаяся кстати, заставляет его повертывать речь в другую сторону, забывая главную мысль, не договаривая начатого. Поэтому нелегко уловить его основные мысли и тенденции в этой пене нервной диалектики. Разгораясь, речь его становится жгучей. «Письмо твое принято, пишет царь, и прочитано внимательно. Яд аспида у тебя под языком, и письмо твое наполнено медом

слов, но в нем — горечь полыни. Так ли привык ты, христианин, служить христианскому государю? Ты пишешь в начале, чтобы разумевал тот, кто обретается противным православию и совесть прокаженную имеет. Подобно бесам от юности моей вы поколебали благочестие и Богом данную мне державную власть себе похитили». Это возражение — основной мотив в письмах царя. Мысль о похищении царской власти боярами больше всего и возмущает Ивана. Он возражает не на отдельные выражения кн. Курбского, а на весь политический образ мыслей боярства, защитником которого выступил Курбский. «Ведь ты, пишет ему царь, в своей бесосоставной грамоте твердишь все одно и то же, переворачивая «разными словесы», и так, и этак, любезную тебе мысль, чтобы рабам помимо господ обладать властью»,—хотя в письме Курбского ничего этого не было написано. «Это ли, продолжает царь, совесть прокаженная, чтобы царство свое в своей руке держать, а рабам своим не давать властвовать? Это ли противно разуму—не хотеть быть обладаемому своими рабами? Это ли православие пресветлое—быть под властью рабов?» Все *рабы* и *рабы* и никого больше кроме рабов. Курбский толкует царю о мудрых советниках, о синклите, а царь не признает никаких мудрых советников, для него не существует никакого синклита, а есть только люди, служащие при его дворе, дворовые холопы. Он знает одно, что «земля правится Божиим милосердием и родителей наших благословением, а потом нами, своими государями, а не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами». Все политические помыслы царя сводятся к одной идее, к мысли о самодержавной власти. Самодержавие для Ивана не только нормальный, свыше установленный государственный порядок, но и исконный факт нашей истории, идущий из глубины веков. «Самодержавства нашего

начало от святого Владимира; мы родились и выросли на царстве, своим обладаем, а не чужое похитили; русские самодержцы изначала сами владеют своими царствами, а не бояре и вельможи». Царь Иван был первый, кто высказал на Руси такой взгляд на самодержавие: древняя Русь не знала такого взгляда, не соединяла с идеей самодержавия внутренних политических отношений, считая самодержцем только властителя, независимого от внешней силы. Царь Иван обратил первый внимание на эту внутреннюю сторону верховной власти и глубоко проникся своим новым взглядом: через все свое длинное-предлинное первое послание проводит он эту идею, оборачивая одно слово, по его собственному признанию, «семо и овамо», то туда, то сюда. Все его политические идеи сводятся к одному этому идеалу, к образу самодержавного царя, не управляемого ни «попами», ни «рабами». «Како же самодержец наречется, аще не сам строит?» Многовластие—безумие. Этой самодержавной власти Иван дает божественное происхождение и указывает ей не только политическое, но и высокое религиозно-нравственное назначение: «Тщусь со усердием людей на истину и на свет наставить, да познают единого истинного Бога, в Троице славимого, и от Бога данного им государя, а от междоусобных браней и строптивого жития да отстанут, коими царства разрушаются; ибо если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобные брани не прекратятся». Столь возвышенному назначению власти должны соответствовать многоразличные свойства, требуемые от самодержца. Он должен быть осмотрителен, не иметь ни зверской ярости, ни бессловесного смирения, должен карать татей и разбойников, быть и милостивым, и жестоким, милостивым к добрым и жестоким к злым; не то — он и не царь. «Царь — гроза не для добрых, а для злых дел;

хочешь не бояться власти — делай добро, а делаешь зло— бойся, ибо царь не зря носит меч, а для кары злых и для ободрения добрых». Никогда у нас до Петра Великого верховная власть в отвлеченном самосознании не поднималась до такого отчетливого, по крайней мере, до такого энергического выражения своих задач. Но когда дело дошло до практического самоопределения, этот полет политической мысли кончился крушением. Вся философия самодержавия у царя Ивана свелась к одному простому заключению: «жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же». Для подобной формулы вовсе не требовалось такого напряжения мысли. Удельные князья приходили к тому же заключеиию без помощи возвышенных теорий самодержавия и даже выражались почти теми же словами: «я, князь такой-то, волен, кого жалую, кого казню». Здесь и в царе Иване, как некогда в его деде, вотчинник торжествовал над государем.

Характер переписки.

Такова политическая программа царя Ивана. Столь резко и своеобразно выраженная идея самодержавной власти, однако, не развивается у него в определенный, разработанный политический порядок; из нее не извлекаются практические последствия. Царь нигде не говорит, согласен ли его политический идеал с существующим государственным устройством, или требует нового, может ли, например, его самодержавная власть действовать об руку с наличным боярством, только изменив его политические нравы и привычки, или должна создать совсем иные орудия управления. Можно только почувствовать, что царь тяготится своим боярством. Но против самодержавия, как его тогда понимали в Москве, самодержавия, идущего от св. Владимира, не восставало прямо и боярство. Бояре признавали самодержавную власть московского государя, как ее создала

история. Они только настаивали на необходимости и пользе участия в управлении другой политической силы, созданной той же историей,—боярства, и даже призывали в помощь обеим этим силам третью—земское представительство. Несправедливо было со стороны царя обвинять бояр и в самоволии «попа невежи» Сильвестра и «собаки» Адашева Иван мог пенять за это только на самого себя, потому что сам дал неподобающую власть этим людям, к боярству и не принадлежавшим, сделал их временщиками. Из-за чего же шел спор? Обе стороны отстаивали существующее. Чувствуется, что они как будто не вполне понимали друг друга что какое-то недоразумение разделяло обоих спорщиков. Это недоразумение заключалось в том, что в их переписке столкнулись не два политические образа мыслей, а два политические настроения; они не столько полемизируют друг с другом, сколько исповедуются один другому. Курбский так прямо и назвал царское послание исповедью, насмешливо заметив, что не будучи пресвитером, не считает себя достойным и краем уха послушать царской исповеди. Каждый из них твердит свое и плохо слушает противника.— За что ты бьешь нас, верных слуг своих?—спрашивает князь Курбский.—Нет,—отвечает ему царь Иван, русские самодержцы изначала сами владеют своими царствами, а не бояре и не вельможи. В такой простейшей форме можно выразить сущность знаменитой переписки. Но плохо понимая один другого и свое настоящее положение, оба противника доспорились до предвидения будущего, до пророчества и— предсказали друг другу обоюдную гибель. В послании 1579 г., напомнив царю гибель Саула с его царским домом, Курбский продолжает: «не губи себя и дому твоего... облитые кровью христианской исчезнут вскоре со всем домом». Курбский представлял свою родовитую братию

каким-то избранным пламенем, на котором почиет особое благословение, и колол глаза царю затруднением, какое он сам себе создал, перебив и разогнав «сильных во Израиле», богоданных воевод своих, и оставшись с худородными «воеводишками», которые пугаются не только появления неприятеля, но и шелеста листьев, колеблемых ветром. На эти попреки царь ответил исторической угрозой: «когда бы вы были чада Авраамовы, то и дела творили бы Авраамовы; но может Бог и из камней воздвигнуть чад Аврааму». Эти слова написаны были в 1564 году, в то самое время, когда царь задумывал смелое дело, подготовку нового правящего класса, который должен был притти на смену ненавистному боярству.

Династическое происхождение разлада.

Итак, обе спорившие стороны были недовольны друг другом и государственным порядком, в котором действовали, которым даже руководили. Но ни та, ни другая сторона не могла придумать другого порядка, который бы соответствовал ее желаниям, потому что все, чего желали они, уже практиковалось или было испробовано. Если, однако, они спорили и враждовали друг с другом, это происходило от того, что настоящей причиной раздора был не вопрос о государственном порядке. Политические суждения и упреки высказывались лишь в оправдание обоюдного недовольства, шедшего из другого источника. Мы уже знаем, что раздор с особенной силой обнаруживался два раза и по одинаковому поводу, по вопросу о наследнике престола: государь назначал одного, бояре хотели другого. Так разлад обеих сторон имел собственно не политический, а династический источник. Дело шло не о том, как править государством, а о том, кто будет им править. И здесь с обеих сторон сказались преломленные ходом дел привычки удельного времени. Тогда боярин выбирал себе князя, переезжая от

одного княжеского двора к другому. Теперь, когда уехать из Москвы стало некуда или неудобно, бояре хотели выбирать между наследниками престола, когда представлялся случай. Свое притязание они могли оправдывать отсутствием закона о престолонаследии. Здесь им помог сам московский государь. Сознав себя национальным государем всея Руси, он на половину своего самосознания остался удельным вотчинником и не хотел ни поступиться кому-либо своим правом предсмертного распоряжения вотчиной, ни законом ограничить своей личной воли: «кому хочу, тому и дам княжество». Стороннее вмешательство в эту личную волю государя трогало его больнее, чем мог трогать какой-либо общий вопрос о государственном порядке. Отсюда обоюдное недоверие и раздражение. Но когда приходилось выражать эти чувства устно или письменно, затрогивались и общие вопросы, и тогда обнаруживалось, что действовавший государственный порядок страдал противоречиями, частично отвечал противоположным интересам, никого вполне не удовлетворяя. Эти противоречия и вскрылись в опричнине, в которой царь Иван искал выхода из неприятного положения.

Лекция XXIX.

Обстоятельства, подготовившие учреждение опричнины. — Необычайный отъезд царя из Москвы и его послания въ столицу. — Возвращение царя. — Указ об опричнине. — Жизнь царя в Александровской слободе. — Отношение опричнины к земщине. — Назначение опричнины. — Противоречие в строе Московского государства. — Мысль о смене боярства дворянством. — Бесцельность опричнины. — Суждение о ней современников.

Обстоятельства, подготовившие опричнину.

Изложу наперед обстоятельства, при которых явилась эта злополучная *опричнина*.

Едва вышедши из малолетства, еще не имея 20 лет, царь Иван с необычайной для его возраста энергией принялся за дела правления. Тогда по указаниям умных руководителей царя, митрополита Макария и священника Сильвестра из боярства, разбившегося на враждебные кружки, выдвинулось и стало около престола несколько дельных, благомыслящих и даровитых советников, «избранная рада», как называет кн. Курбский этот совет, очевидно, получивший фактическое господство в боярской думе, вообще в центральном управлении. С этими доверенными людьми царь и начал править государством. В этой правительственной деятельности, обнаруживающейся с 1550 г., смелые внешние предприятия шли рядом с широкими и хорошо обдуманными планами внутренних преобразований. В 1550 г. был созван первый земский собор, на котором обсуждали, как устроить местное управление,

и решили пересмотреть и исправить старый Судебник Ивана III и выработать новый, лучший порядок судопроизводства. В 1551 г. созван был большой церковный собор, которому царь предложил обширный проект церковных реформ, имевший цель привести в порядок религиозно-нравственную жизнь народа. В 1552 г. было завоевано царство Казанское, и тотчас после того начали вырабатывать сложный план местных земских учреждений, которыми предназначено было заменить коронных областных управителей, «кормленщиков»: вводилось земское самоуправление. В 1558 г. начата была ливонская война с целью пробиться к Балтийскому морю и завязать непосредственные сношения с западной Европой, пользоваться ее богатой культурой. Во всех этих важных предприятиях, повторяю, Ивану помогали сотрудники, которые сосредоточивались около двух лиц, особенно близких к царю, священника Сильвестра и Алексея Адашева, начальника Челобитного приказа, по нашему статс-секретаря у принятия прошений на Высочайшее имя. Разные причины, частью домашние недоразумения, частью несогласие в политических взглядах охладили царя к его избранным советникам. Разгоравшаяся неприязнь их к родственникам царицы Захарьиным повела к удалению от двора Адашева и Сильвестра, а случившуюся при таких обстоятельствах в 1560 г. смерть Анастасии царь приписал огорчениям, какие потерпела покойная от этих дворцовых дрязг. «Зачем вы разлучили меня с моей женой? — болезненно спрашивал Иван Курбского в письме к нему 18 лет спустя после этого семейного несчастия: только бы у меня не отняли юницы моей, кроновых жертв (боярских казней) не было бы». Наконец бегство кн. Курбского, ближайшего и даровитейшего сотрудника, произвело окончательный разрыв. Нервный и

одинокий Иван потерял нравственное равновесие, всегда шаткое у нервных людей, когда они остаются одинокими.

Отъезд царя из Москвы и его послания.

При таком настроении царя в московском Кремле случилось странное, небывалое событие. Раз в конце 1564 г. там появилось множество саней. Царь, ничего никому не говоря, собрался со всей своей семьей и с некоторыми придворными куда-то в дальний путь, захватил с собой утварь, иконы и кресты, платье и всю свою казну и выехал из столицы. Видно было, что это ни обычная богомольная, ни увеселительная поездка царя, а целое переселение. Москва оставалась в недоумении, не догадываясь, что задумал хозяин. Побывав у Троицы, царь со всем багажом остановился в Александровской слободе: ныне это—Александров, уездный город Владимирской губ. Отсюда через месяц по отъезде царь прислал в Москву две грамоты. В одной, описав беззакония боярского правления в свое малолетство, он клад свой государев гнев на все духовенство и бояр, на всех служилых и приказных людей, поголовно обвиняя их в том, что они о государе, государстве и обо всем православном христианстве не радели, от врагов их не обороняли, напротив, сами притесняли христиан, расхищали казну и земли государевы, а духовенство покрывало виновных, защищало их, ходатайствуя за них пред государем. И вот царь, гласила грамота, «от великой жалости сердца», не стерпев всех этих измен, покинул свое царство и пошел поселиться где-нибудь, где ему Бог укажет. Это—как будто отречение от престола с целью испытать силу своей власти в народе. Московскому простонародью, купцам и всем тяглым людям столицы царь прислал другую грамоту, которую им прочитали всенародно на площади. Здесь царь писал, чтобы они сомнения не держали, что царской опалы и гнева на них нет. Все замерло, столица мгновенно прервала свои

обычные занятия: лавки закрылись, приказы опустели, песни замолкли. В смятении и ужасе город завопил, прося митрополита, епископов и бояр ехать в слободу, бить челом государю, чтобы он не покидал государства. При этом простые люди кричали, чтобы государь вернулся на царство оборонять их от волков и хищных людей, а за государских изменников и лиходеев они не стоят и сами их истребят.

Возвращение царя.

В слободу отправилась депутация из высшего духовенства, бояр и приказных людей с архиепископом новгородским Пименом во главе, сопровождаемая многими купцами и другими людьми, которые шли бить челом государю и плакаться, чтобы государь правил, как ему угодно, на всей своей государской воле. Царь принял земское челобитье, согласился воротиться на царство, «паки взять свои государства», но на условиях, которые обещал объявить после. Через несколько времени, в феврале 1565 г., царь торжественно воротился в столицу и созвал государственный совет из бояр и высшего духовенства. Его здесь не узнали: небольшие серые проницательные глаза погасли, всегда оживленное и приветливое лицо осунулось и высматривало нелюдимо, на голове и в бороде от прежних волос уцелели только остатки. Очевидно, два месяца отсутствия царь провел в страшном душевном состоянии, не зная, чем кончится его затея. В совете он предложил условия, на которых принимал обратно брошенную им власть. Условия эти состояли в том, чтобы ему на изменников своих и ослушников опалы класть, а иных и казнить, имущество их брать на себя в казну, чтобы духовенство, бояре и приказные люди все это положили на его государевой воле, ему в том не мешали. Царь как будто выпросил себе у государственного совета полицейскую диктатуру: своеобразная форма договора государя с народом!

Указ об опричнине.

Для расправы с изменниками и ослушниками царь предложил учредить *опричнину*. Это был особый двор, какой образовал себе царь, с особыми боярами, с особыми дворецким, казначеями и прочими управителями, дьяками, всякими приказными и дворовыми людьми, с целым придворным штатом. Летописец усиленно ударяет на это выражение «особной двор», на то, что царь приговорил все на этом дворе «учинити себе особно». Из служилых людей он отобрал в опричнину 1.000 человек, которым в столице на посаде за стенами Белого города, за линией нынешних бульваров, отведены были улицы (Пречистенка, Сивцев вражек, Арбат и левая от города сторона Никитской) с несколькими слободами до Новодевичьего монастыря; прежние обыватели этих улиц и слобод из служилых и приказных людей были выселены из своих домов в другие улицы московского посада. На содержание этого двора, «на свой обиход» и своих детей, царевичей Ивана и Феодора, он выделил из своего государства до 20 городов с уездами и несколько отдельных волостей, в которых земли розданы были опричникам, а прежние землевладельцы выведены были из своих вотчин и поместий и получили земли в неопричных уездах. До 12.000 этих выселенцев зимой с семействами шли пешком из отнятых у них усадеб на отдаленные пустые поместья, им отведенные. Эта выделенная из государства опричная часть не была цельная область, сплошная территория, составилась из сел, волостей и городов, даже только частей иных городов, рассеянных там и сям, преимущественно в центральных и северных уездах (Вязьма, Козельск, Суздаль, Галич, Вологда, Старая Русса, Каргополь и другие; после взята в опричнину Торговая сторона Новгорода). «Государство же свое Московское», т. е. всю остальную землю, подвластную московскому государю, с ее

воинством, судом и управой царь приказал ведать и всякие дела земские делать боярам, которым велел быть «в земских», и эта половина государства получила название *земщины*. Все центральные правительственные учреждения, оставшиеся в земщине, *приказы*, должны были действовать по-прежнему, «управу чинить по старине», обращаясь по всяким важным земским делам в думу земских бояр, которая правила земщиной, докладывая государю только о военных и важнейших земских делах. Так все государство разделилось на две части, на земщину и опричнину: во главе первой осталась боярская дума, во главе второй непосредственно стал сам царь, не отказываясь и от верховного руководительства думой земских бояр. «За подъем же свой», т. е. на покрытие издержек по выезду из столицы, царь взыскал с земщины, как бы за служебную командировку по ее делам, подъемные деньги—100.000 р. (около 5.000.000 р. на наши деньги). Так изложила старая летопись не дошедший до нас «указ об опричнине», повидимому заранее заготовленный еще в Александровской слободе и прочитанный на заседании государственного совета в Москве. Царь спешил: не медля, на другой же день после этого заседания, пользуясь предоставленным ему полномочием, он принялся на изменников своих опалы класть, а иных казнить, начав с ближайших сторонников беглого князя Курбского: в один этот день шестеро из боярской знати были обезглавлены, а седьмой посажен на кол.

Жизнь в Слободе.

Началось устроение опричины. Прежде всего сам царь, как первый опричник, поторопился выйти из церемонного, чинного порядка государевой жизни, установленного его отцом и дедом, покинул свой наследственный кремлевский дворец, перевезся на новое укрепленное подворье, которое велел построить себе где-то среди своей опричины между

Арбатом и Никитской, в то же время приказал своим опричным боярам и дворянам ставить себе в Александровской слободе дворы, где им предстояло жить, а также здания правительственных мест, предназначенных для управления опричниной. Скоро он и сам поселился там же, а в Москву стал приезжать «не на великое время». Так возникла среди глухих лесов новая резиденция, опричная столица с дворцом, окруженным рвом и валом, со сторожевыми заставами по дорогам. В этой берлоге царь устроил дикую пародию монастыря, подобрал три сотни самых отъявленных опричников, которые составили *братию*, сам принял звание игумена, а кн. Аф. Вяземского облек в сан келаря, покрыл этих штатных разбойников монашескими скуфейками, черными рясами, сочинил для них общежительный устав, сам с царевичами по утрам лазил на колокольню звонить к заутрене, в церкви читал и пел на клиросе и клал такие земные поклоны, что со лба его не сходили кровоподтеки. После обеда за трапезой, когда веселая братия объедалась и опивалась, царь за аналоем читал поучения отцов церкви о посте и воздержании, потом одиноко обедал сам, после обеда любил говорить о законе, дремал или шел в застенок присутствовать при пытке заподозренных.

Опричнина и земщина.

Опричнина при первом взгляде на нее, особенно при таком поведении царя, представляется учреждением, лишенным всякого политического смысла. В самом деле, объявив в послании всех бояр изменниками и расхитителями земли, царь оставил управление землей в руках этих изменников и хищников. Но и у опричнины был свой смысл, хотя и довольно печальный. В ней надо различать территорию и цель. Слово *опричнина* в XVI в. было уже устарелым термином, который тогдашняя московская летопись перевела выражением *особный двор*. Не царь Иван выдумал это слово,

заимствованное из старого удельного языка. В удельное время так назывались особые выделенные владения, преимущественно те, которые отдавались в полную собственность княгиням-вдовам, в отличие от данных в пожизненное пользование, от *прожитков*. Опричнина царя Ивана была дворцовое хозяйственно-административное учреждение, заведывавшее землями, отведенными на содержание царского двора. Подобное учреждение возникло у нас позднее, в конце XVIII в., когда император Павел законом 5 апреля 1797 года об императорской фамилии выделил «из государственных владений особые недвижимые имения», в количестве свыше 460 тыс. душ крестьян муж. пола, состоящие «в государственном исчислении под наименованием дворцовых волостей и деревень» и получившие название *удельных*. Разница была лишь в том, что опричнина с дальнейшими присоединениями захватила чуть не половину всего государства, тогда как в удельное ведомство имп. Павла вошла лишь $^{1}/_{33}$ тогдашнего населения империи. Сам царь Иван смотрел на учрежденную им опричнину, как на свое частное владение, на особый двор или удел, который он выделил из состава государства: он предназначил после себя земщину старшему своему сыну, как царю, а опричнину младшему, как удельному князю. Есть известие, что во главе земщины поставлен был крещеный татарин, пленный казанский царь Едигер-Симеон. Позднее, в 1574 г., царь Иван венчал на царство другого татарина, касимского хана Саин-Булата, в крещении Симеона Бекбулатовича, дал ему титул государя великого князя *всея Руси*. Переводя этот титул на наш язык, можно сказать, что Иван назначал того и другого Симеона председателями думы земских бояр. Симеон Бекбулатович правил царством два года; потом его сослали в Тверь. Все правительственные указы писались от

имени этого Симеона, как настоящего всероссийского царя, а сам Иван довольствовался скромным титулом государя князя, даже не великого, а просто князя *московского*, не всея Руси, ездил к Симеону на поклон, как простой боярин, и в челобитных своих к Симеону величал себя князем московским Иванцом Васильевым, который бьет челом «с своими детишками», с царевичами. Можно думать, что здесь не все — политический маскарад. Царь Иван противопоставлял себя, как князя московского удельного, государю всея Руси, стоявшему во главе земщины; выставляя себя особым, опричным князем московским, Иван как будто признавал, что вся остальная Русская земля составляла ведомство совета, состоявшего из потомков ее бывших властителей, князей великих и удельных, из которых состояло высшее московское боярство, заседавшее в земской думе. После Иван переименовал опричнину во *двор*, бояр и служилых людей опричных в бояр и служилых людей *дворовых*. У царя в опричине была своя дума, «свои бояре»; опричной областью управляли особые приказы, однородные со старыми земскими. Дела общегосударственные, как бы сказать, имперские, вела с докладом царю земская дума. Но иные вопросы царь приказывал обсуждать всем боярам, земским и опричным, и «бояре обои» ставили общее решение.

Назначение опричнины.

Но, спрашивается, зачем понадобилась эта реставрация или эта пародия удела? Учреждению с такой обветшалой формой и с таким архаичным названием царь указал небывалую дотоле задачу: опричнина получила значение политического убежища, куда хотел укрыться царь от своего крамольного боярства. Мысль, что он должен бежать от своих бояр, постепенно овладела его умом, стала его безотвязной думой. В духовной своей, написанной около 1572 года, царь пресерьезно изображает себя изгнанником, скитальцем. Здесь

он пишет: «по множеству беззаконий моих распростерся на меня гнев Божий, изгнан я боярами ради их самовольства из своего достояния и скитаюсь по странам». Ему приписывали серьезное намерение бежать в Англию. Итак, опричнина явилась учреждением, которое должно было ограждать личную безопасность царя. Ей указана была политическая цель, для которой не было особого учреждения в существовавшем московском государственном устройстве. Цель эта состояла в том, чтобы истребить крамолу, гнездившуюся в Русской земле, преимущественно в боярской среде. Опричнина получила назначение высшей полиции по делам государственной измены. Отряд в тысячу человек, зачисленный в опричнину и потом увеличенный до 6 тысяч, становился корпусом дозорщиков внутренней крамолы. Малюта Скуратов, т.-е. Григорий Яковлевич Плещеев-Бельский, родич св. митрополита Алексия, был как бы шефом этого корпуса, а царь выпросил себе у духовенства, бояр и всей земли полицейскую диктатуру для борьбы с этой крамолой. Как специальный полицейский отряд, опричнина получила особый мундир; у опричника были привязаны к седлу собачья голова и метла; это были знаки его должности, состоявшей в том, чтобы выслеживать, вынюхивать и выметать измену и грызть государевых злодеев-крамольников Опричник ездил весь в черном с головы до ног, на вороном коне в черной же сбруе; потому современники прозвали опричнину «тьмой кромешной», говорили о ней: «яко нощь темна». Это был какой-то орден отшельников, подобно инокам от земли отрекшихся и с землей боровшихся, как иноки борются с соблазнами мира. Самый прием в опричную дружину обставлен был не то монастырской, не то конспиративной торжественностью. Кн. Курбский в своей *Истории* царя Ивана пишет, что царь со всей Русской

земли собрал себе «человеков скверных и всякими злостьми исполненных» и обязал их страшными клятвами не знаться не только с друзьями и братьями, но и с родителями, а служить единственно ему, и на этом заставлял их целовать крест. Припомним при этом, что я сказал о монастырском чине жизни, какой установил Иван в слободе для своей избранной опричной *братии*.

Противоречие в строе государства.

Таково было происхождение и назначение опричнины. Но, объяснив ее происхождение и назначение, все-таки довольно трудно понять ее политический смысл. Легко видеть, как и для чего она возникла, но трудно уяснить себе, как могла она возникнуть, как могла притти царю самая мысль о таком учреждении. Ведь опричнина не отвечала на политический вопрос, стоявший тогда на очереди, не устраняла затруднения, которым была вызвана. Затруднение создавалось столкновениями, какие возникали между государем и боярством. Источником этих столкновений были не противоречивые политические стремления обеих государственных сил, а одно противоречие в самом политическом строе Московского государства. Государь и боярство не расходились друг с другом непримиримо в своих политических идеалах, в планах государственного порядка, а только натолкнулись на одну несообразность в установившемся уже государственном порядке, с которой не знали что̀ делать. Что̀ такое было на самом деле Московское государство в XVI веке? Это была абсолютная монархия, но с аристократическим управлением, т. е. правительственным персоналом. Не было политического законодательства, которое определяло бы границы верховной власти, но был правительственный класс с аристократической организацией, которую признавала сама власть. Эта власть росла вместе, одновременно и даже об руку с другой политической силой,

ее стеснявшей. Таким образом характер этой власти не соответствовал свойству правительственных орудий, посредством которых она должна была действовать. Бояре возмнили себя властными советниками государя всея Руси в то самое время, когда этот государь, оставаясь верен воззрению удельного вотчинника, согласно с древнерусским правом пожаловал их, как дворовых слуг своих, в звание холопов государевых. Обе стороны очутились в таком неестественном отношении друг к другу, которого они, кажется, не замечали, пока оно складывалось, и с которым не знали, что делать, когда его заметили. Тогда обе стороны почувствовали себя в неловком положении и не знали, как из него выйти. Ни боярство не умело устроиться и устроить государственный порядок без государевой власти, к какой оно привыкло, ни государь не знал, как без боярского содействия управиться со своим царством в его новых пределах. Обе стороны не могли ни ужиться одна с другой, ни обойтись друг без друга. Не умея ни поладить ни расстаться, они попытались разделиться, жить рядом, но не вместе. Таким выходом из затруднения и была опричнина.

Мысль о смене боярства дворянством.

Но такой выход не устронял самого затруднения. Оно заключалось в неудобном для государя политическом положении боярства, как правительственного класса его стеснявшего. Выйти из затруднения можно было двумя путями: надобно было или *устронить* боярство, как правительственный класс, и заменить его другими, более гибкими и послушными орудиями управления, или *разъединить* его, привлечь к престолу наиболее надежных людей из боярства и с ними править, как и правил Иван в начале своего царствования. Первого он не мог сделать скоро, второго не сумел или не захотел сделать. В беседах с приближен-

ными иноземцами царь неосторожно признавался в намерении изменить все управление страной и даже истребить вельмож. Но мысль преобразовать управление ограничилась разделением государства на земщину и опричину, а поголовное истребление боярства осталось нелепой мечтой возбужденного воображения: мудрено было выделить из общества и истребить целый класс, переплетавшийся разнообразными бытовыми нитями со слоями, под ним лежавшими. Точно так же царь не мог скоро создать другой правительственный класс взамен боярства. Такие перемены требуют времени, навыка: надобно, чтобы правящий класс привык к власти и чтобы общество привыкло к правящему классу. Но несомненно, царь подумывал о такой замене и в своей опричнине видел подготовку к ней. Эту мысль он вынес из детства, из неурядицы боярского правления: она же побудила его приблизить к себе и А. Адашева, взяв его, по выражению царя, из палочников, «от гноища», и учинив с вельможами в чаянии от него прямой службы. Так Адашев стал первообразовом опричника. С образом мыслей, господствовашим потом в опричине, Иван имел случай познакомится в самом начале своего царствования. В 1537 г. или около того выехал из Литвы в Москву некто Ив. Пересветов, причитавший себя к роду героя-инока Пересвете, сражавшегося на Куликовом поле. Этот выходец был авантюрист-кондотьери, служивший в наемном польском отряде трем королям, польскому, венгерскому и чешскому. В Москве он потерпел от больших людей, потерял «собинку», нажитое службой имущество, и в 1548 или 1549 г. подал царю обширную челобитную. Это—резкий политический памфлет, направленный против бояр в пользу «воинов», т. е. рядового военно-служилого двоянства, к которому принадлежал сам челобитчик. Автор предостере-

гает царя Иван от ловления со стороны ближних людей, без которых он не может «ни часу быти»; другого такого царя во всей подсолнечной не будет, лишь бы только Бог соблюл его от «ловления вельмож». Вельможи у царя худы, крест целуют, да изменяют; царь междоусобную войну «на свое царство пущает», назначая их правителями городов и волостей, а они от крови и слез христианских богатеют и ленивеют. Кто приближается к царю вельможеством, а не воинской заслугой или другой какой мудростью, тот чародей и еретик, у царя счастие и мудрость отнимает, того жечь надо. Автор считает образцовым порядок, заведенный царем Махмет-салтаном, который возведет правителя высоко, «да и пхнет его в зашею надол», приговаривая: не умел в доброй славе жить и верно государю служить. Государю пристойно со всего царства доходы собирать себе в казну, из казны воинам сердце веселить, к себе их припускать близко и во всем им верить. Челобитная как будто была писана передним числом в оправдание опричнины: так ее идеи были на-руку «худородным кромешникам», и сам царь не мог не сочувствовать направлению мыслей Пересветова. Он писал одному из опричников, Васюку Грязному: «По грехам нашим учинилось и нам того как утаить, что отца нашего и наши бояре учали нам изменять и мы вас, *страдников*, приближали, ожидая от вас службы и правды». Эти опричные страдники, худородные люди из рядового дворянства, и должны были служить теми чадами Авраама из камня, о которых писал царь кн. Курбскому. Так по мысли царя Ивана дворянство должно было сменить боярство, как правящий класс, в виде опричника. В конце XVII в. эта смена, как увидим, и совершилась, только в иной форме, не столь ненавистной.

Бесцельность опричнины.

Во всяком случае, избирая тот или другой выход, предстояло действовать против политического положения целого класса, а не против отдельных лиц. Царь поступил прямо наоборот: заподозрив все боярство в измене, он бросился на заподозренных, вырывая их по одиночке, но оставил класс во главе земского управления; не имея возможности сокрушить неудобный для него правительственный строй, он стал истреблять отдельных подозрительных или ненавистных ему лиц. Опричники ставились не на место бояр, а против бояр; они могли быть по самому назначению своему не правителями, а только палачами земли. В этом состояла политическая бесцельность опричнины: вызванная столкновением, причиной которого был порядок, а не лица, она была направлена против лиц, а не против порядка. В этом смысле и можно сказать, что опричнина не отвечала на вопрос, стоявший на очереди. Она могла быть внушена царю только неверным пониманием положения боярства, как и своего собственного положения. Она была в значительной мере плодом чересчур пугливого воображения царя. Иван направлял ее против страшной крамолы, будто бы гнездившейся в боярской среде и грозившей истреблением всей царской семьи. Но действительно ли так страшна была опасность? Политическая сила боярства и помимо опричнины была подорвана условиями, прямо и косвенно созданными московским собиранием Руси. Возможность дозволенного, законного отъезда, главной опоры служебной свободы боярина, ко времени царя Ивана уже исчезла: кроме Литвы отъехать было некуда; единственный уцелевший удельный князь Владимир старицкий договорами обязался не принимать ни князей, ни бояр и никаких людей, отъезжавших от царя. Служба бояр из вольной стала обязательной, невольной. Местничество лишало класс спо-

собности к дружному совместному действию. Поземельная перетасовка важнейших служилых князей, производившаяся при Иване III и его внуке посредством обмена старинных княжеских вотчин на новые, перемещала князей Одоевских, Воротынских, Мезецких с опасных окраин, откуда они могли завести сношения с заграничными недругами Москвы, куда-нибудь на Клязьму или верхнюю Волгу, в чуждую им среду, с которой у них не было никаких связей. Знатнейшие бояре правили областями, но так, что своим управлением приобретали себе только ненависть народа. Так боярство не имело под собой твердой почвы ни в управлении, ни в народе, ни даже в своей сословной организации, и царь должен был знать это лучше самих бояр. Серьезная опасность грозила при повторении случая 1553 года, когда многие бояре не хотели присягать ребенку, сыну опасно больного царя, имея в виду возвести на престол удельного Владимира, дядю царевича. Едва перемогавшийся царь прямо сказал присягнувшим боярам, что в случае своей смерти он предвидит судьбу своего семейства при царе-дяде. Это—участь, обычно постигавшая принцев-соперников в восточных деспотиях. Собственные предки царя Ивана, князья московские, точно так же расправлялись со своими родичами, становившимися им поперек дороги; точно так же расправился и сам царь Иван со своим двоюродным братом Владимиром старицким. Опасность 1553 г. не повторилась. Но опричнина не предупреждала этой опасности, а скорее усиливала ее. В 1553 г. многие бояре стали на сторону царевича, и династическая катастрофа могла не состояться. В 1568 г. в случае смерти царя едва ли оказалось бы достаточно сторонников у его прямого наследника: опричнина сплотила боярство инстинктивно—чувством самосохранения.

Суждения о ней современников.

Без такой опасности боярская крамола не шла далее помыслов и попыток бежать в Литву: ни о заговорах, ни о покушениях со стороны бояр не говорят современники. Но если бы и существовала действительно мятежная боярская крамола, царю следовало действовать иначе: он должен был направлять свои удары исключительно на боярство, а он бил не одних бояр и даже не бояр преимущественно. Кн. Курбский в своей *Исторіи*, перечисляя жертвы Ивановой жестокости, насчитывает их свыше 400. Современники-иностранцы считали даже за 10 тысяч. Совершая казни, царь Иван по набожности заносил имена казненных в помянники (синодики), которые рассылал по монастырям для поминовения душ покойных с приложением поминальных вкладов. Эти помянники—очень любопытные памятники; в некоторых из них число жертв возрастает до 4 тысяч. Но боярских имен в этих мартирологах сравнительно немного; зато сюда заносились перебитые массами и совсем неповинные в боярской крамоле дворовые люди, подьячие, псари, монахи и монахини—«скончавшиеся христиане мужеского, женского и детского чина, имена коих Ты Сам, Господи, веси», как заунывно причитает синодик после каждой группы избиенных массами. Наконец очередь дошла и до самой тьмы кромешной: погибли ближайшие опричные любимцы царя, кн. Вяземский и Басмановы, отец с сыном. Глубоко пониженным, сдержанно-негодующим тоном повествуют современники о смуте, какую внесла опричнина в умы, непривычные к таким внутренним потрясениям. Они изображают опричнину, как социальную усобицу. Воздвигнул царь, пишут они, крамолу междоусобную, в одном и том же городе одних людей на других напустил, одних опричными назвал, своими собственными учинил, а прочих земщиною наименовал и за-

поведал своей части другую часть людей насиловать, смерти предавать и домы их грабить. И была туга и ненависть на царя в миру, и кровопролитие, и казни учинились многие. Один наблюдательный современник изображает опричнину какой-то непонятной политической игрой царя: всю державу свою как топором пополам рассек и этим всех смутил, так Божиими людьми играя, став заговорщиком против самого себя. Царь захотел в земщине быть государем, а в опричнине остаться вотчинником, удельным князем. Современники не могли уяснить себе этого политического двуличия; но они поняли, что опричнина, выводя крамолу, вводила анархию, оберегая государя, колебала самые основы государства. Направленная против воображаемой крамолы, она подготовляла действительную. Наблюдатель, слова которого я сейчас привел, видит прямую связь между Смутным временем, когда он писал, и опричниной, которую помнил: «великий раскол земли всей сотворил царь, и это разделение, думаю, было прообразом нынешнего всеземского разгласия». Такой образ действий царя мог быть следствием не политического расчета, а исказившегося политического понимания. Столкнувшись с боярами, потеряв к ним всякое доверие после болезни 1553 года и особенно после побега кн. Курбского, царь преувеличил опасность, испугался: «за себя есми стал». Тогда вопрос о государственном порядке превратился для него в вопрос о личной безопасности, и он, как не в меру испугавшийся человек, закрыв глаза, начал бить направо и налево, не разбирая друзей и врагов. Значит, в направлении, какое дал царь политическому столкновению, много виноват его личный характер, который потому и получает некоторое значение в нашей государственной истории.

Лекция XXX.

Характеристика царя Ивана Грозного.

Детство

Царь Иван родился в 1530 г. От природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский, московский ум. Но обстоятельства, среди которых протекло детство Ивана, рано испортили этот ум, дали ему неестественное, болезненное развитие. Иван рано осиротел, на четвертом году лишился отца, а на восьмом потерял и мать. Он с детства видел себя среди чужих людей. В душе его рано и глубоко врезалось и всю жизнь сохранялось чувство сиротства, брошенности, одиночества, о чем он твердил при всяком случае: «родственники мои не заботились обо мне». Отсюда его робость, ставшая основной чертой его характера. Как все люди, выросшие среди чужих, без отцовского призора и материнского привета, Иван рано усвоил себе привычку ходить, оглядываясь и прислушиваясь. Это развило в нем подозрительность, которая с летами превратилась в глубокое недоверие к людям. В детстве ему часто приходилось испытывать равнодушие или пренебрежение со стороны окружающих. Он сам вспоминал после в письме к кн. Курбскому, как его с младшим братом Юрием в детстве стесняли во всем, держали, как убогих людей, плохо кормили и одевали, ни в чем воли не давали, все заставляли делать насильно и не по возрасту.

В торжественные, церемониальные случаи, при выходе или приеме послов, его окружали царственной пышностью, становились вокруг него с раболепным смирением, а в будни те же люди не церемонились с ним, порой баловали, порой дразнили. Играют они, бывало, с братом Юрием в спальне покойного отца, а первенствующий боярин кн. И. В. Шуйский развалится перед ними на лавке, обопрется локтем о постель покойного государя, их отца, и ногу на нее положит, не обращая на детей никакого внимания, ни отеческого, ни даже властительного. Горечь, с какою Иван вспоминал об этом 25 лет спустя, дает почувствовать, как часто и сильно его сердили в детстве. Его ласкали, как государя, и оскорбляли, как ребенка. Но в обстановке, в какой шло его детство, он не всегда мог тотчас и прямо обнаружить чувство досады или злости, сорвать сердце. Эта необходимость сдерживаться, дуться в рукав, глотать слезы питала в нем раздражительность и затаенное, молчаливое озлобление против людей, злость со стиснутыми зубами. К тому же он был испуган в детстве. В 1542 году, когда правила партия князей Бельских, сторонники князя И. Шуйского ночью врасплох напали на стоявшего за их противников митрополита Иоасафа. Владыка скрылся во дворце великого князя. Мятежники разбили окна у митрополита, бросились за ним во дворец и на рассвете вломились с шумом в спальню маленького государя, разбудили и напугали его.

Влияние боярского правления.

Безобразные сцены боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, были первыми политическими его впечатлениями. Они превратили его робость в нервную пугливость, из которой с летами развилась наклонность преувеличивать опасность, образовалось то, что называется страхом с великими глазами. Вечно тревожный и подозрительный, Иван рано привык думать, что окружен только врагами и,

воспитал в себе печальную наклонность высматривать, как плетется вокруг него бесконечная сеть козней, которою, чудилось ему, стараются опутать его со всех сторон. Это заставляло его постоянно держаться настороже; мысль, что вот-вот из-за угла на него бросится недруг, стала привычным, ежеминутным его ожиданием. Всего сильнее работал в нем инстинкт самосохранения. Все усилия его бойкого ума были потрачены на разработку этого грубого чувства.

Ранняя развитость и возбуждаемость.

Как все люди, слишком рано начавшие борьбу за существование, Иван быстро рос и преждевременно вырос. В семнадцать-двадцать лет, при выходе из детства, он уж поражал окружающих непомерным количеством пережитых впечатлений и передуманных мыслей, до которых его предки не додумывались и в зрелом возрасте. В 1546 году, когда ему было шестнадцать лет, среди ребяческих игр, он по рассказу летописи, вдруг заговорил с боярами о женитьбе, да заговорил так обдуманно, с такими предусмотрительными политическими соображениями, что бояре расплакались от умиления, что царь так молод, а уж так много подумал, ни с кем не посоветовавшись, от всех утаившись. Эта ранняя привычка к тревожному уединенному размышлению про-себя, втихомолку, надорвала мысль Ивана, развила в нем болезненную впечатлительность и возбуждаемость. Иван рано потерял равновесие своих духовных сил, уменье направлять их, когда нужно, разделять их работу или сдерживать одну противодействием другой, рано привык вводить в деятельность ума участие чувства. О чем бы он ни размышлял, он подгонял, подзадоривал свою мысль страстью. С помощью такого самовнушения он был способен разгорячить свою голову до отважных и высоких помыслов, раскалить свою речь до блестящего красноречия, и тогда с его языка, или из-под его пера, как от горячего железа под молотком кузнеца, сыпа-

лись искры острот, колкие насмешки, меткие словца, неожиданные обороты. Иван—один из лучших московских ораторов и писателей XVI в., потому что был самый раздраженный москвич того времени. В сочинениях, написанных под диктовку страсти и раздражения, он больше заражает, чем убеждает, поражает жаром речи, гибкостью ума, изворотливостию диалектики, блеском мысли; но это—фосфорический блеск, лишенный теплоты; это не вдохновение, а горячка головы, нервическая прыть, следствие искусственного возбуждения. Читая письма царя к кн. Курбскому, поражаешься быстрой сменой в авторе самых разнообразных чувств: порывы великодушия и раскаяния, проблески глубокой задушевности чередуются с грубой шуткой, жестким озлоблением, холодным презрением к людям; минуты усиленной работы ума и чувства сменялись полным упадком утомленных душевных сил, и тогда от всего его остроумия не оставалось и простого здравого смысла. В эти минуты умственного изнеможения и нравственной опущенности он способен был на затеи, лишенные всякой сообразительности. Быстро перегорая, такие люди современем, когда в них слабеет возбуждаемость, прибегают обыкновенно к искуственному средству, к вину, и Иван в годы опричнины, кажется, не чуждался этого средства. Такой нравственной неровностью, чередованием высоких подъемов духа с самыми постыдными падениями объясняется и государственная деятельность Ивана. Царь совершил или задумывал много хорошего, умного, даже великого, и рядом с этим наделал еще больше поступков, которые сделали его предметом ужаса и отвращения для современников и последующих поколений. Разгром Новгорода по одному подозрению в измене, московские казни, убийство сына и митрополита Филиппа, безобразия с опричниками в Москве и в Александровской сло-

боде—читая обо всем этом, подумаешь, что это был зверь от природы.

Нравственная неуравновешенность.

Но он не был таким. По природе или воспитанию он был лишен устойчивого нравственного равновесия и при малейшем житейском затруднении охотнее склонялся в дурную сторону. От него ежеминутно можно было ожидать грубой выходки; он не умел сладить с малейшим неприятным случаем. В 1577 г. на улице в завоеванном ливонским городе Кокенгаузене он благодушно беседовал с пастором о любимых своих богословских предметах, но едва не приказал его казнить, когда тот неосторожно сравнил Лютера с апостолом Павлом, ударил пастора хлыстом по голове и ускакал со словами: «поди ты к черту со своим Лютером». В другое время он велел изрубить присланного ему из Персии слона, не хотевшего стать перед ним на колена. Ему недоставало внутреннего природного благородства; он был восприимчивее к дурным, чем к добрым впечатлениям; он принадлежал к числу тех недобрых людей, которые скорее и охотнее замечают в других слабости и недостатки, чем дарования или добрые качества. В каждом встречном он прежде всего видел врага. Всего труднее было приобрести его доверие. Для этого таким людям надобно ежеминутно давать чувствовать, что их любят и уважают, всецело им преданы, и кому удавалось уверить в этом царя Ивана, тот пользовался его доверием до излишества. Тогда в нем вскрывалось свойство, облегчающее таким людям тягость постоянно напряженного злого настроения: это—привязчивость. Первую жену свою он любил какой-то особенно чувствительной, не домостроевской любовью. Так же безотчетно он привязывался к Сильвестру и Адашеву, а потом и к Малюте Скуратову. Это соединение привязчивости и недоверчивости выразительно сказалось в

духовной Ивана, где он дает детям наставление, «как людей любить и жаловать и как их *беречься*». Эта двойственность характера и лишала его устойчивости. Житейские отношения больше тревожили и злили его, чем заставляли размышлять. Но в минуты нравственного успокоения, когда он освобождался от внешних раздражающих впечатлений и оставался наедине с самим собой, со своими задушевными думами, им овладевала грусть, к какой способны только люди, испытавшие много нравственных утрат и житеских разочарований. Кажется, ничего не могло быть формальнее и бездушнее духовной грамоты древнего московского вел. князя с ее мелочным распорядком движимого и недвижимого имущества между наследниками. Царь Иван и в этом стереотипном акте выдержал свой лирический характер. Эту духовную он начинает возвышенными богословскими размышлениями и продолжает такими задушевными словами: «Тело изнемогло, болезнует дух, раны душевные и телесные умножились и нет врача, который бы исцелил меня, ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого, утешающих я не нашел, заплатили мне злом за добро, ненавистью за любовь». Бедный страдалец, царственный мученик, подумаешь, читая эти жалобноскорбные строки; а этот страдалец года за два до того, ничего не расследовав, по одному подозрению, так—зря, бесчеловечно и безбожно разгромил большой древний город с целою областью, как никогда не громили никакого русского города татары. В самые злые минуты он умел подниматься до этой искусственной задушевности, до крокодилова плача. В разгар казней входит он в московский Успенский собор. Митрополит Филипп встречает его, готовый по долгу сана *печаловаться*, ходатайствовать за несчастных, обреченных на казнь. «Только молчи, говорил царь, едва сдержи-

ваясь от гнева; одно тебе говорю—молчи, отец святой, молчи и благослови нас».—«Наше молчание, отвечал Филипп, грех на душу твою налагает и смерь наносит».—«Ближние мои, скорбно возразил царь, встали на меня, ищут мне зла; какое тебе дело до наших царских предначертаний»!

Описанные свойства царя Ивана сами по себе могли бы послужить только любопытным материалом для психолога— скорее для психиатра, скажут иные: ведь так легко нравственную распущенность, особенно на историческом расстоянии, признать за душевную болезнь и под этим предлогом освободить память мнимо-больных от исторической ответственности. К сожалению, одно обстоятельство сообщало описанным свойствам значение гораздо более важное, чем какое обыкновенно имеют психологические курьезы, появляющиеся в людской жизни, особенно такой обильной всякими душевными курьезами, как русская; Иван был *царь*. Черты его личного характера дали особое направление его политическому образу мыслей, а его политический образ мыслей оказал сильное, притом вредное влияние на его политический образ действий, испортил его.

Ранняя мысль о власти.

Иван рано и много, раньше и больше, чем бы следовало, стал думать своей тревожной мыслью о том, что он— государь московский и всея Руси. Скандалы боярского правления постоянно поддерживали в нем эту думу, сообщали ей тревожный, острый характер. Его сердили и обижали, выталкивали из дворца и грозили убить людей, к которым он привязывался, пренебрегая его детскими мольбами и слезами, у него на глазах выказывали непочтение к памяти его отца, может быть, дурно отзывались о покойном в присутствии сына. Но этого сына все признавали законным государем; ни от кого не слыхал он и намека на то, что его царственное право может подвергнуться сомнению, спору.

Каждый из окружающих, обращаясь к Ивану, называл его великим государем; каждый случай, его тревоживший или раздражавший, заставлял его вспоминать о том же и с любовью обращаться к мысли о своем царственном достоинстве, как к политическому средству самообороны. Ивана учили грамоте, вероятно, так же, как учили его предков, как вообще учили грамоте в древней Руси, заставляя твердить Часослов и Псалтирь с бесконечным повторением *задов*, прежде пройденного. Изречения из этих книг затверживались механически, на всю жизнь врезывались в память. Кажется, детская мысль Ивана рано начала проникать в это механическое зубрение Часослова и Псалтиря. Здесь он встречал строки о царе и царстве, о помазаннике Божием, о нечестивых советниках, о блаженном муже, который не ходит на их совет и т. п. С тех пор как стал Иван понимать свое сиротское положение и думать об отношениях своих к окружающим, эти строки должны были живо затрогивать его внимание. Он понимал эти библейские афоризмы по-своему, прилагая их к себе, к своему положению. Они давали ему прямые и желанные ответы на вопросы, какие возбуждались в его голове житейскими столкновениями, подсказывали нравственное оправдание тому чувству злости, какое вызывали в нем эти столкновения. Легко понять, какие быстрые успехи в изучении Св. Писания должен был сделать Иван, применяя к своей экзегетике такой нервный, субъективный метод, изучая и толкуя слово Божие под диктовку раздраженного, капризного чувства. С тех пор книги должны были стать любимым предметом его занятий. От Псалтиря он перешел к другим частям Писания, перечитал много, что̀ мог достать из тогдашнего книжного запаса, вращавшегося в русском читающем обществе. Это был начитаннейший москвич XVI века. Недаром современники

называли его «словесной мудрости ритором». О богословских предметах он любил беседовать, особенно за обеденным столом, и имел, по словам летописи, особливую остроту и память от Божественного Писания. Раз в 1570 г. он устроил в своих палатах торжественную беседу о вере с пастором польского посольства, чехом-евангеликом Рокитой, в присутствии посольства, бояр и духовенства. В пространной речи он изложил протестантскому богослову обличительные пункты против его учения и приказал ему защищаться «вольно и смело», без всяких опасений, внимательно и терпеливо выслушал защитительную речь пастора и после написал на нее пространное опровержение, до нас дошедшее. Этот ответ царя по местам отличается живостью и образностью. Мысль не всегда идет прямым логическим путем, натолкнувшись на трудный предмет, туманится или сбивается в сторону, но порой обнаруживает большую диалектическую гибкость. Тексты Писания не всегда приводятся кстати; но очевидна обширная начитанность автора не только в Писании и отеческих творениях, но и в переводных греческих хронографах, тогдашних русских учебниках всеобщей истории. Главное, что читал он особенно внимательно, было духовного содержания; везде находил он и отмечал одни и те же мысли и образы, которые отвечали его настроению, вторили его собственным думам. Он читал и перечитывал любимые места, и они неизгладимо врезывались в его память. Не менее иных нынешних записных ученых Иван любил пестрить свои сочинения цитатами кстати и некстати. В первом письме к кн. Курбскому он на каждом шагу вставляет отдельные строки из Писания, иногда выписывает под ряд целые главы из ветхозаветных пророков или апостольских посланий и очень часто без всякой нужды искажает библейский текст; это происходило не от небрежности в списыва-

нии, а от того, что Иван, очевидно, выписывал цитаты наизусть.

Так рано зародилось в голове Ивана политическое размышление, занятие, которого не знали его московские предки ни среди детских игр, ни в деловых заботах зрелого возраста. Кажется, это занятие шло втихомолку, тайком от окружающих, которые долго не догадывались, в какую сторону направлена встревоженная мысль молодого государя, и, вероятно, не одобрили бы его усидчивого внимания к книгам, если бы догадались. Вот почему они так удивились, когда в 1546 г. шестнадцатилетний Иван вдруг заговорил с ними о том, что он задумал жениться, но что прежде женитьбы он хочет поискать прародительских обычаев, как прародители его, цари и великие князья и сродник его Владимир Всеволодович Мономах на царство, на великое княжение садились. Пораженные неожиданностью дум государя, бояре, прибавляет летописец, удивились, что государь так молод, а уж прародительских обычаев поискал. Первым помыслом Ивана при выходе из правительственной опеки бояр было принять титул *царя* и венчаться на царство торжественным церковным обрядом. Политические думы царя вырабатывались тайком от окружающих, как тайком складывался его сложный характер. Впрочем, по его сочинениям можно с некоторой точностью восстановить ход его политического самовоспитания. Его письма к кн. Курбскому—наполовину политические трактаты о царской власти и наполовину полемические памфлеты против боярства и его притязаний. Попробуйте бегло перелистовать его первое длинное-предлинное послание: оно поразит вас видимой пестротой и беспорядочностью своего содержания, разнообразием книжного материала, кропотливо собранного автором и щедрой рукой рассыпанного по этим нескончаемым стра-

Идея власти.

ницам. Чего тут нет, каких имен, текстов и примеров! Длинные и короткие выписки из Св. Писания и отцов Церкви, строки и целые главы из ветхозаветных пророков, Моисея, Давида, Исаии, из новозаветных церковных учителей, Василия Великого, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, образы из классической мифологии и эпоса, Зевс, Аполлон, Антенор, Эней, рядом с библейскими именами Иисуса Навина, Гедеона, Авимелеха, Иевфая, бессвязные эпизоды из еврейской, римской, византийской истории и даже из истории западно-европейских народов со средневековыми именами «Зинзириха» вандальского, готов, савроматов, французов, вычитанными из хронографов, и наконец порой невзначай брошенная черта из русской летописи—и все это, перепутанное, переполненное анахронизмами, с калейдоскопической пестротой, без видимой логической последовательности всплывает и исчезает перед читателем, повинуясь прихотливым поворотам мысли и воображения автора, и вся эта, простите за выражение, ученая каша сдобрена богословскими или политическими афоризмами, настойчиво подкладываемыми, и порой посолена тонкой иронией или жестким, иногда метким сарказмом. Какая хаотическая память, набитая набором всякой всячины, — подумаешь, перелистовав это послание. Не даром кн. Курбский назвал письмо Ивана бабьей болтовней, где тексты Писания переплетены с речами о женских телогреях и о постелях. Но вникните пристальнее в этот пенистый поток текстов, размышлений, воспоминаний, лирических отступлений, и вы без труда уловите основную мысль, которая красной нитью проходит по всем этим, видимо, столь нестройным страницам. С детства затверженные автором любимые библейские тексты и исторические примеры все отвечают на одну тему, все говорят о царской власти, о ее божественном происхождении,

о государственном порядке, об отношениях к советникам и подданным, о гибельных следствиях разновластия и безначалия. *Несть власти, аще не от Бога. Всяка душа властем предержащим да повинуется. Горе граду, им же градом мнози обладают* и т. п. Упорно вчитываясь в любимые тексты и безконечно о них размышляя, Иван постепенно и не заметно создал себе из них идеальный мир, в который уходил, как Моисей на свою гору, отдыхать от житейских страхов и огорчений. Он с любовью созерцал эти величественные образы ветхозаветных избранников и помазанников Божиих, Моисея, Саула, Давида, Соломона. Но в этих образах он как в зеркале старался разглядеть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска или перенести на себя самого отблеск их света и величия. Понятно, что он залюбовался собой, что его собственная особа в подобном отражении представилась ему озаренною блеском и величием, какого и не чуяли на себе его предки, простые московские князья-хозяева. Иван IV был первый из московских государей, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле помазанника Божия. Это было для него политическим откровением, и с той поры его царственное *я* сделалось для него предметом набожного поклонения: он сам для себя стал святыней и в помыслах своих создал целое богословие политического самообожания в виде ученой теории своей царской власти. Тоном вдохновенного свыше и вместе с обычной тонкой иронией писал он во время переговоров о мире врагу своему Стефану Баторию, коля ему глаза его избирательной властью: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси *по Божию изволению, а не по многомятежному человеческому хотению*».

Недостаток практической ее разработки.

Однако из всех этих усилий ума и воображения царь вынес только простую, голую идею царской власти без практических выводов, каких требует всякая идея; теория осталась неразработанной в государственный порядок, в политическую програму. Увлеченный враждой и воображаемыми страхами, он упустил из виду практические задачи и потребности государственной жизни и не умел приладить своей отвлеченной теории к местной исторической действительности. Без этой практической разработки его возвышенная теория верховной власти превратилась в каприз личного самовластия, исказилась в орудие личной злости, безотчетного произвола. Потому стоявшие на очереди практические вопросы государственного порядка остались неразрешенными. В молодости, как мы видели, начав править государством, царь с избранными своими советниками повел смелую внешнюю и внутреннюю политику, целью которой было, с одной стороны, добиться берега Балтийского моря и войти в непосредственные торговые и культурные сношения с западной Европой, а с другой— привести в порядок законодательство и устроить областное управление, создать местные земские миры и призвать их к участию не только в местных судебно-административных делах, но и в деятельности центральной власти. Земский собор, впервые созванный в 1550 г., развиваясь и входя обычным органом в состав управления, должен был укрепить в умах идею земского царя взамен удельного вотчинника. Но царь не ужился со своими советниками. При подозрительном и болезненно возбужденном чувстве власти он считал добрый прямой совет посягательством на свои верховные права, несогласие со своими планами—знаком крамолы, заговора и измены. Удалив от себя добрых советников, он отдался одностороннему направлению своей

мнительной политической мысли, везде подозревавшей козни и крамолы, и неосторожно возбудил старый вопрос об отношении государя к боярству, — вопрос, которого он не в состоянии был разрешить и которого потому не следовало возбуждать. Дело заключалось в исторически сложившемся противоречии, в несогласии правительственного положения и политического настроения боярства с характером власти и политическим самосознанием московского государя. Этот вопрос был неразрешим для московских людей XVI в. Потому надобно было до поры до времени заминать его, сглаживая вызвавшее его противоречие средствами благоразумной политики, а Иван хотел разом разрубить вопрос, обострив самое противоречие, своей односторонней политической теорией поставив его ребром, как ставят тезисы на ученых диспутах, принципиально, но непрактично. Усвоив себе чрезвычайно исключительную и нетерпеливую, чисто-отвлеченную идею верховной власти, он решил, что не может править государством, как правили его отец и дед, при содействии бояр; но как иначе он должен править, этого он и сам не мог уяснить себе. Превратив политический вопрос о порядке в ожесточенную вражду с лицами, в бесцельную и неразборчивую резню, он своей опричниной внес в общество страшную смуту, а сыноубийством подготовил гибель своей династии. Между тем успешно начатые внешние предприятия и внутренние реформы расстроились, были брошены недоконченными по вине неосторожно обостренной внутренней вражды. Отсюда понятно, почему этот царь двоился в представлении современников, переживших его царствование. Так один из них, описав славные деяния царя до смерти царицы Анастасии, продолжает: «а потом словно страшная буря, налетевшая со стороны, смутила покой его доброго сердца, и я не знаю, как перевернула его

многомудренный ум в нрав свирепый, и стал он мятежником в собственном государстве». Другой современник, характеризуя грозного царя, пишет, что это был «муж чудного рассуждения, в науке книжного почитания доволен и многоречив, зело ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен, на рабы, от Бога данные ему, жестостерд, на пролитие крови дерзостен и неумолим, множество народа от мала и до велика при царстве своем погубил, многие города свои попленил и много иного содеял над рабами своими; но тот же царь Иван и много доброго совершил, воинство свое весьма любил и на нужды его из казны своей неоскудно подавал».

Значение царя Ивана.

Таким образом положительное значение царя Ивана в истории нашего государства далеко не так велико, как можно было бы думать, судя по его замыслам и начинаниям, по шуму, какой производила его деятельность. Грозный царь больше задумывал, чем сделал, сильнее подействовал на воображение и нервы своих современников, чем на современный ему государственный порядок. Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него; но без него это устроение пошло бы легче и ровнее, чем оно шло при нем и после него, важнейшие политические вопросы были бы разрешены без тех потрясений, какие были им подготовлены. Важнее отрицательное значение этого царствования. Царь Иван был замечательный писатель, пожалуй, даже бойкий политический мыслитель; но он не был государственный делец. Одностороннее, себялюбивое и мнительное направление его политической мысли при его нервной возбужденности лишило его практического такта, политического глазомера, чутья действительности, и успешно предприняв завершение государственного порядка, заложенного его пред-

ками, он незаметно для себя самого кончил тем, что поколебал самые основания этого порядка. Карамзин преувеличил очен немного, поставив царствование Ивана,—одно из прекраснейших по началу,—по конечным его результатам на ряду с монгольским игом и бедствиями удельного времени. Вражде и произволу царь жертвовал и собой, и своей династией, и государственным благом. Его можно сравнить с тем ветхозаветным слепым богатырем, который, чтобы погубить своих врагов, на самого себя повалил здание, на крыше коего эти враги сидели.

Лекция XXXI.

Состав удельного общества. — Состав московского служилого класса. — Элементы служилые. — Элементы неслужилые: горожане-землевладельцы, приказные, служилые по прибору. — Иноземцы. — Количественное отношение составных элементов по племенному происхождению. — Лествица чинов. — Численность военно-служилого класса. — Внешнее положение государства. — Войны на Северо-Западе. — Борьба с Крымом и ногаями. — Оборона северо-восточных границ. — Береговая служба. — Линии оборонительных укреплений. — Сторожевая и станичная служба. — Тяжесть борьбы. — Вопрос о хозяйственном и военном устройстве служилого класса и поместная система.

Мы изучали положение, какое заняло Московское боярство при своем новом составе в отношении к государю и в государственном управлении. Но политическое значение боярства не ограничивалось его правительственною деятельностью. Боярин был не только высший сановник, правительственный советник и сотрудник, но и соратник своего государя. По этому военному значению боярство было только верхним слоем многочисленного военно-служилого класса, формировавшегося в Московском государстве в продолжение XV и XVI вв. Как слой правительственный, боярство выделялось из этого класса; но оно входило в его состав, как слой военно-служилый, составляя его штаб и высшую команду. Теперь изучим состав и положение этого военно-служилого класса, разумея и боярство, как его составную часть.

Состав удельного общества.

Состав военно-служилого класса в Московском государстве тех веков был очень сложен. Чтобы понять его составные элементы, надо припомнить состав общества в удельном княжестве. Идеи подданства, как мы видели, в удельном княжестве не существовало: господствовали договорные отношения свободных обывателей удела к его князю, основанные на обоюдных выгодах. Общество делилось на классы по роду услуг, какие оказывали лица удельному князю: одни служили ему ратную службу и назывались *боярами* и *слугами вольными;* другие служили по дворцовому хозяйству князя, были его дворовыми людьми и назывались *слугами дворными;* наконец, третьи снимали у князя его земли, городские или сельские, за что платили ему подать, тягло, и носили название *людей тяглых*, *земских* или *черных*. Таковы три основные класса, из которых состояло свободное гражданское общество в удельном княжестве: слуги вольные с боярами во главе, слуги дворные и люди черные, городские и сельские. Холопы, как несвободные люди, не составляли общественного класса в юридическом смысле слова. Особое положение занимали разные разряды лиц, состоявших при Церкви, с духовенством во главе: это был не особый класс, а целое общество *церковных людей*, параллельное мирскому, со своим управлением и судом, с исключительными привиллегиями; в состав его входили классы однородные с мирскими, церковные бояре и слуги, крестьяне на церковных землях и т. п.

Служилые элементы служилого класса.

Всё слои удельного общества или целиком вошли, или внесли свои вклады в состав служилого класса в Московском государстве. Ядро его образовали бояре и слуги вольные, служившие при московском княжеском дворе в удельные века; только договорные отношения теперь заменились обязательными государственными повинностями по

закону. С половины XV в. состав этого первоначального московского двора, т.-е. военно-служилого класса осложнился новыми военными же элементами, вошедшими в него со стороны. То были: 1) потомки князей великих и удельных, сведенных или сошедших со своих столов и вошедших в состав московского двора; 2) бояре и вольные слуги бывших великих и удельных князей, вместе со своими хозяевами перешедшие на московскую службу. Оба эти элемента целиком вошли в состав класса, хотя некоторое время сохраняли свое местное обособление и даже в актах XVI в. писались: *князи ростовские*, *князи стародубские*, *двор тверской* и т. д.

Кроме этих военных или вольных слуг в состав класса вошли еще элементы невоенные и невольные по происхождению. То были: 1) бывшие дворцовые, большею частью даже несвободные слуги великих и удельных князей, разные приказные и ремесленные люди, служившие при княжеских дворах для хозяйственных надобностей, ключники, казначеи, тиуны, дьяки с подьячими, конюхи, псари, садовники и т. д. Приблизительно с половины XV в. эти дворцовые слуги стали получать от московского государя земли наравне с военно-служилыми людьми и вошли в один разряд с ними, отбывая по земле ратную службу.

2) У прежних удельных бояр и дворян были свои вооруженные дворовые слуги, холопы, с которыми господа ходили в походы. Московское правительство иногда отбирало этих привычных к оружию боярских слуг, *послужильцев* (бывших служителей), на государственную службу, наделяя их землей и заставляя по земле нести ратную повинность наравне с прочими служилыми людьми. Так после покорения Новгорода Великого в Москве с княжеских и боярских дворов забрано было 47 семейств таких слуг, которые были

испомещены в Вотской пятине и впоследствии являются в составе местного дворянства.

Элементы неслужилые.

3) И неслужилое тяглое общество земских или черных людей вместе с духовенством также внесло свой вклад в состав московского военно-служилого класса. Тяглые люди вместе с поповичами различными путями проникали в этот класс. *а*) С половины XV в. устанавливается правило, что все личные землевладельцы должны нести по земле воинскую повинность. Завоевывая вольные города, Новгород, Псков, Вятку, московское правительство находило там горожан, владевших землей, бояр, житых людей, земцев, и как землевладельцев верстало их в службу, одних оставляя на месте, а других переводя в центральные уезды московского государства, где их наделяли вотчинами или поместьями взамен покинутых земель. Я уже говорил в свое время о массовых переселениях новгородцев в московские пределы. В 1488 г. переведено было сюда более семи тысяч житых людей. Со многими из них, вероятно, было поступлено так же, как с боярами, житыми людьми и купцами новгородскими, переселенными в московские края в следующем году числом более тысячи «голов», по выражению летописи: всем им даны были поместья в Московском, Владимирском, Муромском, Ростовском и других центральных уездах. На их место и были посланы в Новгородскую землю те боярские послужильцы, о которых я сейчас говорил. Такие же переселения делались из Пскова и Вятки после их покорения. Так значительное количество землевладельцев-горожан из вольных городов очутились в составе поместного дворянства по средней и нижней Оке, в Алексине, Боровске, Муроме и т. д. *б*) С усложнением приказной администрации и письменного канцелярского делопроизводства размножался и класс дьяков с подьячими. Они набирались

преимущественно из грамотных людей, принадлежавших к духовному сословию или к городскому простонародию. Еще кн. Курский с боярской досадой писал, что большинство московских дьяков его времени, самых преданных слуг московского государя, вышло из «поповичей и простого всенародства». Эти дьяки с подьячими получали свою приказную службу или приобретали сами вотчины и поместья и по общему правилу, как землевладельцы, обязаны были отбывать ратную службу, ставя за себя наемных или крепостных ратников. Дети их часто уже не сидели в канцеляриях, а со своих вотчин и поместий отбывали личную ратную службу наравне с прочими служилыми людьми. *в*) Сверх постоянных служилых людей, на которых ратная служба падала *по отечеству*, как наследственная сословная повинность, московское правительство, нуждаясь в ратниках для внешней обороны, набирало их на время войны и из тяглых классов, городских и сельских. Церковные и светские землевладельцы, не отправлявшие личной ратной службы, архиерейские кафедры, монастыри, бояре, занятые при дворе, вдовы посылали со своих земель в походы соответственное число вооруженных слуг, если не нанимали на-время охотников. С городских и сельских обывателей, тяглых и нетяглых, иногда набирали ратных людей по человеку с известного числа дворов, «от отцов детей и от братьи братью и от дядь племянников». По южным городам, смежным со степью, особенно по реке Дону, жили казаки, которых правительство также приурочивало к ратной службе. Все эти разряды людей представляли обильный резерв боевых сил, из которого правительство по мере надобности *прибирало* ратных людей, пополняя этими людьми *по прибору* ряды постоянных служилых людей по отечеству. Так в 1585 г. в Епифанском уезде 289 донских казаков зараз были по-

верстаны в звание *детей боярских*, составлявшее низший чин провинциального дворянства, и получили там поместные наделы. Наконец, приказный человек половины XVII в. Котошихин в своем описании Московского государства вспоминает, что в давние прошлые годы, когда бывали войны у государства с соседями, московское правительство набирало ратников из людей всяких чинов, даже из холопов и крестьян, из коих многие за свою ратную службу и за «полонное терпение» выходили из холопства и крестьянства, получали от правительства мелкие поземельные участки в поместное или вотчинное владение и таким путем входили в ряды детей боярских. Таковы были разнообразные туземные струи, вносившие в состав московского служилого люда боевые силы из разных классов общества.

Иноземцы. Но как в удельные века, так и теперь не прекращался прилив ратных слуг из-за границы, из татарских орд, из Польши, особенно из Литвы. Московское правительство иногда целыми массами принимало этих выезжих слуг. При Василии, отце Грозного, с кн. Глинским выехала из Литвы толпа западно-руссов, которые целым гнездом были испомещены в Муромском уезде и назывались «Глинского людьми» или просто «Литвой». Точно также в 1535 г., в правление Елены, выехало на службу государя московского 300 семейств Литвы с женами и детьми. По спискам провинциальных дворян, сохранившимся от времени Грозного, встречаем среди помещиков Коломенского и других уездов «литвяков нововыезжих». Еще обильнее был прилив с татарской стороны. Вслед за Василием Темным, когда он вышел из казанского плена, приехал служить ему с отрядом татар казанский царевич Касим. Около половины XV в. этим татарам отдан был Мещерский Городец на Оке с уездом, где среди иноверцев мещеры и мордвы верст на 200 вокруг

города испомещена была дружина Касимова; с тех пор и самый город стал зваться именем царевича. Точно так же при Грозном испомещены были многие татарские мурзы около г. Романова на Волге, доходы с которого шли на содержание этих поселенцев. Многие татары, становясь русскими помещиками, принимали крещение и сливались с русскими служилыми людьми. В тех же провинциальных списках начала XVII в. встречаем в уездах Московском, Боровском, Калужском и смежных сотни новокрещен из татар. Ивана Салтанова сына Турчанинова или Федора Девлеткозина сына Резанова и т. п., отчества которых показывают, что отцы их, став там помещиками и вотчинниками, еще в XVI в. оставались магометанами. Сохранилась одна челобитная, бросающая некоторый свет на пути этого перелива татарских сил в состав русского служилого люда. В 1589 г. нововыезжий татарин новокрещен Кирейка бил челом государю, что выехал он из Крыма на Дон к казакам и служил там государю с казаками 15 лет, крымских людей грамливал и на крымских людей воевать с казаками хаживал, а с Дону пришел в Путивль и здесь женился тому 5 лет; так государь смиловался бы, велел бы его двор в Путивле «обелить», освободить от податей, и ему служить царскую службу вместе с путивльскими белодворцами.

Племенной состав класса.

Так разнородны были составные элементы московского военно-служилого класса. Довольно трудно определить количественное отношение между этими элементами. До нас дошла официальная родословная книга, составленная в правление царевны Софьи после отмены местничества, на основании старого московского родословца и поколенных росписей, поданных в Разрядный приказ служилыми людьми разных фамилий. В этой так называемой *Бархатной книге* перечислено до 930 служилых фамилий, которые составляли,

как бы сказать, основной корпус московского служилого класса, тот слой, что позднее стали называть *столбовым* дворянством. Книга не дает достаточных указаний, по которым можно было бы определить количественное отношение между фамилиями по социальному происхождению их родоначальников; но она сообщает данные, без сомнения, неполные и не всегда точные, которые позволяют составить хотя приблизительное понятие о составе класса по племенному происхождению его фамилий. По такому расчету фамилий русских, т. е. великорусских, оказывается 33%, происхождения польско-литовского, т.-е. в значительной степени западно-русского, 24%, происхождения немецкого, западноевропейского 25%, происхождения татарского и вообще восточного 17% и 1% остается неопределим.

Лествица чинов. Разнообразие составных элементов, социальных и этнографических, должно было сообщать служилому московскому классу XV и XVI вв. чрезвычайную пестроту. Современем эти столь разнообразные элементы помощью одинаковых прав и обязанностей сольются в одно сословие, а сословные права и обязанности при содействии одинакового воспитания, одинаковых понятий, нравов и интересов сомкнуть это сословие в плотный однородный слой населения, который под именем дворянства надолго станет во главе русского общества и оставит в нем глубокие следы своего влияния. Но в XVI в. еще не было ничего подобного: говоря о тогдашнем военно-служилом люде, нельзя говорить об однородном плотном сословии. Пестрота составных элементов класса отражалась и на его служебной организации. Различные слои его к концу XVI века составили служебную иерархию, по ступеням которой служилые люди размещались «по отечеству и по службе», по родословной знатности и по боевой годности, образуя несколько разрядов или *чинов.*

Эти ступени составляли три группы чинов, горизонтально лежавшие одна на другой. Вот их перечень, начиная сверху: 1) чины думные, *бояре, окольничие* и *думные дворяне*; 2) чины служилые московские, т.-е. столичные—*стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы;* 3) чины городовые или уездные, провинциальные—*дворяне выборные, дети боярские дворовые* и *дети боярские городовые*. Дворяне выборные были наиболее зажиточные и исправные по службе, отборные из уездных детей боярских, какие бывали не в каждом уезде; они по очереди на известный срок вызывались в Москву для исполнения столичных поручений, служили младшими офицерами в своих уездных отрядах, вместе с московскими чинами входили в состав царева полка, когда государь сам шел в поход, вообще составляли переходную ступень от городовых чинов к столичным. Лествица перечисленных служилых чинов XVI века очень похожа на позднейшую табель о рангах, однако, отличаясь от нее тем, что служебные чины нашего времени приобретаются, разумеется, в законном порядке, служебной подготовкой, образовательным цензом и потом личной службой, а в Московском государстве ими жаловали не столько за личную службу, сколько «по отечеству», по службе отцов и дедов, составлявшей ценз генеалогический; следовательно, тогдашние чины в значительной степени были наследственными. Человек знатного боярского рода обыкновенно начинал службу в чине дворянина московского, штаб-офицера, или даже стольника, полковника, и постепенно поднимался выше. Незнатный городовой сын боярский мог дослужиться до чина жильца или дворянина московского, но чрезвычайно редко поднимался выше. Значит, родовитый человек начинал с того, чем иногда и очень редко кончал неродовитый.

Численность класса.

Трудно определить численность всего военно-служилого московского класса в конце XVI века, когда завершилась его вербовка. Английский посол Флетчер, бывший в Москве в 1588—1589 г., насчитывает до 100.000 ратников, получавших ежегодно жалованье и находившихся на постоянной службе; но он не указывает количества многочисленных городовых детей боярских, которых мобилизовали только для известного похода и потом распускали по домам. Флетчер не говорит и о служилых инородцах, казанских татарах, черемисах и мордве, которых Маржерет немного позднее Флетчера насчитывает до 28.000. По разрядной книге полоцкого похода 1563 года в рати, какую повел с собой царь под этот город, числилось свыше 300.000 боевых людей. Но книга не считала вооруженных дворовых людей, с которыми шли в поход служилые помещики и вотчинники, и потому разрядную цифру армии, взявшей Полоцк, надобно удвоить, если не утроить; современники, очевидно, преувеличивали, доводя ее силу до 280, даже до 400 тысяч. В 1581 г., когда Баторий осадил Псков с гарнизоном не менее 30.000 человек, а в Новгороде стоял кн. Голицын с 40 тысячами, под Старицей у царя было по летописи собрано 30.000. К этим массам надо прибавить еще многие тысячи, которые защищали взятые незадолго до того Баторием Полоцк, Сокол, Великие Луки и другие города и большая часть которых погибла при взятии этих городов. Тот же французский капитан Маржерет, перечисляя разнообразные составные части московской рати, говорит, что они в совокупности достигают невероятного числа (un nombre incroyable).

Внешнее положение государства.

Набор столь многочисленного военно-служилого класса сопровождался глубокими переменами в общественном строе Московского государства. Этот набор со всеми своими по-

следствиями был тесно связан с тем же основным фактом, из которого вышли уже изученные нами явления тех веков, т.-е. территориальным расширением Московского государства. Новые границы государства поставили его в непосредственное соседство с внешними иноплеменными врагами Руси, шведами, литовцами, поляками, татарами. Это соседство ставило государство в положение, которое делало его похожим на вооруженный лагерь, с трех сторон окруженный врагами. Ему приходилось бороться на два растянутые и изогнутые фронта, северо-западный европейский и юго-восточный, обращенный к Азии. На северо-западе борьба изредка прерывалась кратковременными перемириями; на юго-востоке в те века она не прерывалась ни на минуту. Такое состояние непрерывной борьбы стало уже нормальным для государства в XVI в. Герберштейн, наблюдавший Московию при отце Грозного, вынес такое впечатление, что для нея мир—случайность, а не война.

Войны на С.-З.

На европейском фронте шла борьба со Швецией и Ливонией за восточные берега Балтийского моря, с Литвой-Польшей за западную Русь. В 1492—1595 гг. было 3 войны со Швецией и 7 войн с Литвой-Польшей совместно с Ливонией. Эти войны поглотили не менее 50 лет; следовательно, на западе в эти 103 года мы круглым счетом год воевали и год отдыхали.

На Ю.-В.

Зато на азиатской стороне шла изнурительная непрерывная борьба. Здесь не было ни миров, ни перемирий, ни правильных войн, а шло вечное обоюдостороннее подсиживание. Флетчер, нам уже известный, пишет, что война с татарами крымскими, ногаями и другими восточными инородцами бывает у Москвы каждый год. Золотая Орда в XV в. уже распадалась и окончательно разрушилась в начале XVI в. Из ее развалин образовались новые татарские

гнезда, царства Казанское и Астраханское, ханство Крымское и орды Ногайские за Волгой и по берегам морей Азовского и Черного, между Кубанью и Днепром. По завоевании Казани и Астрахани наиболее беспокойств причинял Москве Крым по своей связи с турками, которые завоевали его в 1475 г. и положили здесь конец господству генуезцев, владевших Кафой-Феодосией, Судаком-Сурожем и другими колониями по берегам Крыма. Прикрытый широкими пустынными степями, отрезанный от материка *перекопью*, широким и глубоким шести-верстным рвом, прорезывавшим узкий перешеек, с высоким укрепленным валом, Крым образовал неприступную с суши разбойничью берлогу. Литвин Михалон, писавший о татарах, литовцах и москвитянах в половине XVI в., насчитывает в Крыму не более 30 тысяч конных ратников; но к ним всегда готовы были присоединиться бесчисленные татарские улусы, кочевавшие по обширным припонтийским и прикаспийским степям от Урала до нижнего Дуная. В 1571 и 1572 гг. хан крымский дважды нападал на Москву с полчищами во 120.000 чел. Крымское ханство представляло огромную шайку разбойников, хорошо приспособленную для набегов на Польшу, Литву и Московию. Эти набеги были ее главным жизненным промыслом. Тот же Флетчер пишет, что татары крымские обыкновенно нападают на пределы Московского государства раз или дважды в год, иногда около Троицына дня, чаще во время жатвы, когда легче было ловить людей, рассеянных по полям. Но нередки были и зимние набеги, когда мороз облегчал переправу через реки и топи. В начале XVI в. южная степь, лежавшая между Московским государством и Крымом, начиналась скоро за Старой Рязанью на Оке и за Ельцом на Быстрой Сосне, притоке Дона. Татары, кое-как вооруженные луками, кри-

выми саблями и ножами, редко пиками, на своих малорослых, но сильных и выносливых степных лошадях, без обоза, питаясь небольшим запасом сушеного пшена или сыра да кобылиной, легко переносились через эту необъятную степь, пробегая чуть не тысячу верст пустынного пути. Частыми набегами они прекрасно изучили эту степь, приспособились к ее особенностям, высмотрели удобнейшие дороги, *сакмы* или *шляхи*, и выработали превосходную тактику степных набегов; избегая речных переправ, они выбирали пути по водоразделам; главным из их путей к Москве был *Муравский* шлях, шедший от Перекопа до Тулы между верховьями рек двух бассейнов, Днепра и Северного Донца. Скрывая свое движение от московских степных разъездов, татары крались по лощинам и оврагам, ночью не разводили огней и во все стороны рассылали ловких разведчиков. Так им удавалось незаметно подкрадываться к русским границам и делать страшные опустошения. Углубившись густою массой в населенную страну верст на сто, они поворачивали назад и, развернув от главного корпуса широкие крылья, сметали все на пути, сопровождая свое движение грабежом и пожарами, захватывая людей, скот, всякое ценное и удобопереносное имущество. Это были обычные ежегодные набеги, когда татары налетали на Русь внезапно, отдельными стаями в несколько сотен или тысяч человек, кружась около границ подобно диким гусям, по выражению Флетчера, бросаясь туда, где чуялась добыча. Полон—главная добыча, которой они искали, особенно мальчики и девочки. Для этого они брали с собой ременные веревки, чтобы связывать пленников, и даже большие корзины, в которые сажали забранных детей. Пленники продавались в Турцию и другие страны, Кафа была главным невольничьим рынком, где всегда можно было найти десятки тысяч пленников и пленниц из Польши.

Литвы и Московии. Здесь их грузили на корабли и развозили в Константинополь, Анатолию и в другие края Европы, Азии и Африки. В XVI в. в городах по берегам морей Черного и Средиземного можно было встретить немало рабынь, которые укачивали хозяйских ребят польской или русской колыбельной песней. Во всем Крыму не было другой прислуги, кроме пленников. Московские полоняники за свое уменье бегать ценились на крымских рынках дешевле польских и литовских; выводя живой товар на рынок гуськом, целыми десятками, скованными за шею, продавцы громко кричали, что это рабы самые свежие, простые, нехитрые, только что приведенные из народа королевского, польского, а не московского. Пленные приливали в Крым в таком количестве, что один еврей-меняла, по рассказу Михалона, сидя у единственных ворот перекопи, которые вели в Крым, и видя нескончаемые вереницы пленных, туда проводимых из Польши, Литвы и Московии, спрашивал у Михалона, есть ли еще люди в тех странах, или уже не осталось никого.

Береговая служба.

Взаимные счеты и недоразумения, разделявшие Польшу, Литву и Москву, близорукость их правительств и пренебрежение к интересам своих народов мешали обоим государствам устроить дружную борьбу со степными хищниками. Московское государство с своей стороны напрягало все силы и изобретало разнообразные способы для обороны своих южных границ. Первым из них была *береговая служба*: ежегодно весной мобилизовались значительные силы на берег Оки. Разрядные книги XVI в. ярко рисуют тревожную жизнь на южных границах государства и усилия правительства для их обороны. Ранней весной в Разрядном Приказе закипала оживленная работа. Дьяки с подьячими рассылали повестки в центральные и украйные уезды с при-

казом собрать ратных людей, городовых дворян и детей боярских, назначая им сборные пункты и сборный срок, обыкновенно 25 марта, день Благовещения. Посланные, собрав ратников по списку всех сполна, ехали с ними на государеву службу; укрывавшихся, сыскивая, били кнутом. Городовые дворяне и дети боярские выступали в поход «конны, людны и оружны», с указным числом коней, вооруженных дворовых людей и в указном вооружении. Пересмотрев их на сборных пунктах, присланные из Москвы воеводы в случае тревожных вестей из степи соединяли ратников в пять корпусов, *полков*: большой полк становился у Серпухова, правая рука у Калуги, левая у Каширы, передовой полк у Коломны, сторожевой у Алексина. Кроме того выдвигался вперед шестой полк, летучий *ертоул*, для разведочных разъездов. При дальнейших тревожных вестях эти полки в известном порядке трогались с Оки и вытягивались к степной границе. Таким образом ежегодно поднималось на ноги до 65 тысяч рати. Если не приходило из степи тревожных вестей, полки стояли на своих местах иногда до глубокой осени, пока распутица не являлась им на смену посторожить Московское государство от внешних врагов.

Оборонительные черты.

Другим средством обороны было построение на опасных границах укрепленных линий, которые не давали бы татарам врываться внутрь страны до сбора полков. Такие линии, *черты*, как они тогда назывались, состояли из цепи городов, острогов и острожков, обнесенных рублеными стенами либо тыном, стоячими остроганными сверху бревнами, со рвами, валами, лесными *засеками*, завалами из подсеченных деревьев в заповедных лесах—все это с целью затруднить движение степных конных полчищ. На юго-восточной стороне древнейшая из таких линий и ближай

шая к Москве шла по Оке от Нижнего Новгорода до Серпухова, отсюда поворачивала на юг до Тулы и продолжалась до Козельска. Впереди этой линии тянулась верст на 400 от Оки под Рязанью мимо Венева, Тулы, Одоева, Лихвина до р. Жиздры под Козельском цепь засек со рвами и валами в безлесных промежутках, с острожками и укрепленными воротами. Вторая линия, построенная в царствование Грозного, шла от г. Алатыря на р. Суре, захватывая в свою цепь Темников, Шацк, Ряжск, Данков, Новосиль, Орел, продолжалась к югозападу на Новгород Северский и отсюда круто поворачивала на Рыльск и Путивль, так же имея впереди, где было можно, засеки, рвы, острожки. При царе Федоре в исходе XVI в. возникла третья линия, чрезвычайно ломаная, точнее, представлявшая три ряда городов, постепенно углублявшиеся в степь Кромы, Ливны и Елец, Курск, Оскол и Воронеж, Белгород и Валуйки—два последние в южных частях нынешних губерний Курской и Воронежской. С построением г. Борисова в 1600 г. цепь укрепленных украинских городов подошла к среднему течению Северного Донца, в какие-нибудь 15 лет продвинулась к югу с верхней Оки и Тихой Сосны верст на 500—600 до черты, за которой неподалеку начинались уже татарские кочевья. Первоначальное, коренное население этих городов и острогов составлялось из военного люда, казаков, стрельцов, детей боярских, разных служб служилых людей; но к ним присоединялись и простые обыватели из ближних городов. Старинная повесть о чудотворной Курской иконе Божией матери дает несколько указаний на постройку и заселение этих украйных городов. Курск вместе с Ливнами и Воронежем входил в третью оборонительную линию, в цепь городов, называвшихся «польскими» или «от поля», со степной стороны. Он возник на месте древнего города, носив-

шего то же имя и известного уже в XI в. В Батыево нашествие он был разорен до основания, и с тех пор весь тот край запустел надолго, покрылся большими лесами, в которых обильно развелись звери и дикие пчелы, привлекавшие к себе промышленников из Рыльска и других окрестных городов. Но татарские набеги мешали основаться здесь прочному поселению несмотря на то, что недалеко от Курского городища в XV в. явилась чудотворная икона, собиравшая к себе много богомольцев. Наконец слух о чудесах от иконы, стоявшей в малой хижине среди пустыни, дошел до царя Федора, и он повелел в 1597 г. на пустевшем $3^1/_2$ столетия городище построить город. Слыша, что тот край исполнен всяким довольством, хлебом и зверем, и и медом, много народу приходило из Мценска, Орла и других окрестных городов и селилось в Курске и его уезде.

Сторожевая и станичная служба.

Одновременно с укрепленными линиями устроялась *сторожевая и станичная служба*, бывшая третьим и очень важным оборонительным средством. Опишу ее, как она отправлялась около 1571 г., когда для ее упорядочения образована была особая комиссия под председательством боярина кн. М. И. Воротынского, составившая устав той и другой службы. Из передовых городов второй и частью третьей оборонительной линии выдвигались в разных направлениях на известные наблюдательные пункты *сторо́жи и станицы* в два, в четыре и больше конных ратников, детей боярских и казаков, наблюдать за движениями в степи ногайских и крымских татар, «чтоб воинские люди на государевы украины безвестно войною не приходили». Наблюдательные пункты удалялись от городов дня на четыре или дней на пять пути. Перед 1571 г. таких сторож было 73, и они образовали 12 цепей, сетью тянувшихся от р. Суры до р. Сейма и отсюда поворачивавших на рр.

Ворсклу и Северный Донец. Сторожевые пункты отстояли один от другого на день, чаще на полдня пути, чтобы возможно было постоянное сообщение между ними. Сторожи были *ближние и дальние*, называвшиеся по городам, из которых они выходили. Ближе к Оке, в заднем ряду, становились сторожи дедиловские, одна епифанская, мценские и новосильские, налево от них — мещерские, шацкие и ряжские, направо—орловские и карачевские, южнее, далее в степь—сосенские (по р. Быстрой Сосне), от Ельца и Ливен, донские, рыльские, путивльские и наконец—донецкие, самые дальние. Сторожа должны были стоять на своих местах неподвижно, «с коней не седая», преимущественно оберегая речные броды, *перелазы*, где татары лазили через реки в своих набегах. В то же время станичники, по два человека, объезжали свои *урочища*, пространства, порученные их бережению верст по шести, по десяти и по пятнадцати направо и налево от наблюдательного пункта. Высмотрев движение татар, станичники тотчас давали о том знать в ближние города, а сами, пропустив татар, *разъезжали*, рекогносцировали сакмы, которыми прошел неприятель, чтобы сметить его численность по глубине конских следов. Была выработана целая система передачи степных вестей сторожами и станичниками. Капитан Маржерет говорит, что сторожа становились обыкновенно у больших одиноких степных деревьев; один из них наблюдал с вершины дерева, другие кормили оседланных лошадей. Заметив пыль на степной сакме, сторож садился на готового коня и скакал к другому сторожевому дереву, сторож которого, едва завидев скачущего, скакал к третьему и так далее. Таким образом весть о неприятеле довольно быстро достигала украйных городов и самой Москвы.

Тяжесть борьбы

Так шаг за шагом отвоевывали степь у степных разбойников. В продолжение всего XVI в. из году в год тысячи пограничного населения пропадали для страны, а десятки тысяч лучшего народа страны выступали на южную границу, чтобы прикрыть от плена и разорения обывателей центральных областей. Если представить себе, сколько времени и сил материальных и духовных гибло в этой однообразной и грубой, мучительной погоне за лукавым степным хищником, едва ли кто спросит, что делали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигала своих успехов в промышленности и торговле, в общежитии, в науках и искусствах.

Вопрос об устройстве служилого класса.

Хозяйственное и военное устройство служилого класса было согласовано как с условиями внешней борьбы, так и с наличными экономическими средствами государства. Постоянные внешние опасности создали для московского правительства необходимость многочисленной вооруженной силы. По мере того, как эта сила набиралась, возникал и все настойчивее требовал разрешения вопрос, как содержать эту вооруженную массу. В удельные века содержание немногочисленного служилого люда при княжеских дворах обеспечивалось тремя главными источниками. То были: 1) *денежное жалованье*, 2) *вотчины*, приобретению которых служилыми людьми содействовали князья, 3) *кормления*, доходы с известных правительственных должностей, на которые назначались служилые люди. В XV и XVI вв. эти удельные источники были уже недостаточны для хозяйственного обеспечения все разроставшегося служилого класса. Возникла настоятельная нужда в новых экономических средствах. Но московское объединение северной Руси не дало таких средств, не сопровождалось заметным подъемом народного благосостояния; торговля и промышленность не сделали значи-

тельных успехов. Натуральное хозяйство продолжало господствовать. Успешным собиранием Руси московский государь-хозяин приобрел один новый капитал: то были обширные пространства земли пустой или жилой, населенной крестьянами. Только этот капитал он и мог пустить в оборот для обеспечения своих служилых людей. С другой стороны, свойства врагов, с которыми приходилось бороться Московскому государству, особенно татар, требовали быстрой мобилизации, постоянной готовности встретить неприятеля на границах. Отсюда естественно возникала мысль рассыпать служилых людей по внутренним, особенно по окрайным областям с большей или меньшей густотой, смотря по степени их нужды в обороне, сделать из землевладельцев живую изгородь против степных набегов. Для этого и пригодились обширные земельные пространства, приобретенные Московским государством. Таким образом земля сделалась в руках московского правительства средством хозяйственного обеспечения ратной службы; служилое землевладение стало основанием системы народной обороны. Из этого соединения народной обороны с землевладением выработалась *поместная система*. Эта система является в истории русского общественного строя с половины XV в. вторым коренным фактом, вышедшим из территориального расширения Московского государства, считая первым фактом усиленный набор многочисленного служилого класса. В нашей истории немного фактов, имеющих такое значение в образовании государственного порядка и общественного быта, какое имела эта поместная система. К ее изучению мы и обращаемся.

Лекция XXXII.

Поместное землевладение.—Мнения о происхождении поместного права. — Происхождение поместного землевладения. — Поместная система.—Ее правила.—Поместные и денежные оклады. — Поместное верстание.—Прожитки.

Поместное землевладение.

Поместной системой мы называем порядок служилого, т.-е. обязанного ратной службой землевладения, установившийся в Московском государстве XV и XVI вв. В основании этого порядка лежало *поместье.* Поместьем в Московской Руси назывался участок казенной или церковной земли, данный государем или церковным учреждением в личное владение служилому человеку под условием службы, т.е. как вознаграждение за службу и вместе как средство для службы. Подобно самой службе это владение было временным, обыкновенно пожизненным. Условным, личным и временным характером своим поместное владение отличилось от *вотчины*, составлявшей полную и наследственную земельную собственность своего владельца.

Мнения о происхождении поместного права.

Происхождение и развитие поместного землевладения— один из самых трудных для изучения и самых важных по значению вопросов в истории русского права и государственного устройства. Понятно, что историки-юристы наши много занимались этим вопросом. Из высказанных ими мнений приведу два наиболее авторитетные. Неволин в своей *Истории российских гражданских законов* допускает суще-

ствование такого условного землевладения и даже правил для него до половины XV в., до княжения Ивана III. Но основания поместного права, по его мнению, являются только со времени этого великого князя, когда входит в употребление и самое слово *поместье*, и в развитии поместной системы из этих оснований Неволин считает возможным участие греческого влияния, византийского государственного права, проводником которого в московскую государственную жизнь был брак Ивана III с греческой царевной. «По крайней мере, говорит Неволин, слово *поместье* составлено по примеру греческого τοπίον: так назывались в Византийской империи поземельные участки, которые были даваемы лицам от правительства под условием воинской службы и переходили под тем же условием от отца к детям». Но прилагательное от слова *поместье* является в древнерусском языке раньше появления царевны Софии на Руси: в окружном послании митрополита Ионы 1454 г. *поместными* называются удельные князья в противоположность великим. Потому едва ли термин и понятие русского поместья были подражанием слову и институту византийского государственного права. Другой историк Градовский, дает вопросу более сложное решение. Поместное владение предполагает верховного собственника, которому земля принадлежит как неотъемлемая собственность. Русская государственная жизнь в первый период нашей истории не могла-де выработать идеи такого верховного землевладельца: русский князь того времени считался государем, но не владельцем земли. Понятие о князе, как верховном землевладельце, возникло только в монгольский период. Русские князья, как представители власти хана, пользовались в своих уделах правами, какие имел хан на всем подвластном ему пространстве. Потом русские князья унаследовали от

хана эти государственные права в свою полную собственность, и это наследство поколебало начало частной собственности. Но Градовский, как и Неволин, объясняя происхождение поместной системы, говорит собственно о происхождении *поместного права*, идеи поместного, условного владения землей. Но право и основанная на нем система общественных отношений—два совершенно различные исторические момента. Не входя в разбор спорного вопроса о происхождении права, остановлю ваше внимание только на фактах, объясняющих развитие системы.

Происхождение поместного землевладения.

Как и все в Московском государстве, поместное землевладение возникло еще в удельное время: оно имело свой первоначальный источник в поземельном хозяйстве московского князя. Чтобы объяснить происхождение такого землевладения, надобно припомнить опять состав общества в удельном княжестве. Мы видели, что при дворе удельного князя было два рода слуг: 1) слуги *вольные*, военные, 2) слуги *дворные*, дворцовые, называвшиеся еще «слугами под дворским». Слуги вольные составляли боевую дружину князя и служили ему по договору. Обязательства, какие они на себя принимали, не простирались на их вотчины: служебные отношения слуг вольных были совершенно обособлены от отношений поземельных. Слуга вольный мог покинуть князя, которому он служил, и перейти на службу к другому князю, не теряя своих владельческих прав на вотчину, находившуюся в покинутом княжестве. Это разделение служебных и поземельных отношений слуг вольных очень точно и настойчиво проведено в договорных грамотах князей удельного времени. Так в договоре сыновей Калиты 1341 г. младшие братья говорят старшему Семену: «а боярам и слугам вольным воля; кто поедет от нас к тобе или от тобе к нам, нелюбья ны не держати». Это значит,

что если слуга вольный покинет службу при дворе одного брата и перейдет к другому, оставленный брат не должен мстить за это покинувшему его слуге. Итак, вольная служба не связывалась с землевладением. Слуги под дворским, дворецким, составляли хозяйственную служню князя. Эта служба, напротив, обыкновенно обусловливалась землевладением. Слуги дворные были ключники, тиуны, разные дворцовые прикащики, псари, конюхи, садовники, бортники и другие ремесленики и рабочие люди. Они резко отличались от слуг вольных, военных, и князья в договорах обязывались не принимать их, как и черных людей, т.-е. крестьян, в военную службу. Одни из этих слуг дворных были лично свободные люди, другие принадлежали к холопам князя. Тем и другим удельный князь за их службу или для обеспечения исправного ее отбывания давал участки земли в пользование. Отношение таких слуг к князю по земле изображено в духовной грамоте удельного князя серпуховского Владимира Андреевича 1410 г. Князь-завещатель говорит здесь о своих дворовых людях, которым розданы были земли в пользование, что кто из тех бортников, садовников, псарей не захочет жить на тех землях, «ин земли лишен, поди прочь, а сами сыну князю Ивану не надобе, на которого грамоты полные не будет, а земли их сыну князю Ивану». Люди, на которых не было полной грамоты,—это слуги лично свободные, не холопы *полные*. Грамота князя Владимира хочет сказать, что для тех и других дворцовых слуг как свободных, так и холопов, пользование княжей землей неразрывно связано было со службой по княжескому хозяйству. Даже личные свободные слуги по своим дворцовым обязанностям становились неполноправными, не могли, например, приобретать земли в полную собственность на вотчинном праве, на каком владели

землей слуги вольные. В той же духовной князя Владимира серпуховского мы читаем условие: «а что мои ключники некупленные, а покупили деревни за моим ключом, сами ключники детям моим не надобе, а деревни их детем моим, во чьем будут уделе». Значит, эти ключники были лично-свободные люди; служа князю, они покупали деревни в его княжестве, т.-е. приобретали их в собственность; но эта собственность не признавалась полной: как скоро приобретатели покидали службу при князе, они, несмотря на свою личную свободу, лишались купленных ими деревень. Древнерусская юридическая норма «по ключу по сельскому холоп», не лишая их личной свободы, ограничивала их право землевладения. Таким образом различные роды службы при дворе удельного князя вознаграждались разными способами. Это было одним из отличий службы вольной от дворной. Вольные слуги получали от князя за свою службу *кормы* и *доводы*, т.-е. доходные административные и судебные должности: по договорным грамотам князей тот слуга и признавался вольным, «кто в кормленьи бывал и в доводе». Напротив, слуги дворные не назначались на такие доходные должности: служба их вознаграждалась земельными дачами, только под условием службы, или правом приобретать земли куплей под тем же условием. С половины XV в., с московским объединением северной Руси, произошли важные перемены в строе служилого класса. Во-первых, служба слуг вольных, оставясь военной, перестает быть вольной, становится обязательной: они лишаются права покидать службу великому князю московскому и переезжать в уделы, а тем паче за русскую границу. Вместе с тем слугам военным, переставшим быть вольными, московский государь за их службу дает земли на особенном праве, отличном от вотчинного. В первое время

такие земли не назывались еще поместьями; но владение ими отличалось уже условным характером. Такой характер особенно ясно обнаруживается в одном замечании духовной грамоты вел. кн. Василия Темного 1462 г. Одним из усерднейших боевых слуг этого князя в борьбе с Шемякой был некто Федор Басенок. Мать вел. князя Софья Витовтовна дала этому Басенку два своих села в Коломенском уезде, предоставив сыну своему по смерти ее распорядиться этими селами. Сын в своей духовной и пишет о селах Басенка, что после Басенкова живота те села должны отойти к его великой княгине-жене. Значит, села, пожалованные слуге вольному, даны были ему только в пожизненное владение: это—один из признаков и признак существенный владения поместного. Наконец, в-третьих, дворцовая служба, в удельные века столь резко отделявшаяся от вольной, военной, с половины XV в. стала смешиваться с последней, соединяться со службой ратной. Слуги дворные, как и бывшие слуги вольные, одинаково стали зваться служилыми людьми московского государя и ходить в походы наравне с ними. Тем и другим слугам правительство раздавало казенные земли в пользование совершенно на том же праве, на каком получали их слуги дворные XIV в., только под условием ратной службы, которой прежде не несли последние. Как скоро произошли эти перемены в служебных отношениях и в служилом землевладении, это землевладение получило характер поместного. Земельные дачи, обусловленные дворцовой и ратной службой бывших вольных и дворцовых слуг, и получили в XV и XVI вв. название *поместий*.

Поместная система.

Итак, повторю, поместное владение развилось из землевладения дворцовых слуг при удельных князьях и отличалось от этого землевладения тем, что условливалось не только дворцовой, но и ратной службой. Это отличие становится

заметно с половины XV в.: не раньше этого времени поместье получает значение средства обеспечения как дворцовой, так и ратной службы; впрочем, тогда же оба эти рода службы сливаются, теряют юридическое различие. С той поры возникает юридическая идея поместья, как земельного участка, обеспечивающего государственную службу служилого человека, ратную или дворцовую—безразлично. С того же времени, т.-е. со второй половины XV в., поместное землевладение складывается в стройную и сложную систему, вырабатываются точные правила испомещения раздачи земель в поместное владение. Эти правила стали необходимы, когда правительство, создав усиленным набором многочисленную вооруженную массу, начало устроять ее содержание земельными дачами. Следы усиленной и систематической раздачи казенных земель в поместное владение появляются уже во второй половине XV в. До нас дошла переписная книга Вотьской пятины Новгородской земли, составленная в 1500 г. В двух уездах этой пятины, Ладожском и Ореховском, встречаем по этой книге уже 106 московских помещиков на землях которых находились около 3 тысяч дворов с 4 тысячами живших в них крестьян и дворовых людей. Эти цифры показывают, как торопливо шло испомещение служилых людей, и какого развития достигло московское поместное владение на северозападной окраине государства, в Новгородской земле в течение каких-нибудь двадцати лет по завоевании Новгорода. В названных уездах Вотьской пятины по указанной книге едва ли не большая половина всей пахотной земли была уже во владении помещиков, переведенных из центральной Московской Руси. Следы такого же усиленного развития поместного владения встречаем и в центральных уездах государства. От первых лет XVI в. сохранилось несколько межевых грамот, разграничивающих

московский и ближайшие к нему уезды один от другого. По границам этих уездов грамоты указывают рядом с вотчинниками множество мелких помещиков; это были дьяки с подьячими, псари, конюхи,—словом те же дворцовые слуги, которым в XIV в. князья давали земли в пользование за службу. В XVI в. служилые люди иногда испомещались одновременно целыми массами. Наиболее известный случай такого испомещения относится к 1550 году. Для разных служеб при дворе правительство тогда набрало из разных уездов 1000 наиболее исправных служилых людей из городовых дворян и детей боярских. Служилым людям, которых служба привязывала к столице, нужны были для хозяйственных надобностей подмосковные вотчины или поместья. Этой тысяче набранных по уездам для столичной службы служилых людей правительство и раздало поместья в Московском и ближайших уездах, присоединив к этой массе несколько людей высших чинов, бояр и окольничих, у которых не было подмосковных. Размеры поместных участков были неодинаковы и соответствовали чинам помещиков: бояре и окольничие получали по 200 четвертей пашни в поле (300 десятин в 3 полях); дворяне и дети боярские и городовые, разделенные на несколько статей или разрядов, получили по 200, 150 и по 100 четвертей в каждом поле. Таким образом 1078 служилым людям разных чинов в том году роздано было зараз 176,775 десятин пашни в 3 полях. Вскоре после завоевания Казани правительство привело в порядок поместное владение и поземельную службу, составило списки служилых людей с разделением их на статьи по размерам поместного владения и по окладам денежного жалованья, которое с того же времени приведено было в правильное соотношение с размером ратной службы. До нас дошли отрывки этих списков, составлен-

ных около 1556 г. Здесь при имени каждого служилого лица обозначено, сколько у него вотчины и поместья, с каким числом дворовых людей обязан он являться на службу и в каком вооружении и как велик назначенный ему оклад денежного жалованья. С этого времени поместное владение и является стройной и сложной системой, основанной на точно определенных и постоянных правилах. Изложу в схематическом виде основания этой системы, как они установились к началу XVII в.

Правила системы.

Поземельным устройством и всеми поземельными отношениями служилых людей заведывало особое центральное учреждение. *Поместный* приказ, как приказ *Разрядный* заведывал их военно-служебными отношениями, насколько те и другие отношения были тогда разграничены. Служилые люди владели землей *по месту* службы, как и служили *по месту*, где владели землей: так можно понимать слово *поместье*, каково бы ни было происхождение этого термина, и, кажется, так же понимали его у нас и в старину. Служба привязывала служилых людей либо к столице, либо к известной области. Поэтому и служилые люди разделялись на два разряда: к первому принадлежали высшие чины, служившие «с Москвы», а также *выбор* из городов, о котором у нас уже была речь. Второй разряд составляли низшие чины, служившие «из городов», городовые или уездные дворяне и дети боярские. Московские чины кроме поместий и вотчин в дальних уездах должны были иметь по закону подмосковные дачи. Городовые дворяне и дети боярские получали поместья преимущественно там, где служили т.-е. где должны были защищать государство, образуя местную землевладельческую милицию. Служебные обязанности служилого человека падали не только на его поместье, но и на вотчину; следовательно служба была не поместная, а поземель-

ная. В половине XVI в. была точно определена самая мера службы с земли, т.-е. тяжесть ратной повинности, падавшей на служилого человека по его земле. По закону 20 сентября 1555 г. с каждых 100 четей доброй, угожей пашни в поле, т.-е. со 150 десятин доброй пахотной земли должен был являться в поход один ратник «на коне и в доспехе полном», а в дальний поход с двумя конями. Землевладельцы, у которых было больше 100 четвертей пашни в поместьях и вотчинах, выводили с собой в поход или выставляли, если не шли сами, соразмерное пашне количество вооруженных дворовых людей. Поместные оклады или наделы назначались «по отечеству и по службе», по родовитости служилого лица и по качеству его службы, а потому были очень разнообразны. Притом *новику*, начинавшему службу, обыкновенно давали не весь оклад сразу, а только часть его, делая потом прибавки по службе. Поэтому *оклады* отличались от *дач*. Размеры тех и других определялись различными условиями. Оклады были прямо пропорциональны чинам: чем выше чин служилого человека, тем крупнее его поместный оклад. Размер дачи обусловливался размером вотчины и продолжительностью службы; дачи были обратно пропорциональны вотчинам: чем значительнее была вотчина у служилого человека, тем меньше его поместная дача, ибо поместье было собственно подспорьем или заменой вотчины. Наконец, и к окладу, и к даче делались *придачи* по продолжительности и исправности службы. Все эти условия схематически можно выразить так: *оклад по чину, дача по вотчине и служебному возрасту, придача и к окладу, и к даче—по количеству и качеству службы.*

Поместные оклады.

Таковы общие черты поместной системы. Обращаясь к подробностям, находим указания, что люди высших чинов, бояре, окольничие и думные дворяне, получали поместья от

800 до 2000 четвертей (1200—3000 десятин), стольники и дворяне московские—от 500 до 1000 четв. (750—1500 дес.). В царствование Михаила состоялся закон, запрещавший назначать стольникам, стряпчим и дворянам московским поместные оклады свыше 1000 четвертей. Оклады провинциальных дворян и детей боярских были еще разнообразнее в зависимости от чинов, продолжительности службы, густоты служилого населения и запаса удобных для помещения земель в том или другом уезде: например, в Коломенском уезде по книге 1577 года низший оклад — 100 четвертей, высший — 400; 100 четей, как мы видели, признавались мерою, как бы единицей измерения служебной повинности служилого человека. Если по той же книге высчитать средний оклад коломенского служилого человека, получим 289 десятин пашни; но в Ряжском уезде, который имел более густое служилое население, средний оклад понижается до 166 десятин. Впрочем размер поместного оклада имел очень условное, даже фиктивное хозяйственное значение: поместные дачи далеко ему не соответствовали. По коломенской книге 1577 года первому по списку сыну боярскому, как наиболее исправному, назначен высший оклад в 400 четв. пашни, а на деле в принадлежавших ему коломенских поместьях числилось действительной пашни только 20 четей, да «перелогу и лесом поросло»—229 четей. Пашня запускалась под перелог и даже под кустарь и лес по недостатку хозяйственных средств, инвентаря и рабочих рук у земледельца, но и тогда она принималась в счет пахотного надела при назначении поместного оклада и при расчете отношения поместного оклада к даче. Переступим несколько за пределы изучаемого времени, чтобы нагляднее видеть разницу между окладами и дачами. По книге Белевского уезда 1622 года значится 25 человек *выбора*, соста-

влявшего высший разряд уездных служилых людей: это были наиболее состоятельные и исправные служилые люди уезда, получавшие высшие поместные оклады и дачи. Оклады белевским выборным дворянам по той книге назначены были в размере от 500 до 850 четей. Окладное количество земли, назначенной этим дворянам, достигает 17.000 четвертей (25.500 дес.); между тем в дачах, т. е. в действительном владении за ними состояло только 4.133 чети (6.200 дес.). Значит, дачи составляли только 23% окладного назначения. Возьмем еще книги двух уездов, входивших в одну хозяйственную полосу с Белевским, чтобы видеть, как при одинаковых или сходных географических и хозяйственных условиях разнообразились поместные дачи: среднее поместье в даче для всех городовых детей боярских Белевского уезда— 150 десятин, Елецкого—123 десятины, Мценского—68 дес. Наконец, из книг тех же уездов можно видеть отношение землевладения вотчинного к поместному по крайней мере в тех же верхне-окских уездах: вотчины составляли в Белевском уезде 24% всего служилого городового землевладения, в Мценском 17%, в Елецком 0,6%, а в Курском, прибавим, даже 0,14%, тогда как в Коломенском уезде, если судить только по одному Большому стану, за коломничанами и детьми боярскими других городов значилось по писцовой книге 1577 года вотчин 39% всего служилого городового землевладения, не считая того, чем владели там церковные учреждения и люди высших столичных чинов. Итак, чем далее на юг, в глубь степи, тем более вотчинное владение отступало перед поместным. Запомним этот вывод: он объяснит нам многое при изучении общественного склада и экономических отношений в южных и центральных уездах государства.

Оклады денежные.

К окладу поместному обыкновенно присоединялся денежный в известной пропорции. О денежном жалованьи служилым людям говорит уже Герберштейн, известия которого относятся ко времени отца Грозного; возможно, что это подспорье поместной службе делалось и раньше, еще при деде Грозного. Размеры денежных окладов зависели от тех же условий, какими определялись оклады поместные; поэтому должно было существовать известное отношение между теми и другими. По документам XVI в. трудно уловить это отношение; но в XVII в. оно становится заметно. По крайней мере в списках служилых людей того века встречаем замечание, что известному человеку «справлен поместный оклад против денежного жалованья». Тогда же установилось правило увеличивать денежный оклад в связи с поместным: «денежная придача без поместные не бывает». Приказный человек половины XVII в. Котошохин говорит, что денежный оклад назначался по рублю на каждые пять четей оклада поместного. Впрочем по документам видно, что эта пропорция и тогда не поддерживалась неизменно. И денежные оклады, подобно поместным, не всегда соответствовали действительным дачам, были связаны с характером и ходом самой службы. Люди высших чинов, постоянно занятые столичной службой или ежегодно мобилизуемые, получали назначенные им денежные оклады сполна и ежегодно; напротив, дети боярские городовые получали его во время Герберштейна через два года в третий, по Судебнику 1550 г.—или в третий же, или в четвертый год, а один московский памятник начала XVII в замечает, что городовым детям боярским, когда службы нет, дают денежное жалованье раз в пять лет и даже реже. Вообще денежное жалованье, как воспособление к поместным доходам, выдавалось служилым людям, когда надобно было поставить

их на ноги, приготовить к походу. При ослаблении служебной тягости денежный оклад выдавался с убавкой, например, наполовину, «вполы», а то и вовсе не выдавался, если служилый человек занимал должность, дававшую ему доход или освобождавшую его от исполнения ратной повинности. О служилых людях высших чинов, получавших ежегодное жалованье, в книгах писалось, что они «емлют жалованье из чети», а о низших городовых—«емлют жалованье с городом». Под *четями* разумелись финансовые приказы, между которыми распределено было денежное содержание служилых людей. То были чети Устюжская, Галицкая, Владимирская, Костромская, Новгородская. Получали жалованье «с городом» городовые дети боярские, когда нужно было подготовить их к мобилизации.

Поместное верстание.

Уже в XVI в. дворянская служба становилась сословной и наследственной повинностью. По Судебнику 1550 г. от этой повинности свободны были только те дети боярские и их сыновья, еще не поступившие на службу, которых отставлял от службы сам государь. Тогда же установился и порядок передачи этой повинности от отцов детям. Помещики, служившие с поместий и вотчин, если они были, держали при себе до возраста и готовили к службе своих сыновей. Дворянин XVI в. начинал свою службу обыкновенно с 15 лет. До этого он числился в *недорослях.* Поспев на службу и записанный в служилый список, он становился *новиком.* Тогда его, смотря по первым служебным опытам, *верстали* поместьем, а по дальнейшим успехам и денежным окладом *новичным*, к которому потом бывали придачи за службу, покуда новик не становился настоящим служилым человеком с полным *свершенным* окладом денежного жалованья. Верстание новиков было двоякое: в *отвод* и в *припуск.* Старших сыновей, поспевавших на службу, когда

отец еще сохранял силы служить, верстали в отвод, отделяли от отца, наделяя их особыми поместьями; одного из младших, который поспевал на службу, когда отец уже дряхлел, припускали к нему в поместье, как заместителя, который по смерти отца вместе с землей должен был наследовать и его служебные обязанности; обыкновенно он еще при жизни отца ходил за него в походы, «служил с отцова поместья». Иногда несколько сыновей владели совместно отцовым поместьем, имея в нем свои выти, доли.

Прожитки. Таковы были главные правила поместного верстания. С течением времени выработались меры для обеспечения семейств, остававшихся после служилых людей. Когда умирал служилый человек, его поместье уже в XVI в. нередко оставляли за недорослями-сиротами, если не было неверстанного взрослого сына, которому вместе с отцовым поместьем по смерти отца передавали и попечение о малолетних братьях и сестрах. Но из поместья выделялись известные доли *на прожиток* (пенсию) вдове и дочерям умершего, вдове до смерти, вторичного замужества или до пострижения, дочерям до 15 лет, когда они могли выйти замуж: в 1556 г. было указано «больше 15 лет за девками поместья не держать». Но если к тому сроку у девицы подыскивался жених из служилых же людей, она могла справить за ним свой прожиток. Так в служилой семье все дети служили: достигнув призывного возраста, сын — на коня защищать отечество, дочь—под венец готовить резерв защитников. Размер прожитков зависел от рода смерти покидавшего пенсионерок помещика. Если он умирал дома своей смертью, вдове его выделялось 10% из его поместья, дочерям по 5%; если он был убит на походе, эти оклады прожитков удвоялись.

Таковы главные основания поместной системы. Теперь изучим ее действие.

Лекция XXXIII.

Ближайшие следствия поместной системы.—I. Влияние поместного принципа на вотчинное землевладение. Мобилизация вотчин в XVI в.—II. Поместная система, как средство искусственного развития частного землевладения.—III. Образование уездных дворянских обществ. — IV. Появление служилого землевладельческого пролетариата.—V. Неблагоприятное влияние поместного землевладения на города. — VI. Влияние поместной системы на судьбу крестьян.

Я изложил основания поместной системы в том виде, какой она приняла к началу XVII в. Развитие этой системы служилого землевладения сопровождалось разнообразными и важными последствиями, которые сильно чувствовались в государственном и народно-хозяйственном быту не только древней, но и новой Руси, чувствуются еще и доселе. В нашей истории очень немного фактов, которые производили бы более глубокий переворот как в политическом складе, так и в хозяйственном быту общества. Я перечислю теперь только ближайшие из этих последствий, которые успели обнаружиться уже к концу XVI века.

Поместье и вотчина.

I. Поместное землевладение изменило юридический характер землевладения вотчинного. Перемена эта была произведена распространением на вотчинное землевладение принципа, на котором было построено землевладение поместное. В удельное время, как мы видели, государственная служба, точнее, вольная служба при дворе князя не была связана

с землевладением. Поземельные отношения боярина и вольного слуги строго отделялись от его личных служебных отношений к князю; вольный слуга мог служить в одном уделе и владеть землею в другом. Этим строгим разделением поземельных и служебных отношений в удельные века обусловливалось тогдашнее государственное значение земли. Тогда земля платила, несла тягло; служили только лица. Это правило применялось так последовательно, что бояре и вольные слуги, покупавшие земли черных людей, т.-е. крестьян, живущих на казенной княжеской земле, обязаны были тянуть тягло вместе с крестьянами, а в противном случае теряли купленные земли, которые возвращались черным людям даром. Точно так же барская пашня которую служилый землевладелец пахал на себя своими дворовыми людьми, подлежала общим поземельным повинностям, и только со второй половины XVI в. часть ее, пропорционально поместному окладу владельца, *обелялась*, освобождалась от тягла. В том и другом случае привилегированное положение служилого землевладельца по службе не отражалось на его землевладении. Теперь служба связывалась с землей, т.-е. служебные повинности распределялись на лица по земле. Поэтому теперь рядом с землей *платящей* явилась земля *служащая* или, говоря точнее, земля платящая в руках служилого человека становилась и землей служащей. Благодаря этому соединению службы с землей произошла двоякая перемена в вотчинном землевладении: 1) стеснено было право приобретения вотчин, т.-е. ограничен был круг лиц, имевших это право; 2) стеснено было право распоряжения вотчинами. Как скоро государственная служба, как повинность, стала падать на лица по земле, утвердилась мысль, что кто служит, тот должен иметь землю. На этой мысли и была построена поместная система.

Прямым последствием этой мысли было другое правило: кто владеет землей, тот должен служить. В удельное время право земельной собственности принадлежало на Руси всем свободным классам общества; но как скоро восторжествовало указанное правило, внесенное принципом поместного владения, землевладение на личном вотчинном праве должно было стать привилегией служилых лиц. Вот почему в Московском государстве XVI в. мы уже не встречаем в гражданском обществе землевладельцев вотчинников, которые бы не принадлежали к служилому классу. Вотчины церковные не были личной собственностью, а принадлежали церковным учреждениям; впрочем и они отбывали ратную повинность через своих церковных слуг, которые подобно государевым служилым людям получали поместья от этих учреждений. Итак кто владел землей в Московском государстве на вотчинном праве, тот должен был служить или переставал быть земельным вотчинником. Далее ограничено было право распоряжения вотчинами. На вотчинное землевладение налагалась служебная повинность в одинаковой степени, как и на землевладение поместное. Следовательно, вотчиной могло владеть только лицо физическое или юридическое, способное нести военную службу лично или через своих вооруженных слуг. Отсюда закон стал ограничивать право распоряжения вотчинами, чтобы помешать их переходу в руки, неспособные к службе, или помешать их выходу из рук способных, т.-е. предотвратить ослабление служебной годности служилых фамилий. Это стеснение коснулось права отчуждения и права завещания вотчин, именно родовых, т.-е. наследственных, а не благоприобретенных. Государство старалось обеспечить и поддержать служебную годность не только отдельных лиц, но и целых служилых фамилий. Отсюда и вытекали ограничения, каким подвергалось право

отчуждения и завещания родовых вотчин. Эти ограничения наиболее полно изложены в двух законах 1562 и 1572 гг. Оба эти указа ограничивали право отчуждения вотчин княжеских и боярских. Князья и бояре по этим законам не могли продавать, менять, вообще каким-либо образом отчуждать свои старинные наследственные вотчины. На деле допускались случаи, в которых вотчинники могли продавать свои родовые вотчины, впрочем ни в каком случае не более половины; но это дозволенное отчуждение стеснялось правом выкупа родовых вотчин родичами. Это право определено уже в Судебнике царя Ивана и в дополнительных к нему указах. Отчуждение родовых вотчин обусловливалось молчаливым согласием родичей. Вотчинник, продавая родовую вотчину, отказывался от права выкупать ее за себя и за своих нисходящих потомков. Боковые родственники, подписываясь свидетелями на купчей, этим самым отказывались от права выкупа проданной вотчины: но это право сохранялось за остальными родичами, которые не давали своих подписей на купчей; они могли выкупить проданную вотчину в продолжение 40 лет. Притом родич, выкупивший свою родовую вотчину, лишался уже права дальнейшего отчуждения ее в чужой род, а был обязан передавать ее путем продажи или завещания только членам своей фамилии. Еще более стеснено было наследование родовых вотчин. Вотчинник мог отказать свою вотчину нисходящим потомкам или, за неимением их, ближайшим боковым родичам, разумея под последними степени родства, не допускающие брака; но право завещания, как и право наследования по закону, ограничено было немногими поколениями, именно могло простираться только до четвертого колена, т.-е. не далее боковых внучат: «а дале внучат вотчин не отдавать роду». Вотчинник мог отказать свою

вотчину или только часть вотчины, если она была крупная, своей жене, но только на прожиток, во временное владение, не предоставляя ей права дальнейшего распоряжения; по прекращении этого владения завещанное отходит к государю, а душу вдовы «велит государь из своея казны устроить». Наконец, законом 1572 г. запрещено было вотчинникам отказывать свои вотчины «по душе» в большие монастыри, «где вотчин много». Благодаря этим стеснениям вотчинное землевладение значительно приблизилось к землевладению поместному. Как легко заметить, все изложенные ограничения вызваны были двумя целями: поддержать служебную годность служилых фамилий и не допускать перехода служилых земель в руки, неспособные к службе или непривычные к ней. Последняя цель прямо высказывалась в указах XVI в., ограничивавших право завещания. Эти указы оправдывали налагаемыя ими стеснения тем, чтобы «в службе убытка не было, и земля бы из службы не выходила». Таково было первое последствие поместной системы, отразившееся на юридическом значении вотчинного землевладения. Вотчина подобно поместью переставала быть полной частной собственностью и становилась владением обязанным, условным.

Мобилизация вотчин.

Впрочем надо оговориться, что это ограничение прав вотчинного землевладения не было исключительным делом землевладения поместного: по крайней мере едва ли не большая часть княжеских вотчин XVI в. подверглась действию еще другого условия, ограничивавшего также эти права. Последние ускоренные шаги государственного объединения Московской Руси произвели в среде служилых князей и значительной части нетитулованных бояр быструю мобилизацию земельной собственности. В этом движении участвовали не одни государственные расчеты московского правительства, но и хозяйственные побуждения самих служи-

лых землевладельцев. Тогда во множестве исчезали вотчины, владеемые исстари, унаследованные от отцов и дедов, во множестве стали являться вотчины новые, недавно купленные, вымененные, чаще всего пожалованные. Благодаря этому движению юридическое понятие о частной гражданской вотчине, завязавшееся в период удельного дробления Руси или унаследованное от предыдущих веков, но еще не успевшее устояться, укрепиться при недавнем господстве родового владения,—теперь это понятие снова замутилось и поколебалось. Причина этого колебания сказалась и в законе 1572 г., в котором от старинных вотчин боярских отличены вотчины «государского данья», т.-е. жалованные государем, и о них постановлено, что в случае бездетной смерти владельца с ними должно поступать, как обозначено в жалованной грамоте: если грамота утверждает вотчину за боярином с правом передачи жене, детям и роду, так и поступать; если же в грамоте вотчина написана только самому боярину лично, то по смерти его она возвращается к государю. Впрочем и это условие имело некоторую внутреннюю связь с поместным землевладением, вытекало из соображений или интересов государственной службы. Оба условия также вели к тому, что вотчина подобно поместью переставала быть полной частной собственностью и становилась владением обязанным, условным.

Искусственное развитие частного землевладения.

II. Поместное землевладение стало средством искусственного развития частного землевладения на Руси. Огромное количество казенной земли роздано было служилым людям на поместном праве. При настоящей обработке истории русского землевладения нельзя определить точно количественное отношение поместных земель к вотчинным ни в XVI, ни в XVII в. Можно только догадываться, что уже к концу XVI в. поместное землевладение количественно намного

превосходило вотчинное. Даже там, где можно предполагать давнее и усиленное развитие вотчинного землевладения, оно в первой половине XVII в. уступало поместному: в Московском уезде по книгам 1623—24 г. за помещиками числилось 55% всей служилой земли, там значившейся. Опираясь на это данное, сделаю несколько фантастический расчет, имеющий значение не исторического вывода, а только методологического приема, помогающего воображению представить хотя приблизительные размеры изучаемого факта. Я уже приводил известие летописи о 300 тысячах ратников, собранных царем Иваном под Старицей в конце войны с королем Баторием. В этой массе наверное было не мало людей даточных, рекрутов из неслужилых классов; поэтому убавим ее на одну треть. За каждым служилым ратником в походе предполагалось по закону 150 дес. пашни, не считая луговой земли. Знаем также, что среди провинциального дворянства вотчины встречались очень редко; да не особенно богато было ими и дворянство столичное, даже большинство боярства. Потому в составе 30 мил. десят. пахотной земли, которые можно предполагать за 200-тысячною ратью, собранной под Старицей, поместной земли можно считать гораздо более половины. При тогдашней территории Московского государства и особенно при тогдашних размерах лесной площади на ней можно по такому примерному расчету представить себе, какое относительно огромное количество угожей пашни путем испомещения перешло к служилым людям к концу XVI в., т.-е. во 100 лет с чем-нибудь. Желательно было бы хотя приблизительно рассчитать, сколько сельских рабочих сил занимало все это количество земли, перешедшей к служилым владельцам. Обратимся опять к известиям XVII в. Сам Котошихин отказывается даже приблизительно сметить, сколько

было крестьян за всеми служилыми людьми его времени; он только говорит, что за иными боярами были по 10, по 15 и более тысяч крестьянских дворов. Но он приводит несколько цифр, помогающих выяснению дела. По его словам, казенных и дворцовых земель в царствование Алексея оставалось уже немного: казенных или черных не более 20 тысяч, дворцовых не более 30 тыс. крестьянских дворов. Все остальные населенные земли находились уже в частном владении; из них за церковными властями, патриархом и епископами, числилось 35 т. дворов, за монастырями—около 90 т. Но по переписным книгам 1678—79 г. всех крестьянских дворов числилось 750 тыс. или несколько более; исключив 175 т. дворов церковных, казенных и дворцовых, за служилыми людьми всех чинов можно считать около 575 т., т.-е. более $^3/_4$ всего количества крестьянских дворов. Для нас теперь не важно, сколько считалось поместных и сколько вотчинных крестьян во время Котошихина и по переписи 1678—79 г. Во второй половине XVII в. уже завершался давно начавшийся двусторонний процесс превращения поместий в вотчины и слияния поместий с вотчинами. Во-первых, поместное владение постепенно прямо превращалось в вотчинное посредством выслуги. Важные государственные заслуги, оказанные служилым лицом, награждались тем, что известная доля его поместного оклада, обыкновенно 20%, жаловалась ему в вотчину. Кроме того разрешалось помещикам покупать у казны поместные земли в вотчину. Рядом с этими отдельными переходами одного вида землевладения в другой шло постепенное общее слияние обоих видов. Если начала поместного владения проникали в вотчинное, то и поместье воспринимало особенности вотчины. Землю, недвижимость, заставляли исполнять роль

денег, заменять денежное жалованье за службу. Потому поместье вопреки своей юридической природе личного и временного владения стремилось стать фактически наследственным. По устанавливавшемуся уже в XVI в. порядку верстания и испомещения поместье либо делилось между всеми сыновьями помещика, либо справлялось только за младшими, в службу поспевшими, либо переходило к малолетним детям в виде прожитка. Еще от 1532 года сохранилась духовная, в которой завещатель просит душеприкащиков ходатайствовать о передаче его поместья его жене и сыну, а в одной духовной 1547 г. братья—наследники наравне с вотчиной отца поделили между собой и его поместье. Закон 1550 г., испомещая под Москвой известную тысячу служилых людей, установил, как правило, переход подмосковного поместья от отца к сыну, годному к службе. Бывали случаи и менее прямого наследования: одно поместье перешло от отца к сыну, после которого оно было справлено за его матерью, а после нее досталось ее внуку. С начала XVII в. поместья иногда прямо завещаются женам и детям, как вотчины, а при царе Михаиле был узаконен переход поместья в род в случае бездетной смерти помещика. Отсюда уже при Михаиле появляется в указах совсем не поместное выражение *родовые поместья*. Кроме завещания постепенно входила в обычай и облегчалась законом *мена* поместий. Потом разрешена была *сдача* поместий зятьям в виде приданого или родичам и даже сторонним людям с обязательством кормить сдатчика или сдатчицу, а в 1674 г. отставные помещики получили право сдавать поместья и за деньги, т. е. продавать их. Так к праву пользования, которым первоначально ограничивалось поместное владение, присоединились и права распоряжения, и если к концу XVII в. закон

тесно приблизил поместье к вотчине, то в понятиях и практике поместных владельцев между обоими видами землевладения исчезло всякое различие. Наконец в XVIII в. по законам Петра Великого и императрицы Анны поместья стали собственностью владельцев, окончательно слились с вотчинами, и самое слово *помещик* получило значение земельного собственника из дворян, заменив собою слово *вотчинник*: это также показывает, что поместье было преобладающим видом земельного владения в Московском государстве. Значит, без поместной системы, путем естественного народно-хозяйственного оборота у нас не образовалось бы столько частных земельных собственников, сколько их оказалось в XVIII в. В этом отношении поместная система имела для русского дворянства то же значение, какое получило для крестьян Положение 19 февраля 1861 года: этим Положением искусственно, при содействии государства, создано крестьянское землевладение, т. е. огромное количество земли на правах собственности передано крестьянским обществам.

Уездные дворянские общества.

III. Развитие поместного землевладения создало уездные дворянские общества, местные землевладельческие корпорации. Напрасно образование таких обществ считают делом законодательства XVIII в., императрицы Екатерины II преимущественно. Местные дворянские общества были уже готовы в XVI в. Когда надобно было «разобрать» дворян и детей боярских известного города, т. е. сделать им смотр, поверстать их поместными окладами или раздать им денежное жалованье, и если это происходило на месте, а не на стороне, не в Москве и не в другом сборном пункте, городовые служилые люди съезжались в свой уездный город. Здесь они выбирали из своей среды *окладчиков*, людей надежных и сведущих, человек по 10 по 20 и более на уезд-

и приводили их ко кресту на том, что им про своих товарищей сказывать производившим разбор или верстанье командирам или уполномоченным обо всем в правду. Эти присяжные окладчики показывали об уездных служилых людях, кто каков отечеством и службою, каковы за кем поместья и вотчины, к какой кто годен службе, к *полковой*, походной, конной, или к *городовой*, *осадной*, пешей, сколько у кого детей и сколь они велики, как кто служит, является ли в поход с надлежащим *служебным нарядом*, т. е. положенным количеством ратных людей и коней и въ узаконенномъ вооружении, «кто к службам ленив за бедностью и кто ленив без бедности» и т. п. При получении денежного жалованья служилые люди уезда связывались между собою порукой. Обыкновенно за каждого ручался «в службе и в деньгах» кто-либо из окладчиков, так что у каждого окладчика подбирался отряд, связанный его поручительством, как бы его взвод. Впрочем, и рядовые дворяне и дети боярские бывали поручителями. Иногда порука принимала более сложный вид: за Венюкова ручались трое сослуживцев; он в свою очередь ручался за каждого из своих поручителей и еще за четвертого товарища; точно так же поступал и каждый из этих четверых. Так порука складывалась в цепь поручителей, охватывавшую весь служилый уезд. Можно думать, что в подборе звеньев этой цепи, как и в поруке окладчиков, участвовало соседство по землевладению. Это была порука не *круговая*, как в податных крестьянских обществах, где каждый ручался за всех и все за каждого, а порука *соседская*, как бы сказать, *цепная*, рука с рукой или плечо с плечом, соответственно военному и поземельному строю служилых людей. Наконец, уездное дворянство через своих уполномоченных принимало довольно широкое участие в местном управлении. Такими уполномоченными

были *городовые прикащики*, которых выбирали по одному или по два на уезд дворяне и дети боярские «всем городом» или «всею землею», т.-е. всем уездным сословным обществом. Как представитель местного военного и землевладельческого общества, городовой прикащик смотрел за городскими укреплениями и ведал подати и повинности, падавшие на землевладение и имевшие прямое или косвенное отношение к обороне уездного города и к делам местного дворянства, обязанного оборонять свой город, как его ближайший гарнизон: прикащик распределял эти подати и повинности и следил за их сбором и отбыванием, смотрел за постройкой и ремонтом городских укреплений и заготовкой военных припасов, собирал «посошных людей» с тяглого населения на военные надобности и т. п. Сверх того городовой прикащик был дворянским ассистентом на суде наместника, как излюбленные старосты и целовальники присутствовали на том же суде от тяглых земских обществ. Он же временно исполнял иногда судебные обязанности наместника и разные полицейские поручения, охранял спорные имущества, оберегал землевладельцев от наместничьего произвола. Словом, он вел разнообразные текущие дела местного управления, так или иначе касавшиеся местного дворянского общества и служилого землевладения, был своего рода уездным предводителем дворянства. Со временем уездные дворянские общества приобрели и некоторое политическое значение: уездные дворяне всем городом обращались к государю с челобитьями о своих нуждах; дворянские окладчики являлись депутатами на земских соборах и ходатайствовали перед центральным правительством о нуждах своих обществ. Таким образом служба и соединенное с нею служилое землевладение были связями, которыми скреплялись уездные дворянские общества.

IV. Усиленное развитие поместного землевладения создало в служилой среде слой прежде незаметный, который можно назвать служилым землевладельческим пролетариатом. Чем более размножался служилый класс, тем более истощались земельные средства московского правительства. Это истощение происходило от разных причин. В поместную раздачу первоначально шли дворцовые земли, бывшие в непосредственном распоряжении государя для надобностей его дворца, а также вотчины, по разным причинам терявшие своих владельцев, например, конфискованные. Потом в поместный оборот вошли и земли *черные*, казенные, доходы с которых шли на общегосударственные нужды. Такой переход черных земель в частное владение объясняется тем, что поместья, как средство содержания служилых людей, заменяли кормления: в поземельных описях XV—XVI вв. встречаем запрещение отдавать известные земли в поместье, потому что с них шел корм наместнику. Разработка всех этих земель была очень слаба: по приблизительному расчету, основанному на отрывочных данных, только пятая часть этих земель эксплоатировалась: земледельческий труд изнемогал перед лесом и болотом. Притом географическое расположение земель, удобных для испомещения, не соответствовало стратегическим целям, на которые была рассчитана поместная система. Помещику, больше ратнику, чем сельскому хозяину, нужна была земля *угожая*, с выгодной пашней и угодьями, и *живущая*, населенная, с достаточными рабочими крестьянскими руками, а земли, совмещавшие в себе оба эти удобства, были тогда на средней Оке и на север от нее совсем не в изобилии. Но с завоеванием Казанского царства, по мере передвижки передовых оборонительных линий в глубь безлюдных, хотя и плодородных степей, оба эти удобства совмещались все реже и испоме-

Появление служилого землевладельческого пролетариата.

щение все более затруднялось: на земле, нуждавшейся и в ратнике, и в сельском хозяине, приходилось сажать массу помещиков, которым было не до сельского хозяйства. К этому прибавилось новое неудобство, созданное тем же расширением государственной территории на юг и юго-восток. С половины XVI в. обнаруживается усиленный отлив сельского населения с центрального суглинка на южный донской, верхнедонецкий и средневолжский чернозем. Этот отлив сулил хозяйственную опору служилым людям, там испомещавшимся; но при первой встрече на диком степном поле и крестьянин—новосел, и помещик-переведенец, одинаково нуждаясь друг в друге, не могли сразу сладиться один с другим в отношениях землевладельца и оброчника-арендатора. Мы сейчас увидим, как они устроились. Этот же отлив расширил площадь пустопорожних земель в центральных, сравнительно густо населенных уездах. Но такие необорудованные земли неохотно разбирались в поместья: они требовали капитала, охоты и уменья их разработать; всего этого недоставало служилым людям того времени. Вот почему поместные дачи редко равнялись окладом и потому же в документах второй половины XVI в. встречаем множество новиков, которые исправно служили по нескольку лет, но оставались беспоместными, не могли приискать или получить удобных поместий. Одно сопоставление наглядно укажет, насколько потребность в удобной для испомещения земле превышала ее наличность. При разборе, верстаньи и раздаче денежного жалованья составлялись книги или списки уездных служилых людей, называвшиеся *десятнями*, с разделением служилых людей на чины и *статьи*, разряды, и с обозначением их поместных и денежных окладов, а также их *службы* (вооружения, походных слуг и коней). По коломенской десятне 1577 года назначено было дворянам и детям

боярским Коломенского уезда окладного поместного надела 84 тыс. десятин. Но в этом уезде очень много земли значилось за монастырями, боярами и других чинов людьми, не принадлежащими к дворянскому обществу уезда. Пространство Коломенского уезда в XVI в. едва ли намного превосходило нынешние его пределы, а по статистическим данным 1880-х годов пашни в этом уезде было всего 102 тыс. десятин. Едва ли дачи коломничан могли быть доведены до окладных размеров из земель Коломенского уезда. К концу XVI в. уже сильно чувствовался недостаток удобной земли для испомещения, и на это жаловались в Москве Флетчеру в царствование Федора. Правительство вынуждено было все более сокращать поместные дачи и даже оклады. В конце этого века среди провинциального дворянства встречаем чрезвычайно мелких помещиков, у которых оклады падали ниже предельной меры, назначенной по закону для поставки одного вооруженного конного ратника (150 дес.): назначали по 120 и по 60 десятин оклада. Еще скуднее бывали дачи, приближавшиеся уже к крестьянским участкам: встречаются помещики с 30, 22, даже с 10 дес. пахотной земли. Так образовалась значительная масса бедных провинциальных дворян, беспоместных или малопоместных. Десятни уездного дворянства XVI в. с отмеченными в них отзывами окладчиков дают много выразительных указаний на успех, с каким развивался этот дворянский пролетариат. Многие помещики в своих поместьях не имели ни одного крестьянского двора, жили одними своими дворами, «однодворками»; отсюда позднее произошли класс и звание *однодворцев*. В десятнях встречаем такие заявления окладчиков: такой-то сын боярский «худ (малогоден, худо вооружен), не служит, от службы отбыл, на службу ходит пеш»; другой «худ, не

служит, службы отбыл и вперед служити нечем и поместья за ним нет»; третий «худ, не служит и поместья за ним нет и служити нечем, живет в городе у церкви, стоит дьячком на клиросе»; четвертый «не служит, от службы отбыл, служба худа, служити ему вперед нечем и поруки по нем нет, поместья сказал 15 четей»; пятый «обнищал, волочится меж двор»; шестой «жил во крестьянех за Протасовым, поместья за собою сказал 40 четей»; седьмой «мужик, жил у Флорова в дворниках, портной мастеришко: бояре осматривали и приговорили из службы выкинуть вон».

Поместье и город.

V. Поместное землевладение оказало неблагоприятное действие и на другие классы русского общества. Прежде всего оно подорвало развитие русских городов и городской промышленности. В XVI в. встречаем в центральных и северных уездах государства не мало городов, со значительным посадским, торгово-промышленным населением. Чем далее на юг, тем скуднее становилось это население; в ближайших к степи городах, в области верхней Оки и верхнего Дона, даже вовсе не встречаем посадских людей. Города этого края — чисто военные, укрепленные поселения, наполнявшиеся служилым людом разных чинов. Но и впоследствии, когда южная граница отодвинулась далеко на юг, в этих городах туго водворялось торгово-промышленное население. Поместная система, увлекая массу служилых людей из города в деревню, лишала городскую промышленность и городской ремесленный труд сбыта и спроса, главных, наиболее доходных потребителей. Служилые люди, обживаясь в своих поместьях и вотчинах, старались завести своих дворовых ремесленников, все необходимое получать на месте, не обращаясь в город. Таким образом у городских торговцев, ремесленников и рабочих исчезал целый класс заказщиков и потребителей. Вот чем между прочим объясняется

необыкновенно медленный, зяблый рост наших городов и городской промышленности в XVI и XVII вв. и не только в южной заокской, но и в центральной оксковолжской полосе.

Помещики и крестьяне.

VI. Еще важнее действие поместной системы на положение крестьянского населения: она подготовила радикальную, даже роковую перемену в судьбе этого класса. Еще раз напомню вам, что завоевание царств Казанского и Астраханского открыло русскому земледельческому труду обширные пространства *дикого поля*, невозделанного степного чернозема по верхней Оке, верхнему Дону и по обе стороны средней Волги. На отодвигавшихся все далее окраинах строились новые укрепленные *черты*, куда переводились служилые люди из внутренних городов, и где они получали поместья. Для заселения своих пустынных степных дач они искали крестьян-съемщиков и рабочих. Навстречу этим поискам из старых центральных областей шло усиленное переселенческое движение крестьян, искавших черноземной нови. Но с половины XVI в. правительство по финансовым и полицейским соображениям начало стеснять свободу крестьянских переселений. «Старым тяглецам», которые уже обсиделись на своих местах и были записаны в писцовые книги, как ответственные дворовладельцы, а потому назывались «людьми письменными», запрещено было переходить на другие земли; перешедших велено было возвращать в покинутые ими деревни. Это было не личное закрепощение крестьян, а полицейское прикрепление их к месту жительства, что, как увидим, совсем не одно и то же и даже исключало одно другое. Но крестьянский двор имел тогда очень сложный состав: при дворовладельцах, записанных в книги и отвечавших за податную исправность дворов, жили за их тяглом кроме их детей еще неотделенные братья, племянники, также захребетники, соседи и подсосед-

ники, люди «нетяглые и неписьменные». Таких людей землевладельцам и разрешалось перезывать на свои пустоши и старые селища. Но эти люди, жившие дотоле за чужими хозяйствами, садились на новые места с пустыми руками, нуждались в обзаведении, в ссуде и подмоге. Этими людьми преимущественно и заселялись многочисленные новые поместья на обширной полосе к югу от средней Оки, между первой и второй оборонительной линией и даже южнее, по Быстрой Сосне, верхнему Осколу и верхнему Донцу. Так масса захребетников, живших за чужим тяглом, становилась самостоятельными хозяевами. Значит, развитие поместной системы на степных окраинах вело к *разрежению крестьянского двора*, к упрощению его личного состава в центральных уездах. Но откуда брались у степных помещиков средства для хозяйственного обзаведения бездомных насельников их пустынных поместий? Мы уже знаем, что еще при отце Грозного служилые люди периодически получали денежное жалованье. В 1550-х годах, когда с отменой кормлений для них закрывался такой важный источник содержания, установлены были новые денежные оклады, очевидно, повышенные. По десятням второй половины XVI в. можно заметить, что денежные оклады устанавливались в обратном отношении к доходности недвижимых имуществ служилых людей; поэтому окрайных степных помещиков окладывали выше сравнительно с землевладельцами населенных внутренних уездов. До нас дошли от того времени десятни пяти поокских и заокских уездов (Муромского, Коломенского, Каширского, Ряжского и Епифанского) с обозначением денежных окладов. Книги относятся к 1590-м годам, кроме коломенской (1577 г.). По этим книгам средним числом приходилось единовременной денежной дачи по 1830 руб. на уезд. По закону 1555 г. го-

родовым дворянам и детям боярским денежное жалованье раздавалось раз в четыре или в три года; но во вторую половину царствования Грозного, когда шла почти непрерывная война, при учащенных и расширенных мобилизациях раздавали жалованье городовым и в более короткие сроки. Мы примем для рассчета трехлетнюю раздачу. В 15 таких раздач с 1555 г. до конца столетия на каждый из пяти уездов досталось средней суммой по 27,450 р., а в переводе на наши деньги (по пропорции 1:60) приблизительно по 1.647.000 р. Примем эти уезды за примерные. На указанной полосе между первой и второй укрепленной линией, т.-е. между средней Окой и высотой Алатырь—Орел, в нынешних губерниях Рязанской, Тульской и Орловской со смежными частями соседних губерний, в конце XVI в. можно насчитать до 26 уездов. Итак, в указанные 45 лет казна перевела на среднюю Оку и далее на юг в поместные усадьбы до 43 мил. рубл. на наши деньги, а если взять в рассчет заселявшиеся тогда же уезды за второй линией, в губерниях Курской, Тамбовской, Воронежской, Симбирской, то эту сумму можно увеличить по крайней мере еще на половину. Из этого денежного фонда, столь значительного для тогдашнего московского бюджета, заокские помещики устрояли на диком поле свои *усады* с 20, 30, 60, 75, 80 десятинами усадебной земли, на которой сажали и обзаводили деревни пришлых крестьян из людей «неписьменных и нетяглых». Как дело хозяйственных, колонизаторских усилий помещиков, эти усады рано приобрели характер наследственных имений, обыкновенно целиком переходили ко вдовам с малолетними сыновьями своих устроителей, а если последние были убиты на службе, то и с мужниным денежным окладом; сын-недоросль по достижении служебного возраста обязан был с «поместья отцовы усады

служба служить и мать кормить». В этих заокских поместьях особенно явственно появились две характерные черты поместной системы: решительное преобладание мелкого землевладеиия и стремление закрепить поземельные обязательства крестьян личной долговой зависимостью. Захребетник большого крестьянского двора, превращенный в самостоятельного двоворовладельца посредством неоплатной барской ссуды, оказывался на степной нови в безвыходном положении. По близости не было крупных имений, ни церковных, ни боярских, владельцам которых выгодно было поддерживать крестьянское право выхода, перезывая к себе чужих крестьян; переселенца, задолжавшего мелкому помещику, выкупить было некому, а сойти «на поле», в степь, в «вольные казаки» не с чем, по неимению оружия и навыка к нему. Можно думать, что в заокских помещичьих усадах раньше, чем где-либо встретились условия, завязавшие первый узел крепостной неволи крестьян, положение которых в XV и XVI вв. будет предметом наших дальнейших занятий.

Лекция XXXIV.

Вопрос о монастырских вотчинах.—Распространение монастырей.—Монастыри в северо-восточной России.—Пустынные монастыри.—Монастыри-колонии. — Колонизаторская деятельность Троицкого Сергиева монастыря.—Значение пустынных монастырей.—Древнерусский месяцеслов.—Древнерусская агиография.—Состав и характер древнерусского жития. — Мирские монастыри. — Основатели пустынных монастырей.—Странничество и поселение отшельника в пустыне.—Пустынный общежительный монастырь.

Вопрос о монастырских вотчинах.

В прошлый час, излагая следствия поместной системы, я указал на затруднение, обнаружившееся в ее устроении уже к концу XVI в.: это недостаток удобной для испомещения земли. Недостаток этот почувствовался с двух сторон. На степном юге, где государству нужно было особенно много военно-служилых людей, правительство располагало для их хозяйственного обеспечения обширными пространствами земли плодородной, но слабо заселенной, еще нуждавшейся в усиленном хозяйственном обзаведении. В центральных уездах земли, менее плодородные, были достаточно заселены и обзаведены, но их уже мало оставалось в распоряжении правительства. Здесь господствовало крупное вотчинное землевладение, боярское и церковное. В изучаемый нами период, когда устанавливалась поместная система, особенно успешно развивалось в Московской Руси землевладение монастырское, создавая государству своими успехами большие затруднения в деле обеспечения военно-

служилого класса. Это привело московское правительство в столкновение с церковной иерархией: поднялся вопрос о церковных, собственно о монастырских вотчинах. Но с этим вопросом, по его значению для государства только экономическим, аграрным, сплелось столько разнообразных интересов политических, социальных, церковно-нравственных, даже богословских, что он разросся в целое государственное и церковное движение, которое внесло много оживления в жизнь Московской Руси, придало особый характер целому веку нашей истории. Потому это движение важно само по себе, независимо от своей связи с экономическими нуждами государства. Уклонение в сторону, на которое я решаюсь, несколько исправит пробелы нашего изучения. Доселе мы так настойчиво сосредоточивали наше внимание на фактах политических и экономических, что теперь, когда эти самые факты вовлекают нас в другие более глубокие течения общественной жизни, нам трудно отказаться следовать за ними.

Приступая к изучению вопроса о монастырских вотчинах, прежде всего невольно спрашиваешь себя, как могло случиться, что общества людей, отрекавшихся от мира и всех его благ, явились у нас обладателями обширных земельных богатств, стеснявших государство. Условия такого земельного обогащения древнерусских монастырей выясняются в истории их распространения и устроения. Познакомлю вас с ходом того и другого, прежде чем обращусь к самому вопросу.

Распространение монастырей.

Монашество появилось на Руси вместе с христианством. Митрополит Иларион, первый из русских посвященный в этот сан (в 1051 г.), вспоминая близкое к нему время водворения христианства при Владимире Св., писал в одном из своих сочинений, что уже тогда «мо-

настыреве на горах сташа». Какие именно монастыри разумел митрополит, сколько их было при кн. Владимире, и как они были устроены,—это остается неизвестным. Письменные известия об отдельных монастырях появляются с княжения Ярослава I. Следя за распространением монастырей, приведенных в известность, замечаем, что первоначально они идут вслед за русско-христианской жизнью, а не ведут ее за собою, не вносят ее в пределы, дотоле ей чуждые. Потому в первые два века христианской жизни Руси мы встречаем наибольшее количество монастырей в центральной полосе тогдашней Русской земли по среднему и верхнему Днепру, по Ловати и Волхову, где наиболее сгущено было русское население и с наименьшими затруднениями распространялось христианство. Из 70 монастырей, известных до конца XII в., на эту полосу приходится до 50. Всего усерднее обзаводятся монастырями старейшие общественные центры, господствовавшие над концами древнего речного «пути из варяг в греки», Киев и Новгород; до конца XII в. в первом известно 15 монастырей, во втором до 20; остальные рассеяны по второстепенным областным средоточиям южной и северной Руси, какими были Галич, Чернигов, Переяславль Русский, Смоленск, Полоцк, Ростов, Владимир на Клязьме и др. Почти все эти монастыри ютятся внутри городов или жмутся к их стенам, не уходя от них далеко в степную или лесную глушь.

Но являясь пока спутниками, а не проводниками христианства, монастыри этим самым с особенной чуткостью отражали переливы исторической жизни. В этом отношении, следя за географическим распространением монастырей, замечаем большую разницу между первыми веками христианской жизни Руси: из 20 монастырей, известных до XII в., только 4 встречаем в северной России, отделяя ее от южной

чертой по широте г. Калуги: напротив, из 50 известных новых монастырей XII в. южной Руси принадлежит только 9. Числом монастырей Новгород, видели мы, перебил первенство у самого Киева; но почти все монастыри, которыми он наполнялся и опоясывался, относятся уже к XII в. Вместе с русско-христианской жизнью быстро расширяется круг монастырей и в других краях северной Руси: они появляются в Смоленске, Пскове, Старой Русе, Ладоге, Переяславле Залесском, Суздале, Владимире на Клязьме.

Монастыри на С.-В.

Указав, как движением монастырей обозначился начавшийся в XII в. отлив русской жизни с юга на север, я в дальнейшем обзоре ограничусь монастырями северо-восточной Руси, из которой потом образовалось Московское государство, и где возник вопрос о монастырском землевладении. Здесь в XIII в. продолжает расширяться круг городских и подгородных монастырей, указывая на размножение центров общественной жизни. В упомянутых уже северных городах к существовавшим прежде монастырям прибавляются новые, и в то же время являются первые монастыри в других городах: Твери, Ярославле, Костроме, Нижнем-Новгороде, Устюге, Москве. Удельное дробление северо-восточной Руси содействует этому распространению монастырей. Во многих городах, где прежде не сидели князья, устанавливаются княжеские столы. Первый князь нового удела старался украсить свою резиденцию хотя одной обителью: город, особенно стольно-княжеский, не считался благоустроенным, если не имел монастыря и собора.

Пустынные монастыри.

Но с XIV в. замечаем важную перемену в способе распространения монастырей и именно на севере. Доселе почти все монастыри как в южной, так и в северной России, говорил я, строились в городах или в их ближайших окрестностях. Редко появлялась *пустынь*, монастырек, воз-

никавший вдали от городов, в пустынной, незаселенной местности, обыкновенно среди глухого леса. В первые века нашей христианской жизни пустынножительство развивалось у нас очень туго; пустынная обитель мелькает редким, случайным явлением среди городских и подгородных монастырей. Более чем из 100 монастырей, приведенных в известность до конца XIII в., таких пустынок не насчитываем и десятка, да и из тех большинство приходится именно на XIII в. Зато с XIV в. движение в лесную пустыню развивается среди северного русского монашества быстро и сильно: пустынные монастыри, возникшие в этом веке, числом сравнялись с новыми городскими (42 и 42), в XV в. превзошли их более чем вдвое (57 и 27), в XVI в. в $1^1/_2$ раза (51 и 35). Таким образом в эти три века построено было в пределах Московской Руси, сколько известно, 150 пустынных и 104 городских и пригородных монастыря.

Городские и пустынные монастыри различались между собою не одной только внешней обстановкой, но и общественным значением, духом складывавшегося в тех и других быта, даже в большинстве случаев самым происхождением. Городские и подгородные монастыри обыкновенно созидались набожным усердием высших церковных иерархов, также князей, бояр, богатых горожан,—людей, которые оставались в стороне от основанных ими обителей, не входили в состав созванного ими монастырского братства. Ктиторы обстраивали монастырь, созывали братию и давали ей средства содержания. Живя среди мира, в ежедневном с ним общении и для его религиозных нужд, такие монастыри и назывались «мирскими». Другие имели более самобытное происхождение, основывались людьми, которые, отрекшись от мира, уходили в пустыню; там становились Монастыри-колонии.

руководителями собиравшегося к ним братства, и сами вместе с ним изыскивали средства для построения и содержания монастыря. Иные основатели таких пустынных монастырей становились отшельниками прямо из мира, еще до пострижения, подобно преподобному Сергию Радонежскому; но большинство проходило иноческий искус в каком-либо монастыре, обыкновенно также пустынном, и оттуда потом уходили для лесного уединения и создавали новые пустынные обители, являвшиеся как бы колониями старых. Три четверти пустынных монастырей, XIV и XV вв. были такими колониями, образовались путем выселения их основателей из других монастырей, большею частью пустынных же. Пустынный монастырь воспитывал в своем братстве, по крайней мере в наиболее восприимчивых его членах, особое настроение; складывался особый взгляд на задачи иночества. Основатель его некогда ушел в лес, чтобы спастись в безмолвном уединении, убежденный, что в миру среди людской «молвы» то невозможно. К нему собирались такие же искатели безмолвия и устрояли пустынку. Строгость жизни, слава подвигов привлекала сюда издалека не только богомольцев и вкладчиков, но и крестьян, которые селились вокруг богатевшей обители, как религиозной и хозяйственной своей опоры, рубили окрестный лес, ставили починки и деревни, расчищали нивы и «искажали пустыню», по выражению жития преп. Сергия Радонежского. Здесь монастырская колонизация встречалась с крестьянской и служила ей невольной путеводительницей. Так на месте одинокой хижины отшельника выростал многолюдный, богатый и шумный монастырь. Но среди братии нередко оказывался ученик основателя, тяготившийся этим неиноческим шумом и богатством; верный духу и преданию своего учителя, он с его же благослове-

ния уходил от него в нетронутую пустыню, а там тем же порядком возникала новая лесная обитель. Иногда это делал даже не раз и сам основатель, бросая свой монастырь, чтобы в новом лесу повторить свой прежний опыт. Так из одиночных разобщенных местных явлений складывалось широкое колонизационное движение, которое, исходя из нескольких центров, в продолжение четырех столетий проникало в самые непреступные медвежьи углы и усеивало монастырями обширные лесные дебри средней и северной России.

Троицкий Сергиев монастырь.

Некоторые монастыри явились особенно деятельными метрополиями. Первое место между ними занимал монастырь Троицкий Сергиев, возникший в сороковых годах XIV в. Преп. Сергий был великий устроитель монастырей: своим смирением, терпеливым вниманием к людским нуждам и слабостям и неослабным трудолюбием он умел не только установить в своей обители образцовый порядок иноческого общежития, но и воспитать в своей братии дух самоотвержения и энергии подвижничества. Его призывали строить монастыри и в Москву, и в Серпухов, и в Коломну. Он пользовался всяким случаем завести обитель, где находил то нужным. В 1365 г. в. кн. Димитрий Донской послал его в Нижний-Новгород мирить ссорившихся князей-братьев Константиновичей и на пути. мимоходом, он нашел время в глуши Гороховского уезда, на болоте при р. Клязьме, устроить пустынку, воздвигнуть в ней храм св. Троицы и поселить «старцев пустынных отшельников, а питались они лыками и сено по болоту косили». Обитель Сергия и развила широкую колонизаторскую деятельность: в XIV в. из нее вышло 13 пустынных монастырей-колоний и 2 в XV в. Потом ее ослабевшую деятельность в этом отношении продолжали ее колонии и

колонии колоний, преимущественно монастырь преп. Кирилла Белозерского, вышедшего из основанного преп. Сергием подмосковного Симонова монастыря (в конце XIV в.). Вообще в продолжение XIV и XV вв. из Сергиева монастыря или из его колоний образовалось 27 пустынных монастырей, не говоря о 8 городских. Этими колониями и намечены были главные направления монастырской колонизации в те два века и частью даже в XVI ст. Если вы проведете от Троицкого Сергиева монастыря две линии, одну по р, Костроме на р. Вычегду, другую по р. Шексне на Белоозеро, этими линиями будет очерчено пространство, куда с конца XIV в. усиленно направлялась монастырская колонизация из монастырей центрального междуречья Оки-Волги и их колоний. Небольшие лесные речки, притоки Костромы, верхней Сухоны и Кубенского озера, Нурма-Обнора, Монза, Лежа с Комелой, Пельшма, Глушица, Кушта унизывались десятками монастырей, основатели которых выходили из Троицкой Сергиевой обители, из Ростова (ст. Стефан Пермский), из монастырей Каменного на Кубенском озере и Кириллова Белозерского. Водоздел Костромы и Сухоны, покрытый тогда дремучим Комельским лесом, стал русской заволжской Фиваидой. Движение шло полосами по рекам, не соблюдая географической последовательности, делая широкие скачки от Троицкого Сергиева монастыря к Белоозерову (монастырь Кирилла Белозерского), а с Белоозера прямо на Соловецкий остров, сливаясь с боковым течением, шедшим туда же к Белому морю из Новгорода. Во второй половине XV в. монастырская колонизация перешла из Белозерского края в бассейн р. Онеги: постриженник Кириллова монастыря преп. Александр Ошевнев поставил Ошевенский монастырь к северу от Каргополя на притоке р. Онеги, получив пособие от

радетелей из Новгорода, а между тем еще в 1429 г. более ранний постриженник того же монастыря Савватий поставил первую келью на Соловецком острове, где вскоре после его смерти выходец из Новгорода Зосима устроил знаменитый беломорский монастырь. Колония более ранняя иногда уходила в известном направлении дальше позднейших. В промежутках между метрополиями и этими ранними колониями и между полосами колоний оставалось много углов столь же пустынных, как и дальнейшие пространства, в которые еще не проникала ни крестьянская, ни даже монастырская колонизация. Выходцы из разных монастырей в своих пустынных поисках обращались по временам и к этим обойденным промежуточным захолустьям. Так продолжалось дело и в XVI в. В перестававших дремать, но все еще глухих лесах по Шексне и ее притокам, по Костроме с Нурмой-Обнорой, по Сухоне с ее притоками Песьей Деньгой и Маркушей появляются новые монастырские точки. Старые метрополии высылают сюда новые колонии; иные колонии в свою очередь становятся деятельными метрополиями. Основанный в конце XV в. на р. Нурме монастырь преп. Корнилия Комельского, выходца из обители преп. Кирилла Белозерского, в XVI выдвинул основателей 6 новых монастырей на берега Обноры, Белоозера, притока Шексны Андоги и даже Сойги, притока Вычегды. Неведомый инок Пахомий, вероятно, в самом начале XVI в. далеко оставил за собой Шексну и по Онеге продвинулся за Каргополь, поставив в 50 верстах от него к северу монастырь на р. Кене, а постриженник Пахомиев двинский крестьянин Антоний передвинулся на Двину под Холмогоры и в 78 верстах от них к югу основал среди озер на притоке Двины Сии Сийский монастырь (около 1520 г.).

Значение пустынных монастырей.

Так при разносторонних местных уклонениях движение пустынных монастырей сохраняло свое общее направление на беломорский север, «к Студеному морю-окияну», как выражаются жития заволжских пустынников. Это движение имело очень важное значение в древнерусской колонизации. Во-первых, лесной пустынный монастырь сам по себе, в своей тесной деревянной или каменной ограде, представлял земледельческое поселение, хотя и непохожее на мирские, крестьянские села: монахи расчищали лес, разводили огороды, пахали, косили, как и крестьяне. Но действие монастыря простиралось и на население, жившее за его оградой. Мы скоро увидим, как вокруг пустынного монастыря образовались мирские, крестьянские селения, которые вместе с иноческой братией составляли один приход, тянувший к монастырской церкви. Впоследствии монастырь исчезал, но крестьянский приход с монастырской церковью оставался. Таким образом движение пустынных монастырей есть движение будущих сельских приходов, которые притом в большинстве были первыми в своей округе. Во-вторых, куда шли монахи, туда же направлялось и крестьянское население; перед теми и другими лежала одна дорога—в привольные пустыри севера и северо-востока, где крестьянин мог на просторе производить свою *паль*, росчисть дикого леса под пашню, а монах совершать свое безмолвие. Не всегда возможно указать, где которое из обоих движений шло впереди другого, где монахи влекли за собой крестьян, и где было наоборот; но очевидна связь между тем и другим движением. Значит, направления, по которым двигались пустынные монастыри, могут служить показателями тех неведомых путей, по которым расходилось крестьянское население.

Что такое был древнерусский пустынный монастырь, как он возникал и устроялся, какие были у него условия земельного обогащения и почему именно в его среде возник вопрос о секуляризации монастырских земель? Прежде чем ответить на все эти вопросы, я должен познакомить вас с главным источником по истори древнерусских монастырей, с древнерусской агиографией.

Древнерусский месяцеслов.

В разное время русская Церковь *канонизовала* свято поживших отечественных подвижников, т. е. причисляла их к лику святых, устанавливая церковное празднование их памяти. В царствование Грозного митрополит Макарий созывал в 1547 и 1549 гг. нарочитые церковные соборы, которые установили церковное празднование 39 русским святым, сопричислив их к отечественным святым, прежде того канонизованным, число которых русская церковная историография полагает до 22. Не будет лишним отметить общественное положение всех этих подвижников, имена коих образовали раннюю основу месяцеслова русских святых: здесь встречаем 16 князей и княгинь, 1 боярина и 3 литовских мучеников, состоявших на службе у князя Ольгерда, 14 высших иерархов, митрополитов и епископов, 4 юродивых и 23 основателя и подвижника монастырей. Имена святых этого последнего класса, канонизованных после макарьевских соборов до учреждения Св. Синода, занимают в русском месяцеслове еще более видное место: из 146— таких имен более половины, именно 74.

Древнерусская агиография.

Древнерусская агиография старалась в житиях увековечить в назидание потомству память обо всех отечественных подвижниках благочестия; о некоторых составилось по нескольку житий и отдельных сказаний. Далеко не все эти повествования дошли до нас; многие ходят по рукам на местах, оставаясь неизвестными русской церковной истори-

ографии. Я знаю до 250 агиографических произведений более чем о 170 древнерусских святых. Привожу эти цифры, чтобы дать вам некоторое представление о наличном запасе русской агиографии. Дошедшие до нас древнерусские жития и сказания, большею частию еще не изданные, читаются во множестве списков—знак, что они входили в состав наиболее любимого чтения древней Руси. Эта распространенность объясняется литературными особенностями агиографии.

Древнерусское житие.

В каждом из нас есть более или менее напряженная потребность духовного творчества, выражающаяся в наклонности обобщать наблюдаемые явления. Человеческий дух тяготится хаотическим разнообразием воспринимаемых им впечатлений, скучает непрерывно льющимся их потоком; они кажутся нам навязчивыми случайностями и нам хочется уложить их в какое-либо русло, нами самими очерченное, дать им направление, нами указанное. Этого мы достигаем посредством обобщения конкретных явлений. Обобщение бывает двоякое. Кто эти мелочные, разбитые или разорванные явления объединяет отвлеченной мыслью, сводя их в цельное миросозерцание, про того мы говорим, что он философствует. У кого житейские впечатления охватываются воображением или чувством, складываясь в стройное здание образов или в цельное жизненное настроение, того мы называем поэтом. В духовном запасе, каким располагала древняя Русь, не было достаточно средств, чтобы развить наклонность к философскому мышлению. Но у нее нашлось довольно материала, над которым могли поработать чувство и воображение. Это была жизнь русских людей, которые по примеру восточных христианских подвижников посвящали себя борьбе с соблазнами мира. Древнерусское общество очень чутко и сочувственно отнеслось к таким подвижникам, как и сами подвижники очень восприимчиво

усвоили себе восточные образцы. Может быть, те и другие поступили так по одинаковой причине: соблазны своей русской жизни были слишком элементарны или слишком трудно доставались, а люди любят бороться с неподатливой или требовательной жизнью. *Жития*, жизнеописания таких подвижников и стали любимым чтением древнерусского грамотного человека. Жития описывают жизнь святых князей и княгинь, высших иерархов русской Церкви, потом подчиненных ее служителей, архимандритов, игуменов, простых иноков, всего реже лиц из белого духовенства, всего чаще основателей и подвижников монастырей, выходивших из разных классов древнерусского общества, в том числе и из крестьян: основатель Сийского монастыря на Северной Двине преп. Антоний был даже кабальным холопом из крестьян. Люди, о которых повествуют жития были все более или менее исторические лица, привлекшие на себя внимание современников или воспоминание ближайшего потомства: иначе мы и не знали бы об их существовании. В народной памяти они образовали сонм новых сильных людей, заслонивший собой богатырей, в которых языческая Русь воплотила свое представление о сильном человеке. Но житие—не биография и не богатырская былина. От последней оно отличается тем, что описывает действительную, былевую жизнь, только с известным подбором материала, в потребных типических, можно было бы сказать, стереотипных ее проявлениях. У агиографа, составителя жития, свой стиль, свои литературные приемы, своя особая задача. Житие—это целое литературное сооружение, некоторыми деталями напоминающее архитектурную постройку. Оно начинается обыкновенно пространным, торжественным предисловием, выражающим взгляд на значение святых жизней для людского общежития. Светильник не скрывается под спудом, а ста-

вится на вершине горы, чтобы светить всем людям: полезно зело повествовать житие божественных мужей; если мы ленимся вспоминать о них, то о них вопиют их чудеса; праведники и по смерти живут вечно: такими размышлениями подготовляет агиограф своего читателя к назидательному разумению изображаемой святой жизни. Потом повествуется деятельность святого, предназначенного с младенческих лет, иногда еще до рождения, стать богоизбранным сосудом высоких дарований; эта деятельность сопровождается чудесами при жизни, запечатлевается чудесами и по смерти святого. Житие заканчивается похвальным словом святому, выражающим обыкновенно благодарение Господу Богу за ниспослание миру нового святильника, осветившего житейский путь грешным людям. Все эти части соединяются в нечто торжественное, богослужебное: житие и предназначалось для прочтения в церкви на всенощном бдении накануне дня памяти святого. Житие обращено собственно не к слушателю или читателю, а к молящемуся. Оно более чем поучает: поучая, оно настраивает, стремится превратить душеполезный момент в молитвенную наклонность. Оно описывает индивидуальную личность, личную жизнь; но эта случайность ценится не сама по себе, не как одно из многообразных проявлений человеческой природы, а лишь как воплощение вечного идеала. Цель жития — наглядно на отдельном существовании показать, что все, чего требует от нас заповедь, не только исполнимо, но не раз и исполнялось, стало быть, обязательно для совести, ибо из всех требований добра для совести необязательно только невозможное. Художественное произведение по своей литературной форме, житие обрабатывает свой предмет дидактически: это — назидание в живых лицах, а потому живые лица являются в нем поучительными типами. Житие — не биография, а назидательный панегирик в рам-

ках биографии, как и образ святого в житии — не портрет, а икона. Потому в ряду основных источников древнерусской истории жития святых древней Руси занимают свое особое место. Древнерусская летопись отмечает текущие явления в жизни своей страны; повести и сказания передают отдельные события, особенно сильно подействовавшие на жизнь или воображение народа; памятники права, судебники и грамоты формулируют общие правовые нормы или устанавливают частные юридические отношения, из них возникавшие: только древнерусское житие дает нам возможность наблюдать личную жизнь в древней Руси, хотя и возведенную к идеалу, переработанную в тип, с которого корректный агиограф старался стряхнуть все мелочные корректные случайности личного существования, сообщающие такую жизненную свежесть простой биофрафии. Его стереотипные подробности о провиденциальном воспитании святого, о борьбе с бесами в пустыне—требования агиографического стиля, не биографические данные. Он и не скрывал этого. Не зная ничего о происхождении и ранней поре жизни своего святого, он иногда откровенно начинал свой рассказ: а из какого града или веси и от каковых родителей произошел такой светильник, того мы не обрели в писании, Богу то ведомо, а нам довольно знать, что он горнего Иерусалима гражданин, отца имеет Бога, а матерь—святую Церковь, сродники его—всенощные многослезные молитвы и непрестанные воздыхания, ближние его — неусыпные труды пустынные. Но время подвигов святого обыкновенно хорошо было известно агиографу по устному преданию, письменным воспоминаниям очевидцев, даже по личным наблюдениям: нередко он сам стоял близко к святому, даже «возливал воду на его руки», т.-е. жил с ним в одной келье, был его послушником, а потому при всем его загробном благоговении к памяти не-

божителя сквозь строгие условности житийного изложения проглядывают обаятельные черты живой личности. Наконец очень ценны для историографии часто сопровождающие житие посмертные чудеса святого, особенно подвизавшегося в пустынном монастыре. Это—нередко своеобразная местная летопись глухого уголка, не оставившего по себе следа в общей летописи, даже ни в какой грамоте. Такие записи чудес иногда велись по поручению игумена и братии особыми на то назначенными лицами, с опросом исцеленных и свидетельскими показаниями, с прописанием обстоятельств дела, являясь скорее деловыми документами, книгами форменных протоколов, чем литературными произведениями. Несмотря на то в них иногда ярко отражается быт местного мирка, притекавшего к могиле или ко гробу святого со своими нуждами и болезнями, семейными непорядками и общественными неурядицами.

Мирские монастыри.

Я не буду говорить о том, в какой мере древнерусские монастыри отвечали первоначальной идее христианского монашества и какое влияние оказали на них греческие монастыри той эпохи, когда Русь принимала христианство: это—специальные вопросы русской церковной истории. Я коснусь лишь условий, содействовавших развитию монастырского землевладения. В этом отношении немало значило то, как и где возникали монастыри. Мы уже видели отчасти, как они возникали. Высший иерарх, митрополит или епископ, строил монастырь, чтобы отдыхать там от пастырских трудов и упокоиться по оставлении паствы. Владетельный князь украшал обителями свой стольный город, свое княжество, чтобы создать «прибежище» для окрестных обывателей и вместе с тем иметь постоянных богомольцев за себя с семьей и за своих родителей, иногда руководясь при этом и особенными побуждениями исполнить обет,

данный в трудном случае, или ознаменовать память о каком-либо счастливом событии своего княжения. Боярин или богатый купец создавал себе в монастыре место, где надеялся с наибольшей пользой для души молиться и благотворить при жизни и лечь по смерти. Построив церковь и кельи и собрав братию, основатель обеспечивал содержание своей обители недвижимыми имениями или средствами для их приобретения. Новгородский боярин Своеземцев, богатый землевладелец, в XV в. построил около своего городка на р. Ваге монастырь, в котором и сам постригся под именем Варлаама, приписав к нему значительные земли из своих важских вотчин и оставив братии посмертный завет ежегодно в день его кончины вдоволь кормить бедных, сколько бы их ни набралось в монастырь на праздник; после трапезы, отпуская из монастыря, еще наделяли их печеным и зерновым хлебом. Иногда монастырь строился при содействии целого общества, городского или сельского. Монастырь был нужен городу и сельскому округу, чтобы обывателям было где постричься в старости и при смерти и «устроить душу» посмертным поминовением. Из одной грамоты 1582 г. узнаем, что на Северной Двине близ Холмогор был «убогой» монастырь, о котором крестьяне тамошней Чухченемской волости показали, что у него было 14 деревенек, что тот монастырь строили и деревни к нему «подпущали и прикупали» их прадеды и деды и отцы, проча его себе и своим детям и внучатам «на постригание и на поминок»; монастырем и его деревнями заведывали они же, волостные крестьяне, и монастырскую казну держали у себя в волости. Казна такого монастыря составлялась преимущественно из вкладов за пострижение и помин души и так же обращалась на приобретение недвижимых имуществ с разными доходными угодьями и заведениями. В XVI в. был построен

монастырь, который можно назвать не только мирским, но и «*земским*». Преп. Трифон, подвизавшийся в Пермской стране, узнав, что в соседней Вятской земле, многолюдной и богатой, нет монастыря, возгорел желанием доставить ей это средство душевного устроения. Он предложил вятским земским старостам и судьям возложить это дело на него, как старца, уже потрудившегося в монастырском строительстве. Вятчане с радостью приняли предложение, и Трифон ездил в Москву бить челом о построении монастыря от всей Вятской земли «от всех вятских городов». Но скоро вятчане охладели к делу и перестали помогать Трифону. Его выручил вятский воевода Овцын. На первый день Пасхи он позвал к себе всех знатных и богатых вятчан. Был здесь и Трифон. Когда все «быша в веселии», воевода пригласил гостей помочь Трифону, кто сколько может. Гости радушно согласились. Тотчас явился «некий скорописец» с подписной книгой. Воевода первый подписал значительную сумму; гости от него не отстали. Христосованье с воеводой и воеводское угощенье с подпиской продолжались еще два дня и собрано было более 600 р. (около 30,000 р. на наши деньги). В Москве Трифон выхлопотал своему монастырю «села и деревни с людьми», озера, рыбные ловли и сенные покосы. Братия, которую строители набирали в такие мирские монастыри для церковной службы, имела значение наемных богомольцев и получала «служеное», жалование из монастырской казны, а для вкладчиков монастырь служил богадельней, в которой они своими вкладами покупали право на пожизненное «прекормление и покой». Люди, искавшие под старость в мирском монастыре покоя от мирских забот, не могли исполнять строгих, деятельных правил иноческого устава. Когда в одном таком монастыре попытались ввести

подобные правила, иноки с плачем заявили строителю, что новые требования им не под силу: эта братия, как объяснил дело сам строитель, поселяне и старики, непривычные к порядку жизни настоящих иноков, состарившиеся в простых обычаях. В вятском земском монастыре дело шло еще плачевнее. Трифон ввел в нем строгий устав, запретил монахам держать стол с вином по кельям, предписав довольствоваться одинаковой пищей в общей трапезе. Братия, набившаяся в богатый монастырь, была такова, что строгие требования настоятеля подняли ее на открытый мятеж: Трифона бранили в глаза, запирали и даже били и наконец выгнали из монастыря.

Основатели пустынныхъ монастырей.

Осуществление идеи настоящего иночества надобно искать в пустынных монастырях. Основатели их выходили на свой подвиг по внутреннему призванию и обыкновенно еще в молодости. Древнерусские жития изображают разнообразные и часто характерные условия прохождения пустынного подвижничества в древней Руси; но самый путь, которым шли подвижники, был довольно однообразен. Будущий основатель пустынного монастыря готовился к своему делу продолжительным искусом обыкновенно в пустынном же монастыре под руководством опытного старца, часто самого основателя этого монастыря. Он проходил разные монастырские службы, начиная с самых черных работ, при строгом посте, «изнуряя плоть свою по вся дни, бодрствуя и молясь по вся нощи». Так усвоялось первое и основное качество инока, отречение от своей воли, послушание без рассуждения. Проходя эту школу физического труда и нравственного самоотвержения, подвижник, часто еще юный, вызывал среди братии удивленные толки, опасную для смирения «молву», а пустынная молва, по замечанию одного жития, ничем не отличается от мятежной городской славы.

Искушаемому подвижнику приходилось бежать из воспитавшей его обители, искать безмолвия в настоящей глухой пустыне, и настоятель охотно благословлял его на это. Основатели пустынных монастырей даже поощряли своих учеников в которых замечали духовную силу, по окончании искуса уходить в пустыню, чтобы основывать там новые монастыри. Пустынный монастырь признавался совершеннейшей формой общежития, основание такого монастыря— высшим подвигом инока. Древне русское *житие* недостаточно выясняет, из каких практических побуждений составился такой взгляд, было ли то искание пустынного безмолвия ради спасения души, или стремление почувствовавшего свою силу инока иметь *свой* монастырь, из послушника превратиться в хозяина, или наконец желание пойти навстречу общественной потребности. Мы уже видели, что с XIV в. монастырское движение усиленно направлялось из центральных областей на север за Волгу. Причина понятна: северное Заволожье—это был тогда край, наиболее привольный для пустынножителей, где они при поселении наименее могли опасаться столкновений с землевладельцами и сельскими обществами. Но в ту же сторону, оттуда же и с того же времени направлялась и крестьянская колонизация; монах и крестьянин были попутчики, шедшие рядом, либо один впереди другого. Указанные сейчас побуждения пустынножителей не исключали друг друга, а либо переходили одно в другое, либо сливались одно с другим, смотря по местным обстоятельствам. По крайне мере в житиях есть намеки на то, что отшельники, строя церкви и при них монастыри, нередко имели в виду доставить расходившимся по заволожским лесам переселенцам возможность помолиться, постричься и похорониться в недалеком храме с обителью. Связь пустыннического движения с

крестьянской колонизацией выступает в агиографии довольно явственно. Постриженник Каменного монастыря на Кубенском озере преп. Дионисий, подвизаясь в конце XIV и в начале XV в. в глухих дебрях по р. Глушице, левому притоку верхней Сухоны, строит в разных местах один храм за другим «на прихождении православному христианству», потому что «не бяше тогда церкви на том месте», а деревни вокруг все множились. Около того же времени другой инок Феодор, обходя пустыни около Белоозера нашел там на устье р. Ковжи «новопашенные места починки», свежие росчисти под пашню, выпросил себе у удельного князя эти починки с покосами и рыбными ловлями и устроил монастырь, который стал для окрестных новоселов сборным местом молитвы и пострижения.

Посєление въ пустыне.

Но отшельник не всегда переходил из воспитавшей его обители прямо в пустыню, где суждено ему было основать свой монастырь. Многие долго странствовали по другим монастырям и пустыням: ученик Сергия Радонежского Павел, постригшись 22 лет от роду, 50 лет странствовал по разным пустыням, прежде чем основал свою обитель на р. Обноре. Странничество было распространено среди северного русского монашества тех веков и рисуется в житиях яркими чертами. Странник уходил иногда тайком, чтобы видеть обычаи разных монастырей и поклониться святым местам Русской земли. Кирилл Новоозерский, скитаясь по пустыням, ходил босой, питался травой, кореньями и сосновой корой и «со зверями живяше 20 лет», наконец стал помышлять о покое и основал свой монастырь в Белозерском краю (1517 г.). Найти место, где бы «уединитися от человека», было важной заботой для отшельника, манили дебри, где были бы «леса черные, блата, мхи и чащи непроходимые». На выборном месте ставилась кельица ма-

лая или просто устроялась землянка. Павел Обнорский три года прожил в дупле большой старой липы, а Корнилий, пришедши в Комельский лес, поселился в одинокой избе, покинутой разбойниками. Но отшельнику редко приходилось долго оставаться в безмолвии: его открывали окрестные крестьяне и другие пустынники, которых много скрывалось по заволжским лесам. Около кельи отшельника строились другие для желавших с ним сожительствовать, и составилось пустынническое братство.

Пустынный общежительный монастырь.

В древней Руси различали три вида иноческой жизни: *общежитие*, житие *особное*, и *отходное*. Общежительный монастырь—это монашеская община с нераздельным имуществом и общим хозяйством, с одинаковой для всех пищей и одеждой, с распределением монастырских работ между всей братией; ничего не считать своим, но все иметь общее—главное правило общежития. Отходному житию посвящали себя люди, стремившиеся жить в полном пустынном уединении, пощении и молчании, оно считалось высшей степенью иночества, доступной лишь тем, кто достигал иноческого совершенства в школе общего жития. Особенное житие вообще предшествовало монастырскому общежитию и было подготовительной к нему ступенью. Оно было очень распространено в древней Руси, как простейший вид иночества, и принимало различные формы. Иногда люди, отрекшиеся или помышлявшие отречься от мира, строили себе кельи у приходского храма, заводили даже игумена, как духовного руководителя, но жили отдельными хозяйствами и без определенного устава. Такой монастырь «особняк» составлял не братство, а товарищество, объединявшееся соседством, общим храмом, иногда и общим духовником. Другие селились в пустыне человека по два, по три и более в отдельных кельях по соседству, образуя небольшие отшельнические по-

селки. Но когда среди них появлялся сильный, приобретавший известность подвижник, вокруг него сосредоточивались эти рассеянные пустынники, образовалось скученное поселение, заводились общие работы, пришельцы помогали хозяину в трудах над окрестным лесом, «древние посекая и землю очищая к посеянию плодов земных», отшельники начинали «обще ясти во единой храмине», по выражению одного жития, являлась нужда построить для умножившейся братии просторный храм с общей трапезой. Так особное житие само собою переходило в общежитие. Наконец братия слала в Москву челобитье о монастырском строении, как читаем в житии Антония Сийскаго, «пожаловал бы государь, велел богомолье свое монастырь строити на пустом месте, на диком лесу, братию собирати и пашню пахати». Разрешение пашню пахать значило, что дикий казенный лес, окружавший монастырь, отдавался ему во владение для расчистки под пашню. С минуты этого пожалования товарищество бесформенного особняка превращалось в учреждение, становилось юридическим лицом. На первых порах, когда монастырь устроялся и обзаводился, братия вела усиленно трудовую жизнь, терпела «монастырскую страду». По задачам иночества монахи должны были питаться от своих трудов, «свои труды ясти и пити», а не жить подаяниями мирян. Среди основателей и собиравшейся к ним рядовой братии пустынных монастырей встречались люди из разных классов общества, дворяне, купцы, промышленники и ремесленники, иногда люди духовного происхождения, очень часто крестьяне. Общежительный монастырь под руководством деятельного основателя представлял рабочую общину, в которой занятия строго распределялись между всеми, каждый знал свое дело, и работы каждого шли «на братскую нужу». Устав белозерских монастырей Кирилла и Ферапонта, как он изложен в житии

последнего, живо изображает этот распорядок монастырских занятий, «чин всякого рукоделия»: кто книги пишет, кто книгам учится, кто рыболовные сети плетет, кто кельи строит; одни дрова и воду носили в хлебню и поварню, где другие готовили хлеб и варево: хотя и много было служеб в монастыре, вся братия сама их исправляла, отнюдь не допуская до того мирян, монастырских служек. Но первой хозяйственной заботой основателя пустынного монастыря было приобретение окрестной земли, обработка ее—главным хозяйственным делом собиравшейся в нем братии. Пока на монастырскую землю не садились крестьяне, монастырь сам обработывал ее, всем своим составом, со строителем во главе выходя на лесные и полевые работы. Земледельческое хозяйство приходилось заводить на диком нетронутом лесу, расчищая его под пашни и огороды. В одном монастырском сказании XVI века такими чертами изображается образцовая деятельность основателя пустынного монастыря: довольно лет подвизался он в своей обители, построил церкви и кельи поставил, «и многая по чину монастырскому взградив, и нивы и пашни к монастырю приобрете, и человеки многие (слуги-миряне) и скоты на службу в обитель сию устрои, и не преста от труда своего, аще и в многолетной седине, и не даде телу своему ни мало покоя, еще второе о Бозе умышляет, дабы ему дал Бог обрести место потребно к рыбной ловле». Так помыслы о пустынном безмолвии завершались образованием монашеской земледельческой общины. Причиной такого, как бы сказать, уклона иночества была его связь с крестьянской колонизацией. Пустынники шли вслед за крестьянами или пролагали им дороги в заволжских лесах; пустынный общежительный монастырь служил нуждам переселенцев, религиозным и хозяйственным, широко поль-

зовался их трудом, из их среды пополнял свою братию. Та же причина в ряду других условий содействовала и дальнейшему уклонению большинства русских монастырей от идеи иночества, о чем буду говорить в следующий час.

Лекция XXXV.

Способы земельного обогащения монастырей.—Земли жалованные.—Вклады по душе и для пострижения.—Купли и другіе сделки.—Вредные следствия монастырского землевладения для самого монашества.—Монастырские кормы.—Упадокъ монастырской дисциплины.—Неудобства монастырского землевладения для служилых людей и государства.—Вопрос о монастырских вотчинах.—Нил Сорский и Иосиф Волоцкий.—Собор 1503 г.—Литературная полемика по вопросу.—Законодательные попытки сдержать земельное обогащение монастырей.

Мы видели, как древнерусский общежительный монастырь становился земледельческой общиной. Теперь нам предстоит рассмотреть, как многие из этих монастырей превращались в крупных землевладельцев.

Земли жалованные.

Житие изображает древнерусского пустыножителя в минуты его жизни, когда он приближался к своему иноческому идеалу. Но сохранились документы, в которых тот же пустыножитель является в ежедневном быту, среди своих будничных хлопот. Здесь он заботливый хозяин, пекущийся о прокормлении собранной братии. Около половины XVI в. на южном берегу оз. Ильменя близ пустоши Леохнова начал подвизаться отшельник Антоний из тверских дворян. Потом к нему собралось несколько сподвижников, и к концу века возник монастырь. Жизнь Антония описана в житии обычными чертами строгого пустынножительства. Но из сохранившихся актов монастыря видно,

как заботливо и с каким трудом устроял Антоний поземельное хозяйство своей пустынки. Стесненный помещичьими землями, он жаловался, что ему некуда выпустить монастырскую животину, выпрашивал себе сенные покосы, брошенные крестьянами и зароставшие лесом, также дворцовые пустоши, покинутые помещиками, брал их «из оброку для пашни и животинного выпуску», с обязательством их распахать и обстроить, «хоромы поставить». Выпрошенные луга и пустоши называются в документах «государевой жалованной землей». Между служилым землевладельцем и тяглым хлебопашцем пустынный монастырь оперирует с землей, как соперник того и другого, с тою лишь немаловажною разницей, что монастырь прочнее их обоих умел укреплять за собой приобретаемые земли. Способы этого укрепления особенно явственно выступают в другом случае. В 1618 г. Троицкого Сергиева монастыря старец Трифилий да крестьянин Ивашка выпросили себе в Москве в дворцовом ведомстве «для пустынного строенья» лесное урочище Пелегово за р. Унжей на диком месте, «от людей поотдалело». Предприниматели брали урочище на 6-летнюю льготу с обязательством в эти льготные годы «пустыню строить, храм воздвигнуть, братию и крестьян на пашню призывать, лес расчищать, и пашню пахать к той пустыне и всякими угодьями владеть», а по истечении льготного срока платить в казну ежегодно около 10 р. на наши деньги. Через 9 лет строитель отдал свою пустынь в Сергиев монастырь, который с крестьян соседней волости взял запись—никаких споров о земле с пустынью не затевать и своим строеньем ее не называть. Между тем пустынь уже наставила починков и насажала крестьян на своей земле и даже воспользовалась «промежной землей», нейтральной полосой, пролегавшей между нею и волостью, и начала там «дворы строить

и бобылей призывать», стесняя своих соседей. При такой колонизаторской домовитости казна охотно уступала строителям пустынных монастырей обширные дико-лесные пространства, чтобы ввести их в народно-хозяйственный оборот. В конце XV в. монастырю Павла Обнорского пожаловано было «черного непашенного», нетронутого Комельского леса в Вологодском краю на 8 верст в длину и на 3—4 версты в ширину. В начале XVI в. некий старец Ефрем основал монастырь в глухом краю на верхней Ваге; преемнику основателя царь в 1559 г. дал грамоту с правом «от той пустыни лес сечи, и людей на том на диком лесу садити, и пашню пахати на все стороны от монастыря по пяти верст». А игумену Феодору, построившему пустынку на диком лесу где-то между Вологдой, Каргополем и Вагой, в 1546 г. позволено было лес расчищать и заселять на 12 верст от монастыря во все стороны. Такие огульные земельные пожалования соединялись со щедрыми судными и податными льготами для крестьян, селившихся на пожалованных землях, и потому заселение их шло очень успешно. Когда преп. Павел в конце XIV в. начал подвизаться на пустынной Обноре, далеко кругом его кельи не было мирского жилья. В 1489 г., когда монастырю было пожаловано до 30 кв. верст Комельского леса, с крестьян 4 монастырских деревень велено было «податей никаких не имати», и спустя 56 лет на отведенном монастырю лесу стояло уже до 45 старых и новых деревень и починков, самим монастырем поставленных. Землевладельческие успехи монастыря при такой щедрости набожного правительства и при тогдашней неопределенности поземельных отношений нередко приводили к прискорбным столкновениям. Окрестные землевладельцы и крестьяне говорили про строителя: «сей старец близ нас поселился по мале времени завладеет нами и селитвами

нашими; на нашей земле монастырь поставил и пашню строит и хочет завладеть нашими землями и селами, которые близ монастыря». В начале XVII в. вотчинный крестьянин Иосифова волоколамского монастыря Симон, в Смутное время брошенный отцом и ушедший кормиться в Устюг, поселился в глухом лесу на речке Кичменге, притоке р. Юга, в урочище Волмах, откуда до ближайших крестьянских поселений было не меньше 20 верст. Жил он, как все лесные отшельники, «во многих трудех и подвизех, лес посекая и землю очищая», и когда к нему стали собираться сожители, пошел в Москву хлопотать о разрешении «в непроходимом черном лесу обитель составити и и братию собрати». Царь дал ему жалованную грамоту с правом владеть тем лесом на 10 верст во все стороны от его аршинной («яко лактя единого») келейки на р. Кичменге. Тогда окрестные крестьяне испугались, что привольный лес, где они промышляли на просторе, ускользает из их рук. Симон построил церковь в своей пустыне: они сожгли ее. Симон построил другую: крестьяне захватывали его в пустыне наедине, просьбами, угрозами и даже пытками старались выманить у него царскую жалованную грамоту и наконец зверски его убили. Рассказы об озлобленном отношении окрестных обывателей к строителям монастырей из опасения потерять земли и угодья не редки в древнерусских житиях. Усердные не по разуму правители иногда оправдывали такое опасение, против воли самих строителей навязывая им даже населенные земли. Преп. Корнилий Комельский, основавший монастырь на р. Нурме, был строгий и нестяжательный пустынник. Отец Грозного очень чтил старца, который в молодости служил при дворе его бабушки. Житие Корнилия передает короткую беседу его с вел. кн. Василием. «Слышал я, отче,

что у твоего монастыря нет сел и деревень; но проси, и я дам, что тебе нужно». Корнилий отвечал, что ему ничего не нужно, а только просит он дать ему немного земли с лесом близ монастыря, чтобы он со своею братией мог «от поту лица своего есть хлеб свой». Великий князь исполнил просьбу старца да от себя прибавил прилегавшие к монастырю деревни и починки «со всяким угодием», освободив их обывателей от всяких податей и поборов. Сохранилась пожалованная тогда Корнилию грамота, укреплявшая за монастырем 29 деревень и починков, обывателей которых «ведает и судит старец Корнилий с братьею сами во всем». Пустынник, которому собственный монастырь казался слишком шумным и который искал полного безмолвия, волей-неволей стал управителем чуть не целой сельской волости со всеми ее дрязгами.

Вклады по душе.

Вотчины *жалованные*, испрошенные у мирской власти, были основным фондом земельного богатства монастырей. Деревни и починки, пожалованные преп. Корнилию помимо его просьбы, имели уже характер вклада. *Вклады* были другим, еще более обильным источником земельного обогащения монастырского монашества. Они входили в состав довольно сложной системы *строения души*, выработанной древнерусской набожностью, точнее, древнерусским духовенством. В духовной жизни древней Руси я не знаю другой черты, которая так выпукло обнаруживала бы степень понимания христианства древнерусским человеком. *Строить душу* значило обеспечить человеку загробную молитву Церкви о его грехах, о спасении его души. Вы помните, что замечает православный катехизис в изложении XI члена Символа веры о душах умерших с верою, но не успевших принести плоды, достойные покаяния: для достижения блаженного воскресения им могут вспомоществовать приноси-

мые за них молитвы, особенно соединенные с приношением бескровной жертвы, и благотворения, с верою совершаемые в память их. Православное учение о молитве за усопших древнерусская рядовая совесть усвоила недостаточно вдумчиво и осторожно: возможность молитвы о душах умерших, не успевших принести плоды покаяния, приободрила к мысли, что и нет нужды спешить с этим делом, что на все есть свое время. В одной былине древнерусский богатырь, собираясь под старость в Іерусалим, чтобы пристойно завершить свои неблаговидные подвиги, говорит:

Смолоду было много бито, граблено,
А теперь пора душа спасти.

Сострадальная заботливость Церкви о не успевших позаботиться о себе послужила для податливой на соблазн и трусливой совести поводом к мнению, что можно отмолиться чужой молитвой, лишь были бы средства нанять ее, и лишь бы она была не кой-какая, а истовая, технически усовершенствованная молитва. Привилегированными мастерскими такой наемной молитвы были признаны монастыри: свет инокам ангелы, свет мирянам иноки,—говорили в древней Руси. Такой взгляд на монастыри, укрепившийся в древнерусском обществе, был большим несчастием для монастырского монашества, расстраивавшим его быть и мешавшим ему понять свое истинное назначение. Средством для найма монастырской молитвы и служили вклады ради спасения души, «в наследие вечных благ». Они принимали разнообразные формы и делались всевозможными вещами, церковными предметами, колоколами, свечами, сосудами, иконами, богослужебными книгами, также хозяйственными принадлежностями, хлебом, домашним скотом, платьем, всего обычнее деньгами и недвижимыми имуществами. Различны были и блага, какие надеялись приобрести вкладами. Всего ближе к церковному

учению о молитве за усопших были вклады *по душе*, для заупокойного поминовения. Такой вклад входил, как норма, в состав древнерусского права наследования: из имущества состоятельного покойника обязательно выделялась доля на помин его души, хотя бы он не оставлял по себе никаких предсмертных распоряжений; его молчаливая воля по этому предмету предполагалась, как необходимая юридическая презумпция. Древнерусскому человеку вообразить себя на том свете без заказного поминовения на земле было так же страшно, как ребенку остаться без матери в незнакомом пустынном месте. Выработана была подробная такса заупокойных богослужений, панихид «больших и меньших», литий, обеден. Поминовение по *сенанику* (синодику) отличалось от «годового поминовения впрок», которое стоило дороже; смотря по вкладу усопшего записывали в вечные сенаники *налойный*, *литейный*, *олтарный*, *постенный*, *вседневный* и *сельный с сельники*, т. е. с покойниками, по которым были вклады селами. В Троицком Сергиевом монастыре в 1630-х гг. за запись в литейный синодик брали по 50 р. (не менее 500 р. на наши деньги) с каждого имени. Преп. Иосиф Волоцкий в послании к княгине-вдове Голениной изложил своего рода догму поминальных вкладов. Княгиня в течение 15 лет передала в монастырь Иосифа по своем отце, муже и двух сыновьях деньгами и другими вкладами более 70 рублей (не менее 4 тыс. на наши деньги). Ей хотелось, чтобы ее покойников поминали особо, а не на общих панихидах зауряд с другими усопшими вкладчиками, и имена их были бы внесены в вечный синодик. Из монастыря ей отвечали, что для этого требуется особый значительный вклад. Княгиня в сердцах назвала это требование «грабежом». Иосиф в своем письме и опровергает это вспыльчивое выражение. Он точно высчитывает,

что и на общих «панафидах», заупокойных литиях и вседневных обеднях покойники княгини в сложности поминаются не меньше 6 раз на день, а в иной день и по 10 раз, что петь за всякого по особой панихиде и обедне—дело невозможное; даром священник ни одной обедни, ни панихиды не служит, а надобно каждому заплатить за обедню в праздник более 1 руб. (на наши деньги), а в будни половину того. В конце письма Иосиф говорит, что в годовое поминанье не записывают «без ряды», особого договора с условием либо ежегодного урочного взноса деньгами или хлебом, либо единовременного вклада селом.

Вклады для пострижения.

Кроме вкладов по душе монастыри обогащались еще взносами для пострижения. Таким взносом как бы обеспечивалось пожизненное содержание постриженника в монастыре. Этот источник расширялся по мере того, как в древнерусском обществе укреплялся обычай постригаться под старость или перед смертью. Думали, что во что-нибудь зачтется, если отречься от мира хотя за несколько минут раньше, чем сама природа закроет человеку глаза на этот мир. Редкий государь в древней Руси умирал, не постригшись хотя бы перед самой смертью; то же делали по возможности и частные лица, особенно знатные и состоятельные. Вступление в иночество обыкновенно соединялось со вкладом в монастырь при самом пострижении или со вкладом, назначенным заранее на случай пострижения; в последнем случае вкладчик оговаривал свой вклад условием: «а похочу яз постричись, и игумену меня постричь за тем же вкладом». Иосиф Волоцкий признавался что его монастырь начал обстраиваться с тех пор, как стали в нем стричься в чернцы добрые люди из князей, бояр, дворян и купцов, которые давали много, от 10 до 200 р. (до 12 тыс. на наши деньги). На Трифона, осно-

вавшего в конце XVI в. монастырь на Вятке, жаловались, что он за пострижение вкладу просит дорого и с убогого человека меньше 10 р. (более 100 р.) не возьмет. Вклад при пострижении считался тем обязательнее, что по смерти вкладчика он превращался в поминальный. В письме к княгине-вдове Иосиф Волоцкий высказывает, как общее правило, что если богатый человек при пострижении не даст вкладу по силе, его не велено поминать в том монастыре. Иногда вкладной договор обставлялся разнородными условиями, получал довольно сложный юридический состав. Один вкладчик, например, с женой и 4 сыновьями в 1568 г. отдал в Троицкий Сергиев монастыр свою небольшую подмосковную вотчину, и за это его у Троицы «постричи и келейкою пожаловати упокоити и семью (жену) его тоже постричь в приписном к Сергиеву женском монастыре и келейку ей пожаловать, а двух сыновей их принять в слуги монастыря и деревеньку им пожаловать, на чем им можно прожити», а кто из них захочет постричься, того постричь и тоже келейкою поустроить за тем же вкладом. Так вкладом пристроилась к монастырю целая дворянская семья, давая ему готовых и будущих постриженников и даже военных слуг-помещиков. Иногда вклад в монастырь делался с условием не только поминать, но и похоронить вкладчика в том монастыре; некоторые монастыри становились фамильными кладбищами знатных родов, члены которых из поколения в поколение приносили в обители «вечного покоя» за свои души и могилы свои вотчинные села, деревни и сенные покосы.

Купли. Не все в древней Руси смотрели на церковное поминовение и на вклады за него, как смотрел на это преп. Иосиф. В одной рукописи XVII в. в предисловии к синодику Сийского монастыря я встретил такое наставление игуменам: «Если

скончается монах вашей паствы или мирянин, в нищете живший, не говорите: не дал вкладу, так не писать его в поминание; тогда вы уж не пастыри, а наемники и мздоимцы; если состоятельный человек, умирая, ничего не даст церкви Божией, ни отцу своему духовному, а все оставить плотскому своему роду—это не ваш грех, ты же, пастуше словесных овец, имей опасливое попечение о душах их». Однако взгляд Иосифа оставался господствующим и поддерживал непрерывный приток в монастыри денежных и земельных вкладов. Впрочем, и денежные вклады шли прежде всего на приобретение вотчин, и сами вкладчики подыскивали земли для монастырей, чтобы купить их на вкладываемые ими деньги. С вкладом связано было их поминовение, а денежный капитал легко мог быть израсходован, тогда как монастырская земля была неотчуждаема и должна была напоминать о поминовении вкладчика-сельника, «чтобы душа его во веки беспамятна на была», как писалось во вкладных. От разных монастырей древней Руси сохранилось большое количество купчих на земли; в архиве Троицкого Сергиева монастыря ряд их идет от преемника Сергиева иг. Никона. Но нередко купля-продажа заменялась сделками другого рода или с ними соединялась. Так иногда вотчина отчуждалась монастырю за деньги под видом заклада: вотчинник занимал деньги под залог вотчины; при неуплате в срок или при отказе от уплаты закладная по условию превращалась в купчую. Подобный характер прикрытой продажи получила и мена вотчинами: монастырь покупал малоценную землю и менял ее на более ценную, доплачивая разницу стоимости деньгами. На такую мену с придачей или приплатой походили и вклады по душе со *сдачей*. Вотчинные вклады обыкновенно делались заранее с условием жить вкладчику на вкладной вотчине до смерти или до постри-

жения. Это был своего рода прожиток или *пожить*, как называлось подобное временное владение в поместном праве. Но нередко вотчинник получал с монастыря еще сдачу при самом вкладе вотчины, в стоимости которой таким образом различались две составные доли, одна собственно вкладная на помин души, другая продажная, оплачиваемая сдачей. Все такие сделки основывались на общих нормах древнерусского гражданского права; но при участии религиозных мотивов в монастырской практике они складывались в такие сложные комбинации, какие едва ли возможны были во внецерковном юридическом обороте. Приведу пример из архива Троицкого Сергиева монастыря, самого крупного и оборотливого землевладельца между монастырями древней Руси. В 1624 году вдова знатного происхождения дала к Троице хорошую старинную вотчину мужа с условием поминать его, их детей и родителей, а ее по смерти положить у Троицы, с записью в сенаник и проч. При этом вкладчица взяла у монастыря значительную сумму, чтобы расплатиться с долгами, и поставила условие: кто из ее рода захочет выкупить вкладную вотчину, обязан уплатить взятую вдовой у монастыря сумму и сверх того внести большой денежный вклад взамен той доли стоимости выкупаемой вотчины, какая назначалась на поминовение. Вкладчица живет во вкладной вотчине до смерти, а после нее монастырь даст ее человеку во вкладном селе или в какой-либо вотчине монастыря, где сам тот человек похочет, белую, нетяглую землю, чем ему с семьей сыту быть до его смерти. Здесь совмещены разнородные юридические и церковно-нравственные нормы: вклад по душе с его обычными условиями и душевными благами, на него приобретаемыми, и сдача, и выкуп родовой вотчины с обязательствами, на ней лежащими, и пожизненными прожиток не только для

самой вкладчицы, но и для ее крепостного слуги с семьей.

Я перечислил далеко не все землевладельческие операции монастырей: это—дело специального исследования. В нашей исторической литературе есть такое исследование, изданное слишком 40 лет тому назад и доселе сохраняющее большую научную цену: это—сочинение Вл. Милютина *О недвижимых имуществах духовенства в России*; оно говорит о монастырях в ряду других церковных учреждений. Я веду речь только о монастырских вотчинах. Сказанного мною, думаю, достаточно, чтобы заметить, какое направление принимала жизнь старых пустынных общежительных монастырей к половине XVI в. Из трудовых земледельческих общин, питавшихся своими трудами, где каждый брат работал на всех, и все духовно поддерживали каждого из своей братии, многие из этих монастырей, если не большинство, разрослись в крупные землевладельческие общества со сложным хозяйством и привилегированным хозяйственным управлением, с многообразными житейскими суетами, поземельными тяжбами и запутанными мирскими отношениями. Окруженное монастырскими слободами, слободками и селами, братство такого монастыря представляло из себя черноризческое барство, на которое работали сотни и тысячи крестьянских рук, а оно властно правило своими многочисленными слугами, служками и крестьянами и потом молилось о всем мире и особенно о мирянах—вкладчиках своего монастыря. В больших монастырях, как Троицкий Сергиев, Иосифов Волоколамский, было много родовитых постриженников из князей, бояр и дворян, которые и под монашеской рясой сохраняли воспитанные в миру чувства и привычки людей правящего класса. Неправильно понятая идея церковной молитвы за усопших повела к непомерному земельному обогащению

Вредные следствия.

монастырей и поставила их в безысходный круг противоречий. Уже в начале XVI в., во времена Иосифа Волоцкого, как писал он сам, во всех монастырях было земли много от того, что князья и бояре давали им села на вечное поминание. Общества отшельников, убегавших от мира, мир превратил в привилегированные наемные молельни о мирских грехах и ломился в мирные обители со своими заказами. Это было главное противоречие, обострившее все остальные. Инок, полагавший в основу своего подвига смирение и послушание, «еже не имети никоея же своея воля», видел себя членом корпорации, властвовавшей над многочисленным населением монастырских земель. Большие монастыри были очень богатые общества, каждый член которых однако давал обет нищеты, отрекаясь от всякой собственности. Единственное оправдание монастырского землевладения было указано церковным правилом: «церковное богатство — нищих богатство». Мир, т.-е. общество и государство, щедро наделяя монастыри вотчинами, этим возлагал на них обязанность устроить общественную благотворительность. Строители монастырей, наиболее чтимые в древней Руси, глубоко проникнуты были сознанием святости этого иноческого долга перед миром, приносившим иночеству такие жертвы: они шли навстречу народным нуждам, не отказывали просящим, в неурожайные годы кормили голодающих. Так поступал Кириллов белозерский монастырь при своем основателе и его ближайших преемниках: во время одного голода в монастыре кормились ежедневно до нового урожая более 600 человек. Преп. Иосиф, исчисляя княгине Голениной расходы своего монастыря, писал, что на нищих и странников у него ежегодно расходится деньгами по 150 руб. (около 9.000), иногда и больше, да хлебом по 3,000 четвертей, что у него в трапезе каждый день кор-

мится 600 — 700 душ. Житие его рассказывает, что во время голода к воротам монастыря подступило из окрестных сел до 7000 народа, прося хлеба. Другие побросали перед монастырем своих голодных детей, а сами разошлись. Иосиф приказал келарю ребят подобрать и содержать в монастырской страннопримнице, а взрослым раздавать хлеб. Через несколько дней келарь доложил: ржи нет и братию кормить нечем. Иосиф велел казначею купить ржи. Тот возразил: денег нет. Игумен приказал занимать деньги и покупать рожь, а братскую трапезу сократить до крайней скудности. Братия зароптала: «как это можно прокормить столько народа! только нас переморит, а людей не прокормит». Но про подвиг Иосифа узнали окрестные землевладельцы, также удельные московские князья и сам вел. князь Василий и щедрыми вспоможениями выручили игумена. Многие монастыри скоро забывали нищелюбивый завет своих основателей, и их благотворительная деятельность не развилась в устойчивые учреждения, а случайные, неупорядоченные подаяния монастырских богомольцев создали при больших монастырях особый класс профессиональных нищих. Богадельни были при немногих монастырях, и когда царь на Стоглавом соборе возбудил вопрос о беспризорных нищих, убогих и увечных, отцы собора дали совет собрать таких в богадельни и содержать на счет царской казны и на приношения христолюбцев, но об участии церковных учреждений в их содержании умолчали. Куда же девали богатые монастыри свои деньги, обильно приливавшие к ним от вкладчиков и из обширных вотчин? Обличители XVI в. настойчиво повторяют, что монастыри вопреки церковным правилам дисконтировали, отдавали деньги в рост, особенно в ссуду своим крестьянам. Вассиан Косой изображает их суровыми заимодавцами, которые налагали «лихву на лихву»,

проценты на проценты, у несостоятельного должника крестьянина отнимали корову или лошадь, а самого с женой и детьми сгоняли со своей земли или судебным порядком доводили до конечного разорения. Это обвинение в «заимоданиях многолихвенных убогим человеком» было отчасти поддержано и на Стоглавом соборе. Царь спрашивал: «церковную и монастырскую казну в рост дают — угодно ли это Богу»? Отцы собора отвечали постановлением: архиереям и монастырям деньги и хлеб давать крестьянам своих сел без роста, чтобы крестьяне за ними жили, от них не бегали и села их не пустовали бы. Так частию по вине земельного богатства монастыри начинали превращаться из убежищ нищей братии в ссудо-лихвенные конторы.

Монастырские кормы. Ни в чем так наглядно и резко не проявлялось противоречие вотчинно-монастырского быта монашескому обету, как в монастырских *кормах*. Это было целое учреждение, покоившееся на вековом обычае и даже на договорном основании. Значительный земельный вклад по душе обыкновенно соединялся с условием, чтобы монастырь, т. е. его правление, ежегодно устроял братии корм в память того, по чьей душе делался вклад, иногда два корма, в день ангела и в день *памяти*, кончины вкладчика. Значит, корм входил в состав церковного поминовения. Иногда вотчину отказывали в монастырь с тем, чтобы оброка она не платила, а только доставляла в монастырь столовые припасы и деньги на поминки по вкладчике. Различали кормы большие, средние и малые; все они были расценены подобно записи в разные синодики. Из одной грамоты 1637 года видим, что большой ежегодный корм в Троицком Сергиевом монастыре стоил 50 р. (не менее 500 р.). Кроме заупокойных ежегодных были еще случайные кормы молебенные, когда знатные богомольцы приезжали в обитель отслужить молебен за здравие,

по обету, данному по какому-либо случаю, или просто из усердия к угоднику и при этом *учредить* братию, т.-е. хорошо покормить ее и подать ей денежную *милостыню.* Богатые люди для таких кормов привозили в монастырь свои припасы. Да человек маломощный и не был в состоянии устроить такого *учреждения.* Один молодой придворный вел. кн. Василия Темного по обету думал учредить многочисленную братию Троицкого Сергиева монастыря. Но потом им овладело раздумье: если он исполнит свой обет, то совсем разорится, не останется у него и половины его состояния. К кормовым монастырским дням надобно еще прибавить праздники господские, богородичные и «великих святых», которых числилось в году до 40, когда братия также получала усиленный стол. Корм тем и отличался от вседневного, будничного продовольствия братии, что улучшалось качество пищи и увеличивалось количество «еств», блюд: вместо черного хлеба подавали белый пшеничный, еств было за обедом не 2 или 3, а 4, «ели дважды днем с рыбою», пили квас медвяной или сыченый, а не «простой братский» и т. п. В монастырях велись особые *кормовые книги*, где перечислялись дни кормов заупокойных и праздничных, иногда с описанием состава усиленного стола и с указанием, по каком вкладчике полагается заупокойный корм в известное число. По одной кормовой книге Иосифова Волоколамского монастыря первой половины XVI в. значится 51 день в году с заупокойными кормами. В рукописной кормовой книге Соловецкого монастыря, относящейся ко времени царя Алексея, кормовых заупокойных и праздничных дней значится 191, больше половины года. Вообще столовый обиход в землевладельческих монастырях был разработан особенно тщательно. В уставах о трапезах Троицкого Сергиева и Тихвинского монастырей конца XVI в. сделана подроб-

ная поденная роспись на весь год, что есть и пить монахам за обедом и ужином; здесь обозначено до 36 разных яств горячих и холодных, мучных, рыбных и других, из напитков квасы, меды, пиво сыченое, вино.

Упадок монастырской дисциплины.

Привожу эту подробности, чтобы объяснить недоумение, возбуждаемое упомянутыми документами о монастырских трапезах. Монах, обрекавший себя на строгий пост и всякое воздержание, садился за трапезу, удовлетворявшую изысканным требованиям тогдашней гастрономии и служившую завершением братской молитвы об упокоении души щедрого вкладчика. Это было одно из тех противоречий, в какие поставлены были монастыри своими вотчинами. Упадок дисциплины в старых монастырях—общее явление XVI в., резко отмеченное в литературных памятниках и в правительственных актах того времени. Этот упадок был следствием перемены в подборе монастырского братства, а перемена произведена была монастырским землевладением. К лесным отшельникам, основавшим эти монастыри, приходили люди, желавшие делить с ними труды пустынножительства и «душа своя спасти». Пустынник встречал пришельцев суровым вопросом: «хотити ли и можете ли терпеть труды места сего, голод и жажду и всякие недостатки?» Когда преп. Сергию отвечали, что хотят и могут, он говорил пришельцам: «знайте, что̀ вам предстоит здесь, будьте готовы терпеть скорби, беды, печали, всякую тугу и нужду, приготовьтесь не к покою и беспечалию, но к трудам, посту, всяким искушениям и подвигам духовным». Эти люди пришли к Сергию с пустыми руками, без вкладов, как и он пришел на свое место. Совсем другая беседа шла у преп. Иосифа с его братией, составившейся из зажиточных вкладчиков, когда он задумал покинуть свой уже разбогатевший монастырь: «и мы разойдемся по дворам, а ведь мы отдали

все свое имущество этой обители и тебе и надеялись, что ты будешь нас покоить до смерти, а по смерти поминать, и сколько было у нас силы, мы ее истощили в работе на монастырь, и как теперь у нас не стало ни имения, ни силы, ты нас хочешь оставить, а нам прочь пойти не с чем». Чем более чтили подвижника, тем больше текло из мира вкладов в его обитель, а по мере накопления земельных вкладов в нее все больше теснилось людей, которые искали не пустынного труда и безмолвия, а монастырского покоя и довольства. Они и уронили в XVI в. строгую монастырскую дисциплину времен Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского. Царь Иван прямо указал на этот упадок Стоглавому собору: «в монастыри постригаются не ради спасения души, а покоя ради телесного, чтобы всегда бражничать». И отцы собора подтвердили заявление царя, признав, что к Сергиеву монастырю устав неприменим, потому что «то место чудотворное и гости беспрестанные день и нощь»; собор решил и в других больших монастырях князьям и боярам, постригающимся со вкладами великими, законов не полагать, покоить их ествою и питием, держать для них «квасы сладкие и черствые и выкислые, кто какова требует». Так добрая идея, неправильно понятая и примененная, в своем последовательном развитии приводит к расстройству порядка, усвоившего ее с таким неправильным пониманием и применением.

Монастырские вотчины и государство.

Не так очевидно, но не менее сильно затрогивало монастырское землевладение интересы государства и служилого класса, сходные по отношению к этому землевладению. Обилие денег давало монастырям возможность, возвышая покупные цены, перебивать продажные земли у других покупщиков, особенно у слабосильных служилых людей, и доставило монастырям господство на земельном рынке: дети

боярские жаловались правительству, что «мимо монастырей вотчин никому ни у кого купити не мочно». Мы уже видели, какие земельные операции совершали монастыри посредством вкладов со сдачей и мены с придачей. При неумеренной заботливости об устроении души земельные вклады часто соединялись с ущербом для законных наследников, родичей и даже собственной семьи вкладчика, и получали одиозный характер. Иные отказывали в монастыри свои вотчины по душе, чтобы эти вотчины «ближнему их роду не достались», а чтобы родичи не могли воспользоваться своим правом выкупа, завещатели или вкладчики назначали такие высокие выкупные цены вкладным вотчинам, что выкуп их становился невозможным. Иной отказывал в монастырь все свое имение, оставляя жену без всякого обеспечения, и только просил братию «жену его наделити, как им, государям, Бог известит». Особенно тяжело читается вкладная (1580 г.) одной вдовы: свою вотчину, отца своего благословение, она отказывала в монастырь по душе отца и по своей; у нее было два сына, один 4 лет, другой полугоду, и она просит архимандрита с братией «пожаловать, тех моих детишек по дворам не пустить». Такими разнообразными путями служилые вотчины, бывшие подспорьем поместий, уходили из служилых рук в монастыри, вынуждая правительство для поддержания военнослужебной годности своих слуг возмещать их вотчинное оскудение усиленными поместными и денежными окладами. Чтобы остановить или хотя бы только упорядочить этот уход земли из служилой среды в неслужилую, в XVI в. стали запрещать монастырям без доклада государю покупать, брать в заклад и по душе вотчины у служилых людей. Монастырское землевладение создавало государству и служилому классу еще другое затруднение. Мы уже видели,

как боялись за свои земли казенные крестьяне, по соседству с которыми возникал монастырь. Это опасение разделяли и соседние землевладельцы, и оно нередко оправдывалось для тех и других: земли их так или иначе отходили к монастырю. Испрашивая себе широкие привилегии по податям и повинностям, монастыри могли заселять свои пустоши на льготных условиях, перезывая крестьян с соседних казенных и владельческих земель, отнимая тяглых и оброчных плательщиков у крестьянских обществ и у служилых землевладельцев. Уже к половине XVI в. монастырское землевладение достигло обременительных для государства размеров. Один из англичан, бывших в Москве в это время, писал, что в Московии строится множество обителей, получающих большие доходы со своих земель, ибо монахи владеют третьей частью всей земельной собственности в государстве (tertiam fundorum partem totius imperii tenent monachi). Это—пропорция, схваченная на глаз, а не добытая точным исчислением; но неполные поземельные описи, сохранившиеся от того века, показывают, что она вообще не особенно далека от действительности, а по местам близко к ней подходила. Некоторые монастыри выделялись из ряда других своим земельным богатством. За Кирилловым белозерским монастырем в 1582 г. числилось до 20.000 десятин пашни, не считая пустырей и леса. Английский посол Флетчер, приехавший в Москву в 1588 г., пишет, что русские монастыри сумели занять лучшие и приятнейшие места в государстве, что некоторые из них получают поземельного дохода от 1000 до 2000 р. (не менее 40—80 тыс. на наши деньги). Но первым богачом из всех церковных землевладельцев Флетчер признает Троицкий Сергиев монастырь, который будто бы получал поземельных и других доходов до 100.000 р. ежегодно (до 4 мил. р.). Такая масса зе-

мельного богатства ускользала от непосредственного распоряжения государственной власти в то время, когда усиленное развитие поместного владения все больнее давало ей чувствовать недостаток земли, удобной для хозяйственного обеспечения вооруженных сил страны.

Вопрос о монастырских вотчинах.

Монастырское землевладение было вдвойне неосторожной жертвой, принесенной набожным обществом недостаточно ясно понятой идее иночества: оно мешало нравственному благоустроению самих монастырей, и в то же время нарушало равновесие экономических сил государства. Раньше почувствовалась внутренняя нравственная его опасность. Уже в XIV в. стригольники восставали против вкладов по душе и всяких приносов в церкви и монастыри за умерших. Но то были еретики. Скоро сам глава русской иерархии выразил сомнение, подобает ли монастырям владеть селами. Один игумен спрашивал митрополита Киприана, что ему делать с селом, которое князь дал в его монастырь. Святые отцы, отвечал митрополит, не предали инокам владеть людьми и селами; когда чернецы будут владеть селами и обяжутся мирскими попечениями, чем они будут отличаться от мирян? Но Киприан останавливается перед прямым выводом из своих положений и идет на сделку: он предлагает село принять, но заведывать им не монаху, а мирянину, который привозил бы оттуда в монастырь все готовое, жито и другие припасы. И преподобный Кирилл Белозерский был против владения селами и отклонял предлагаемые земельные вклады, но вынужден был уступить настояниям вкладчиков и ропоту братии, и монастырь уже при нем начал приобретать вотчины. Но сомнение, раз возникнув, повело к тому, что колеблющиеся мнения обособились в два резко различных взгляда, которые, встретившись, возбудили шумный вопрос, волновавший

русское общество почти до конца XVI в., и оставивший яркие следы в литературе и законодательстве того времени. В поднявшемся споре обозначались два направления монашества, исходившие из одного источника, из мысли о необходимости преобразовать существующие монастыри. Общежитие прививалось в них очень туго; даже в тех из них, которые считались общежительными, общее житие разрушалось примесью особного. Одни хотели в корне преобразовать все монастыри на основе нестяжательности, освободив их от вотчин; другие надеялись исправить монастырскую жизнь восстановлением строгого общежития, которое примирило бы монастырское землевладение с монашеским отречением от всякой собственности. Первое направление проводил преподобный Нил Сорский, второе преподобный Иосиф Волоцкий.

Постриженник Кириллова монастыря Нил долго жил на Афоне, наблюдал тамошние и цареградские скиты и, вернувшись в отечество, на реке Соре в Белозерском краю основал первый скит в России. *Скитское* жительство—средняя форма подвижничества между общежитием и уединенным отшельничеством. Скит похож и на особняк своим тесным составом из двух—трех келлий, редко больше, и на общежитие тем, что у братии пища, одежда, работы—все общее. Но существенная особенность скитского жития—в его духе и направлении. Нил был строгий пустынножитель, но он понимал пустынное житие глубже, чем понимали его в древнерусских монастырях. Правила скитского жития, извлеченные из хорошо изученных им творений древних восточных подвижников и из наблюдений над современными греческими скитами, он изложил в своем скитском уставе. По этому уставу подвижничество—не дисциплинарная выдержка инока предписаниями о внешнем поведении, не физическая борьба с плотью, не изнурение ее всякими

Нил Сорский.

лишениями, постом до голода, сверхсильным телесным трудом и бесчисленными молитвенными поклонами. «Кто молится только устами, а об уме небрежет, тот молится воздуху: Бог уму внимает». Скитский подвиг—это *умное* или *мысленное делание*, сосредоточенная внутренняя работа духа над самим собой, состоящая в том, чтобы «умом блюсти сердце» от помыслов и страстей, извне навеваемых или возникающих из неупорядоченной природы человеческой. Лучшее оружие в борьбе с ними—мысленная, духовная молитва и безмолвие, постоянное наблюдение за своим умом. Этой борьбой достигается такое воспитание ума и сердца, силой которого случайные, мимолетные порывы верующей души складываются в устойчивое настроение, делающее ее неприступной для житейских тревог и соблазнов. Истинное соблюдение заповедей, по уставу Нила, не в том только, чтобы делом не нарушать их, но в том, чтобы и в уме не помышлять о возможности их нарушения. Так достигается высшее духовное состояние, та, по выражению устава, «неизреченная радость», когда умолкает язык, даже молитва отлетает от уст, и ум, кормчий чувств, теряет власть над собой, направляемый «силою иною», как пленник; тогда «не молитвой молится ум, но превыше молитвы бывает»; это состояние—предчувствие вечного блаженства, и когда ум сподобится почувствовать это, он забывает и себя, и всех, здесь на земле сущих. Таково скитское «умное делание по уставу Нила. Перед смертью (1508 г.) Нил завещал ученикам бросить труп его в ров и похоронить «со всяким бесчестием», прибавив, что он изо всех сил старался не удостоиться никакой чести и славы ни при жизни, ни по смерти. Древнерусская агиография исполнила его завет, не составила ни жития его, ни церковной ему службы, хотя Церковь причислила его к лику преподобных.

Вы поймете, что в тогдашнем русском обществе, особенно в монашестве, направление преп. Нила не могло стать сильным и широким движением. Оно могло собрать вокруг пустынника тесный кружок единомысленных учеников-друзей, влить живительную струю в литературные течения века, не изменив их русла, бросить несколько светлых идей, способных осветить всю бедноту русской духовной жизни, но слишком для нее непривычных. Нил Сорский и в белозерской пустыне остался афонским созерцательным скитником, подвизавшимся на «умной, мысленной», но чуждой почве.

Зато вполне туземная, родная почва была под ногами его противника преп. Иосифа. Современники оставили нам достаточно черт для определения этой совершенно реальной, вполне практической личности. Ученик и племянник его Досифей в своем надгробном слове Иосифу изображает его с портретной точностью и детальностью, хотя несколько приподнятым тоном и изысканным языком. Проходя суровую школу иночества в монастыре Пафнутия Боровского, Иосиф возвышался над всеми его учениками, совмещая в себе, как никто в обители, разнообразные качества духовные и телесные, остроту и гибкость ума соединяя с основательностью, имел плавный и чистый выговор, приятный голос, пел и читал в церкви, как голосистый соловей, так что приводил слушателей в умиление: никто нигде не читал и не пел, как он. Свящ. Писание знал он наизусть, в беседах оно было у него все на языке, и в монастырских работах он был искуснее всех в обители. Он был среднего роста, красив лицом, с округлой и не слишком большой бородой, с темнорусыми, потом поседевшими волосами, был весел и приветлив в обращении, сострадателен к слабым. Церковное и келейное правило, молитвы и

Иосиф Волоцкий.

земные поклоны совершал он в положенное время, отдавая остальные часы монастырским службам и ручным работам. В пище и питии соблюдал меру, ел раз в день, иногда через день, и повсюду разносилась слава его добродетельного жития и добрых качеств, коими он был исполнен. Видно, что это был человек порядка и дисциплины, с сильным чутьем действительности и людских отношений, с невысоким мнением о людях и с великой верой в силу устава и навыка, лучше понимавший нужды и слабости людей, чем возвышенные качества и стремления души человеческой. Он мог покорять себе людей, выправлять и вразумлять их, обращаясь к их здравому смыслу. В одном из житий его, написанных современниками, читаем, что силой его слова смягчались одичалые нравы у многих сановников, часто с ним беседовавших, и они начинали жить лучше: «вся же тогда Волоцкая страна к доброй жизни прелагашеся». Там же рассказано, как Иссиф убеждал господ в выгоде снисходительного отношения их к своим крестьянам. Обременительная барщина разорит хлебопашца, а обнищавший хлебопашец—плохой работник и плательщик. Для уплаты оброка он продаст свой скот: на чем же он будет пахать? Его участок запустеет, станет бездоходным, и разорение крестьянина падет на самого господина. Все умные сельско-хозяйственные соображения — и ни слова о нравственных побуждениях, о человеколюбии. При таком обращении с людьми и делами Иосиф, по его признанию, не имевший ничего своего при поселении в волоколамском лесу, мог оставить после себя один из самых богатых монастырей в тогдашней России. Если ко всему этому прибавим непреклонную волю и физическую неутомимость, получим довольно полный образ игумена-хозяина и администратора,—тип, под который подхо-

дило с большей или меньшей удачей большинство основателей древнерусских общежительных монастырей. При устроении монастыря, когда у него еще не было мельницы, хлеб мололи ручными жерновами. Этим делом после заутрени усердно занимался сам Иосиф. Один пришлый монах, раз застав игумена за такой неприличной его сану работой, воскликнул: «что ты делаешь, отче! пусти меня» — и стал на его место. На другой день он опять нашел Иосифа за жерновами и опять заместил его. Так повторялось много дней. Наконец, монах покинул обитель со словами: «не перемолоть мне этого игумена».

Собор 1503 г.

На церковном соборе 1503 г. оба борца встретились и столкнулись. Скитское миросозерцание Нила все сполна было против монастырского землевладения. Его возмущали, как он писал, эти монахи, кружащиеся ради стяжаний; по их вине жизнь монашеская, некогда превожделенная, стала «мерзостной». Проходу нет от этих лжемонахов в городах и весях; домовладельцы смущаются и негодуют, видя, как бесстыдно эти «прошаки» толкутся у их дверей. Нил и стал умолять вел. князя, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням и кормились бы своим рукоделием. Вел. князь поставил этот вопрос на соборе. Нил и стоявшие за него белозерские пустынники говорили об истинном смысле и назначении иночества; Иосиф ссылался на примеры из истории восточной и русской Церкви и при этом высказал такой ряд практических соображений: «Если у монастырей сел не будет, то как честному и благородному человеку постричься, а если не будет добродных старцев, откуда взять людей на митрополию, в архиепископы, епископы и на другие церковные властные места? Итак, если не будет честных и благородных старцев, то и вера поколеблется». Этот силлогизм впервые высказывался при обсуждении цер-

ковно-практического вопроса. Церковные авторитеты не ставили монастырям задачи быть питомниками и рассадниками высших церковных иерархов и не признавали непременным оплотом веры иерархию родовитого происхождения, как это было в Польше. Первое положение Иосиф заимствовал из практики русской Церкви, в которой высшие иерархи обыкновенно выходили из монастырей: второе положение было личной мечтой или личным предрассудком Иосифа, предок которого, выходец из Литвы, сделался волоколамским дворянином вотчинником. Собор согласился с Иосифом, и свое заключение представил Ивану III в нескольких докладах, очень учено составленных, с каноническими и историческими справками. Но вот что в этих докладах возбуждает недоумение: на соборе оспаривали только монастырское землевладение, а вел. князю отцы собора заявили, что они не благоволят отдавать и архиерейские земли, против которых на соборе никто не говорил. Дело объясняется молчаливой тактикой стороны, восторжествовавшей на соборе. Иосиф знал, что за Нилом и его нестяжателями стоит сам Иван III, которому были нужны монастырские земли. Эти земли трудно было отстоять: собор и связал с ними вотчины архиерейские, которых не оспаривали, обобщил вопрос, распространив его на все церковные земли, чтобы затруднить его решение и относительно монастырских вотчин. Иван III молча отступил перед собором. Итак, дело о секуляризации монастырских вотчин, поднятое кружком заволжских пустынников по религиозно-нравственным побуждениям, встретило молчаливое оправдание в экономических нуждах государства и разбилось о противодействие высшей церковной иерархии, превратившей его в одиозный вопрос об отнятии у Церкви всех ее недвижимых имуществ.

Литературная полемика.

После собора вопрос о монастырских вотчинах перенесен был с практической почвы на более безопасную литературную. Загорелась оживленная полемика, длившаяся почти до конца XVI в. Она очень любопытна: в ней столкнулись разнообразные и важные интересы, занимавшие тогдашнее русское общество, высказались наиболее мыслящие умы века; с ней прямо или косвенно связались самые яркие явления русской духовной жизни того времени. Но ее изложение не входит в план моего курса. С ее ходом можно хорошо познакомиться по прекрасному труду покойного профессора А. С. Павлова *Исторический очерк секуляризации церковных земель в России.* Ограничусь немногими чертами. Самыми видными противниками «осифлян», как звали последователей Иосифа, выступили в полемике князь-инок Вассиан Косой и пришелец с Афона Максим Грек. Сочинения Вассиана—обличительные памфлеты: поборая по своем учителе Ниле Сорском, яркими, нередко правдиво-резкими чертами изображает он немонашескую жизнь вотчинных монастырей, хозяйственную суетливость монахов, их угодливость перед сильными и богатыми, корыстолюбие, лихоимство и жесткое обращение со своими крестьянами. В нем говорит не одно негодование пустынника-нестяжателя, но часто и раздражение бывшего боярина из рода князей Патрикеевых против людей и учреждений, опустошавших боярское землевладение. Вассиан клонит свою речь к тем же обвинениям, какие потом прямо высказал единомышленник его кн. Курбский: любостяжательные монахи своим сельским хозяйничаньем разорили крестьянские земли, а внушениями о спасительности вкладов по душе сделали воинский чин, служилых землевладельцев хуже калик, убогих. Сочинения Максима Грека против монастырского землевладения свободны от полемических излишеств. Он спо-

койно разбирает предмет по существу, хотя по местам и не обходится без колких замечаний. Вводя строгое общежитие в своем монастыре, Иосиф, надеялся исправить монастырский быт и устранить противоречие между иноческим отречением от собственности и земельными богатствами монастырей более диалектической, чем практической комбинацией; в общежитие-де все принадлежит монастырю и ничего отдельным монахам. Это все равно, возражает Максим, как если бы кто, вступив в шайку разбойников и награбив с ними богатство, потом пойманный стал оправдываться на пытке: я невиноват, потому что все осталось у товарищей, а я у них ничего не взял. Качества истинного монаха никогда не совместятся с отношениями и привычками любостяжательного монашества: такова основная мысль полемики Максима Грека.

Литература тогда значила еще меньше для правительственной деятельности, чем стала значить позднее. При всех полемических усилиях и успехах нестяжателей московское правительство после собора 1503 г. покинуло наступательные планы против монастырских вотчин и ограничилось обороной, особенно после того, как попытка царя Ивана около 1550 г. воспользоваться ближайшими к Москве землями митрополичьей кафедры для хозяйственного устройства служивых людей встретила решительный отпор со стороны митрополита. Длинный ряд указов и пространные рассуждения на Стоглавом соборе о монастырских непорядках, не решая вопроса по существу, пробовали различные меры с целью остановить дальнейшее земельное обогащение монастырей на счет служилого класса, «чтоб в службе убытка не было и земля бы из службы не выходила»; усиливался и правительственный надзор за монастырскими доходами и расходами. Все отдельные меры завершились

приговором церковного собора с участием бояр 15 января 1580 г. Было постановлено: архиереям и монастырям вотчин у служилых людей не покупать, в заклад и по душе не брать и никакими способами своих владений не увеличивать; вотчины, купленные или взятые в заклад у служилых людей архиереями и монастырями до этого приговора, отобрать на государя, который за них заплатит или нет— его воля. Вот все, чего могло или умело добиться от духовенства московское правительство XVI в. в деле о церковных вотчинах.

В следующий час мы увидим связь такого исхода дела с судьбой крестьян, к которым обращаемся в своем изучении.

Лекция XXXVI.

Связь монастырского землевладения с крепостным правом.— Крестьяне в XV—XVI в.—Виды сельских поселений.—Отношение жилой пашни к пустоте.—Разряды землевладельцев.—Отношения крестьян 1) к землевладельцам, 2) к государству.—Общественное устройство крестьян. Вопрос о сельской общине.—Крестьянин в своем земледельческом хозяйстве.—Подмога, ссуда, льготы.— Крестьянские участки.—Повинности.—Заключение.

Монастырское землевладение и крепостное право.

Последнее чтение я закончил обещанием указать связь между вопросом о монастырских вотчинах и судьбою крестьян. Какая же связь, вероятно, спрашивали вы себя, могла быть между столь разнородными порядками явлений? Связь была и притом двоякая. Во-первых, монастырские вотчины составились из земель служилых людей и из земель казенных и дворцовых, составлявших запасный фонд для обеспечения служилых людей. При неудаче попыток воротить отходившие к монастырям земли в казну или на службу все, что государственное хозяйство теряло на монастырском землевладении, ему приходилось выручать на крестьянском труде, усиливая его податное напряжение. А потом, льготные земли монастырей были постоянной угрозой для доходности земель казенных и служилых, маня к себе крестьян с тех и других своими льготами. Правительство вынуждено было для ослабления этой опасности полицейскими мерами стеснять крестьянское право перехода. Это стеснение—еще не крепостная неволя крестьян; но оно, как увидим, подготовило

полицейскую почву для этой неволи. Таким образом монастырское землевладение в одно и то же время содействовало и увеличению тягости крестьянского труда, и уменьшению его свободы. Этой внутренней связью обоих фактов можно объяснить и сходство их внешней истории. Все эти бесплодные летературные споры о монастырских вотчинах и робкие законодательные усилия стеснить их расширение—как живо напоминают они столь же бесплодные толки в печати о вреде крепостного права и суетливые заботы правительства о его смягчении в царствование Екатерины II, Александра I и Николая I. Обращаемся к крестьянам XV—XVI в.

Сельские поселения.

Если вы станете изучать сельское крестьянское население по поземельным описям XVI в., это население с внешней стороны представится вам в таком виде. Вокруг села с церковью, состоящего из 4—10 крестьянских дворов, редко более, а иногда только из барской усадьбы с дворами причта и несколькими кельями старцев и стариц, нищих, питающихся от церкви, разбросаны там и сям деревни, починки и пустоши, которые тянули к этому селу, как к своему церковному и хозяйственно-административному центру. Селение с церковью, при которой были только дворы причта, да кельи нищих в центральных областях, как и на новгородском севере, носило название *погоста*. Село без церкви, но с двором землевладельца или с какими-либо его хозяйственными постройками, хотя бы без крестьянских дворов, называлось *сельцом*. Поселки, возникавшие на нови, на поднятом впервые земельном участке, носили название *починков*; починок обыкновенно состоял из одного крестьянского двора. С течением времени починок обживался и разростался, рядом с первоначальным двором возникали один или два других; тогда он становился *деревней*. Деревня превращалась в *пустошь*, если в ней не оставалось жилых

дворов, и пашня забрасывалась или поддерживалась только часть ее наездом из ближней деревни. В волости Вохне Московского уезда, принадлежащей удельному князю Владимиру Андреевичу, а потом перешедшей к Троицкому Сергиеву монастырю, в конце XVI в. было 3 погоста жилых и 2 пустых, где церкви «стояли без пения» и без причта, 1 жилое сельцо, где монастырский приказчик пахал на себя 24 десятины худой земли, 111 деревень и 36 пустошей.

Жилая пашня и пустота.

Смежные пахотные участки соседних селений по закону должны были во избежание потравы огораживаться обеими сторонами «по половинам». У каждого крестьянского двора был свой особый земельный участок с соответствующим ему пространством луговой земли, сенокоса, который измерялся копнами сена (20 копен на десятину). Тогда господствовало трехпольно-переложное земледелие. Пахотная земля делилась на три поля, озимое, яровое и паровое. Но редко где вся пахотная земля действительно распахивалась: вследствие истощения почвы и переливов населения большие или меньшие пространства пахоты забрасывались, запускались в *перелог* на неопределенное время. В центральных областях и на новгородско-псковском северо-западе перелог решительно перерастал «пашню пахотную»: там в вотчинах приходилась десятина пашни на 2—6 десятин перелога, в поместьях на 12—29 десятин, на монастырских землях на 1—14 десятин, а на землях архиерейских даже на 4—56 десятин. Но «пустота» состояла не из одного свеже-запущенного перелога: в состав ее входили обширные площади леса пашенного и непашенного, т. е. выросшего на давнем перелоге или на непаханом месте. Чтобы яснее представить вам отношение пашни к переложно-лесной пустоте, приведу несколько цифр из писцовой книги 1577 г., описывающей земли Коломенского уезда.

Здесь на землях монастырских и служилых, поместных и вотчинных, пашни паханной с лугами числилось 46 тыс. десятин в трех полях, а под перелогом и лесом 275 тыс. десятин, т. е. земля «жилая», обрабатываемая составляла шестую долю пустоты, иначе говоря, из 7 десятин обрабатывалось только одна (около 14%). Рассчитывая это отношение по роду землевладельцев, находим, что у служилых вотчинников приходилось пашни с лугом 1 десятина на 3—4 десятины перелога и леса (20—25%), у помещиков одна на 6—7 (12—14%), у монастырей одна на 10 десятин (9%). Так было в одном из центральных старозаселенных уездов. Почти такое же преобладание пустоты встречаем в уезде еще более центральном; по книге 1584 г. в Сурожском стану Московского уезда служилые вотчинники пахали и косили по 1 дес. на 3 дес. перелога и леса (25%), помещики по 1 дес. на 7 (12%), монастыри по 1 дес. на 6 (14%). В разработке земли монастыри здесь, как видите, отстают в общей сложности от светских землевладельцев. Но в других местах встречаем на их землях более благоприятное отношение: так в упомянутой волости Вохне Троицкого Сергиева монастыря по книге конца XVI в. обрабатывалось по 1 дес. на $^1/_2$ дес. пустоты (67%), а из 31 тыс. десятин того же монастыря в уезде Переяславля Залесского пахали и косили 10 тыс. дес. (32%). Если так было в центральных областях, то далее от Москвы на север и восток можно ожидать еще более угнетающих размеров пустоты, которая в иных местах достигала 94%. Впрочем и здесь встречаем резкие исключения. Волость Нерехта Костромского уезда была старинным владением Троицкого Сергиева монастыря. В этой волости за селом Федоровским с деревнями по книге 1592 г. значилось перелогу и лесу 30%—отношение обратное тому, что мы ви-

дели в местностях ближе к Москве. Это показывает, что степень разработки земли зависела не столько от качества почвы, сколько от других местных и исторических условий. Несмотря на исключительные хозяйства, пахотные участки во многих местах представлялись незначительными и рассеянными островками среди обширных нетронутых или заброшенных пустырей. Из приведенных данных видно, что изучая московские поземельные описи XVI в., мы имеем дело с бродячим и мелко разбросанным сельским населением, которое, не имея средств или побуждений широко и усидчиво разрабатывать лежавшие пред ним обширные лесные пространства, пробавлялось скудными пахотными участками и, сорвав с них несколько урожаев, бросало их на бессрочный отдых, чтобы на другой целине повторить прежние операции.

Землевладельцы.

Земли, на которых жили крестьяне, по роду землевладельцев делились на 3 разряда: на земли *церковные*, принадлежавшие церковным учреждениям, *служилые* или *боярские*, находившиеся во владении служилых людей, и *государевы*. Последние подразделялись на 2 разряда: на государевы *дворцовые*, приписанные ко дворцу и как бы составлявшие его частную собственность, и государевы *черные*, т. е. государственные, не находившиеся ни в чьем частном владении. Различие между землями дворцовыми и черными было больше хозяйственное, чем юридическое: доходы с них специально назначались на содержание государево дворца и поступали больше натурой, чем деньгами. Поэтому земли одного разряда часто переходили в другой и в XVII в. те и другие смешались, соединившись под одним дворцовым управлением. Таким образом в Московском государстве XVI в. существовало 3 разряда землевладельцев: государь, церковные учреждения и служилые

люди. На всем пространстве Московского государства мы не встречаем других частных землевладелцев, т. е. не существовало крестьян-собственников. Крестьяне всюду жили на чужих землях, церковных, служилых, либо государственных; даже сидя на черных землях, не составлявших ничьей частной собственности, крестьяне не считали этих земель своими. Про такие земли крестьянин XVI в. говорил: «та земля, великого князя, а моего владения»; «та земля Божья да государева, а роспаши и ржи наши». Итак, черные крестьяне очень ясно отличали право собственности на землю от права пользования ею. Значит, по своему поземельному положению, т. е. по юридическому и хозяйственному отношению к земле крестьянин XVI в. был безземельным хлебопашцем, работавшем на чужой земле. Из такого положения развились своеобразные отношения юридические, хозяйственные и государственные.

Крестьяне и землевладельцы.

Рассмотрим прежде всего юридические отношения крестьян по земле, т. е. их отношения к землевладельцам. Крестьянин был вольный хлебопашец, сидевший на чужой земле по договору с землевладельцем: его свобода выражалась в крестьянском *выходе* или *отказе*, т. е. в праве покинуть один участок и перейти на другой, от одного землевладельца к другому. Первоначально право это не было стеснено законом; но самое свойство поземельных отношений налагало обоюдное ограничение как на это право крестьянина, так и на произвол землевладельца в отношении к крестьянину; землевладелец, например, не мог согнать крестьянина с земли перед жатвой, как и крестьянин не мог покинуть свой участок, не рассчитавшись с хозяином по окончании жатвы. Из этих естественных отношений сельского хозяйства вытекала необходимость однообразного законом установленного срока для кресть-

янского выхода, когда обе стороны могли расчитаться друг с другом. Судебник Ивана III установил для этого один обязательный срок—неделю до Юрьева дня осеннего (26 ноября) и неделю следующую за этим днем. Впрочем в Псковской земле в XVI в. существовал другой законный срок для крестьянского выхода, именно Филиппово заговенье (14 ноября). Значит, крестьянин мог покинуть участок, когда кончались все полевые работы, и обе стороны могли свести взаимные счеты. Свобода крестьянина выражалась также в том, что, садясь на чужую землю, он заключал с землевладельцем поземельный договор. Условия этого арендного договора излагались в *порядных грамотах* или *записях*. Крестьянин договаривался с землевладельцем, как свободное, юридически равноправное с ним лицо. Он брал у хозяина больший или меньший участок земли, сообразуясь со своими рабочими средствами. Потому участки эти были чрезвычайно разнообразные. Крестьянин снимал известную долю *обжи* или *выти*. Обжа и выть податные единицы земельной меры, из коих первою определялось пространство пахотной земли на новгородском Севере, а второю—в центральных областях. Обжей назывался вообще участок от 10 до 15 десятин в трех полях, смотря по качеству почвы. Выть была единицей несколько более значительной, хотя также очень изменчивой по той же причине или по местным обычаям. Нормальный или казенный размер выти доброй земли—18 десятин, средней—21, худой—24 десятины в трех полях. Впрочем в хозяйственном обороте бывали выти и больших, и меньших размеров. Крестьянин, сказал я, брал у землевладельца известную долю обжи или выти, редко целую выть или обжу, и в порядной грамоте излагал условия, на которых снимал землю. Нового «приходца» принимали осторожно, с разбором: нередко он

должен был представить несколько поручителей, которые «ручали» бы его в том, что он будет за их порукой жить в таком-то селе или деревне «во крестьянех», землю пахать и двор строить, новые хоромы ставить и старые починивать, а не сбежит. Поручители были либо крестьяне того же владельца, к которому рядился пришелец, либо даже сторонние люди. Если съемщик садился на пустоши, а не входил в готовый двор с жилым, разработанным участком, он обязывался хоромы поставить и пашню пахать, поля огородить, пожни и луга расчищать, жить тихо и смирно, корчмы не держать и никаким воровством не воровать: в случае неисполнения обязательств крестьянин или его поручители платили *заставу*, неустойку. Потом порядной определяли платежи и повинности, какие должен был нести крестьянин за пользование снимаемой землей. Новый поселенец либо подчинялся общему положению наравне с другими крестьянами, среди которых он селился, либо заключал особые личные условия. В иных имениях все повинности крестьянина соединялись в известном денежном или хлебном оброке; в других вместо денежных и натуральных платежей крестьянин обязывался исполнять условленные работы на землевладельца. Но чаще встречаем смешанные условия: сверх оброка деньгами или хлебом крестьянин обязывался еще отбывать в пользу землевладельца барщину, которая называлась *изделием* или *боярским делом*. Совмещение оброка и барщины объясняется тем, что они выходили из разных хозяйственных источников. Денежный и хлебный оброк в древней Руси был собственно арендной платой за пользование чужой землей. Изделье имело совсем другое происхождение. Крестьянин, садясь на чужой земле, часто брал у хозяина *ссуду* или *подмогу*; за это вместо платежа процентов крестьянин обязывался дополнительно работать на хо-

зяина, чаще всего обрабатывать известное количество барской земли. Итак, барщина в древней Руси вышла из соединения поземельного найма с денежным или другим займом. Но таково было только первоначальное значение изделия, с течением времени оно вошло в состав обычных повинностей крестьянина, как и ссуда стала обычным условием поземельных крестьянских договоров. Мы рассмотрим размеры и виды крестьянского оброка, когда будем говорить о хозяйственном положении крестьян. Итак, крестьяне XVI в. по отношениям своим к землевладельцам были вольными и перехожими арендаторами чужой земли, государевой, церковной или служилой.

Крестьяне и государство.

Теперь рассмотрим отношение крестьян к государству. В XVI в. крестьянство еще не было сословием в политическом смысле слова. Оно было тогда временным вольным состоянием, точнее, положением, а не постоянным обязательным званием с особенными, ему одному присвоенными правами и обязанностями. Существенную его особенность составляло *занятие;* вольный человек становился крестьянином с той минуты, как «наставлял соху» на тяглом участке, и переставал быть крестьянином, как скоро бросал хлебопашество, и принимался за другое занятие. Следовательно, обязанности в то время спадали с лица вместе с отказом от прав, с ними связанных. Совсем иное видим в позднее образовавшихся сословиях: отказом от сословных прав или потерей их лицо не освобождалось от сословных обязанностей; крестьянин тянул свое тягло, хотя бы не обрабатывал своего участка; дворянин служил, хотя бы оставался безземельным. В XVI в. поземельное тягло, падавшее на крестьянина, нельзя назвать его сословной обязанностью. Здесь соблюдались довольно тонкие различия, с образованием сословий постепенно стиравшиеся. Крестьян-

ское поземельное тягло падало собственно не на крестьянина по тяглой земле, им обрабатываемой, а на самую тяглую землю, кто бы ею ни владел и кто бы ее ни обрабатывал. Боярин, в XV в. купивший у крестьянского общества тяглую землю, должен был с нее тянуть тягло наравне с крестьянами, не становясь крестьянином, потому что у него другое занятие, которым определялось его общественное положение,—государственная военно-правительственная служба. Точно так же и холоп, пахавший тяглую землю своего господина, не становился крестьянином, потому что не был вольным человеком. Связь повинностей и звания с занятием указана и в Судебнике 1550 года: он отличает поземельные обязанности крестьянина от личных, которыми обыкновенно сопровождался, *но не обусловливался* поземельный договор. Крестьянин, отказавшийся от своего участка в законный осенний срок, но оставивший на нем озимую рожь, платил за нее поземельную подать и пошлину и после отказа, пока не сжинал урожая; но за это время, с ноябрьского отказа до окончания жатвы в июле следующего года, он на землевладельца не был обязан работать, ибо это—его личное обязательство, не составлявшее непременного условия крестьянской порядной: возможны были и бывали поземельные контракты и без этого условия, а бобыль мог принять на себя такое обязательство, селясь в имении владельца, но не снимая у него пахотного участка. Точно так же крестьянин мог продаться с пашни в полное холопство даже не в срок и оставить на своем участке озимой или яровой хлеб; с этого хлеба он платил крестьянскую подать, хотя уже, как холоп, перестал быть крестьянином, тяглым человеком; но при переходе в холопство он не платил землевладельцу *пожилого* или *подворного* за покинутый им крестьянский двор; это его личное обязательство, покрытое холопством. Такой

смысл постановления Судебника объясняется и обратным случаем, не нормированным в этом кодексе, по приводимом в одном неизданном акте Махрищского монастыря за 1532 г., когда не крестьянин уходил от землевладельца, а землевладелец покидал своих крестьян. Вотчинник в начале этого года продал монастырю свое сельцо, где у него было уже посеяно озимое, с правом посеять и ярь и оставаться в сельце до конца года (до Рожд. Христ.), платя поземельные налоги за ярь и озимое. Крестьяне сельца обязаны были пахать его барскую пашню по прежнему личному с ним уговору, но никого из них он не мог выслать из сельца без ведома монастыря по своему землевладельческому праву, а кто из них уходил по своей воле, пожилое и другие налоги платил в монастырь, а не продавцу, уже потерявшему на то право. Продавец мог в августе посеять рожь и на 1533 год и платить казенный налог только за озимое, «доколе рожь из земли не выйдет». Итак, государство начинало знать крестьянина, как государственного тяглеца, плательщика поземельной подати, лишь только он, сев на тяглую землю, принимался за ее обработку, бросал семена во вспаханный им тяглый участок. Если он не сидел на тяглом участке, не обрабатывал тяглой земли, он не платил и подати, как и тяглая земля не тянула, если не работала, запереложивалась. Значит, крестьянская подать в древней Руси падала не на крестьянский труд и не на землю вообще, а на приложение крестьянского труда к тяглой земле.

Общественное устройство.

Эта государственная подать служила основанием и общественного устройства крестьян. Для уплаты податей и отбывания повинностей крестьяне соединялись в административные округа, которые назывались *станами и волостями*. Мы потом увидим различие между теми и другими.

Станы и волости первоначально и составляли сельские общества, крестьянские миры, связанные круговой порукой в уплате податей. Этими округами управляли наместники и волостели, органы центрального правительства; но у них было и свое мирское управление, свои мирские распорядительные сходы, выбиравшие исполнительные управы. Волостная управа состояла из старосты или сотского с окладчиками, которые «сидели на размете», на разверстке податей и повинностей между членами общества. Ведомство мирского управления состояло из дел поземельного хозяйства, волости, в составе которого важнейшей статьей и были подати и повинности. Выборные вели текущие дела, в случае надобности поговоря с волостью, «со всеми крестьяны». Кроме разверстки податей и повинностей староста «перед всей братией» окладчиками раздавал по приговору схода пустые участки в волости новым поселенцам, испрашивал и давал им льготы, собирал и клал перед этой братией «на столец» наемные деньги с арендных участков, отстаивал в суде волостную землю от сторонних захватов и притязаний, ходатайствовал о нуждах своей волости перед центральным правительством или жаловался на неправды его местных органов, если волость была черная, не имевшая ходатая в своем вотчиннике. Самым тяжелым делом волостного мира, вызывавшим к действию круговую поруку, была уплата податей миром за несостоятельных или выбылых членов общества. Назначалась обыкновенно известная определенная сумма податей на все общество по числу окладных единиц значившейся за ним по переписи жилой земли, «пашни паханой». Общество разверстывало эту сумму по отдельнымъ тяглым дворам, соображаясь с земельным участком каждого двора. Но иные крестьяне покидали свои участки и выходили из общества; другие оказывались не в состоянии пла-

тить падавшие на них по их пашне доли общественных платежей и переходили на меньшие участки или в беспашенные бобыли. За тех и других до новой переписи обязано было платить подать все общество. Такое волостное устройство существовало в удельные века и сохранялось приблизительно до XVI в. С объединением Московского государства и с развитием служилого и церковного землевладения волость, как целое сельское общество, постепенно разрушалась. Частные землевладельцы, служилые помещики и вотчинники, церковные учреждения, приобретавшие земли в черных и дворцовых волостях и прежде тянувшие одинаковое тягло с окрестными волостными крестьянами, теперь запасались для своихъ земель разнообразными льготами; местные власти, наместники и волостели, не судили ни их самих ни в чем, ни их крестьян кроме наиболее тяжких уголовных дел, и приставов своих «не всылали к ним ни по что»; они сами получали право суда и полицейского надзора над своими крестьянами, которые при этом также освобождались иногда от обязанности тянуть наравне с другими крестьянами своей волости в их мирские разметы. Село такого привилегированного землевладельца с приписанными к нему деревнями и починками выделялось из состава волости, как особый судебно-административный округ, со своим вотчинным управлением, с барским прикащиком или монастырским посельским старцем; но рядом с ними действуют сельский староста и другие мирские выборные, которые ведут поземельные дела своего мира с участием вотчинных управителей, раскладывают налоги, нанимают землю у сторонних землевладельцев и даже скрепляют такие сделки ручательством не своего вотчинника, а соседних дворян. Такие села и образовали новые сельские общества, на которые распадались старые станы и

волости. Судебник 1497 г. принимает за сельское общество, безразлично, и целую волость, и отдельное село, и этим отмечает эпоху, когда волость, как общество, начала разлагаться на села. Впрочем, разложение далеко не было повсеместным: только крупные или особенно покровительствуемые землевладельцы получали привилегии, выделявшие их земли из волостного строя; у остальных крестьяне и в конце XVI в. «тягло государское всякое тянули с волостью вместе». Но и сельское вотчинное общество держалось на том же основании, какое объединяло прежнюю волость: это было то же государственное поземельное тягло. Значит, и для сел, и для волостей связью, соединявшей их в общества, служило поземельное тягло, а не прямо сама земля: это были сельские союзы финансовые, податные, а не собственно поземельные.

Слушая мои слова о сельских обществах XV—XVI в., вы наверное думали, что я не все сказал, и готовы спросить меня: что такое были эти общества по характеру своего землевладения, похожи ли они на нынешние сельские общины с общим владением землей? Вопрос о происхождении русской сельской общины некогда вызвал в нашей литературе оживленный спор, и на этот предмет установились два взгляда, которые держатся доселе. Одни, вслед за Чичериным, поднявшим этот вопрос в пятидесятых годах XIX в., думают, что наша великорусская сельская община — учреждение довольно позднего времени и получила свое окончательное образование только в последней четверти XVIII в. под действием поземельного укрепления крестьян и подушной подати. Другие последуют другому профессору нашего университета Беляеву, который, возражая Чичерину, утверждал, что сельская община — исконное явление русской жизни, что начала, на которых основаны общинные учреждения нашего времени, действовали уже с самых ранних

Вопрос о сельской общине.

пор исторической жизни Руси, задолго до прибытия Рюрика. Чтобы найтись среди этих взглядов, надобно отдать себе отчет в спорном предмете. В древней Руси сельское общество называли *миром* и не знали слова *община*, как стали звать его в литературе прошлого столетия, разумея под этим словом сельское общество, как оно сложилось к эпохе крестьянской реформы, со всеми особенностями поземельного строя общины. Существенными особенностями, в которых выражалось ее основное начало, общинное владение землей, можно признать: 1) обязательную уравнительность наделов, 2) строго-сословное значение общины и 3) круговую поруку. Земля распределялась соразмерно с рабочей и податной мочью крестьян: рядом с формальным, счетным наделом по ревизским душам существовал еще надел действительный по тяглам, т. е. земля делилась между дворами по наличным рабочим силам каждого двора и делилась принудительно, навязывалась. Это потому, что размером надела определялась для каждого крестьянина соответственная тяжесть сословных обязанностей, падавших на крестьянство: как скоро это соответствие ходом нарождения и вымирания нарушалось, земля переделялась для восстановления равновесия. Таким образом земля была не источником повинностей, а вспомогательным средством для их исполнения. Ни этой принудительной уравнительности участков с их переделами, ни сословного характера поземельных крестьянских обязанностей не находим в сельских обществах XV—XVI в. Крестьянин брал себе участок «по силе», т. е. по своему усмотрению, договариваясь о том во владельческом или дворцовом имении с самим владельцем или с его приказчиком без участия сельского общества. Податная тяжесть вольного съемщика определялась размером снятого участка; следовательно, земля

служила источником крестьянских обязанностей, а не вспомогательным только средством для их исполнения. Самые участки имели постоянный, неизменный состав. То были большей частью отдельные деревни в один-два двора с принадлежавшими к каждой из них угодьями, пределы которых из века в век определялись обычным выражением поземельных актов: «куда соха, коса и топор ходили». Сам крестьянин не был прикреплен ни к участку, ни к сельскому обществу, ни даже к состоянию, свободно менял свою пашню на другую, выходил из общества и даже из крестьянства. Из акта XV в. узнаем, что одна деревня в продолжение 35 лет переменила шестерых владельцев из крестьян. Так в сельских обществах XV—XVI в. не находим двух существенных признаков общинного владения землей. Может быть, зародыш такого владения надобно видеть в очень редком явлении, какое встречаем в описи земель Троицкого Сергиева монастыря 1592 г. по Дмитровскому уезду. Но какой это слабый зародыш! На этих землях, скудных почвой и пашней, крестьяне, пахавшие по 5 или даже только $3^3/_4$ десятины худой земли на двор, сверх подворной пашни всем сельцом или всей деревней, двумя-четырьмя дворами, пахали еще «по мере все сопча» по 5—$7^1/_2$ дес., а в одном сельце 16 дворов пахали сообща 22 десятины, по $1^3/_8$ на двор. Это как будто пробная общественная запашка. Самый порядок отбывания поземельных повинностей приучал крестьян видеть в земле связь, соединявшую их друг с другом: повинности разверстывались повытно и отбывались сообща крестьянами, сидевшими на одной выти; разверстка производилась выборными села или волости. В том же направлении действовала и круговая порука. Она служила средством обеспечения податной исправности сельских обществ, но не была исключи-

тельною особенностью сельского общинного быта: на ней, как увидим, строилось все местное земское управление в XVI веке. Однако эта порука вела уже тогда если не к периодическим общим переделам, то к частичным разделам земли. В иных деревнях по описям встречаем пустые дворы, и пашни «впусте» у них нет: это значит, что опустевший участок или делили между жилыми дворами, или отдавали одному двору вместе с лежавшим на пустоте тяглом. Всем этим я хочу сказать, что в сельских обществах XVI в. нельзя найти общинного владения землей с обязательным порядком ее распределения, а им было предоставлено лишь распоряжение крестьянской землей, насколько то требовалось для облегчения им исправного платежа податей. Но это распоряжение воспитывало понятия и привычки, которые потом при других условиях легли в основу общинного владения землей. Такими условиями и были, согласно с мнением Чечерина, обязательный труд и принудительная разверстка земли по наличным рабочим силам. Действие этих условий становится заметно уже в XVI в. и не трудно догадаться, что оно должно было проявиться сперва не в крестьянской среде, тогда еще не закрепощенной, а в холопьей. Издавна землевладельцы заставляли часть своей дворни обрабатывать барскую пашню, обзаводили дворами и хозяйством и наделяли землей. В документах XVI в. находим указания на то, что этот надел был не подворный, а «с одного» на все дворы сообща, огульно, при чем, вероятно, самим этим «страдникам», как назывались пахотные холопы, предоставлялось или разверстывать, делить и переделять данную им землю между собой, или делиться урожаем соразмерно участию в совместной ее обработке.

Земледельческое хозяйство крестьян.

Теперь войдем в экономическое положение крестьян, рассмотрим, как они жили в тесном кругу своего хозяйства. Крестьянин был вольный и перехожий съемщик чужой земли, свобода которого обеспечивалась правом выхода и правом ряда, договора с землевладельцем. Таково было положение крестьянина по закону; но уже в XVI в. оно было далеко не таково на деле. Вольный и перехожий арендатор, крестьянин большею частью приходил на чужую землю с пустыми руками, без капитала, без земледельческого инвентаря. Распространение, поместного землевладения на заокские и средневолжские поля значительно увеличило массу безъинвентарного крестьянства; на тамошние пустые поместья привлекались, как мы видели (лекц. XXXIII), из центральных уездов преимущественно неписьменные люди, не имевшие своего хозяйства. Селясь на чужой земле, такой крестьянин нуждался в воспособлении со стороны землевладельца, особенно когда садился на пустоши, на нетронутом или давно запустевшем участке. Редкий поселенец обходился без этого воспособления. Оно было почти общим условием крестьянских поземельных договоров и принимало различные виды. Садясь осенью о Егорьеве дне на «живой», уже обсиженный и распаханный участок, крестьянин входил в готовый двор с постройками и получал от землевладельца *подмогу* или *ссуду* деньгами, скотом, чаще хлебом «на семены и на емены», на посев и на прокорм до жатвы. Подмога и ссуда иногда смешиваются в крестьянских порядных; но между ними было различие. Подмога давалась собственно на первоначальное дворовое обзаведение, на жилые и хозяйственные постройки, на огороду полей, и была безвозвратной ссудой, если крестьянин обзаводился, как следовало по договору. Ссуда скотом и прочим инвентарем или деньгами для его приобретения пазначалась на ведение хозяйства

и числилась за крестьянином, как долг подлежавший уплате при уходе его от владельца. Денежная ссуда в XV и в начале XVI в. называлась *серебром издельным*, потому что соединялась с *издельем* работой крестьянина (*издельного серебряника*, какъ назывался получивший серебро) на владельца: этим оно отличалось от серебра *ростового*, займа с уплатой роста, процентов. Потому землевладельцы и различали «деньги в селах в росте и в пашне». Если крестьянин садился на пустой участок, который нужно было распахать и обстроить, то получал сверх подмоги и ссуды еще льготу полную или частичную и более или менее продолжительную, смотря «по пустоте», по степени заброшенности участка, требовавшего более или менее сложных подготовительных работ. Льгота давалась на год, на два и больше и освобождала съемщика как от «государева тягла», казенных податей, так и от господского оброка денежного и хлебного и всякого изделия, либо только от некоторых из этих повинностей. О степени нужды в ссуде можно судить по отдельным случаям: у Алексеевых, некрупных вотчинников Московского и Боровского уездов, в 1511 г. числилось за их крестьянами в раздаче до 2000 р. на наши деньги. Крестьянское хозяйство особенно выразительно характеризуется обилием указаний в актах XVI в. на крестьян, засевавших свои поля господскими семенами. В вотчинной книге Кириллова белозерского монастыря, составленной во второй половине XVI в., перечисляющей монастырские села и деревни с обозначением вытей арендуемой монастырскими крестьянами земли, показано около $1^1/_2$ тыс. вытей; 7% этих крестьянских вытей засевались монастырскими семенами, т. е. находились в пользовании людей, без помощи вотчинника не имевших чем засеять свои поля. Рассчитав на нынешние хлебные цены все семена, какие по книге числились за крестьянами, рожь,

пшеницу, ячмень и овес, найдем, что их было выдано не менее, как на 52 тыс. руб. Эта семенная ссуда оставалась за крестьянином, пока он жил на монастырской земле, даже переходила от отца к сыну, числилась за крестьянским двором, как его постоянный долг, проценты с которого вносились в состав ежегодного поземельного оброка монастырю: значит, семенной заемщик тяготился возвратом хлебной ссуды.

Крестьянские участки.

Основой хозяйства для крестьянина служил земельный участок, им обрабатываемый. Излагая юридические отношения крестьян XVI в. к землевладельцам, я говорил, что крестьянин, договариваясь с землевладельцем, брал у него какую-либо долю выти или обжи, редко полную выть или обжу, еще реже, больше того. Для изучения крестьянского хозяйства необходимо точнее определить размеры крестьнских земельных участков. Они были очень разнообразны, изменяясь по месту и времени, по качеству почвы, по рабочей силе крестьянских дворов и по другим условиям, трудно уловимым для отдаленного наблюдателя. Проследить это разнообразие на всем пространстве Московского государства XVI в.—в настоящую минуту дело невозможное по состоянию научной разработки памятников, относящихся к этому предмету. Ряд ученых исследователей внес и вносит в научный оборот массу архивных документов, дающих обильный материал для изучения распределения пахотной земли по крестьянским рукам, иначе говоря, для полного обзора подворных крестьянских наделов в разных областях Московского государства XVI и XVII вв. Но все это пока еще трудно объединить, свести к цельным выводам и во всем этом обширном материале еще многого недостает для такого полного обзора. Остается ограничиться отдельными указаниями памятников, наибольшими и наименьшими величинами и гадательно выведенными средними. Встречаем подворные наделы и в 24,

даже в 47 десятин и в 3 десятины; даже у одного и того же владельца, Троицкого Сергиева монастыря, в одной вотчине крестьяне пользовались сейчас указанным огромным наделом в 47 десятин, в другом довольствовались всего $4^1/_2$ дес. в трех полях. К концу XVI в. заметна наклонность к сокращению наделов. В Тверском уезде по описям первой половине века господствовали довольно крупные наделы, десятин в 12 или около того, и между прочим в волости Кушалине средний размер подворного участка доходил до $8\ ^1/_2$ десятин, а по писцовой книге 1580 г. там не приходилось и 4 десятин на двор. Вообще средней величиной запашки крестьянского двора в XVI в. признается 5—10 десятин, а к концу века даже $3—4^1/_2$ десятины и несколько более для южных степных уездов. Но при тогдашней подвижности и крайне неравномерном распределении крестьянского труда средние величины не дают точного представления о действительности. По подробным описям некоторых имений в селе с десятками деревень и починков не находим двух поселков с одинаковыми подворными участками: в одной деревне на двор отведено 7 десятин, а рядом в другой 36 или даже $52^1/_2$ десятины. Вообще от изучения поземельных документов XVI века остается впечатление, что обычные крестьянские участки были менее значительны, чем можно было бы ожидать. Если бы можно было эти подворные участки рассчитать на ревизские души, помня, что душевой состав тогдашнего крестьянского двора был значительно сложнее современного, может быть, оказалось бы, что под руками тогдашнего русского крестьянина было не больше, если не меньше, пахотной земли, чем сколько отведено его отдаленному потомку по положению 19 февраля 1861 года.

Еще труднее взвесить тяжесть повинностей, лежавших на тяглом крестьянском участке. Главное затруднение состоит в их сложности: участок нес на себе государево тягло деньгами, натурой и трудом, потом платил владельцу оброк денежный и хлебный и разные мелкие дополнительные поборы яйцами, курами, сырами, овчинами и т. п. и наконец делал господское изделье. Уставная грамота Соловецкого монастыря крестьянам одного из его сел объясняет, из каких работ состояло это изделье: крестьяне пахали и засевали монастырскую пашню, чинили монастырский двор и гумно, ставили новые хоромы вместо обветшалых, возили дрова и лучину на монастырский двор, ставили подводы, чтобы вести монастырский хлеб в Вологду, а оттуда привозить соль. Если хлебный оброк еще можно кой-как, с некоторой степенью точности, переложить на наши деньги, то эти издельные повинности и дополнительные поборы натурой не поддаются даже приблизительному учету. Затруднение увеличивают еще старинные окладные единицы, обжи и выти, изменчивые и не везде одинаковые по размерам, притом совсем для нас непривычные, мешающие нам живо понять тяжесть даже точно высчитанного по ним поземельного обложения, и потому приходится перелагать их на дворы или десятины, что не всегда удается. Ограничусь немногими данными, которые делают такое переложение возможным. Но здесь я опять сделаю небольшую методологическую остановку. Я приведу вам несколько цифро поземельных повиностях крестьян, укажу, сколько они платили своим землевладельцам. Но вы спросите: что это—много или мало? Наиболее понятная нам мерка давно минувших жизненных положений—сравнение с настоящим. С чем же мы будем сравнивать поземельные платежи XVI в.? С современными арендными ценами, прежде всего подумаете вы.

Повинности.

Едва ли. Современная аренда—акт чисто гражданского права. Но крестьянин XVI в., снимая тяглый участок у землевладельца или у сельского общества, путем этой частной гражданской сделки вступал в известные обязательства перед государством, принимал на себя всю тяжесть государева тягла, казенных повинностей, падавших на тяглую землю. Позднее, когда вольные хлебопашцы на чужой земле стали крепостными, государево тягло преобразилось в подушную подать, а арендные условия крестьян с землевладельцами заменились обязательным помещичьим оброком и барщиной. Еще позднее, с отменой крепостного права, крепостные оброк и барщина были заменены выкупными и дополнительными к ним платежами. Таково преемство исторических фактов. Оно указывает, что соизмеримые величины в нашем изучении—это повинности крестьян XVI в. в пользу землевладельцев и выкупные платежи крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Такая историческая перспектива поможет нам яснее разглядеть немногие явления, которые вскрывают хозяйственное положение крестьян в XVI в. Наша задача получает такую постановку: в какой мере накануне закрепощения крестьянский труд был обременен в пользу частного землевладения сравнительно с тягостями, какие оставляло оно на крестьянах при освобождении, приступавших к выкупу своих наделов? Начну с простейших отношений. В 1580 годах некоторые села Нижегородского уезда платили владельцу всего оброка по 9 четвертей ржи и овса с выти: по переводе этого оброка на хлебные цены начала 1880 годов, когда еще не были облегчены выкупные платежи, придется около $2^1/_2$ рублей на десятину—немного более среднего выкупного платежа с десятины по той губернии (1 р. 88 к.). Потом одно сельцо в Дмитровском уезде платило (1592 г.) Троицкому

Сергиеву монастырю с выти средней земли по 1 рублю, т. е. по 3 р. с десятины на наши деньги, а в других селах того же монастыря и там же одни выти платили денежный оброк по 27 р. нш. д. с выти худой земли и мелких сборов по 4 р. 50 к., всего по 2 р. 10 к. с десятины, другие вместо денежного оброка пахали монастырской пашни по 2 дес. в каждом поле с выти, т. е. вполне отрабатывали, по две круговых десятины, пахали, бороновали, удобряли, убирали озимую яровую и паровую десятину. Отсюда видим, что денежный платеж с дмитровской десятины́ был даже несколько ниже выкупного платежа по Московской губернии (2 р. 50 к.), и что отработка круговой десятины, заменявшая оброк (13 р. 50 к.), в конце XVI в. была вдвое или втрое дешевле, чем в 1880 годах, когда в центральных губерниях она обходилась от 25 до 40 р. Значит, земледельческий труд ценился гораздо дешевле, чем три века спустя. Приведу еще пример из северного Заволожья. В 1567 г. один служилый человек отказал Кириллову монастырю свое село Воскресенское в Белозерском уезде с 47 деревнями и починками и со 144 крестьянскими дворами в них. Из сохранившейся подробной описи видим, как разнообразны были здесь подворные участки; были дворы и с 22, и с 2, даже с $1^1/_2$ десятинами, т. е. с участками втрое—вчетверо меньше среднего душевого надела по Новгородской губернии. В среднем приходилось на двор по 7 десятин в трех полях. Вотчинные повинности состояли из оброка денежного и хлебного, из праздничных денег и из *белок* по пяти штук с выти. Переложив все это на современные деньги, кроме белок, оценить которых не могу, найдем, что на десятину падало платежей 1 р. 69 к., немного более выкупного платежа по Новгородской губ. (1 р. 26 к.). Приведенные случаи не воз-

буждают недоумений. Но встречаем данные, способные озадачить изучающего. В селе Кушалине, принадлежавшем к тверским дворцовым землям вел. кн. Симеона Бекбулатовича, кратковременного правителя земщины во времена опричнины, по книге 1580 г. падало всех денежных и хлебных сборов по 5 р. 34 к. на десятину—сумма, более чем втрое превышающая выкупной платеж с десятины бывших помещичьих крестьян по Тверской губернии. При этом пашни приходилось без малого по 4 десятины на двор; если этот средний подворный участок разложить на душу по среднему душевому составу двора, выведенному по Тверской губернии из данных X ревизии 1858 г. (2,6 души), то на душу придется не более $1^1/_2$ десятин, почти втрое менее среднего душевого надела в той губернии по Положению 19 февраля, а ведь состав крестьянского двора в XVI в. наверное был значительнее, чем в XIX в. В тех же дворцовых землях были села, где на двор приходилось меньше 3 десятин, т. е. не больше одной десятины на душу. Наконец, встречаем порядные, в которых крестьяне поряжались платить денежный оброк, в 4—12 раз превышавший выкупные платежи. Такую высоту оброка можно объяснить только какими-нибудь особенно доходными угодьями или другими выгодами участков, не указанными в контрактах. При отрывочности дошедших до нас данных, трудно различить случаи нормальные и исключительные. Впрочем, есть указания, склоняющие скорее к мысли о господстве высоких норм оброка. Француз капитан Маржерет, служивший царям Борису и Лжедимитрию I, в своем сочинении о России изображал положение дел в Московском государстве конца XVI и начала XVII вв. Он имел в виду, кажется, дворцовые, и черные земли, когда писал, что с крестьян отдаленных от сто-

лицы местностей вместо сборов натурой собирают деньги по весьма высоким окладам: если верить ему, выть в 7—8 десятин платила столько, что по расчету на наши деньги приходилось платежей по 11—22 р. на десятину Здесь разумелись и оброки, и казенные подати, которых к концу XVI в. насчитывают до $1^1/_2$ руб. с десятины и даже больше. В эпоху освобождения крестьян выкупные платежи с подушной податью, государственным общественным сбором и с мирскими повинностями едва ли где достигали и минимального размера платежей по Маржерету. В XVI в. нередко крестьянин обязывался давать за землю вместо оброка долю урожая, пятый, четвертый или третий сноп. Из остатка он должен был выделить семена для посева, обновлять свой живой и мертвый инвентарь, платить казенные подати и кормить себя с семьей. Трудно уяснить себе, как он изворачивался со своими нуждами, особенно при господстве незначительных наделов. Тяжесть повинностей и недостаток средств отнимали у крестьянина охоту и возможность расширять свой скудный окладной участок но он искал подспорья в ускользавших от тяглового обложения угодьях и промыслах, какие доставляло обилие вод, леса и перелога. Этим можно объяснить признаки некоторой зажиточности, тогда заметные даже в малоземельных хозяйствах. Не лишен интереса небольшой неизданный документ, лежащий, правда, за пределами изучаемого периода, но бросающий ретроспективный свет на конец XVI века: это— составленная в 1630 г. опись «крестьянских животов», скота, ульев, пчел, хлеба, в клетях и высеянной ржи в одном селе Троицкого Сергиева монастыря в Муромском уезде. В селе 14 крестьянских дворов, в которых жило 37 чел. муж. пола. Они засеяли ржи до 21 десятины; следовательно, всей пашни у них было около 62 дес. в трех

полях по 4,4 дес. на двор и по 1,7 дес. на душу—прямо нищенский надел; 38 лет назад село пахало почти втрое больше. Однако даже в малоземельном дворе, засевавших $^{1}/_{2}$—$1^{1}/_{2}$ дес. озимого поля, находим 3—4 улья пчел, 2—3 лошади с жеребятами, 1—3 коровы с подтелками, 3—4 овцы, 3—4 свиньи, в клетях 6—10 четвертей всякого хлеба. Только два двора вели крупную запашку в 12 и 15 десятин в трех полях; у них было 2 и 5 ульев, 4 и 10 лошадей, по 3 коровы с подтелками, 5 и 9 овец, 5 и 6 свиней и в клетях 30 и 4 четверти всякого хлеба.

Сводя изложенные черты, можно так представить хозяйственное положение крестьянина XVI века: это был в большинстве малоземельный и малоусидчивый хлебопашец, весьма задолженный, в хозяйстве которого все, и двор, и инвентарь, и участок, было наемное или заемное, который обстраивался и работал с помощью чужого капитала, платя за него личным трудом, и который под гнетом повинностей склонен был сокращать, а не расширять свою дорого оплачиваемую запашку.

В следующий час мы увидим, какое положение создалось к началу XVII в. для крестьянства из всех условий его быта.

Лекция XXXVII.

Мнение о прикреплении крестьян в конце XVI в.—Закон 1597 г. о беглых крестьянах и предполагаемый указ об общем прикреплении крестьян.—Порядные конца XVI и начала XVII в.—Хозяйственные условия, подготовлявшие крепостную неволю крестьян. — Поземельное прикрепление черных и дворцовых крестьян.—Рост ссуды и усиление личной зависимости крестьян владельческих.—Крестьянские свозы и побеги и законодательные меры против них.—Положение владельческого крестьянства в начале XVII в.—Выводы.

Обращаемся к изучению одного из самых важных и самых трудных вопросов в нашей историографии,—к вопросу о том, когда и как возникла крепостная неволя крестьян. Мнение о прикреплении крестьян.

Излагая последствия поместной системы, я сказал, что она подготовила коренную перемену в судьбе крестьянства. Эту перемену обыкновенно изображают такими чертами. До конца XVI в. крестьяне были вольными хлебопашцами, пользовавшимися правом свободного перехода с одного участка на другой, от одного землевладельца к другому. Но от этих переходов происходили большие неудобства как для общественного порядка, так и для государственного хозяйства и особенно для хозяйства мелких служилых землевладельцев, у которых богатые вотчинники и помещики сманивали крестьян, оставляя их без рабочих рук, следовательно без средств

исправно отбывать государственную службу. Вследствие этих затруднений правительство царя Федора издало указ, отменивший права крестьянского выхода, лишивший крестьян возможности покидать раз занятые ими земли. Все печальные последствия крепостного права, обнаружившиеся позднее, вышли из этого прикрепления крестьян к земле. Так как первый указ, отменявший крестьянское право выхода, был издан, когда государством правил именем царя Федора шурин его Борис Годунов, то на этого правителя падает вся ответственность за эти последствия: он—первый виновник крепостного права, крепостник-учредитель. В таком взгляде на происхождение крепостного права можно различить два главные положения: 1) в конце XVI стол. правительство одною общей законодательной мерой изменило юридическое положение крестьян, отняв у них право выхода, прикрепив их к земле, и 2) вследствие этого прикрепления крестьяне попали в неволю к землевладельцам.

Закон 1597 г.

В изложенном изображении дела не все ясно и точно. Выходит прежде всего, как будто одновременно одним и тем же актом установлено было и поземельное прикрепление крестьян, и крепостное право. Но это—два состояния различного характера и происхождения, во многих отношениях даже исключающие одно другое. В истории несвободных состояний под поземельным прикреплением крестьян разумеют государственную меру, привязывающую крестьян к земле независимо от их личного отношения к землевладельцу, или, точнее, подчиняющую это отношение поземельному прикреплению, под крепостным правом разумеют право человека на личность другого, основанное первоначально, при самом его зарождении, на частном юридическом акте, на *крепости*, независимо от отношения крепостного к земле,—право, отдававшее крепостного человека, по выражению нашего

Свода Законов, «в частную власть и обладание» господина. Значит, изложенное нами мнение соединяет в один момент акты столь несходные, как поземельное прикрепление и личная крепость. Это во-первых. Далее, не только не сохранилось общего указа, отменявшего крестьянский выход, но в уцелевших актах нет и намека на то, чтобы такой указ был когда-либо издан. Первым актом, в котором видят указания на прикрепление крестьян к земле, как на общую меру, считают указ 24 ноября 1597 г. Но этот указ содержанием своим не оправдывает сказания об общем прикреплении крестьян в конце XVI в. Из этого акта узнаем только, что если крестьянин убежал от землевладельца не раньше 5 лет до 1 сентября (тогдашнего нового года) 1597 года и землевладелец вчинит иск о нем, то по суду и по сыску такого крестьянина должно возвратить назад, к прежнему землевладельцу, «где кто жил», с семьей и имуществом; «с женой и с детьми и со всеми животы». Если же крестьянин убежал раньше пяти лет, а землевладелец тогда же, до 1 сентября 1592 г., не вчинил о нем иска, такого крестьянина не возвращать и исков и челобитий об его сыске не принимать. Больше ничего не говорится в царском указе и боярском приговоре 24 ноября. Указ, очевидно, говорит только о беглых крестьянах, которые покидали своих землевладельцев «не в срок и без отказу», т. е. не в Юрьев день и без законной явки со стороны крестьянина об уходе, соединенной с обоюдным расчетом крестьянина и землевладельца. Этим указом устанавливалась для иска и возврата беглых временная давность, так сказать, обратная, простиравшаяся только назад, но не ставившая постоянного срока на будущее время. Такая мера, как выяснил смысл указа Сперанский, принята была с целью прекратить затруднения и беспорядки, возникавшие в судопроизводстве вследствие

множества и запоздалости исков о беглых крестьянах. Указ не вносил ничего нового в право, а только регулировал судопроизводство о беглых крестьянах. И раньше, даже в XV в. удельные княжеские правительства принимали меры против крестьян, которые покидали землевладельцев без расплаты с ними. Однако из указа 24 ноября вывели заключение, что за пять лет до его издания, в 1592 году, должно было последовать общее законоположение, лишавшее крестьян права выхода и прикреплявшее их к земле. Уже Погодин, а вслед за ним и Беляев основательно возражали, что указ 24 ноября не дает права предполагать такое общее распоряжение за пять лет до 1597 года; только Погодин не совсем точно видел в этом указе 24 ноября установление пятилетней давности для исков о беглых крестьянах и на будущее время. Впрочем и Беляев думал, что если не в 1592 г., то не раньше 1590 года должно было состояться общее распоряжение, отменявшее крестьянский выход, потому что от 1590 г. сохранился акт, в котором за крестьянами еще признавалось право выхода, и можно надеяться, что со временем такой указ будет найден в архивах. Можно с уверенностью сказать, что никогда не найдется ни того, ни другого указа, ни 1590, ни 1592 года, потому что ни тот ни другой указ не был издан. Некоторые высказывали даже мысль, что указ 24 ноября 1597 г. и есть тот самый закон, которым крестьяне впервые были прикреплены к земле, но не прямо, а косвенно: без предварительного запрещения правительство признало незаконными все крестьянские переходы, совершившиеся в последние пять лет до издания этого указа, и дозволило покинувших свои участки крестьян возвращать на них как беглецов. Погодин, не признавая прикрепления крестьян при царе Федоре по особому общему закону, думал, что кре-

постное право установилось несколько позднее, постепенно, как-то само собой, не юридически, помимо права, ходом самой жизни. Разберемся в явлениях, какие встречаем в поземельных актах XVI и начала XVII в., чтобы видеть, что собственно случилось с крестьянами в то время.

До нас дошло значительное количество порядных записей, в которых крестьяне уговариваются с землевладельцами, садясь на их земли. Эти порядные идут с половины XVI в. до половины XVII в. и даже далее. Если вы, читая эти записи, забудете сказание о прикреплении крестьян при царе Федоре, то записи и не напомнят вам об этом. Крестьяне в начале XVII в. договариваются с землевладельцами совершенно так же, как они договаривались во второй половине XVI в. Крестьянин обязывался в случае ухода заплатить землевладельцу пожилое за пользование двором, возвратить ссуду и вознаградить землевладельца за льготу, которой пользовался. Возможность для крестьянина уйти от землевладельца предполагается в порядных сама собою, как право крестьянина. Предположение, что в конце XVI в. крестьяне были лишены этого права и прикреплены к земле, делает непонятным целый ряд порядных, составленных по узаконенной форме. Так один монастырь, переводя в 1599 г. своих крестьян из одного имения в другое, заключает с ними новый договор, рядится с ними, как с вольными съемщиками. Другой акт того же года рассказывает, что монастырь долго искал одного своего крестьянина, убежавшего без расплаты, наконец, отыскавши его в вотчине одного служилого человека, потребовал назад. Вдова землевладельца выдала беглеца. Во время Русской Правды крестьянин за такой побег был бы обращен в полного холопа. Теперь после предполагаемого прикрепления, монастырь не только не наказывает беглеца, но

Порядные XVI—XVII в.

заключает с ним новый договор и даже дает ему на обзаведение новую ссуду и льготу. Такие же явления замечаем и в царствование Михаила. По договору, заключенному в 1630 г., один крестьянин сел на землю Тихвинского монастыря со льготой и подмогой, освобожден был на год от казенных податей и вотчинного оброка, взял у монастыря на обзаведение 10 рублей (более ста рублей на наши деньги) и 10 четвертей разного хлеба. В порядной встречаем условие: «если, говорит крестьянин, я не буду жить за монастырем на своем участке по своему приговору или если стану где на стороне рядиться в крестьяне, монастырю взять на мне за денежную и за хлебную подмогу и за льготу 30 рублей по сей порядной записи»,—и только. Порядная и не предполагает мысли о незаконности ухода крестьянина с участка, снятого им у монастыря; крестьянин обязуется только заплатить неустойку, чтобы вознаградить землевладельца за сделанные им расходы. Итак по порядным грамотам незаметно общего прикрепления крестьян к земле и в первой половине XVII в., по крайней мере, в царствование Михаила. С другой стороны, некоторые крестьяне являются прикрепленными к земле, лишенными права выхода уже задолго до предполагаемого указа об общем поземельном прикреплении крестьян. В 1552 г. дана была черным крестьянам Важского уезда царская грамота, которая предоставляла сельским обществам того уезда право возвращать своих «старых», т.-е. давних тяглецов, вышедших на монастырские земли бессрочно и беспошлинно, и сажать их на покинутые участки, хотя тут же дается им право призывать на свои пустоши крестьян со стороны. Это распоряжение касалось черных, государственных крестьян. Но и все тяглые крестьяне являются тогда же как бы прикрепленными к земле или тяглу. В 1560-х годах

богатым соловарам Строгановым отданы были обширные пустые земли по Каме и Чусовой с правом населять их новоприходцами, призывая последних со всех сторон. Строгановы не могли только принимать к себе крестьян «тяглых и письменных», т.-е. посаженных на тягло и записанных в податные поземельные книги: таких поселенцев Строгановы обязаны были выдавать назад по требованию местных начальств с семьями и со всем имуществом. Итак предположение об указе, отменившем крестьянский выход и прикрепившем крестьян к земле в конце XVI в., не оправдывается ни с той, ни с другой стороны, ни предшествующими, ни последующими явлениями.

Условия, подготовлявшие неволю крестьян.

Чтобы понять, в чем дело, надобно прежде всего остановиться на вопросе: было ли что̀ отменять законодателю XVI в.? Внимательно изучая поземельные договоры того времени, встречаем указания на крестьянский «отказ», на свободный и законно совершенный переход крестьянина от одного землевладельца к другому; но легко заметить и то, что такие случаи были чрезвычайно редки. Порядные записи, в которых такой переход указывается прямо или подразумевается, — исключительные явления: такие договоры совершались теми немногими крестьянами, которые могли расплатиться с землевладельцами или которые впервые садились на крестьянское тягло из вольных людей. Большая часть порядных записей, нам известных, написана была такими вольными людьми, переходившими в разряд тяглых. Огромная масса тяглых крестьян уже не пользовалась правом перехода не потому, что это право было отменено общим законом, а потому, что сами крестьяне лишились или частными мерами были лишены *возможности* им пользоваться. Это лишение было делом продолжительного и сложного процесса, в котором и завязались основные, пер-

вичные условия крепостного права. Изложу этот процесс в самых общих чертах. Приблизительно с конца XIV до начала XVII века среди крестьянства центральной окско-волжской Руси идет непрерывающееся переселенческое движение, сначала одностороннее—на север за верхнюю Волгу, потом, с половины XVI в., с завоеванием Казани и Астрахани, двустороннее—еще на юговосток по Дону, по средней и нижней Волге. Среди этого движения в составе крестьянства обозначились два слоя, сидячий, оседлый—это *старожильцы*, и перехожий бродячий—*приходцы*. Те и другие имели различную судьбу на землях черных и дворцовых, очень мало различавшихся между собою, и на землях владельческих, служилых и церковных. Старожительство означало давность местожительства или принадлежности к обществу, городскому или сельскому. Но первоначально оно не определялось точным числом лет: старожильцами считались и крестьяне, сидевшие на своих участках 5 лет, и крестьяне, говорившие про занимаемые ими земли, что их отцы садились на тех землях. Само по себе старожительство не имело юридического значения в смысле ограничения личной свободы старожильцев; но оно получало такое значение в связи с каким-либо другим обязательством. В обществах черных и дворцовых крестьян такова была круговая порука в уплате податей. Старожильцы образовали в таких обществах основной состав, на котором держалась их податная исправность: разброд старожильцев вел к обременению остававшихся и к недоимкам. Насущною нуждою этих обществ было затруднить своим старожильцам переход на более льготные земли, особенно церковные. Выход затруднялся и уплатой довольно значительного пожилого, которое рассчитывалось по числу лет, прожитых уходившим старожильцем на участке; рассчет становился даже невозможным, если во дворе десятки лет

преемственно жили отец и сын. На встречу тягловым нуждам черных и дворцовых обществ шло и правительство, уже в XVI в. начинавшее укреплять людей к состояниям, к тяглу или к службе, чтобы обеспечить себе прочный контингент тяглых и служилых людей. Двусторонние условия привели к тому, что частные и временные меры, обобщаясь, завершились к началу XVII в. общим прикреплением старожильцев не только к состоянию, но к месту жительства. Из одного акта 1568 г. видим, что общим правилом было возвращать в дворцовые села ушедших крестьян, если то были старожильцы тех сел. Вместе с таким значением старожильства в конце XVI в. повидимому установлен был для него и точный срок давности. Уставная грамота, данная городу Торопцу в 1591 г., говорит о «заповедных летах», в продолжение которых торопчане могли возвращать в посад вышедших из него старинных своих тяглецов на старинные их места. Если под этими заповедными летами разумеется срок давности, дававший тяглому человеку звание старожильца, то можно думать, что именно этот срок вскрывается в одном акте, составленном несколько позднее. В 1626 г. дана была Спасскому монастырю в Ярославле правая грамота по делу о записке в посадское тягло людей и крестьян, живших на монастырской земле в Ярославле. В 1624 г. при описи г. Ярославля указано было разыскать, какие люди жили на монастырской земле в посаде, и если окажется, что они были люди вольные или старинные монастырские, а не государевы тяглые, или хотя и бывали в тягле за государем, «а вышли из-за государя больше *десяти* лет или в свое место оставили на своих местах жильцов тяглых людей», тех людей писать за монастырем попрежнему и к посаду не приписывать, равно и про ярославцев, ушедших с посада, разыскать, куда и когда

они ушли, и если ушли «не больше десяти лет», воротить их в Ярославль и посажать на покинутые ими места. Заместительство, приравненное здесь к старожительству, прямо указывает на круговую поруку, как на источник прикрепления старожильцев. Наконец и все тяглые и письменные люди черных волостей, записанные в тягло по книгам, признаны были, как старожильцы, прикрепленными к своим землям или обществам. В наказе 1610 г. Левшину, управителю посада Чухломы и черных волостей Чухломского уезда, это прикрепление выражено решительно и указан его источник — стремление поддержать податную исправность плательщиков и остановить сокращение податной пашни. Левшину предписывалось крестьян из государевых волостей никуда не выпускать и за государя крестьян ни из-за кого не вывозить до указу; так как «прожиточные крестьяне горланы с себя убавливали пашни, с выти стали жить на полвыти или на трети, не хотя государевых податей платити, а те свои доли наметывали на молодших людей, а вместо той своей пашни пашут на пустошах и сено косят на пустых долях», то Левшину это расследовать и распорядиться, чтобы крестьяне убавочные пашни пахали, тяглой пашни с себя не сбавливали, платили бы со своих вытей по животам и по промыслам. Таким образом государственные и дворцовые крестьяне были прикреплены к земле и образовали замкнутый класс: ни их не выпускали на владельческие земли, ни в их среду не пускали владельческих крестьян, и это обособление является в подмогу круговой поруке для обеспечения податной исправности сельских обществ. Такое прикрепление, разумеется, не имело ничего общего с крепостным правом. Это — чисто полицейская мера.

Как на казенных землях круговая порука привела к поземельному прикреплению крестьян, так на землях владельческих ссуда подготовила крепостное право. Около половины XV в. застаем владельческих крестьян с признаками довольно льготного положения несмотря на широкое распространение ссуды, или издельного серебра. Переход крестьян не был стеснен ни сроком, ни обязанностью немедленной уплаты занятого серебра: крестьянин-серебряник мог уплачивать свой долг землевладельцу в два года по уходе без процентов. Старожильцы даже пользовались особыми льготами за то, что усидчиво сидели на своих местах или добровольно на них возвращались. Но с конца XV в. положение этих крестьян изображается совсем в ином свете. Преподобный Иосиф Волоколамский убеждает окрестных землевладельцев во вреде непосильных работ и оброков, какими они привыкли обременять своих крестьян. Вассиан Косой в полемике с землевладельческим монашеством жестоко нападает на него за то, что оно разоряет своих крестьян жадным ростовщичеством и бесчеловечно выбивает разоренных из своих сел. Герберштейн, дважды приезжавший в Москву при отце Грозного и хорошо ознакомившийся с порядками в его государстве, пишет, что крестьяне здесь работают на своих господ шесть дней в неделю, что положение их самое жалкое, и имущество их не ограждено от произвола родовитых и даже рядовых служилых людей. В первой половине XVI в. крестьяне еще свободно переходили с места на место. В житии Герасима Болдинского читаем, что когда к основанному им под Вязьмой монастырю начали стекаться из окрестных волостей крестьяне, слыша о хозяйственном благоустройстве обители, и основали около нее слободу, проезжавший через Вязьму сановник из Москвы, узнав про то, Ссуды.

рассердился, зачем эти монастырские слобожане не тянут тягла вместе с мирскими крестьянами, велел призвать их к себе и бить нещадно, а когда Герасим вступился за своих, боярин обругал преподобного, послав ему «нелепые глаголы», а задержанных поселенцев приказал бить пуще прежнего. Различные условия содействовали ухудшению положения владельческих крестьян: и усиление податных тягостей с расширением государства, и развитие служилого поместного землевладения с отягчением службы помещиков от учащавшихся войн, и распространение ссудного крестьянского хозяйства, особенно на поместных и церковных землях, и нерадение законодательства о регулировании поземельных отношений крестьян, которым только предписывалось во всем своего владельца слушать, пашню на него пахать и оброк ему платить, чем он их изоброчит. Но до половины XVI в. в поземельных описях и актах центральных уездов государства крестьянство является населением, довольно плотно сидевшим по многодворным селам и деревням на хороших наделах, с ограниченным количеством перелога и пустошей. Иностранцы, проезжавшие в половине XVI в. из Ярославля в Москву, говорят, что край этот усеян деревушками, замечательно переполненными народом. Во второй половине века, особенно в его последние десятилетия, картина резко изменяется. Сельское население центра сильно редеет: старые деревни превращаются в пустоши; починки попадаются редко или совсем отсутствуют; по городам, селам и деревням отмечается в актах небывалое дотоле множество пустых дворов и дворовых мест, где и постройки уже исчезли; в Муроме на посаде в 8 лет (1566—1574 г.) из 587 тяглых дворов осталось только 111; англичанин Флетчер по пути между Вологдой и Москвой встречал села, тянувшиеся на версту, с избами по сторонам дороги, но без

единного обывателя; площадь пашни переложной и лесом зароставшей расширяется; оставшиеся на старых местах крестьяне сидят на сокращенных пахотных участках; одновременно с сокращением крестьянской запашки увеличивается барская пашня, обрабатываемая холопами за недостатком крестьянских рук. На счет центра заселялись юго-восточные окраины, верхняя Ока, верхнее Подонье, среднее и нижнее Поволжье. При такой перемене в распределении населения положение центрального владельческого крестьянства затруднялось и в хозяйственном, и в юридическом отношении. Государственные и владельческие повинности становились тяжелее по мере убыли рабочих сил. Ссудное хозяйство расширялось, а с ним усиливалась и долговая зависимость крестьян. И старые землевладельцы центральных областей, надо полагать, поддерживали дело новых степных помещиков,— разрежение старинного крестьянского двора, образуя усиленной ссудой новых домохозяев из неотделенных членов старых семей, из сыновей, младших братьев и племянников. На владельческих землях так же, как и на черных и дворцовых, существовал слой старожильцев, но с иным характером. Там старожильцы—основные кадры, которые поддерживали тягловую способность сельских обществ, несли на своих плечах всю тяжесть круговой поруки: здесь это—наиболее задолжавшие, неоплатные должники. Я уже говорил, как разлагались стянутые круговой порукой старые волостные общества с появлением среди них привилегированных частных имений, вотчин и поместий, образовавших в их составе особые общества, новые юридические лица. В 1592 г. все крестьяне поместья Астафья Орловского в Вологодском уезде заняли у другого дворянина «в мирской расход на все поместье» 4 руб. (более 200 р. на наши деньги) и совершили заем без всякого участия своего по-

мещика. Но в круговой крестьянской поруке по уплате податей землевладелец должен был принять участие: облагая своих крестьян работой и оброком по усмотрению, нередко обладая правом суда и полицейского надзора над ними, даже правом льготить их от государского тягла, он неизбежно становился ответственным посредником в их делах о казенных платежах и повинностях, даже когда волость сохраняла свою тягловую цельность и все волостные крестьяне без различия землевладельцев «тягло государское всякое тянули с волостью вместе, по волостной ровности», т.-е по уравнительной разверстке. В этом обособлении вотчин и поместий—начало и причина ответственности землевладельцев за казенные платежи своих крестьян, которая потом стала одною из составных норм крепостного права. Уже в XVI в. землевладельцу приходилось иногда самому платить подати за своих крестьян. В 1560 г. власти Михалицкого монастыря жаловались царю, что их крестьяне терпят многие обиды от соседних помещиков и вотчинников и они, власти, принуждены постоянно давать своим разоряемым крестьянам льготы в монастырских повинностях, «да и тягли многие (казенные налоги) во много лет, изможаясь и займуя, за тех своих крестьян платили сами собою». Собственный интерес побуждал благоразумного землевладельца становиться хозяйственным попечителем своих крестьян раньше, чем закон дал ему право быть их обладателем. Этим и объясняется положение старожильцев на владельческих землях. Землевладелец не стал бы слишком щедро льготить крестьянина и даже платить за него подати, если б видел в нем кратковременного сидельца, которого ближайший Юрьев день осенний может унести с его участка. Его заботой было усадить крестьянина возможно прочнее, сделать старожильцем. Естественные побуждения клонили к тому и самого кресть-

нина. Обстроившись и обжившись на своем месте, домовитый хлебопашец не мог иметь охоты без нужды бросать свой участок, в который вложил много своего труда, в усадьбе которого нередко родился. Некоторые признаки указывают на присутствие значительного класса старожильцев и на владельческих землях до половины XVI в. Потом, с завоеванием Поволжья, крестьянство было взбудоражено переселенческим движением с центрального суглинка на южный чернозем. Уход младших членов семьи, людей неписьменных, на новые места обессиливал старый крестьянский двор и вынуждал его сокращать запашку. На владельческих землях множество крестьянских дворов, значившихся жилыми по описям первой половины века, в конце его являются пустыми: хлебопашца, которому наскучила работа над неподатливым лесным, хотя и отческим суглинком, манила степная черноземная новь с новыми ссудами и льготами. Навстречу опасности остаться без «живущего», с одними «пустошами, что были деревни», центральные землевладельцы шли с усиленными ссудами, льготами и неустойками; и ссуда, и неустойка за уход и за неисполнение обязательств к концу XVI в. постепенно увеличиваются: первая с полтины поднимается до 5 р. (225 р.), вторая с 1 р. до 5 и 10 р. На отдельных примерах можно видеть, как трудно было рассчитаться крестьянину, засидевшемуся у землевладельца до старожильства, т.-е. просидевшему больше 10 лет. Возьмем наиболее легкие условия рассчета. Крестьянин порядился на участок и взял 3 р. ссуды без льготы, что бывало не часто. Прожив 11 лет и став старожильцем, он при уходе должен был возвратить ссуду и уплатить за свой двор пожилое, в лесных местах по 14 коп. за год (в полевых местах, где было далеко до «хоромного», строевого леса,—вдвое), и

пошлин 6 коп. Все эти платежи во второй половине XVI в. составили бы на наши деньги сумму больше 200 р. Меньше этого пришлось бы платить редкому старожильцу. Приведу пример краткосрочного сиденья. В 1585 г. два казенных или дворцовых крестьянина сели на пустую монастырскую деревню с обязательством в три льготные года поставить двор и хоромы, обстроиться, распахать и унавозить запустевшую пашню, и за это получили 5 р. ссуды. Если бы они отсидели льготные годы, не исполнив обязательств, и захотели бы уйти, они должны были бы заплатить пожилое за три года, ссуду и 10 р. неустойки, как уговорились с монастырем: все это на наши деньги составило бы сумму около 700 руб. Едва ли бы они оказались в состоянии уплатить такой долг. Как свободные люди, они могли уйти и без расплаты; но тогда монастырь вчинил бы против них иск о взыскании, суд присудил бы их к уплате и по их несостоятельности выдал бы их монастырю «до искупа», т.-е. превратил бы их на много лет в срочных холопов кредитора, зарабатывающих свой долг. Так ссуда создавала отношения, в которых владельческому крестьянину приходилось выбирать между бессрочно-обязанным крестьянством и срочным холопством. Это было не полицейское прикрепление к земле, какое установила круговая порука для государевых черных крестьян, а хозяйственная долговая зависимость от лица, от землевладельца-кредитора по общему гражданскому праву. Эту разницу надобно особенно принять во внимание, чтобы избежать недоразумений.

Свозы и побеги.

Итак крестьянское право выхода к концу XVI в. замирало само собой, без всякой законодательной его отмены. Им продолжали пользоваться лишь немногие крестьяне, поселение которых не соединялось ни с какими затратами для землевладельцев и которым потому легко было рассчи-

таться с ними, заплатив только пожилое. Для остальных крестьян вольный переход выродился в три формы: *побѣг*, *своз* и *сдачу*—заместительство уходившего другим жильцом. В поземельных описях XVI в. первые две из этих форм обозначаются выражениями: «выбежал», «сшел» или «сбег безвестно», «скитается», «вывезен» тем-то или туда-то. Между этими формами была разница качественная и количественная. Побег возвращал задолжавшему крестьянину свободу, но был незаконен; своз допускался законом, но не возвращал крестьянину свободы; сдача возвращала свободу и допускалась законом, но была затруднительна сама по себе и возможна лишь в редких случаях. На дворцовых землях вел. кн. Симеона Бекбулатовича в Тверском уезде по книге 1580 г. из 306 случаев крестьянского перехода не отмечено ни одного заместительства. Случаи нормального перехода без сторонней помощи и нарушения закона довольно редки: их 17%. Чаще случались побеги не в срок и без отказа, без установленной явки, без уплаты пожилого, вообще без расплаты с землевладельцем: их 21%. Господствующей формой перехода был своз: на землях Бекбулатовича таких случаев отмечено 61% слишком. Это понятно. Крестьянин редко мог расплатиться с землевладельцем: обыкновенно его выручал другой землевладелец, который вносил за него пожилое и ссуду и вывозил его на свою землю. Такой крестьянин, меняя участок, не менял своего юридического положения, а лишь переходил от одного кредитора к другому. Свозы крестьян чрезвычайно усилились в продолжение XVI в. В этой операции принимали участие землевладельцы всех разрядов, и монастыри, и бояре, и мелкие вотчинники, и помещики; даже черные и дворцовые волости свозили крестьян у светских землевладельцев, притом «насильством», против воли господ, нуждаясь в тяглецах на

пустые участки. Благодаря этой погоне за крестьянами в XVI в. возникла ожесточенная борьба землевладельцев за крестьянские руки. Время около 26 ноября, Юрьева дня осеннего, было порой, когда в селах и деревнях разыгрывались сцены насилия и беспорядков. Прикащик богатого светского землевладельца, слуга или посельский богатого монастыря ехал в села черных крестьян или мелких помещиков и «отказывал» крестьян, подговорив их к переселению, платил за них ссуду и пожилое и свозил на землю своего господина. Крестьянские общества и мелкие землевладельцы, лишаясь тяглецов и рабочих рук, старались силой удержать их, ковали свозимых крестьян в железа, насчитывали на них лишние платежи и грабили их пожитки, а не то собирали своих людей и встречали самих откащиков с каким могли оружием в руках. Жалобы мелких помещиков и государственных крестьян ярко рисуют эти юрьевские столкновения.

Меры против них.

Обе формы, в какие выродилось крестьянское право перехода, а не самое это право, московское правительство с конца XVI в. старалось стеснить или даже уничтожить. И побеги, и свозы, не улучшая положения крестьян, сопровождались важными неудобствами для государства и государственного хозяйства, а особенно для сельских обществ с круговой порукой и для обязанных службой мелких землевладельцев. Крестьянский выход превратился в одностороннюю привилегию или в игру крупных землевладельцев, не поддерживавшую свободу крестьян, но сильно вредившую интересам государства. Сельские общества казенных крестьян, теряя своих тяглецов, становились неисправными податными плательщиками; мелкие служилые землевладельцы, лишаясь рабочих рук, переставали быть исправными ратниками. Наконец, крестьянские свозы и побеги кос-

венно содействовали переходу тяглых крестьян в класс холопов. Судебник 1497 года, определяя условия крестьянского выхода, назначает только срок для него с уплатой пожилого за двор. В Судебнике 1550 г. встречаем важное добавление: «а который крестьянин с пашни продастся кому в полную в холопи, и он выйдет бессрочно и пожилого с него нет». Крестьянин, запутанный своими в своих долговых обязательствах, разрушивший свое хозяйство побегами, невольно мог искать выхода из своих затруднений в этой добавке Судебника. Но становясь полным холопом, тяглый крестьянин переставал быть податным плательщиком, пропадал для казны. Против этих невыгодных последствий крестьянского выхода и было направлено московское законодательство конца XVI и начала XVII в. В царствование Бориса Годунова 28 ноября 1601 г. издан был указ, по которому дозволялось вывозить крестьян друг у друга только мелким землевладельцам, служилым людям второстепенных и низших чинов, и то не более двух крестьян зараз; землевладельцы Московского уезда, в большинстве люди высших чинов и крупные вотчинники, равно церковные учреждения, а также черные и дворцовые волости совсем лишены были права вывозить чьих-либо крестьян на свои земли. Этот указ является мерой, направленной против землевладельцев в пользу крестьян: он гласит, что царь позволил давать крестьянам выход по причине налогов и взысканий, которыми землевладельцы их обременяли. Указ начинается объявлением о дозволении выхода крестьянам, а далее ведет речь вовсе не о выходе, а о вывозе крестьян землевладельцами; под выходом разумели уже только вывоз, которым заменился выход. Указ 24 ноября 1602 г. повторил прошлогоднее ограничение вывоза, но мотивировал его не каким-либо общим законом,

прежде изданным, а желанием прекратить бои и грабежи, которыми обыкновенно сопровождался своз крестьян одним землевладельцем у другого. Так как эти беспорядки происходили от нежелания землевладельцев отпускать перезываемых крестьян, то оба указа, и 1601 г., и 1602 г., надобно понимать в том смысле, что они определяют, кому у кого дается право вывозить крестьян, т.-е. вывозить без согласия их владельцев, только по соглашению с вывозимыми крестьянами. Следовательно вывоз крестьян с дозволения их владельцев был признан постоянным правилом, изъятие из которого допускалось этими указами, как временная мера, только на те два года, когда они были изданы. Притом второй указ дозволял вывозить крестьян «во крестьяне-же», т.-е. даже в дозволенных границах вывоз не мог выводить крестьян из их тяглого состояния; крестьянин и у нового владельца должен был оставаться крестьянином, не переходя в нетяглые дворовые люди. При первом самозванце указом 1 февраля 1606 г. прямо запрещен был переход крестьян в холопство. В продолжение 1601—1603 г. на Руси были неурожаи. Это заставило многих крестьян бежать от своих землевладельцев, отказавшихся поддерживать их хозяйство в голодные годы. Многие беглецы, принятые другими землевладельцами, поступили к ним в холопство. Указ 1 февраля предписывал всех крестьян, бежавших до голодных лет и отдавшихся в холопство, возвращать к старым владельцам попрежнему в крестьянство. Этим отменялась статья Судебника 1550 г., дозволявшая крестьянам продаваться с пашни в холопство. Крестьяне бежавшие от своих землевладельцев, отказавшихся кормить их в голодные годы, не возвращались на прежние места, оставаясь в том состоянии, в какое вступили после побега. Все эти указы не признают крестьян прикрепленными ни к

земле, ни к землевладельцам, не касаются и права выхода, а говорят только о крестьянах свозных и беглых. Не отменяя права выхода, законодательство направлялось только против невыгодных для государственного порядка последствий этого права: 1) оно старалось прекратить переход крестьян в нетяглое состояние, в холопство; 2) оно пыталось уничтожить игру в крестьян, какую вели крупные землевладельцы, сманивая их с земель казенных крестьянских обществ или мелких землевладельцев; наконец 3) по искам землевладельцев оно преследовало незаконные побеги крестьян, нарушавшие право собственности землевладельцев. Такое отношение законодательства, не вмешивавшегося в юридическое существо сделок землевладельцев с крестьянами, а только стремившегося предотвратить злоупотребления, поддерживало чисто гражданский характер этих сделок. На то же указывает и пятилетняя исковая давность, установленная законом 1 февраля 1606 г. для дел о крестьянских побегах: «а на беглых крестьян... дале пяти лет суда не давати». Законодательные меры против беглых крестьян завершились указом 9 марта 1607 г., который впервые попытался вывести крестьянские побеги из области гражданских правонарушений, преследуемых по частному почину потерпевшего, превратив их в уголовное преступление, в вопрос государственного порядка: розыск и возврат беглых крестьян независимо от исков землевладельцев он возложил на областную администрацию под страхом тяжкой ответственности за неисполнение этой новой для нее обязанности, а за прием беглых, прежде безнаказанный, назначил сверх вознаграждения потерпевшему землевладельцу большой штраф в пользу казны по 10 р. (около 100 р. на наши деньги) за каждый двор или за одинокого крестьянина, а подговоривший к побегу сверх денежной

пени подвергался еще торговой казни (кнут). Однако и этот указ допустил давность для исков о беглых крестьянах, только удлиненную до 15 лет. Зато он прямо признал личное, а не поземельное прикрепление владельческих крестьян: тем из них, которые за 15 лет до указа записаны в поземельных описях, в писцовых книгах 1592—1593 гг., указано «быть за теми, за кем писаны». Однако указ или не удался, или понят был только в смысле запрещения крестьянских побегов и вывозов, а не как отмена законного выхода крестьян. Крестьянские порядные и после того совершались на прежних условиях; самое допущение 15-летней исковой давности для беглых поддерживало за крестьянскими поземельными договорами характер чисто гражданских отношений. Указ был издан, когда разгоралась смута, несомненно помешавшая его действию. Он затягивал узел обязательных отношений крестьян к господам, когда колебались все основы государственного порядка, когда тяглые и несвободные классы сбрасывали с плеч свои старые обязательства и еще менее стеснялись новыми.

Владельческие крестьяне в начале XVII в.

Таким образом вопрос о владельческих крестьянах до конца смуты оставался нерешенным. Хозяйственная зависимость их от землевладельцев все усиливалась, фактически лишая их права выхода. Но законодательство не отменяло этого права прямо и решительно, а только стесняло невыгодные для государства формы, в которые оно вырождалось; не установляя крепостной неволи крестьян, оно старалось пресекать нарушения законных отношений между обеими сторонами. Такое положение дела помогло к началу XVII в. укорениться среди землевладельцев взгляду на крестьян, как на своих крепостных. Выражение этого взгляда встречаем уже в царствование Бориса Годунова в известии современного наблюдателя, иноземца Шиля,

который писал, что еще при прежних государях московских землевладельцы привыкли считать своих крестьян за крепостных (Die Bauern... von ihren Herren für Leibeigene gehalten worden). Согласно с этим взглядом во второй половине XVI в. землевладельцы в своих духовных приказывают своим крестьянам наравне с дворовыми людьми работать на их вдов до смерти последних. К исходу смуты выяснились в вопросе две идеи: 1) о необходимости прекратить выход, т.-е. вывоз крестьян без согласия их владельцев, как главный источник беспорядков и злоупотреблений в сельской жизни, и 2) о том, что владельческий крестьянин, если и крепок, то не земле, а землевладельцу. Запрещения крестьянского выхода требуют и договор Салтыкова с Сигизмундом 4 февраля 1610 г., и договор московских бояр с ним же 17 августа того же года, и земский приговор ополчения Ляпунова (30 июня 1611 г.), которое собралось под Москвой выручать ее из рук поляков. Мысль о личном прикреплении настойчиво выступает в ряде вкладных монастырских грамот начала XVII в., в которых вкладчики на случай выкупа вкладной вотчины родичами ставят им условие: что монастырские власти крестьян посадят, дворов устроят, пашни распашут, лесу расчистят и сенных покосов раскосят, взять за то по их сказке, во что то вотчинное строение стало, «*а посаженных крестьян вывести вон* в троицкие вотчины». Но это была не норма, а только терпимая законом практика, которая всегда могла быть отменена судом. В 1622 г. Ларионов продал Маматову свою вотчину с условием, что в случае выкупа ее родичами Ларионов оплачивает ссуды, выданные Маматовым посаженным им крестьянам, «а крестьян (Маматову) вывести вон, а буде тех крестьян с вотчиною *отсудят* вотчичу», то на Ларионове взять за крестьян, за человека и за животы,

смотря по крестьянским животам. Эта оговорка показывает, что в начале третьего десятилетия XVII в. вопрос о личной крестьянской крепости не был решен даже в принципе.

Выводы. Итак, законодательство до конца изучаемого периода не устанавливало крепостного права. Крестьян казенных и дворцовых оно прикрепляло к земле или к сельским обществам по полицейско-фискальным соображениям, обеспечивая податную их исправность и тем облегчая действие круговой поруки. Крестьян владельческих оно ни прикрепляло к земле, ни лишало права выхода, т.-е. не прикрепляло прямо и безусловно к самим владельцам. Но право выхода и без того уже очень редко действовало в своем первоначальном чистом виде: уже в XVI в. под действием ссуды оно начало принимать формы, более или менее его искажавшие. Законодательство имело в виду только эти формы вырождения крестьянского права, следило за их развитием и против каждой ставило поправку с целью предупредить вред, каким она грозила казне или общественному порядку. Вследствие неоплатной задолженности крестьян при усилении переселенческого движения учащались крестьянские побеги и запутывались иски о беглых: усиливая меры против беглых и их приема, правительство законами об исковой давности старалось ослабить и упорядочить иски и споры из-за беглых. Право вывоза вызывало беспорядки и запутанные тяжбы между землевладельцами: вывоз был стеснен чиновной классификацией отказщиков и согласием владельца, у которого отказывали крестьян. Судебник 1550 г. дозволял крестьянину продаваться с пашни в холопство, лишая казну податного плательщика: указы 1602 и 1606 гг. установили *вечность крестьянскую*, безвыходность тяглого крестьянского состояния. Так крестьянин, числясь по закону вольным со своим

устарелым правом выхода, на деле был окружен со всех сторон, не мог уйти ни с отказом, ни без отказа, не мог по своей воле ни переменить владельца посредством вывоза, ни даже переменить звания посредством отказа от своей свободы. В таком положении ему оставалось только сдаться. Но такое решение крестьянский вопрос получил несколько позднее, за пределами изучаемого нами периода. В первые два десятилетия XVII в., когда уже действовали все экономические условия неволи владельческих крестьян, не была еще найдена юридическая норма, которая закрепила бы эту фактическую неволю, превратив ее в крепостную зависимость. Я наперед обозначу эту искомую норму, объяснение которой и послужит нам исходной точкой при дальнейшем изучении истории крепостного права: она состояла в том, что *крестьянин, рядясь с землевладельцем на его землю со ссудой от него, сам отказывался въ порядной записи навсегда от права каким-либо способом прекратить принимаемые на себя обязательства.* Внесение такого условия в порядную и сообщило ей значение личной крепости.

Лекция XXXVIII.

Обзоръ пройденного. — Управление в Московском государстве XV—XVI в.—Неблагоприятные условия его устройства.—Общий взгляд на его устройство и характер.—Управление удельного княжества.—Бояре введенные и Боярская дума.—Наместники и волостели.—Значение кормлений.—Перемены в центральном управлении Московского государства с половины XV века.—Приказы и Боярская дума.—Характер их деятельности.

Обзор. Мы изучили внешнее положение Московского государства и внутреннее социальное его устроение за полтора столетия, видели, как расширялась его территория и как устанавливались в нем положение и взаимные отношения общественных классов. Нетрудно заметить внутреннюю связь между обоими процессами. Внешние войны все учащались и становились тяжелее, требуя все более усиленных жертв со стороны народа; общественные отношения складывались под гнетом все накоплявшихся государственных повинностей; разверстка тягла служебного и податного служила главным средством начинавшегося сословного расчленения общества. Такой ход дел мог давать мало благоприятных условий для успехов народного труда и общественного благосостояния. Важнее всего то, что напряжение материальных сил народа для внешней борьбы оставляло слишком мало простора для развития духовных интересов, давило общественную мысль, мешая ей уяснить себе новые задачи, какие становились перед формировавшимся национальным госу-

дарством. И мы видели, как по вине внешних затруднений и внутренней нравственной косности случайно, робко, нередко противоречиво разрешались возникавшие вопросы общественного благоустройства, с каким скудным запасом идей и с какими недоразумениями устроялось государственное и хозяйственное положение боярства и всего служилого класса, монастырского духовенства и крестьянства.

Неблагоприятные условия.

Все эти затруднения не могли не отразиться на устройстве государственного управления, к которому мы теперь обращаемся. И для этого дела было так же мало благоприятных условий: не могли приготовить их много удельные порядки и понятия, с которыми московские государи и великорусское общество приступали к государственному устроению объединявшейся Великороссии. Умам, воспитанным в понятиях княжеской вотчины, в обычаях удельной усадьбы, трудно было усвоить себе общие интересы народа, которые призвано ведать государственное управление. Самое понятие о народе, как политическом и нравственном союзе, в удельные века раскололось на представления о территориальных землячествах тверичей, москвичей, новгородцев и о профессиональных общественных цехах бояр и вольных слуг, «селенских богомольцев», невольных и полувольных «слуг что под дворским», тяглых черных плательщиков, посадских и сельских. Сторонних источников, из которых можно было бы почерпать пригодные политические соображения, брать подходящие образцы и примеры, не было. Католический и протестантский Запад был слишком чужд и подозрителен для православной Великороссии по своим верованиям, обычаям и порядкам. Старая учительница России в делах религии, риторики и придворной интриги Византия,—но ее уже не существовало в тот момент, когда началось устроение великорусского государства.

Да и прежде Царьград в политическом отношении был для Руси дряхлым хромым инвалидом, обучавшим правильной походке едва становившегося на ноги ребенка.

Общий взгляд.

Наименее благоприятным условием для устройства управления в Московском государстве представляется отношение, в какое стал московский государь к главному своему правительственному орудию, к боярству. Этот класс был наиболее ревнивым и упрямым хранителем удельных преданий и предрассудков, принесенных им в Москву и столь здесь неприятных по многим еще свежим воспоминаниям. Эти предания и воспоминания не обещали дружной совместной работы в устройстве московского управления. Отношение, установившееся между обеими сторонами, как мы видели, если не было прямой и открытой борьбой, то можетъ быть названо глухим антагонизмом или «нелюбьем», как говорили в старину. Московское государство строилось, когда это нелюбье укоренялось все глубже, превращалось с обеих сторон в дурную политическую привычку, а в царствование Грозного со стороны дурного царя грозило перейти в анархию. Отразилось ли неестественное отношение хозяина, главного государственного строителя, к его ближайшим сотрудникам на самом строении государства, на его ходе и характере? Этого не заметно. Государственное управление образовывалось, действовало и преобразовывалось; руководили этим делом государь и его бояре; но ни в образовании, ни в деятельности правительственных учреждений не уцелело явственных следов разлада, разделявшего строителей. От деятельности московского управления в XVI в. осталось значительное количество документов; изучая их, и не подумаешь, что политические силы, направлявшие эту деятельность, не всегда ладили друг с другом. В кремлевских дворцовых палатах,

на московских боярских подворьях, в литературе раздавались обоюдные жалобы или обвинения противников, проповедывались различные политические теории, составлялись планы побега за границу, изучались родословные, чтобы тенями действительных или вымышленных предков в роде Августа Кесаря оправдать свои политические помыслы или притязания,—словом, спорили, сердились, размышляли и доказывали. При царе Иване и московская площадь стала свидетельницей этой политической размолвки: много боярских голов, нередко целыми семьями, положено было здесь на плаху. Но на деловой правительственной сцене все оставалось тихо; в канцеляриях, в *приказах*, не спорили и не рассуждали, а распоряжались и писали, всего больше писали. Здесь шла ровная, бесшумная работа, направлявшаяся обычаем, а не идеями. Люди, которые составляли дошедшие до нас канцелярские документы, очевидно, обладали большим практическим навыком, знали дела, умели устанавливать порядок и формы делопроизводства и дорожили установленной формой, были люди рутины, а не теоретики, и их политические идеи и сочувствия повидимому не принимали никакого участия в выработке этой рутины, этих правительственных форм и порядков. Все делалось именем и по указу государя великого князя всея Руси; воля этого государя являлась высшим и бесспорным двигателем правительственного механизма, народный интерес этой *всея Руси* подразумевался, не проявляясь, как высшая цель его движения, всеми одинаково признаваемая и одинаково понимаемая.

Удельное управление.

Такое общее впечатление производят деловые документы правительственных учреждений, устанавливавших и поддерживавших московский государственный порядок в XVI в. Теперь войдем в некоторые подробности, сделаем очерк

правительственных форм, в какие отлился общественный склад в тогдашнем Московском государстве. Московское управление того времени все развилось из удельного. Чтобы представить себе это последнее, надобно припомнить строй удельного княжества и характер удельного князя. Как мы уже видели (лекция XX), удельное княжество было собственно не государство, а хозяйство князя: иначе говоря, государство в то время было не что иное, как княжеское хозяйство. Поэтому удельное управление было собственно эксплуатацией различных статей этого хозяйства. Население удела для князя—не общество, не союз подданных для достижения известных целей общего блага и общественного порядка: оно было лишь орудием или предметом хозяйственной эксплуатации княжества. Правительственные действия, имеющие целью охрану права и общественного благосостояния, поддержание законного порядка, как-то суд, полиция, даже частью самое законодательство, рассматривались, как доходные статьи княжеского хозяйства, были сопряжены с известными сборами в пользу правительства и его агентов: так произошли все те пошлины судебные, торговые, свадебные и другие, какие поступали в княжескую казну или на содержание отдельных управителей удельного времени. На таком строе удельного княжества построилась и держалась удельная администрация. Различные учреждения в ее системе имели целью извлечение дохода из разных земель и угодьев в княжестве, а люди, работавшие на этих землях, как бы причислялись к угодьям, составляя живую механическую силу, вводившую в хозяйственный оборот эти мертвые земли и угодья. Мы уже видели также (та же лекция), что все земли в уделе по своим хозяйственным отношениям к князю делились на три разряда: одни из них были приписаны

к княжескому дворцу, обрабатывались непосредственно на князя, который получал с них необходимые для дворца припасы; другие земли отдавались на известных условиях в частное владение лицам или учреждениям (церковным), составляли их привилегированную собственность; наконец третьи сдавались в пользование горожанам и крестьянам за известные повинности. Первые земли назывались *дворцовыми*, вторые *боярскими* и *церковными*, третьи *тяглыми* или *черными*. По роду этих земель различалось управление центральное и местное.

Бояре введенные и дума.

Княжеский дворец был средоточием удельного управления. Разные части дворцового хозяйства поручались отдельным боярам и вольным слугам, даже холопам князя. Дворцовые слуги и дворцовые земли с угодьями составляли ведомство боярина *дворецкого*, дворцовые лошади, конюхи и дворцовые луга—ведомство боярина *конюшего*. Различные угодья на княжих землях, бортные леса (лесное пчеловодство), рыбные ловли, звериные гоны, ведались особыми дворцовыми сановниками, *чашником*, *стольником*, *ловчим*. Так при удельном дворце слагалась целая система административных ведомств, которые все имели хозяйственное происхождение и назначение. Главные управители, которым поручались эти ведомства, называются в актах удельного времени *боярами введенными*, а совокупость их ведомств составляла дворцовое или центральное управление княжества в удельном смысле этого слова. Особо важные правительственные дела, которые не могли быть решены отдельными боярами введенными, касались не одного, а нескольких дворцовых ведомств или выходили из компетенции их всех, восходили к самому князю и решались им вместе с теми боярами, ведомства которых они касались, или с советом всех наличных бояр. Дела последнего рода, чрезвычай-

ные, собиравшие всех на совет, даже с участием высшего духовенства, были вопросы о войне и мире, о духовном завещании князя, об устройстве судьбы отдельных членов княжеской семьи и т. п. Это и есть княжеская *дума* удельного времени, совет бояр при князе, изменчивый по составу, составлявшийся особо для каждого текущего или экстренного дела, которое восходило к князю. Эта дума не имела привычных нам форм государственного учреждения с уставом и постоянным составом участников, с точно определенной компетенцией и неизменным порядком делопроизводства, с канцелярией и протоколами. Это был не государственный совет, а скорее княжеский обычай совещаться с боярами о всяком незаурядном деле. Но из этих совещаний, вызываемых частными случаями правительственной практики, исходили частные же, сепаратные распоряжения, которые однако служили прецедентами для дальнейших однородных случаев и, повторяясь, превращались в общую норму, в закон. Так складывалось удельное законодательство, органом которого была Боярская дума с князем во главе. Таково было устройство центрального удельного управления, состоявшего из отдельных дворцовых ведомств бояр введенных и из боярского совета, собиравшегося в более или менее тесном или широком составе, из двух-трех или из всех наличных бояр.

Кормленщики.

Земли, не приписанные к княжескому дворцу, частновладельческие и черные, входили в круг местного управления, которому предоставлено было в княжестве все, чего княжеский дворец не эксплоатировал сам. Это управление находилось в руках *наместников* и *волостелей*. Значительные княжества делились на административные округа, называвшиеся *уездами*. Впрочем, уезд не был административным округом в нашем смысле слова, подчиненным одной местной

власти с ее орудиями. Уезд состоял из города и сельских обществ, называвшихся *волостями* и *станами*. Стан—та же сельская волость, только пригородная, ближайшая к уездному городу, находившаяся в *окологородьи*, как выражаются документы. Впрочем, и обширные волости делились на станы, как и обширные станы—на волости. В Коломенском уезде по книгам XVI в. встречаем 11 станов и 9 волостей. Наместник правил городом и подгородными станами; волости управлялись волостелями, которые обыкновенно ни в чем не зависели от наместника своего уездного города: только в некоторых уездах наместнику принадлежал суд по важнейшим уголовным делам, случавшимся в волостях его уезда. Наместники и волостели правили с помощью подчиненных им агентов, *тиунов*, творивших суд их именем, *доводчиков*, вызывавших на суд, и *праветчиков*, чинивших исполнение по судебным приговорам: доводчики некоторыми своими функциями напоминают наших судебных следователей, а праветчики—судебных приставов. Тиуны, доводчики и праветчики—не государственные чиновники: обыкновенно это были дворовые люди, холопы наместников и волостелей. Главною целью удельного областного управления было извлечение доходов из управляемого округа. Каждый правительственный акт наместника и волостеля, как и их подчиненных агентов, сопряжен был с известным сбором, так что правительственные отправления имели значение не столько действий, направленных к поддержанию порядка и охранению права, сколько значение источников дохода или доходных статей для управителей. В этом смысле должность областного управителя называлась *кормлением*: управитель кормился насчет управляемых в буквальном смысле этого слова. Содержание его состояло из *кормов* и из *пошлин*. Кормы вносились целыми обществами в определенные сроки, пошлинами

отдельные лица оплачивали правительственные акты, в которых они нуждались. Кормы были *въезжий*, единовременный, и ежегодные постоянные, именно *рождественский*, *петровский* и в некоторых местах *великоденский*—«на великий день». Въезжий корм вносили при въезде управителя на кормление, при самом вступлении его в должность: кормленщик получал на въезд от горожан и сельских людей, «что кто принесет». Кормы рождественский и другие праздничные точно определялись грамотами *уставными*, какие давались целым округам, или *жалованными*—отдельным кормленщикам на жалуемые им в кормление округа. Эти кормы разверстывались по *сохам*. Соха—податная единица, заключавшая в себе известное число тяглых городских дворов, определявшееся их зажиточностью, или известное пространство тяглой крестьянской пашни, изменявшееся по качеству земли и по роду землевладельцев. В московское время поместная и вотчинная соха заключала в себе 1200 десятин доброй земли в трех полях, 1500 дес. земли середней и 1800 дес. худой; сохи земель дворцовых, монастырских и черных были несколько меньше, с убавкой на 25 — 37%. Так доброй земли в монастырской и дворцовой сохе числилось 900 дес. в трех полях, в черной 750; количество десятин средней и худой земли в каждой из этих сох пропорционально увеличивалось. В удельное время кормы вообще взимались натурой: так рождественского корма наместнику белозерскому по уставной грамоте 1488 г. с каждой сохи (без различия разрядов) шло по полти мяса (полоть—десятая часть говяжьего стяга), по 10 печеных хлебов, по бочке овса. Подобные же кормы, только в уменьшенных размерах, шли волостелям, тиунам и прочим подчиненным агентам управления. Кормы—окладные сборы, взимавшиеся в определенном постоянном раз-

мере, по окладу. Другим, не менее обильным источником дохода для кормленщиков были сборы неокладные, пошлины, к которым причислялись и пени за преступления. Правительственная деятельность областных управителей ограничивалась собственно делами полицейскими и судебными, раскрытием преступлений, преследованием преступников и судом по делам уголовным и гражданским. Потому и пошлины были 1) судебные, которые составляли или известный процент (например 10% с суммы иска), или *противень против исцова*, т.-е. пеню с виноватого, равнявшуюся сумме самого иска, 2) таможенные — с продаваемых товаров, 3) свадебные, взимавшиеся при выдаче замуж обывательницы в пределах округа или за его пределы: в первом случае кормленщик получал *свадебный убрус* (платок), во втором *выводную куницу* (мех). Ограничимся одним примером, хотя и довольно исключительным, чтобы составить себе приблизительное понятие о доходности кормлений. В московское время натуральные кормы были переложены на деньги, как это и сделано в упомянутой белозерской уставной грамоте. В 1528 г. служилому человеку Кобякову дана была в кормление волость Сольца Малая, занимавшаяся солеварением. В жалованной грамоте волостелю перечислено до 14 доходных статей, кормов и пошлин, не считая въезжего корма. Почти все доходы здесь переложены на деньги. По минимальному расчету на наши деньги, где такой расчет возможен, волостель получал в год только с кормовых статей около 1350 рублей: это едва ли составляло и половину дохода. Впрочем, кормленщик, по крайней мере в дворцовых волостях, взимал все поборы не исключительно на себя: доля их шла в казну в пользу князя и центральных управителей, бояр введенных, которые также пользовались доходами от своих должностей. На это указывает духовная

грамота великого князя московского Семена Гордого: отказывая весь свой удел своей княгине, завещатель делает распоряжение, чтобы его бояре, которые останутся на службе у его княгини и будут править волостями, отдавали ей половину доходов с управляемых ими округов.

Значение кормлений.

Наместничества давались обыкновенно более знатным служилым людям, боярам, волостельства — людям менее родовитым из слуг вольных. Кормление—не вознаграждение за правительственный труд, а награда за *службу* придворную и военную, какая лежала на служилом человеке и отправлялась безмездно: управление городом или волостью не считалось службой. Такая награда была одним из средств содержания служилого человека и отличалась от должностного жалованья в нашем смысле тем, что получалась прямо с населения, которым правил кормленщик, а не выдавалась из общих доходов государственной казны. Некогда кормленщики, вероятно, сами и собирали свои кормы, для чего в урочное время, в назначенные праздники, объезжали свои округа, как в первые века нашей истории делали князья и их областные наместники, отправляясь на полюдье. Нам с нашими общественными понятиями не легко уже вникнуть в смысл и характер кормовых правительственных должностей удельного времени, носивших столь режущее наш слух название. Впрочем наглядным образчиком этих старинных административных объездов могут служить знакомые нам праздничные хождения духовенства по приходам, также идущие из глубокой старины и совершающиеся почти в те же праздники. Кормления отвечали господствовавшему тогда натуральному хозяйству и служебному положению служилых людей, как и их общественным понятиям. При сосредоточении сборов, назначенных на содержание местного упра-

вления, уездные казначейства превратились бы в склады мяса, печеного хлеба и сена: все это портилось бы прежде, чем успевало попасть в руки потребителя. По той же причине и при недостатке денежных знаков периодическое вознаграждение—от времени до времени—было удобнее постоянного краткосрочного. Истратившись на службе, покормится наместник или волостель в уезде год или два, пополнит свои «животы» и с восстановленным достатком вернется в столицу *служить*, исполнять бездоходные военные и другие поручения государя в ожидании новой кормовой очереди. Удельное кормление, как и нынешнее жалованье, было средством для службы; но была существенная разница в тогдашнем и нынешнем взгляде на отношение этого средства к самой деятельности, с которой оно связывалось. Для кормленщика его правительственные действия служили только поводом к получению дохода, составлявшего настоящую цель кормления. И нынешний служащий обычно расположен смотреть на свой оклад, как на действительную цель своей службы, а на служебные труды свои только как на предлог к получению оклада. Но над этим низменным ремесленным взглядом на оклад высится официальная идея самой службы, как служения общему благу, народным нуждам и интересам, а должностной оклад—только служебно-цензовое вознаграждение за труд, знание, время и издержки, какие в требуемой по штату мере служащий приносит в жертву государю и отечеству, как и всякий гражданин косвенно по мере сил жертвует тем же в виде налогов.

Удельное управление по отношению, какое существовало в нем между центром и областью, не подходит ни под один из основных административных порядков: это не была ни централизация, ни местное самоуправление. Деятельность местных земских властей остается мало заметной и еще **Приказы.**

менее влиятельной при наместниках и волостелях, которым князь передавал чуть не всю свою власть над двумя разрядами земель в княжестве без отчета, контроля и устава, так что центр, заведуя собственно только одним из трех разрядов земель, сам являлся тоже как бы областью, которая находила свою связь с прочими областями только в лице князя. Но по мере того как Московское княжество превращалось в великорусское государство, в нем усложнялись и административные задачи, а вместе с тем все живее ощущались неудобства удельного порядка; то и другое должно было изменить управление как в центре, так и в области. Перестройка центрального управления началась с дворцовых ведомств. Эти ведомства были собственно единоличные и временные правительственные поручения: каждое из них управлялось тем или другим лицом, боярином введенным, которому князь поручал, «приказывал» известную часть своего дворцового хозяйства. Эти единоличные поручения главных приказчиков теперь и превратились в сложные и постоянные присутственные места, получившие название *изб* или *приказов*. Это было нечто в роде современных министерств или департаментов, на какие делятся министерства. Судебник 1497 г. изображает приказы в самый момент их превращения из личных поручений в учреждения, в постоянные ведомства. Он предписывает судить боярам и окольничим, а на суде у них быть дьякам, а «посулов» не брать от суда, ни от «печалования», т.-е. от частного ходатайства или услуги помимо суда, предписывает давать управу всякому «жалобнику», ищущему управы, а кого управить «непригоже», т.-е. кого рассудить судья не в праве, о том сказать великому князю или отослать его к тому судье, «которому которые люди приказаны ведати». *Судьи*—начальники приказов, как они и после назывались.

У каждого судьи свой дьяк, секретарь, разумеется, с подьячими, т.-е. своя канцелярия, и свои *люди*, т.-е. дела, которые ему приказано ведать, *свое ведомство*. Отмечено и отношение приказов к верховной власти: дело, превышавшее компетенцию судьи, требовавшее законодательного решения, докладывалось вел. князю, как законодательной власти. Но и в Судебнике еще не сгладились следы прежнего порядка временных личных поручений. Он запрещает судье приказа оставаться тем, чем он был еще недавно, властным ходатаем по частным делам за условленное вознаграждение: *посул* — *посулить*, обещать. Дела, подлежавшие суду вел. князя, по статье Судебника могли разрешаться лицами, «кому князь великий велит»: это, очевидно, удельные приказчики ad hoc, на данный случай. Так Судебник 1497 г. довольно определительно указывает эпоху возникновения первых приказов, время, когда совершился переход от управления посредством лиц к управлению посредством учреждений. Впрочем, этот переход не был резкой заменой одного порядка администрации другим, основанным на иных началах. Перемена носила более технический, точнее, бюрократический характер, чем политический: приказы были постепенным развитием, осложнением дворцовых ведомств. В XIV в. при несложном княжеском хозяйстве для управления той или другой его отраслью достаточно было одного лица, которое действовало больше посредством устных распоряжений, или обращаясь для письменных актов к помощи немногочисленного общего штата дворцовых дьяков. По мере того как государственное хозяйство становилось сложнее, административные задачи делались разнообразнее, развивалось и письменное делопроизводство. Тогда боярину введенному понадобилась особая канцелярия с дьяком и подьячими, секретарем и подсекретарями, иногда еще и товарищ

для совместного ведения дел. Как скоро в ведомстве складывался такой штат, с той минуты и возникал приказ, как постоянное учреждение. Так ведомство удельного дворецкого превратилось в приказ *Большого Дворца*, ведомство боярина конюшего—в *Конюшенный* приказ и т. д. Но рядом с приказами, которые развивались из прежних дворцовых ведомств, возникали приказы новые, для которых не было соответственных частей при удельном дворце. Эти приказы вызывались новыми потребностями государственной жизни. Теперь, с одной стороны, возникали такие правительственные задачи, которые не укладывались в тесные рамки дворцового хозяйства, с другой—все сильнее чувствовалась потребность стянуть к центру такие правительственные дела, которые прежде находились в безотчетном распоряжении областных правителей. Так в центре накоплялось много новых правительственных дел и задач. По мере их накопления и возникали один за другим новые приказы в продолжение XV и XVI вв. В удельное время князь в несложных внешних своих сношениях обходился без особого лица, для них назначенного: каждый вопрос внешней политики разрешался самим князем с боярами введенными. Когда внешние отношения Московского государства усложнились, в Москве появился приказ их ведавший, *Посольская* изба, министерство Иностранных Дел. В удельное время военнослужебные дела служилых людей по своей простоте также не требовали особого ведомства. В XV и XVI вв., когда служилый класс разростался все более, а войны учащались, военным делом и классом стало заведывать особое место, получившее название *Разряда* или *Разрядного* приказа. С развитием служилого землевладения, поместного и вотчинного, возник *Поместный* приказ. Таков один ряд новых приказов, вызванных усложнением цен-

трального управления. Другой ряд возникал вследствие правительственной централизации. В удельное время много правительственных дел отдано было в бесконтрольное распоряжение областных правителей; теперь интересы государственного порядка потребовали установления известного надзора за действиями кормленщиков. Удельные наместники и волостели ведали все уголовные дела; теперь важнейшие преступления изъяты были из их компетенции и для решения таких дел создан был особый приказ *Разбойный*. Удельные областные правители ведали все дела о холопах: теперь эти дела подчинены были особому центральному учреждению, *Холопьему* приказу. Так мозаически пристраивались новые приказы к старым, и к концу XVI в. они образовали сложное здание московской приказной администрации, в которой считалось не менее 30 особых учреждений. Московское управление складывалось, как строились государевы московские дворцы: вместе с ростом царской семьи и хозяйства к основному корпусу прибавлялись пристройки и надстройки, терема, светлицы, новые крыльца и переходы. Из сказанного видно, что московские приказы имели троякое происхождение: одни развивались из дворцовых ведомств удельного времени; другие были вызваны новыми правительственными задачами, возникшими с образованием Московского государства, наконец, третьи были созданы стремлением стянуть важнейшие правительственные дела из областей к центру. Гораздо труднее произвести точную группировку приказов по свойству подведомственных им дел. Так как приказы возникли не вдруг по одному плану, а появлялись постепенно по мере надобности с усложнением административных задач, то распределение правительственных дел между ними представляется чрезвычайно неправильным и запутанным на наш взгляд, привыкший к

строгой регламентации и точному распределению дел по существу. Потому чрезвычайно трудно привести приказы в систему, указать основания распределения дел между ними. В этом распределении московские государственные люди руководствовались не политическими принципами, а практическими удобствами. Так незаметно мысли о разделении суда и администрации; хотя было четыре специальных судных приказа по гражданским делам, *Московский*, *Владимирский*, *Дмитровский* и *Рязанский*, однако судебные дела и между ними гражданские ведались и в других приказах повидимому чисто-административного характера. По существу дел приказы можно распределить на два основных разряда, как и распределял их еще в сороковых годах прошлого столетия Неволин. К первому отделу относились приказы общегосударственные, которые ведали общие государственные дела на всем пространстве государства или в значительной его части: таковы были приказы Посольский, Разрядный, Разбойный, Холопий, приказ *Большого Прихода*, ведавший государственные доходы, преимущественно неокладные и пр. Другую группу составляли приказы, которые можно назвать территориальными: они ведали всякие или, лучше сказать, различные дела, но только в известных частях государства. Сюда можно отнести наибольшее количество приказов. Таковы были *Казанский Дворец*, возникший после завоевания Казани и управлявший бывшими царствами Казанским, Астраханским и Сибирским, потом выделившийся из него приказ *Сибирский*, а также местные дворцы, которые ведали под руководством приказа Большого Дворца дворцовые дела в областях государства, бывших прежде независимыми княжествами или областями, *Новгородский*, *Тверской* и другие. Этой группировке нельзя приписать ни достаточной точности и пол-

ноты, ни особенного значения. Систематическая классификация приказов вообще не удавалась их исследователям, как не удавалась она и их творцам, московским государям. Для нас важнее видеть, по каким отраслям управления размножались приказы более усиленно и по каким менее. Сравнительное внимание правительства в этом отношении—показатель и уровня политического сознания, и наиболее настоятельных государственных потребностей. Мы распространим свой расчет и на приказы XVII века: характер государственного строительства и при новой династии изменился очень мало: да и многие приказы, впервые появляющиеся в документах XVII в., наверное или вероятно существовали раньше. Насчитываем до 15 приказов по военному управлению, не менее 10 по государственному хозяйству и до 13 по дворцовому ведомству. При виде такой организации становится ясным направление московской правительственной деятельности. Видим, что особенные усилия были обращены на устройство отраслей управления, составляющих безраздельную область государства, а также на расширение удельной кремлевской обстановки, какою окружен был московский государь со своим необъятным дворцовым хозяйством. Между тем в обширной сфере внутреннего благоустройства и благочиния, непосредственно соприкасающейся с народными нуждами и интересами, находим всего 12 приказов, да и из тех одни, как *Аптекарский и Книгопечатный*, были незначительные конторы с очень ограниченным кругом действия, другие служили только потребностям столицы или администрации: таковы были два *Земских Двора*, полицейские управления г. Москвы, и известный с начала XVI в. *Ямской* приказ, министерство почт, назначенный преимущественно для рассылки приказных бумаг и для развозки чиновников по

казенной надобности. Попечение об общем благосостоянии, пути сообщения, народное здравие и продовольствие, общественное призрение, содействие промышленности и торговле, наконец народное просвещение,—все эти элементарные условия, общественного благосостояния, не находили себе прямых органов в строе приказного управления, а со стороны Церкви, точнее, церковных властей, насколько касалось их общее благосостояние, государство не встречало не только поощрения, но даже и поддержки в делах этого рода. Мы уже видели, как холодно отнесся Стоглавый собор к возбужденному царем вопросу об общественном призрении. Приказ *Строения богаделен* возник только во второй половине XVII в. и то по почину и на средства царя, а исполнение приговора того же Стоглавого собора об учреждении городских церковных училищ, кажется, всего меньше заботило отцов собора, постановивших учредить эти училища и обладавших слишком достаточными для того материальными средствами. Правительство государственное и церковное всего требовало от народа и ничего или почти ничего не давало ему. Может быть, ожидать от того и другого чего-либо большего в XVI в., значило бы предварять время; но установить отсутствие того, чего желательно было бы ожидать от них, бесспорно значит определить их политический возраст, как и меру их внутренней нравственно-общественной силы.

Боярская дума. Деятельность приказов объединялась высшим правительственным учреждением, руководившим отдельными ведомствами, государевой *Боярской думой*. В удельное время, как мы видели, эта дума составлялась из тех или других, вообще немногих бояр, призываемых князем особо по каждому важному делу. Теперь эта дума из тесного и изменчивого по составу совета с колеблющимся ведомством превратилась в постоянное сложное учреждение с более устойчивым со-

ставом и определенным кругом дел. Высшие сановники и знатнейшие слуги, заседавшие в удельной думе, все носили звание *бояр*. Когда в Московском государстве боярство распалось на несколько слоев, неодинаковых по своему происхождению и политическому значению, тогда и в личном составе думы произошло разделение на иерархические чины, соответствовавшие генеалогической знатности думных советников. Представители знатнейших боярских фамилий садились в думу с прежним званием бояр; люди второстепенной знати, состоявшей преимущественно из потомков старинного нетитулованного московского боярства, вводились в совет в звании *окольничих*, иногда дослуживаясь и до боярского чина; наконец, при в. кн. Василии Ивановиче, а может быть и раньше, в составе думы появляется еще новый чин, получивший название «детей боярских что в думе живут», — потом называвшийся короче *думными дворянами*; обыкновенно это были дельцы, дослуживавшиеся до места в думе из захудалых боярских фамилий или из дворянской массы, не принадлежавшей к боярству. Значит, думные чины представляли собой различные генеалогические слои служилого класса, сложившегося в XV—XVI в. В думе присутствовали еще думные дьяки, статс-секретари и докладчики думы. При такой новой организации Боярская дума состояла уже не из 3—4 бояр введенных, как в удельное время, а из нескольких десятков членов, носивших разные звания. Все они назначались в думу государем. Можно различить два элемента в ее составе, аристократический и бюрократический. В звании бояр и окольничих назначались обыкновенно старшие представители важнейших боярских фамилий; как скоро они достигали известного возраста, им «сказывали думу», вводили в совет, соображаясь с местническими обычаями и отношениями. Напротив, думные дворяне и думные дьяки

большею частью люди незнатные, получали назначение по усмотрению государя за личные качества или государственные заслуги. Этот второй элемент пока мало заметен и мало влиятелен; во весь XVI в. дума сохраняла строго боярский, аристократический состав. Но правительственное значение думных людей не ограничивалось их сиденьем в думе. Все служилые люди, носившие звания бояр, окольничьих и думных дворян, в силу своих званий были членами государственного совета и назывались *думными людьми*; но те же думные люди управляли московскими приказами, командовали полками в походах и правили областями в качестве наместников и воевод. Полковой воевода или уездный наместник, конечно, не могли постоянно заседать в московской думе; поэтому на ежедневные ее заседания являлись большей частью только начальники московских приказов, *судьи*, как они назывались, которых должность привязывала к столице. Сами думные дьяки не были исключительно секретарями и докладчиками думы: каждый из них управлял известным приказом. То были обыкновенно главные дьяки или начальники важнейших приказов: Посольского, Разрядного, Поместного и иногда либо Новгородского Разряда, либо Казанского Дворца, так что думных дьяков обыкновенно бывало трое или четверо. Дела посольские, разрядные и поместные непосредственно вела сама дума; потому приказы, в которых сосредоточивались эти дела, были как бы отделениями думской канцелярии; потому же во главе их и стояли дьяки, а не бояре или окольничие. Главное место между этими приказами принадлежало Большому Московскому Разряду: заведуя служебными назначениями служилых людей, он сообщал другим приказам касавшиеся их распоряжения государя и его совета, как и вносил в думу дела, восходившие к государю помимо приказов, так что

думный разрядный дьяк имел значение государственного секретаря. Постоянное присутствие в думе начальников важнейших приказов сообщало ей вид совета министров. Дума ведала очень обширный круг дел судебных и административных; но собственно это было законодательное учреждение. Каждый новый закон исходил из думы с обычною пометой: «государь указал и бояре приговорили». Законодательное значение думы теперь уже не держалось только на давнем обычае, а прямо утверждено было в Судебнике 1550 года, одна статья которого гласит: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева докладу и со всех бояр приговору вершатся, и те дела в сем Судебнике приписывати». Все дополнительные к Судебнику указы и были приговорами думы. Далее, дума руководила действиями приказов и имела контроль над областным управлением. Она же решала множество судебных дел, как высшая или единственная инстанция. Члены думы собирались на заседания во дворце, в Кремле или где находился государь, обыкновенно рано по утрам, летом при восходе солнца, зимой еще до рассвета; заседания длились часов по пяти-шести, между заутреней и обедней, и нередко возобновлялись вечером, когда думные люди, соснув после обеда, с первым ударом колокола к вечерне опять съезжались во дворец. На заседании советники рассаживались по чинам, окольничие ниже бояр и т. д., а люди одного чина по породе, в местническом порядке; дьяки присутствовали стоя; иногда царь сажал и их. Заседание думы обозначалось выражениями «сидеть за делы» или, если на заседании присутствовал сам царь, «слушать дел с бояры». Ходить с докладами в думу значило «всходить с делами в верх перед бояр». Приемные и жилые покои

дворца вообще назывались *верхом*. Дума сама очень редко возбуждала вопросы, подлежавшие ее обсуждению. Законодательный почин обыкновенно шел снизу или сверху, а не из среды самого совета. Текущие дела вносились в думу начальниками приказов, каждым по своему ведомству; что не могло быть доложено ни из какого приказа, что не входило в текущее приказное делопроизводство, то вносил в думу сам государь; ему принадлежал почин в важнейших делах внешней политики и внутреннего государственного строения. Государь часто сам председательствовал в думе, «сидел с бояры о делах»; нередко он приказывал боярам «без себя сидеть» об известном деле. Иногда бояре не решались без государя произнести окончательного приговора о том, что им «без государева указу вершить было немочно», и тогда дело докладывалось отсутствовавшему государю. Но если бояре, заседая без государя, по данному им полномочию находили возможным решить законодательный вопрос, то их приговор получал силу закона, не восходя к государю на утверждение. Таков был обычный порядок думского законодательства. Начальник приказа вносил в думу запрос о новом законе на имя государя в обычной формуле: «и о том великий государь что укажет?» Государь, если не решал дела сам или с боярами, *указывал* о том сидеть боярам, приговор которых и становился законом. Предварительный указ государя, становивший вопрос на очередь, и боярский приговор — таковы два необходимые момента законодательного процесса; они обозначены в формуле *государь указал и бояре приговорили*; третий момент, утверждение приговора всех бояр отсутствовавшим государем, представляется случайностью или исключением. Были, кажется, только два рода боярских приговоров, которые всегда представлялись на утверждение государя в случае

его отсутствия на заседании: это приговоры о местнических делах и о наказании за тяжкие преступления; пересмотр дел второго рода обыкновенно сопровождался отменой или смягчением наказания. Иногда, в особо важных случаях, обычный состав думы расширялся и в нее входил сторонний правительственный фактор, глава русской церковной иерархии, один или с высшим духовенством, епископами. Этот высший иерарх, до конца XVI в. митрополит, а потом патриарх, со своими епископами составлял особый правительственный совет, ведавший дела русской Церкви и называвшийся *Освященным собором.* Этот собор действовал или независимо от государевой думы, или вместе с нею, или по ее указанию. Совместное или подчиненное действие Освященного собора вызывалось церковными делами, близко касавшимися интересов государства, или делами государственными, соприкасавшимися с ведомством Церкви. Для решения таких дел созывались соединенные собрания Боярской думы и Освященного собора. Такие собрания носили специальное название *соборов,* которые надобно отличать от земских.

Характер ее деятельности.

Обсуждение дел в думе излагалось думными дьяками в протоколах или «списках государеву сиденью о всяком земском указе»; но это, кажется, не было постоянным правилом и от XVI в. до нас не дошло таких записей. Только местнические тяжбы, которые решала дума, записывались подробно для дальнейших справок. Дьяки всегда помечали только приговоры думы, которые потом облекались в форму указа или закона. Приведу для примера случай из XVII в., достаточно выясняющий не только отношения пометы к указу, но и административный темперамент времени. На неумелое донесение нераспорядительного уездного воеводы положена была помета: «отписать

с опалой». Помета была разработана в указ, начинающийся внушительными словами: «И ты, дурак безумный, худой воеводишка! Пишешь» и пр. По отсутствии протоколов мы мало знаем о том, как шли совещания в думе и как составлялись приговоры. Но известно, что там бывали прения, даже возражения самому государю, «встречи». О вел. князе Иване III рассказывали, что он любил встречу и жаловал за нее. Сын его Василий не был так сдержан и почтителен к чужому мнению: из бесед Берсеня-Беклемишева узнаем о бурной сцене, устроенной великим князем строптивому оппоненту, которого он с бранью выгнал из совета, положив на него опалу. Иногда, в тревожные времена, при борьбе придворных партий, прения разгорались, по словам летописи, в «брань велию и крик и шум велик и слова многие бранные». Это были редкие исключительные случаи, Обычное течение дел в думе отличалось строгой чинностью, твердостью форм и отношений. По крайней мере такое впечатление выносится из уцелевших остатков деятельности думы. Ее строй, авторитет и обычный порядок делопроизводства как будто рассчитаны были на непоколебимое взаимное доверие ее председателя и советников, свидетельствовали о том, что между государем и его боярством не может быть разногласия в интересах, что эти политические силы срослись между собою, привыкли действовать дружно, идти рука об руку и что идти иначе они не могут и не умеют. Бывали столкновения; но они шли вне думы и очень слабо отражались на ее устройстве и деятельности. Бывали споры, но не о власти, а о деле; сталкивались деловые мнения, не политические притязания. По своему историческому складу Боярская дума не сделалась ареной политической борьбы. Государь ежедневно делал много правительственных дел без участия боярского совета, как и боярский совет решал много

дел без участия государя. Это вызывалось соображениями правительственного удобства, а не вопросом о политических правах и прерогативах, было простым разделением труда, а не разграничением власти. Случай с Берсенем—одна из многих вспышек нервной раздражительности, вырвавшаяся наружу из этой бесшумной и замкнутой лаборатории московского государственного права и порядка. Здесь, повидимому, каждый знал свое место по чину и породе и каждому знали цену по дородству разума, по голове. С виду казалось, в этой отвердевшей обстановке не было места политическим страстям и увлечениям, ни в какую голову не могла запасть мысль о борьбе за власть и значение; лица и партии со своими себялюбивыми или своекорыстными помыслами должны были исчезать под давлением государственного интереса и политического приличия или обычая. Таким же характером отличалась и деятельность московских приказов. В этой куче учреждений, возникавших в разное время, без общего плана, по указаниям и нуждам текущей минуты, было много путаницы и толкотни, изводилось много бумаги и времени, делалось немало административных грехов; но не слышно отзвуков политической борьбы. Во главе приказов большею частью ставились люди, которые заседали и в Боярской думе, и *там* они были такими же послушными рутинными дельцами, как *здесь* являлись сдержанными лояльными советниками.

Лекция XXXIX.

Перемены в областном управлении. — Нормировка кормлений. — Доклад и судные мужи. — Губное управление. — Его состав. — Ведомство и процесс. — Характер и значение. — Два вопроса. — Отношение губного управления к кормленщикам. — Земская реформа. — Ее причины. — Введение земских учреждений. — Ведомство и ответственность земских властей. — Верное управление. — Характер и значение реформы.

Перемены в областном управлении.

Я изложил перемены, происшедшие в центральном управлении Московского государства с половины XV в. Не трудно заметить общее направление, в каком шла правительственная перестройка. В удельное время центральное управление было собственно дворцовым, ограждало и проводило личные и хозяйственные интересы удельного князя. С половины XV в. в Московском государстве оно постепенно выходит из тесной сферы княжеского дворцового хозяйства и приноровляется к потребностям общегосударственным, усвояет задачи общенародного блага. Разумеется, эта перемена не была следствием какого-либо перелома в политических понятиях московского государя или московского правительственного класса. Наоборот, самые эти понятия изменялись под влиянием перестройки управления, вынуждавшейся ходом дел, как говорится, силою вещей. Этот процесс, как бы сказать, исторического вымогания но́вых понятий особенно наглядно отразился на переменах, происшедших в областном управлении Москов-

ского государства с половины XV в. Здесь сквозь новые государственные нужды в усложнявшихся правительственных учреждениях и отношениях пробиваются непривычные для тогдашних умов идеи о различии общих и местных интересов, центра и областей, — о необходимости надзора за местными властями и о способах регулирования их деятельности. Эти идеи носят еще первичный, элементарный характер, представляются частичными попытками; однако они постепенно складываются в целый план, направленный к стеснению, а потом и к отмене кормлений. Так должности по областному управлению, бывшие удельными средствами содержания служилых людей, преобразовались в местные органы центрального управления.

Нормировка кормлений.

Можно различить три главные момента в ходе этого переустройства областного управления. Первый момент обозначился тем, что центральное правительство стало точнее определять законодательным путем установившиеся в силу обычая или практики права и ответственность областных управлений и, регулируя порядок кормления, стесняло произвол кормленщиков. Такую регламентацию областного управления встречаем как в общих узаконениях обоих Судебников, так и в местных уставных грамотах, какие жаловала центральная власть целым областям или отдельным городским и сельским обществам. Самое появление таких узаконений и грамот, регулировавших деятельность местных управителей, показывало, что центральная власть начинала заботиться об ограждении интересов местных обывателей от своих собственных агентов, т. е. начинала сознавать свое назначение охранять благо общества. Кормленщик, наместник или волостель, получал при назначении на кормление *наказной* или *доходный список*, своего рода таксу,

подробно определявшую его доходы, кормы и пошлины. Притом натуральные кормы переложены были на деньги: так по белозерской уставной грамоте 1488 г. наместник за рождественский корм получал с сохи вместо 10 печеных хлебов или ковриг 10 денег (около 5 рублей), вместо воза сена 2 алтына (около 6 рублей) и т. д. Затем запрещено было кормленщикам самим собирать свои кормы с населения: это поручено было выборным от обществ, сотским — в городах и подгородных станах, старостам — в прочих сельских волостях. С течением времени становились определеннее и самые сроки кормлений. В XVI в. московское правительство повидимому стремилось сокращать их: в эпоху второго Судебника общим правилом был, кажется, годовой срок, хотя бывали случаи кормлений двухлетних и трехлетних. Изложенные меры стесняли наместников и волостелей, как кормленщиков, упорядочивая их отношения к плательщикам, предупреждая или смягчая обоюдные неудовольствия и столкновения сторон.

Доклад и судные мужи.

Ко второму моменту в преобразовании местного управления можно отнести меры, в которых сказывалась попытка придать кормленщикам характер местных правителей в государственном смысле слова и в этом направлении изменить их судебно-административную деятельность. Эти меры стесняли не только произвол, но и самый объем власти кормленщика, изъемля наиболее важные дела из их компетенции. Средством этого ограничения служил двойной надзор за их действиями, шедший сверху и снизу. Надзор сверху выражался в *докладе*. Так называлось в древнерусских документах перенесение судебного или административного дела из низшей инстанции в высшую, из подчиненного учреждения в руководящее для окончательного решения, *вершения*, говоря языком этих документов. Так путем до-

клада переносились дела из приказов «в верх», в Боярскую думу или к государю: точно так же и областные правители обязаны были докладывать известные дела центральным приказам. Областной управитель только разбирал дело, но решение по делу давалось центральным учреждением, подлежащим приказом или самой Боярской думой, при чем, разумеется, пересматривалось и все делопроизводство с точки зрения его добросовестности и правильности. В продолжение XV и XVI вв. все большее количество дел, прежде вершившихся на месте, в области, идет от областных кормленщиков на доклад в центральные учреждения. Так доклад ограничивал власть областных управителей. Во второй половине XV в. по первому Судебнику лишь некоторые из наместников и волостелей обязаны были посылать в столицу на доклад известные дела о холопстве и важнейшие уголовные—о разбое, душегубстве и татьбе с поличным. По второму Судебнику это ограничение распространено на всех наместников и волостелей. Точно так же с конца XV в. едва ли не большая часть судных поземельных дел решается в центре, а не в области. С другой стороны, судебные действия наместников и волостелей подчинены были надзору представителей местных обществ. Сохранившиеся акты удельного времени изображают деятельность лишь органов княжеской власти, какими были в местном управлении наместники и волостели. Но едва заметно мелькает в тогдашних грамотах другой ряд властей, в которых выражалась самодеятельность местных обществ. Города и пригородные станы издавна выбирали своих сотских, сельские волости — своих старост. По актам удельного времени трудно сказать, каково было значение этих земских властей; вероятно, они вели хозяйственные дела своих миров, а также охраняли общественную безопасность «от

лихих людей», от татей и разбойников. С объединением Московской Руси этих земских выборных стали привлекать и к делам государственного хозяйства: на сотских, старост и выборных окладчиков, как мы видели, возлагали раскладку казенных податей и повинностей, как и сбор кормов, шедших областным управителям. Может быть, в силу давнего обычая эти власти имели и судебное значение, ведали какие-либо судные дела своих обществ, не входившие в юрисдикцию кормленщиков. Но до второй половины XV в. сохранившиеся памятники законодательства не указывают такого значения мирских выборных, ни особой их юрисдикции, ни участия в суде областных управителей. Зато с этого времени земские учреждения становятся все более деятельными участниками местного управления и суда. Прежде всего земские выборные вводятся в суд наместников и волостелей. Первый Судебник и уставные грамоты его времени предписывают, чтобы на суде у областных кормленщиков присутствовали сотские, старосты и *добрые* или *лутчие люди;* Судебник прибавляет еще дворского, выборного управителя, заведывавшего в некоторых городах тюрьмами и другими казенными зданиями, а также утверждавшего некоторые гражданские сделки, например, переход недвижимых имуществ из одних рук в другие. Призывая этих земских «судных мужей» на суд областных кормленщиков, закон восстановлял или обобщал давний народный обычай, требовавший при совершении юридического акта присутствия свидетелей для удостоверения его подлинности или действительности. Таково же было первоначальное значение и судных мужей: они присутствовали на суде, как его свидетели—ассистенты. Если дело, рассмотренное наместником или волостелем, шло на доклад в высшую инстанцию и одна сторона оспаривала «лживила» *судный список*, судебный

протокол, то староста с другими судными мужами призывался засвидетельствовать, так ли шел суд, как он записан в судном списке, который при этом сличали с противнем, копией протокола, выдававшейся судным мужам при первом производстве дела у кормленщика за его печатью. Если судные мужи показывали, что суд шел так, как он изложен в судном списке, и этот список сходился с копией «слово в слово», сторона, оспаривавшая протокол, проигрывала дело: в противном случае ответственность за неправильное судопроизводство падала на судью. Добрые люди выбирались особо для каждого дела, как понятые. В XVI в. они превращаются в постоянное учреждение, первоначально в некоторых местностях, особенно на новгородском Севере, а потом и повсюду; по второму Судебнику в суде областных управителей должны были присутствовать особые выборные земские старосты с присяжными заседателями, *целовальниками*, которых надобно отличать от прежних сотских, старост и десятских, ведавших сбор и раскладку податей и вообще хозяйственные дела своих миров. Теперь и компетенция присяжных судных мужей расширилась: они стали принимать более деятельное участие в отправлении правосудия. Им вменялось в обязанность на суде кормленщиков «правды стеречи» или «всякого дела беречи вправду, по крестному целованию, без всякие хитрости». Таким образом они должны были наблюдать за правильностью судопроизводства, охраняя правовой порядок, местный юридический обычай от произвола или неопытности кормленщиков, не знавших или не хотевших знать местной правды,—словом, быть носителями мирской совести. Кроме того Судебник 1550 г. давал им право блюсти справедливые интересы тяжущихся сторон. Это значение выражено в двух его постановлениях: одно требовало, чтобы на суде

кормленщиков присутствовали старосты и целовальники тех же волостей, из которых были истец и ответчик; по другому постановлению, когда пристав наместника или волостеля отдавал обвиняемого или осужденного на поруки и при этом не находил поручителей, то он не имел права ковать этого человека в железа, не явив старосте и целовальникам; в противном случае последние по требованию родственников могли освободить арестованного и даже взыскать для него с пристава бесчестье за неправильный арест. Так земские выборные, став постоянными присяжными заседателями на суде наместников и волостелей, являются посредниками между кормленщиками и своими земскими мирами. Наконец, оба контроля, сверху и снизу, которым подвергались действия кормленщиков, соединялись в порядке принесения на них жалоб обывателями, установленном Судебниками и уставными грамотами. Обыватели сами назначали срок, когда наместник или волостель должен был стать или послать своего человека на суд перед великим князем, чтобы отвечать на обвинение в московском приказе или перед государевой думой.

Губное управление.

Итак, повторяю, второй момент в переустройстве управления обозначился установлением двустороннего надзора за действиями областных кормленщиков. Участие земских выборных в отправлении правосудия было только вспомогательным коррективом суда кормленщиков. Уже в первой половине XVI в. обозначался и третий момент изучаемого процесса, состоявший в поручении местным мирам самостоятельного ведения дела, которое неудовлетворительно вели кормленщики, именно дела охраны общественной безопасности. Этим и началась замена кормленщиков выборными земскими властями. До царя Ивана IV наместники и волостели ведали и уголовные дела, сначала без доклада,

а потом перенося важнейшие из них на пересмотр, решение или утверждение в столицу. Наиболее тяжкие уголовные преступления, разбой, душегубство, татьба, поджог и т. п.—все такие *лихие дела*, как они тогда назывались, были для наместников и волостелей самыми доходными судебными статьями, доставляли им наиболее значительные пошлины; за такие преступления осужденный подлежал «продаже», конфискации всего имущества в пользу кормленщика за вычетом вознаграждения истцу, тогда как другие правонарушения давали ему только «противень против исцова» или «вполы исцова», т.-е. пеню, равную иску или его половине. Значит, личный интерес областного правителя побуждал его преследовать лихие дела и *карать* за них; но у него не было ни побуждений, ни даже средств *предупреждать* их. Когда совершалось убийство, волостель, а чаще наместник, которому обыкновенно принадлежал суд по уголовным делам, требовал от общества, на земле которого совершено преступление, выдачи преступника в противном случае общество платило ему виру в 4 рубля (в конце XV и в начале XVI в. не менее 400 руб. на наши деньги). Подвергались преследованию отдельные лихие дела, но не было учреждения, которое вело бы постоянную организованную борьбу с лихими людьми, рецидивистами, профессиональными разбойниками и татями. Кормленщики, очевидно, не годились для такой борьбы. Между тем страшное развитие разбойничества, о котором говорят памятники тех веков, требовало особых органов управления для ограждения общественной безопасности и предупреждения преступлений. Правительство пробовало сначала посылать в области особых сыщиков для преследования лихих людей; но эти сыщики, требуя себе содействия от местных обществ, сами ложились на них но-

вым бременем, чинили обывателям великие убытки и волокиту великую. Потому в Москве решили поручить уголовную полицию самим местным обществам. В малолетство Грозного, во время боярского правления, правительство начало давать городским и сельским обществам так называемые *губные грамоты*, предоставлявшие им преследование и казнь лихих людей. Так старинная обязанность земских обществ выдавать наместнику душегубцев теперь превратилась в их ответственное право ловить и казнить разбойников. И это дело устроялось очень постепенно, с большими колебаниями. В иных местах правительство поручало «разбойничьи дела делать» выборным присяжным заседателям на суде кормленщиков или наличным сотским и старостам под руководством известных уже нам городовых приказчиков; в других местах оно предписывало выбирать для этого дела особые специальные власти. Уголовно-полицейский округ, в котором преследование лихих людей предоставлялось самому обществу, назывался *губой*. Первоначально губное окружное деление совпадало с мелким административным. Так по губным грамотам 1539 г., белозерской и каргопольской, самым ранним актам этого рода, до нас дошедшим, обыватели всех классов, «свестясь меж собя все за один», для поимки и казни разбойников выбирали в каждой волости тех уездов *голов* из детей боярских, человека по 3 или по 4 на волость, а им в помощь старост, десятских и лучших людей, которые выбирались из тяглого населения. Так в губном деле устанавливалась совместная деятельность служилого и тяглого общества с подчинением последнего первому. Но при этом из сел крупных привилегированных землевладельцев составлялись особые губы, независимые от волостных, со своими губными головами и целовальниками. Так из 5 сел Кириллова монастыря в Белозерском уезде образована была в

1549 г. особая губа с 2 губными старостами, «выборными головами» из служилых людей и с целовальниками из крестьян тех же сел. Но эти монастырские губные головы по важным губным делам должны были съезжаться с волостными и становыми губными головами в г. Белозерске, где и вершили такие дела все вместе. Эти съезды естественно вели к объединению мелких губных единиц, к установлению всеуездной губной власти. Во второй половине XVI в. такая власть и явилась в виде всеуездных губных старост, по одному или по два на весь уезд, который теперь образовал одну цельную губу. Над белозерскими волостными и становыми губными головами, установленными в 1539 г., грамота 1571 г. поставила двух всеуездных губных старост. Подобное объединение губных учреждений происходило и в вотчинах крупных частных землевладельцев. В многочисленных селах Троицкого Сергиева монастыря, рассеянных по 22 центральным уездам, было несколько своих монастырских губ с выборными губными приказчиками и целовальниками, с губными избами, т.-е. правлениями, и с тюрьмами при них для татей и разбойников, — все на монастырском содержании. В 1586 г. над всеми этими монастырскими губами поставлен был общий губной староста из монастырских служилых людей.

Став всеуздным, губное управление образовало сложную сеть руководящих и подчиненных полицейских органов, раскинувшуюся по всему уезду. Во главе их стояли губные старосты, избиравшиеся на всесословном уездном съезде, но только из служилых людей, по одному или по два на уезд. Они вели дела вместе с губными целовальниками, которых выбирали из своей среды одни тяглые люди, посадские и сельские, в прежних мелких губных округах, посадах, волостях, станах и селах. Старостам подчинены были сотские, Его состав.

пятидесятские и десятские, выбиравшиеся по сотням, полусотням и десяткам, полицейским участкам, на которые делились по числу дворов губные округа.

Ведомство и процесс.

В губных учреждениях сказался рост сознания государственных задач: они были плодом мысли, что преступление не есть частное дело, а касается всего общества, затрогивает общее благо, а потому и преследование его есть обязанность государства и требует особых органов и приемов управления. Развитие этой мысли вело к постепенному расширению губного ведомства, захватывавшего все больший круг уголовных деяний. По второму Судебнику и по первым губным грамотам этому ведомству из всех лихих дел предоставлен был только разбой, к которому потом были прибавлены татьба, а в XVII в. душегубство, поджог, оскорбление родителей и др. Для губных дел установлен был особый порядок делопроизводства. Кормленщики вели судные дела обвинительным или состязательным процессом, который собственно и назывался *судом.* Дело возбуждалось частным иском или обвинением и решалось признанием ответчика, свидетельскими показаниями, полем, присягой, письменными документами. Губной староста вел дела розыскным или следственным порядком. Дело обсуждалось и без частного иска, поимкой татя с поличным, *повальным обыском*, опросом местных обывателей о прежнем поведении обвиняемого, об его общественной благонадежности, и *оговором*, указанием преступника с пытки на соучастников преступления. Эти улики имели силу судебных доказательств сами по себе, без сравнительной судебной оценки каждой из них. Частное обвинение в разбое, не поддержанное ни оговором, ни прямыми уликами, вело к повальному обыску, а облихованный в обыску, хотя бы бездоказательно, все-таки подвергался пытке, и если не сознавался в преступлении, «по обыску» осуждался на пожизнен-

ное тюремное заключение, а из имущества его вознаграждался истец. Цель губного процесса—строго полицейская—предупреждение и пресечение «лиха», искоренение лихих людей. Губная грамота грозила губным властям: «а сыщутся лихие люди мимо их, и на них исцовы иски велеть имати без суда, да им же от нас (государя) быти кажненым». Потому губного старосту заботило не восстановление права в каждом случае его нарушения, а обеспечение общественной безопасности. Вступая в должность, он обязан был созвать в уездный город на съезд уездных жителей из всех классов общества, из духовенства белого и черного, из дворянства, городского и сельского населения, и опросить их под присягой, кто у них в губе лихие люди, тати и разбойники или их укрыватели, и кого в этом общем предварительном обыску называли лихими людьми, тех брали и ставили перед губным старостой, а их имущество, переписав, берегли до окончания дела. Так начиналась сложная и шумная губная процедура по всему уезду с арестами, пыточными оговорами, очными ставками, «исцовыми исками», повторительными повальными обысками и пытками, конфискациями, виселицами.

Характер и значение.

В этой громоздкой организации и ее хлопотливой деятельности настойчиво проводилась двоякая тенденция. Во-первых, все классы общества призывались содействовать выборным губным властям, ловить и уличать лихих людей; это была общая мобилизация местных миров для охраны общественной безопасности, составлявшей общий интерес всех сословий. Во-вторых, преследование лихих людей, которое сначала предоставлялось отдельным городским и волостным мирам как право, по их челобитью, потом, с превращением губного дела в повсеместное и всеуездное учреждение, стало для них ответственной повинностью. Такой характер учреждения обнаруживался, с одной стороны,

в том, что всесословным выбором губного старосты уездное общество ручалось за своего избранника и это было обязательное ручательство, требовавшееся и для старосты, которого иногда назначало само правительство, обязывая избирателей отвечать и за его деятельность, расплачиваться за неисправность назначенного, как и избранного; с другой стороны, общим предварительным обыском обыватели губного округа ручались перед правительством и друг за друга в том, что они не допустят лихих людей в своей среде, под угрозой в противном случае платить пени и иски потерпевших от не предотвращенного ими лихого дела «без суда вдвое». Так в основу губного управления положено было начало государственной ответственности, выражавшееся в двойной обязательной поруке местных миров—за своих выборных и за самих себя, за каждого из своих членов.

Два вопроса.

Это было новое начало в московском государственном строе, еще покоившемся на удельном смешении частного права с государственным. Но здесь возникают два вопроса. Охрана общественной безопасности—дело не местное, а общегосударственное: почему же это дело нашли нужным поручить выборным представителям местных обществ, а не прямым органам центральной власти? Далее, общество в Московском государстве XVI в. разбито было на множество экономических состояний, различавшихся родом занятий, родом, размерами и отчасти принадлежностью капитала. Это были неустойчивые, подвижные состояния: лица могли переходить из одного разряда в другой и менять или соединять занятия. Государство едва начинало налагать на эти классы сословный отпечаток, распределяя свои службы и повинности между ними по их экономическим различиям. В этой социально-политической дифференциации стали обозначаться три основные состояния, в которые по роду по-

винностей смыкались дробные общественные классы: то были *служилые* землевладельцы, обязанные ратной службой, тяглые *посадские* обыватели; торгово-промышленные люди, тянувшие тягло «по животам (имуществу) и промыслам» (оборотному капиталу), и тяглые *уездные*, сельские нахотные люди, тянувшие поземельное тягло по пашне. Не говорим о духовенстве, которое издавна было обособлено своим церковным служением. Был ли всесословный характер губного управления признаком, что в государстве или народе чувствовалась потребность поддержать или укрепить совместную деятельность зарождавшихся сословий в управлении? Ответ на эти вопросы находим в происхождении и устройстве земских учреждений царя Ивана IV.

Губное управление и кормленщики.

При введении губного управления повидимому еще не предполагалось ни отменять кормления, ни даже ограничивать права кормленщиков. Законодательство старалось точно разграничить оба ведомства, губное и кормовое, и безобидно определить их взаимные отношения. Судебник 1550 г. заботливо ограждает компетенцию кормленщиков от вмешательства губных старост, которым предоставляет ведать только дела о разбое, дела же о татьбе предписывает судить по губным грамотам, которые то отдают татинные дела вместе с разбойными в ведение губных старост, то предписывают последним судить эти дела совместно с кормленщиками, при чем участие тех и других в таком суде строго разграничивается: кормленщики правили на осужденном свои «продажи», взыскания, а губные удовлетворяли истцов из его имущества и подвергали его уголовной каре, кнуту и т. д. Но в обществе поняли нововведение, как меру, направленную прямо против кормленщиков. С чувством глубокаго внутреннего удовлетворения рассказывает об этом псковской летописец под 1541 г. Он пишет, что государь

показал милость своей отчине, начал давать городам и волостям грамоты—лихих людей обыскивать меж себя самим крестьянам по крестному целованию и казнить их смертью, не водя к наместникам и их тиунам, и «была наместникам нелюбка велика на христиан». Псковичи также взяли такую грамоту (до нас не дошедшую), и начали псковские целовальники и сотские судить и казнить лихих людей. Наместник псковский сильно злится на псковичей за то, что «у них как зерцало государева грамота», как бельмо на наместничьем глазу, вероятно, хотел сказать летописец. «И бысть крестьянам радость и льгота от лихих людей», добавляет повествователь и в перечне этих лихих людей ставит и самих наместников с их слугами.

Земская реформа.

Земская реформа была четвертым и последним моментом в переустройстве местного управления. Она состояла в попытке совсем отменить кормления, заменив наместников и волостелей выборными общественными властями, поручив самим земских мирам не только уголовную полицию, но и все местное земское управление вместе с гражданским судом.

Ее причины.

Различные побуждения привели к этой перемене. Система кормлений сопряжена была с большими неудобствами как для ратной службы, т.-е. для обороны страны, так и для местного управления. Мы уже знаем, что военно-служилый класс в Московском государстве имел двойственное значение, составлял главную боевую его силу и вместе служил органом управления. Кормовые места питали множество ратных людей. Но в XVI в. государство принуждено было чуть не ежегодно поднимать значительные силы на ту или другую свою окраину. Мобилизация крайне затруднялась тем, что множество ратных людей было разбросано по кормлениям, а порядок управления страдал от того, что его органы должны были покидать дела для похода. Так обе

ветви управления мешали одна другой: военные люди становились неисправными управителями, а, становясь управителями, переставали быть исправными военными людьми. К тому же новые потребности общественного порядка, усложняя задачи управления, требовали от управителей все большей внимательности к интересам государства и нуждам населения, к чему у кормленщиков не было ни привычки, ни охоты. Отсюда развились разнообразные злоупотребления управителей и страшное недовольство управляемых. Среди мер, какие придумывало московское правительство для обуздания слишком распускавшегося аппетита кормленщиков, особенно важен был своеобразный порядок должностной ответственности, выработавшийся из старинного права управляемых жаловаться высшему правительству на незаконные действия подчиненных управителей. По окончании кормления обыватели, потерпевшие от произвола управителей, могли обычным гражданским порядком жаловаться на действия кормленщика, которые находили неправильными. Обвиняемый правитель в такой тяжбе являлся простым гражданским ответчиком, обязанным вознаградить своих бывших подвластных за причиненные им обиды, если истцы умели оправдать свои претензии; при этом кормленщик платил и судебные пени и протори. По тогдашнему порядку судопроизводства истцы могли даже вызывать своего бывшего управителя на поединок, поле. Литвин Михалон, знакомый с современными ему московскими порядками половины XVI в., негодуя на безнаказанный произвол панов в своем отечестве, с восторгом пишет в своем сочинении о таком московском способе держать областную администрацию в границах законного приличия. Но это было приличие, охраняемое скандалом: с точки зрения общественной дисциплины что могло быть предосудительнее и соблазнительнее зрелища судебной драки

бывшего губернатора или его заместителя, дворового его человека, с наемным бойцом, выставленным людьми, которыми он недавно правил от имени верховной власти. Установившийся способ защиты управляемых обществ от произвола управителей служил источником бесконечного сутяжничества. Съезд с должности кормленщика, не умевшего ладить с управляемыми, был сигналом ко вчинению запутанных исков о переборах и других обидах. Московские приказные судьи не мирволили своей правительственной братии. Изображая положение дел перед реформой местного управления, летописец говорит, что наместники и волостели своими злокозненными делами опустошили много городов и волостей, были для них не пастырями, не учителями, а гонителями и разорителями, что со своей стороны и «мужичье» тех городов и волостей натворило кормленщикам много коварств и даже убийств их *людям*: как съедет кормленщик с кормления, мужики ищут на нем многими исками, и при этом совершается много «кровопролития и осквернения душам», разумеется, от поединков и крестоцелований, так что многие наместники и волостели, проигрывая такие тяжбы, лишались не только нажитых на кормлении животов, но и старых своих наследственных имуществ, вотчин, платя убытки истцов и судебные пени.

Введение земских учреждений.

С целью прекратить это соблазнительное сутяжничество царь на земском соборе 1550 г. «заповедал» своим боярам, приказным людям и кормленщикам помириться «со всеми хрестьяны» своего царства на срок, т.-е предложил служилым людям покончить свои административные тяжбы с земскими людьми не обычным исковым, боевым, а безгрешным *мировым* порядком. Заповедь царя исполнена была с такой точностью, что в следующем 1551 г. он мог уже сообщить отцам церковного, так называемого Стоглавого собора, что

бояре, приказные люди и кормленщики «со всеми землями помирились во всяких делах». Эта мировая ликвидация административных тяжеб и была подготовительной мерой к отмене кормлений. По обычному преобразовательному приему московского правительства сделаны были предварительные пробные опыты. В феврале 1551 г., когда только что собрался Стоглавый собор, дана была крестьянам Плесской волости Владимирского уезда уставная грамота, из которой видим, что крестьяне этой волости «пооброчились», решили взамен наместничьих кормов и пошлин платить в казну оброк, за что им предоставлено было право судиться «меж собя», у старост и целовальников, «кого себе изберут всею волостью». Эту льготу плесские крестьяне выхлопотали себе только на год, но потом продолжили ее и на другой год, удвоив оброк. В 1552 г., месяца за три до казанского похода, посадским людям и крестьянам Важского уезда на поморском Севере дана была такая же грамота, отменявшая у них управление наместника и передававшая управу во всяких делах излюбленным ими головам. Вскоре по завоевании Казани правительство с развязанными для внутренних дел руками и с необычайно приподнятым духом принялось за дальнейшую разработку вопроса о кормлениях. Мнение Боярской думы, которой царь поручил это дело, склонилось в пользу отмены кормлений, так что царь в ноябре 1552 г. мог уже официально объявить о принятом правительством решении устроить местное управление без кормленщиков. Тогда и выработан был общий план земского самоуправления. Среди последовавших по случаю падения Казанского царства торжеств и щедрых наград героям подвига, служилым людям, не было забыто и неслужилое земство, которое понесло на себе финансовые тяготы похода: «а кормлениями, зам-

чают летописи, государь пожаловал всю землю». Это значит, что земское самоуправление решено было сделать повсеместным учреждением, предоставив земским мирам ходатайствовать об освобождении их, буде они того пожелают, от кормленщиков. Земские общества одно за другим стали переходить к новому порядку управления. Убедившись по предварительным опытам реформы, что земство в ней нуждается, правительство решило сделать ее общей мерой и в 1555 г. издало закон, не дошедший до нас в подлинном виде, а только в изложении летописца. Такою общею мерой реформа является уже в грамоте, данной слободе переяславских рыболовов 15 августа 1555 г., в которой царь говорит, что он велел «во всех городех и волостех учинити старост излюбленных, которых себе крестьяне меж себя излюбят и выберут всею землею» и которые умели бы их рассудить в правду, «беспосульно и безволокитно», а также сумели бы собрать и доставить в государеву казну оброк, установленный взамен наместничьих поборов. Отсюда видны основания или условия реформы. Переход к самоуправлению предоставлялся земским мирам, как *право*, и потому не был для них обязателен, отдавался на волю каждого мира. Но кормление служилых управителей было *земской повинностью*, которую земские миры, желавшие заменить кормленщиков своими выборными, обязаны были выкупать, как потом выкупались дворянские земли, отведенные в надел крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости. Все доходы кормленщиков, кормы и пошлины, перекладывались в постоянный государственный оброк, который земство платило прямо в казну. Эта перекладка получила название *откупа*, а жалованные грамоты на освобождение от кормленщиков назывались *откупными*. Земская повинность была тесно связана и

вводилась одновременно с общей реорганизацией обязательной службы служилых людей: тогда установлены были нормальные размеры этой повинности и вознаграждения за нее—поместные и денежные оклады. Поместное землевладение, усиленно развивавшееся со времени отмены кормлений, становилось главным средством содержания служилого класса; новый источник дохода, создававшийся откупными платежами, служил мобилизационным подспорьем. Из нового государственного оброка служилые люди получали «праведные уроки», постоянные денежные оклады «по отечеству и по дородству», т.-е. по родовитости и по служебной годности.

Ведомство и ответственность.

Земская реформа была крутым политическим переломом; но практически ее упрощал второй Судебник, установив обязательное и повсеместное присутствие земских старост и целовальников в суде кормленщиков. Оставалось только вывести из местного суда самих кормленщиков, передав их функции этим земским заседателям и превратив их в самостоятельную судебную коллегию. В этом собственно и состояла реформа, не потребовавшая ни новых органов, ни нового судебно-окружного деления. Земские выборные действовали в посадах, станах, волостях и слободах,—в прежних дробных округах наместников и волостелей; только на Севере встречаем крупные земские округа, вмещавшие в себе по нескольку волостей, даже целые уезды, как Важский или Холмогорский в Двинской земле. Каждый округ выбирал одного, двух или больше излюбленных старост с несколькими целовальниками. Ведомство разнообразилось по местным условиям. В него входили собственно судные дела исковые, т.-е. гражданские, и те из уголовных, которые, как бой (побои) и грабеж, велись состязательным, исковым порядком, а не губным, следственным. Но в иных

местах и губные дела, поджог, душегубство, разбой и татьба, ведались земскими судьями совместно с губными старостами, а на Севере, в Двинской земле, где за недостатком служилых людей не из кого было выбрать губных старост, губные дела поручались одним земским старостам. На земских выборных судьях лежал и сбор откупного оброка, которым окупалось земское самоуправление; но иногда на них же возлагали сбор и доставку в казну и других окладных налогов. Излюбленные старосты или выборные судьи с целовальниками вели порученные им судные и казенные дела под личною ответственностью и мирской порукой; недобросовестное или неумелое исполнение судебно-административных обязанностей наказывалось смертной казнью «без отпросу» и конфискацией имущества виновных, которое шло пострадавшим от их неисправности истцам и тем, «кто на них доведет»; подразумевалось, что все общество, выбиравшее старосту и целовальников, отвечало за их неисправную деятельность в случае их несостоятельности. При такой строгой ответственности земские выборные судьи вели порученные им дела не только беспосульно и безволокитно, но и безмездно: грамоты только обещают именем царя, что если земские судьи будут делать свое дело исправно, судить прямо и казенный оброк сбирать и привозить в срок и сполна, «и нам и земле управа их будет люба, государь с их земель никаких пошлин и податей брать не велит да и сверх того пожалует».

Верное управление. Я изложил важнейшие перемены в устройстве местного московского управления за изучаемое время. Они совершались в одном строго определенном направлении: определение прав кормленщиков или таксация кормлений, доклад, введение земских заседателей в суд кормленщиков, наконец замена последних выборными ста-

ростами, губными и потом излюбленными, — все это были повидимому последовательные моменты одного процесса, развития местного самоуправления. Но были ли эти моменты успехами местной общественной самодеятельности? Характер земского самоуправления, введенного при царе Иване, всего яснее выражался в том участии, какое тот же царь заставил местные земские общества принять в финансовом управлении. Земские старосты собирали прямые налоги. Сбор налогов косвенных, таможенных пошлин, также эксплоатация доходных казенных статей (питейное дело, соляные и рыбные промыслы и т. п.) отдавались *на веру*. Для этого земские тяглые общества обязаны были из своей среды выбирать или ставить по назначению правительства *верных*, т. е. присяжных голов и целовальников, которым вверялся сбор таких доходов. Исправность сбора обеспечивалась кроме веры, присяги, еще имущественною ответственностью сборщиков и поручительством ставившего их земского общества. В значительных торговых пунктах такие поручения возлагались на надежных людей из московского купечества и из местного торгового класса. Правительство начало пробовать этот новый способ эксплоатации казенных статей в то самое время, когда думало о развитии земских учреждений. Так в 1551 г. таможенные сборы в г. Белозерске отданы были на веру двум москвичам и двадцати белозерцам на год. Если верный голова с целовальниками не добирал наперед назначенной или ожидаемой по смете суммы казенного сбора, они должны были доплачивать недобор из собственных средств вдвое; при их несостоятельности за них платили избиратели. Со временем это *верное* управление разрослось в целую сеть учреждений, тяжело опутавшую земские общества. Ежегодно множество лиц отрывались от своих частных дел, чтобы по выбору, по очереди или по назначению исполнять

эти тяжкие казенные поручения с опасностью разориться.

Характер и значение реформы.

Теперь нам ясен характер земской реформы царя Ивана. Местное самоуправление обыкновенно противополагается централизации; но обе системы управления могут быть поставлены в такое отношение друг к другу, которое искажает существо той и другой. Местное самоуправление в настоящем смысле слова есть более или менее самостоятельное ведение местных дел представителями местных обществ с правом облагать население, распоряжаться общественным имуществом, местными доходами и т. п. Как нет настоящей централизации там, где местные органы центральной власти, ею назначаемые, действуют самостоятельно и безотчетно, так нет и настоящего самоуправления там, где выборные местные власти ведут не местные, а общегосударственные дела по указаниям и под надзором центрального правительства. В первом случае имеем дело с децентрализацией, каковою было управление наместников и волостелей; во втором местное самоуправление является орудием централизации. Дело не столько в выборе или в назначении местных властей, сколько в свойстве самых функций, ими отправляемых, и в степени их зависимости от центральной власти. Рассматривая круг дел губных и излюбленных земских старост, сбор государственных податей, суд и полицию, видим, что это были все дела не местные, земские в собственном смысле, а общегосударственные, которые прежде ведались местными органами центрального правительства, наместниками и волостелями. Следовательно, сущность земского самоуправления XVI в. состояла не столько в праве обществ ведать свои местные земские дела, сколько в обязанности исполнять известные общегосударственные, *приказные* поручения, выбирать из своей среды ответственных исполнителей «к го-

судареву делу». Это была новая земская повинность, особый род государственной службы, возложенной на тяглое население. Естественно, такая служба была соединена со строгим надзором и отчетностью местных органов перед центральным правительством. Главной пружиной земских учреждений и было начало мирской ответственности, круговой поруки, проведенной строго и последовательно, и потому основным побуждением к их введению надобно считать потребность в установлении *государственной ответственности* местных управителей, какой не подлежали кормленщики, несшие только ответственность *гражданскую* перед управляемыми местными обществами. Такое сочетание централизации и самоуправления было вынуждено политической необходимостью. Успешное объединение Великороссии ставило объединителей в большое затруднение. Собиравшуюся землю надо было не только защищать, но и устроить, а готовых средств и пригодных орудий устроения недоставало. Московские собиратели были застигнуты врасплох собственными успехами, не были подготовлены к последствиям своего дела, отставали от задач, какие оно им ставило. Тогда московское правительство и обратилось к обычному приему своей устроительной политики—требовать недостающих материалов устроения от самого населения: требовался новый расход—оно вводило новый налог; потребовались новые ответственные и даровые органы местного управления—обязательная поставка их была возложена на местное общество. Для обеспечения ответственности этих общественных судебно-административных рекрутов их сделали выборными: выбирать тогда значило отвечать за выборных. Итак, земское самоуправление XVI века было вызвано обнаружившеюся при новых государственных задачах и потребностях недостаточностью или непригодностью прежних местных прави-

тельственных учреждений. Для разрешения этих новых задач на помощь центральному правительству и было призвано земство с его круговой порукой.

Так мы ответили на один из поставленных вопросов—о местных органах управления с неместными ведомствами. Другого вопроса—о сословном характере местных учреждений—коснемся в следующем чтении.

Лекция XL.

Управление и общество. — Дробность и сословный характер местного самоуправления. — Неудача всесословного начала. — Необходимость объединения местных учреждений. — Земские соборы. — Сказание о соборе 1550 г. — Разбор сказания. — Состав собора 1566 и 1598 гг. — Служилые и торгово-промышленные люди в их составе. — Земский собор и земля. — Значение соборного представителя. — Порядок соборных совещаний. — Значение соборного крестоцелования. — Связь соборов с местными мирами. — Происхождение и значение земских соборов. — Мысль о всеземском соборе. — Московское государство в конце XVI в.

Дробность местного управления.

Изучив управление губное, земское и верное, попытаемся теперь представить себе, как сформировалось общество в рамках этих новых учреждений.

Эти учреждения, как мы видели, имели двойственный характер: они были местные по источнику, из которого органы местного самоуправления, выборные люди, получали свои полномочия; но они не были местными по свойству дел, какие ведали эти выборные местных земских миров, — дел общегосударственных, приказных, а не местных земских. Как местные учреждения по происхождению своего личного состава, они еще более прежнего раздробили местное управление и притом как в территориальном, так и в ведомственном отношении. Уезд в Московском государстве и прежде не был вполне цельной административной

единицей; управление сельских волостелей было слабо связано с управлением городских наместников, власть которых, и то не везде, простиралась на весь уезд только по важнейшим уголовным делам. Теперь местные земские миры, сельские и городские, со своими излюбленными старостами и верными головами совсем обособились друг от друга, разбившись на мелкие земские единицы, посады, волости, станы, слободы и отдельные села с деревнями, не имея объединяющего органа в уезде. Только два управления, губное и дворянское, во главе которых стояли представители местных служилых миров, губные старосты и городовые приказчики, были соединены в крупные округа, имели средоточие в уездном городе. Впрочем, и это было не везде: в Рязанском уезде служилые люди были разбиты на 4 общества, по станам, а в Новгородском было 10 губных округов с особыми губными старостами в половинах каждой пятины. Эта территориальная дробность местного управления соединялась еще с его ведомственной сложностью. В нем действовали рядом четыре ведомства: губное, церковное, простиравшееся и на мирян, состоявших на службе при церковных учреждениях или живших на церковных землях, служилое дворянское и земское в собственном смысле, к которому принадлежало все тяглое население, жившее в городах и селах на землях казенных, дворцовых и частновладельческих не церковных. Притом и земское ведомство разветвлялось на три особые управления: судебное, хозяйственное и верное. Хозяйственные дела тяглых городских и волостных обществ по раскладке и сбору казенных податей и отбыванию повинностей, по распоряжению общественными землями вели старинные земские старосты, сотские и десятские. Они продолжали действовать и при новых судебных учреждениях царя

Ивана: Судебник 1550 г. определительно отличает их от старост и целовальников, «которые у наместников и у волостелей и у их тиунов в суде сидят».

Его сословный характер.

Все эти ведомства, за исключением губного, носили сословный характер. Земским старостам и целовальникам подведомы были собственно земские, тяглые люди и тяглые земли; церковные служилые землевладельцы зависели от них или, точнее, соприкасались с ними только по своим землям, населенным тяглыми людьми, или по дворам на тяглой городской земле, если льготные грамоты не освобождали их от участия в земском поземельном тягле: это была зависимость поземельная, а не личная или сословная. Между тем в законодательстве царя Ивана по устройству местного управления и помимо всесословных губных учреждений сказывалось стремление установить связь между разными ведомствами и тем поддержать совместную общественную деятельность обособлявшихся классов. По постановлению Стоглавого собора в суде архиерейских бояр по делам гражданским и некоторым уголовным — о боях и грабежах— должны были заседать рядом с поповскими старостами, благочинными, и земские старосты с целовальниками и с земским дьяком. Подобно тому в 1556 г. предписано было в Новгородской земле всем сословиям, духовенству, служилым людям и крестьянам для сбора казенных податей выбрать из каждой пятины по одному служилому человеку и по три—по четыре человека из лучших людей других классов, да из сельских погостов по человеку, и этим «выборным старостам» под присягой и под страхом имущественного взыскания собирать всякие казенные подати. Такая организация казенных сборов была очень похожа на устройство губной полиции. Но направление государственного строительства не благоприятствовало проведению всесослов-

ного начала в местное управление. Совершалась разверстка государственных повинностей между общественными классами; она смыкала подвижные, изменчивые гражданские состояния в плотные государственные союзы, обязанные служить потребностям и интересам государства, а не нуждам местных обществ. Государство искало в земле не только материальных средств для деятельности, но и самих деятелей, ответственных органов местного управления. Поставка таких органов тоже пала на местные общества, как особая повинность, для исполнения которой приведен был в действие выборный механизм. Из классов, разделенных своими особыми интересами и обязанностями, трудно было образовать цельное земство с дружной совместной деятельностью. Управление обыкновенно устрояется в большем или меньшем соответствии с составом общества и его отношением к государству. В Московском государстве общество делилось на сословные группы по роду тягостей, возложенных на него государством: и местное самоуправление, став орудием централизации, распадалось на сословные ведомства. Такая дробность—главный недостаток местных учреждений XVI в. Она устанавливала очень неудобное отношение местного управления к центральному. Ничем не объединяемые на месте, разобщенные сословные миры не находили средоточия и в правительственном центре. Выборные местные власти, все эти губные старосты, городовые приказчики, излюбленные судьи, земские старосты и верные головы непосредственно обращались по своим делам в московские приказы и притом в разные, по роду дел или по территориальному распорядку приказных ведомств. Этот недостаток единства отчасти восполнялся политическим органом, который возник в тесной связи с местными учреждениями XVI в. и в котором центральное правительство встречалось с представителями мест-

ных обществ. Этому органу в нашей литературе усвоено название *земского собора*, а в памятниках XVII в. он называется иногда «советом всея земли». До конца XVI в. земский собор созывали четыре раза: в 1550, 1566, 1584 и 1598 гг. Надобно рассказать, при каких обстоятельствах и в каком составе созывались эти собрания, чтобы понять их характер и значение. Земские соборы.

Первый собор был созван Иваном IV в пору крайнего правительственного возбуждения царя. Венчание на царство с принятием царского титула, женитьба и вслед за тем страшные московские пожары, народный мятеж, казанские и крымские набеги,—все эти треволнения с самого начала 1547 г. поочередно то поднимали, то повергали в уныние его неустойчивый дух. Он долго не мог оправиться от впечатления московских пожаров и через три слишком года на Стоглавом соборе описывал свой тогдашний испуг с живостью только что пережитой минуты: тогда «вниде страх в душу мою и трепет в кости моя, и смирися дух мой, и умилихся и познах своя согрешения». Тогда он решился покончить и с боярским правлением, и со своей легкомысленной юностью, и хлопотливо принялся за государственные дела. Он начал искать вокруг себя людей и средств, которые помогли бы ему поправить положение дел. При таком настроении царя созван был собор 1550 г. До нас не дошло деяния или протокола этого собора и мы не знаем ни его состава, ни подробностей его деятельности. Но о нем сохранился такой рассказ. На двадцатом году своего возраста царь Иван, видя государство в великой туге и печали от насилия сильных, умыслил всех привести в любовь. Посоветовавшись с митрополитом, как бы уничтожить крамолы и утолить вражду, царь «повелел собрать свое государство из городов всякого чина». В воскресный день царь вышел Сказание о соборе 1550 г.

с крестами на московскую Красную площадь и после молебна с лобного места сказал митрополиту: «Молю тебя, святый владыко, будь мне помощник и любви поборник. Знаю, что ты добрых дел и любви желатель. Сам ты знаешь, что я после отца своего остался четырех лет, а после матери осьми лет». Изобразив затем яркими чертами беспорядки боярского правления в продолжение своего несовершеннолетия, царь вдруг бросил в глаза присутствовавшим на площади боярам запальчивые слова: «О неправедные лихоимцы и хищники, неправедный суд по себе творящие! Какой теперь ответ дадите нам—вы, многие слезы на себя воздвигшие? Я чист от этой крови; ждите своего воздаяния». Потом царь поклонился на все стороны и продолжал: «Люди Божии и нам дарованные Богом! Молю вашу веру к Богу и к нам любовь; ныне нам ваших обид и разорений и налогов исправить невозможно.... молю вас, оставьте друг другу вражды и тяготы свои.... я сам буду вам судия и оборона, буду неправды разорять и хищения возвращать».

Разбор сказания.

Этот рассказ возбуждает много недоразумений. Прежде всего, как понять выражение *повеле собрати свое государство из городов всякого чину*? Здесь больше намеков, чем слов. Раскрывая эти намеки, можно так перевести эту лапидарную фразу: царь повелел вызвать из областей своего государства представителей всех чинов. Но не видно, были ли это выборные люди и какие именно чины, звания или классы они представляли. Трудно также понять, почему тронная речь, которою царь открыл собор, была произнесена не в палате кремлевского дворца, а на Красной площади, было ли это только первое, публичное заседание собора в обстановке древнерусского народного митинга с крестным ходом и молебном, или вся деятельность собора ограничилась речью царя. Сохранившееся ска-

зание ничего больше не говорит о соборе, а только приводит другую речь, какую сказал царь в тот же день Алексею Адашеву, поручая ему принимать и рассматривать челобитные от бедных и обиженных. Вероятно, тогда учрежден был Челобитный приказ, т. е. Комиссия прошений, на Высочайшее имя приносимых, и Адашев был назначен начальником этого нового приказа. И самая речь царя производит странное впечатление. В ней много темперамента; но она могла быть более последовательной. Читая ее, прежде всего подумаешь, что это был царский призыв всего народа, всех его классов ко взаимному всепрощению и дружной деятельности на общую пользу: принимая бразды правления в свои руки, государь становился прямо перед своим народом и призывал высшего пастыря Церкви и всю свою землю в лице ее представителей помочь ему в установлении государственного порядка и правосудия; верховная власть хотела прямо и откровенно объясниться с народом, указать ему направление, в каком она будет действовать, примирить враждебные стремления различных элементов. Но призвав митрополита быть «любви поборником», царь продолжал резким, бранчивым обличением всего боярства в самовластии и хищничестве и собор, созванный с целью всех помирить, открыл воззванием чуть не к междоусобной войне. Да еще вопрос, есть ли эта речь исторический факт, а не просто чье-нибудь ораторское произведение, подобное речам, какие античная историография любила влагать в уста своим Ѳемистоклам и Катонам. Дело в том, что в первую половину царствования Ивана, при митрополите Макарии и при его участии, был продолжен и дополнен большой русско-исторический сборник, *Степенная книга*, названная так потому, что рассказ в ней расположен по великокняжениям, а великокняжения—по *степеням*, т. е. поколениям, в генеалоги-

ческом порядке. В списке Степенной, писанном еще при Макарии, нет ни царской речи и никакого известия о соборе 1550 года; но то и другое оказалось в позднем списке Степенной XVII века и притом, как выяснил проф. Платонов, на особом листе, вклеенном в текст рукописи и писанном другим почерком. Впрочем, каково бы ни было происхождение соборной царской речи, трудно заподозрить самое событие. В следующем 1551 году для устройства церковного управления и религиозно-нравственной жизни народа созван был большой церковный собор, обыкновенно называемый *Стоглавым*, по числу глав, в которые сведены его деяния в особой книге, в *Стоглаве*. На этом соборе между прочим было читано собственноручное «писание» царя и также сказана им речь. Это многословное писание, составленное в духе византийско-московского витийства, имеет тесную внутреннюю связь с речью на Красной площади: в нем слышатся те же нестройные ноты покаяния, прощения и раздражения, мира, смирения и вражды. И в речи, обращенной к церковному собору, царь говорил, что в предыдущее лето он с боярами бил челом отцам собора о своем согрешении, и святители благословили и простили его и бояр в их винах. Царь, очевидно, разумел собор предыдущего 1550 года, на котором присутствовали русские иерархи. По всем этим чертам первый земский собор в Москве представляется каким-то небывалым в европейской истории актом всенародного покаяния царя и боярского правительства в их политических грехах. Умиротворение народа и самого царя, встревоженных внешними и внутренними бедами, было, очевидно, важнейшим нравственным моментом, объясняющим цель и значение первого земского собора. Но из дальнейших слов царя на Стоглавом соборе видим, что в 1550 г. было возбуждено немало и других, чисто практических дел, обсуждались и

решались важные законодательные вопросы. Царь докладывал святителям, что прошлогодняя его заповедь боярам помириться на срок со всеми христианами царства во всяких прежних делах исполнена. Мы уже знаем, что это было предписание кормленщикам покончить спешно мировым порядком все тяжбы с земскими обществами о кормлениях, и что это именно предписание надобно разуметь в обращенной к народу мольбе царя на Красной площади «оставить друг другу вражды и тяготы свои». Потом царь положил на Стоглавом соборе новый Судебник, представляющий исправленную и распространенную редакцию старого дедовского Судебника 1497 г., на пересмотр которого он получил от святителей благословение на том же прошлогоднем соборе. К этому царь прибавил, что он устроил по всем землям своего государства старост и целовальников, сотских и пятидесятских и «уставные грамоты пописал», и просил отцов собора рассмотреть эти акты и, обсудив их, подписать Судебник и уставную грамоту, «которой в казне быти». Значит, с земским собором 1550 года прямо или косвенно связан был целый ряд законодательных мер, нами уже изученных, целый план перестройки местного управления. Этот план начинался срочной ликвидацией тяжеб земства с кормленщиками, продолжался пересмотром Судебника с обязательным повсеместным введением в суд кормленщиков выборных старост и целовальников и завершился уставными грамотами, отменявшими кормления. Ряд этих грамот, как мы знаем, появляется именно с февраля 1551 г., когда царь докладывал о них Стоглавому собору. Из слов царя можно заключить, что при составлении местных уставных грамот была выработана еще общая, как бы сказать, нормальная уставная грамота, которая, как образцовая, должна была храниться в государственном архиве и которую царь пред-

ложил отцам Стоглавого собора на рассмотрение вместе с новоисправленным Судебником: она содержала, повидимому общие основные положения, применявшиеся в отдельных грамотах к местным условиям. На нее указывают и местные грамоты, предписывая излюбленным судьям «судити и управа чинити по Судебнику и *по уставной грамоте*, как есмя уложили о суде *во всей земле*». Из всего сказанного можно заключить, что главным предметом занятий первого земского собора были вопросы об улучшении местного управления и суда.

Соборы 1556 и 1598 гг. Так вскрывается связь первого земского собора с устройством местного управления. Но надобно еще видеть отношение земского собора к самим местным обществам: только тогда можно будет достаточно выяснить, как зародилась в московских умах идея соборного представительства. Для этого предстоит рассмотреть состав земских соборов XVI в. Материалы для такого изучения дают соборы 1566 и 1598 гг. Первый был созван во время войны с Польшей за Ливонию, когда правительство хотело знать мнение чинов по вопросу, мириться ли на предложенных польским королем условиях. Второму собору предстояло избрать царя, когда пресеклась царствовавшая дотоле династия Калиты. Сохранились акты или протоколы обоих соборов, *приговорный список* 1566 г. и *утверженная грамота* 1598 г. об избрании Бориса Годунова на царство. В обоих актах помещены поименные перечни членов этих соборов. На первом соборе присутствовало 374 члена, на втором 512. Во главе обоих соборов становились два высшие правительственные учреждения, церковное и государственное, Освященный собор и Боярская дума; призывались начальники и подчиненных центральных учреждений, московских приказов с их дьяками, а также местные органы центрального управления, городовые воеводы. Все это были правительственные лица, а не представители общества, не земские люди. Из всех классов

общества на обоих соборах всего сильнее было представлено служилое сословие: на соборе 1566 г. военнослужилых людей, не считая входивших в состав правительственных учреждений, было почти 55% всего личного состава собрания, на соборе 1598 г. 52%. Представительство этого класса по источнику представительных полномочий было двоякое, должностное и выборное. Эта двойственность объясняется организацией служилого класса, тогдашнего дворянства. Мы уже знаем, что в составе его надо различать два слоя: высшие военно-служилые чины образовали дворянство московское, столичное, низшее — дворянство городовое, провинциальное. Столичные чины образовали особый корпус, исполнявший разнообразные военные и административные поручения центрального правительства. Пополняясь путем выслуги из рядов городового дворянства, этот корпус в XVI в. не терял служебной связи с последним. Столичные дворяне в походах обыкновенно назначались командирами, *головами* уездных *сотен*, рот, составлявшихся каждая из служилых людей одного какого-либо уезда. В XVI в. головами уездных сотен назначались обыкновенно те из столичных дворян, у которых были поместья и вотчины в тех же уездах. Их можно назвать походными предводителями уездного дворянства, как городовых приказчиков мы назвали дворянскими предводителями в административном смысле (выше стр. 293). На соборе 1566 г. уездные дворянские общества были представлены только своими головами-земляками, столичными дворянами, сохранявшими поземельную связь с ними. Эти головы командовали отрядами, двинутыми против Польши, и явились в Москву прямо с театра войны, по поводу которой был созван собор. Некоторые из них и указали на это в своем соборном мнении, заявив, что они не хотят помереть запертыми в Полоцке: «мы, холопы государевы, ныне на конях сидим и за его государское с коня помрем», добавили они. Их потому и призвали на собор, что они лучше других знали положение дела, занимавшего

Служилые люди на соборах.

собор. Но ни из чего не видно, чтобы уездные отряды избирали их своими представителями на собор. Каждого из них полковой воевода назначил на походе головой уездной сотни, как лучшего служилого землевладельца в уезде, а как голову его призвали или послали на собор представителем его сотни, т.-е. уездного дворянского общества. Назначение на должность по служебной годности и призыв или посылка на собор по должности—такова конструкция тогдашнего соборного представительства, столь далекая от наших политических понятий и обычаев. Мы увидим, что этой особенностью всего выразительнее выясняется характер и значение земского собора XVI в. В этом отношении избирательный собор сделал, правда, некоторый шаг вперед в сторону наших понятий о представительстве. И на нем было много столичных дворян, представлявших уездные дворянские общества по своему должностному положению. Но рядом с ними встречаем довольно незначительное число дворян (около 40 на 267 членов собора) из военнослужилых людей, которых с некоторою вероятностью можно считать *выборными* соборными депутатами уездных дворянских обществ из их же среды. Это—новый элемент в составе собора 1598 г., незаметный на прежнем, но он столь малозначителен, что является как бы местной случайностью или исключением, не нарушавшим основного принципа соборного представительства.

Люди торговопромышленные. Соборное представительство городского торгово-промышленного класса построено было на одинаковых основаниях с представительством служилых землевладельцев и в нем эти основания выражены были даже более явственно. На собор 1566 г. было призвано только столичное купечество, притом лишь высших статей, в числе 75 человек. Не видно и невероятно, чтобы это были выборные представители своих статей или вообще каких-либо корпораций: скорее, это—вся наличность высшего московского купечества, какую в данную минуту можно было призвать на собор. Но за

этим купечеством стоял весь торгово-промышленный мир, как за столичным дворянством стояли уездные дворянские общества. Подобно тому же дворянству московская купеческая знать набиралась из лучших людей, выделявшихся из рядового торгового люда, столичного и провинциального. И эта торговая знать тоже несла службу, только в другой сфере управления. Нам уже известно, что такое была *верная* служба: это — целая система финансовых поручений, исполнение которых казна возлагала на земские классы, не имея пригодных для того приказных органов. Высшее столичное купечество в этой казенной службе имело такое же руководящее значение, какое в службе ратной принадлежало столичному дворянству: на него возлагались наиболее важные и властные, но и самые ответственные казенные поручения. Эта служба и поддерживала его связь с местными городскими обществами, из которых оно вербовалось. Ярославский или коломенский капиталист, возведенный в чин московского гостя, коммерции советника, продолжал жить и торговать в своем городе, и правительство возлагало на него ведение важных казенных операций обыкновенно в его же родном краю, с хозяйственным бытом которого он был хорошо знаком по собственным делам. Так тузы местных рынков становились ответственными агентами центрального финансового управления и являлись в областных городах направителями наиболее ценных казенных операций, питейных, таможенных и других, верстали местных посадских людей податными окладами, закупали на государя местные товары и вообще вели разнообразные торгово-промышленные предприятия казны. Это был своего рода финансовый штаб московского правительства, руководивший областными торгово-промышленными мирами. Если таким образом в соборном акте 1566 г. отразилось фискально-служебное значение столичного купечества, то в списке его представителей на соборе 1598 г. выразился с некоторым изменением основной принцип соборного представительства. К тому времени и столичное

купечество подобно дворянству получило окончательную сословную организацию, разделилось на чины по своей капиталистической мочи и казенно-служебной годности. Высшее купечество составилось из *гостей* и из торговых людей двух *сотен*, *гостинной* и *суконной*, гильдий своего рода; рядовая торгово-промышленная масса столицы образовала несколько *черных сотен* и *слобод*, которых можно приравнять к промысловым цехам. На собор 1598 г. вызваны были 21 человек гостей, старосты высших сотен и 13 сотских черносотенных обществ. Гости, очевидно, были призваны поголовно, по своему званию, сколько можно было их тогда призвать: их и в XVII в. было немного, обыкновенно десятка два-три. Но сотенные старосты и сотские были призваны или посланы на собор по должностному положению; только должности свои они получали по общественному выбору, а не по назначению начальства, как головы дворянских сотен. Так суммарный призыв 1566 г. теперь заменился для купеческих сотен призывом их должностных представителей.

Земский собор и земля.

В описанном сложном составе обоих соборов можно различить четыре группы членов: одна представляла собою высшее церковное управление, другая—высшее управление государства; третья состояла из военно-служилых людей, четвертая из людей торгово-промышленных. Те же группы отчетливо различает в составе собора 1566 г. и современный летописец. Он пишет, что государь на соборе говорил со своими богомольцами, архиепископами и со всем Освященным собором, «и со всеми бояры и с приказными людьми, *да* и со князи и с детьми боярскими и с служилыми люди, *да* и с гостьми и с купцы и со всеми торговыми людьми». Первые две группы были правительственные учреждения: две последние состояли из лиц двух общественных классов. Только лицам этих последних групп и можно придавать представительное значение. Но эти лица не были представителями своих классов в нашем смысле слова, выборными де-

путатами, специально уполномоченными представлять их только на соборе. Это были все должностные или служилые люди, поставленные во главе местных обществ по назначению или выбору и исполнявшие военно-административные, либо финансовые поручения правительства. Значит, основой соборного представительства был не общественный выбор по доверию, а правительственный призыв по должности или званию. Я уже оговорился, что исключение, замеченное на соборе 1598 г., не колебало этой основы. Если хотя приблизительно такой же был состав собора 1550 г., то выясняется общая физиономия земских соборов XVI века. На них правительство встречалось с обществом, призывало на совет людей двух его классов, столичного дворянства и столичного же купечества. Но люди этих классов являлись на собор не представителями общества или земли, а носителями службы, общественными орудиями центрального управления. Иначе говоря, оба эти класса имели тогда значение представителей земли только по своему правительственному положению, а не по земскому полномочию: это были верхушки местных обществ, снятые правительством, пересаженные в столицу, чтобы служить добавочными орудиями управления теми же обществами. Значит, земский собор XVI века был в точном смысле *совещанием правительства с общественными агентами*. Таков первичный тип земского представительства на Руси. Тогда иначе и не понимали народного представительства, как в смысле собрания разностепенных носителей власти, органов управления, а не уполномоченных общества или народа. Но по понятиям того времени такое собрание было все-таки народное представительное собрание, имеющее власть решать судьбы народа. Такой взгляд на народное представительство сложился потому, что тогда и народ понимали далеко не по-нынешнему. Ныне понимают так, что народное представительство есть выражение воли народа, через избираемых им представителей, и что народ, как политическое целое, и есть государство, а правительство—это только организация,

связующая народ в такое целое и создаваемая самим же народом. В Москве XVI в. думали, что не народу подобает назначать выразителей своей воли, что для того есть готовые, волею Божией установленные извечные власти—правительство с его подчиненными слугами, которое и есть настоящее государство; говоря проще, народ не может иметь своей воли, а обязан хотеть волею власти, его представляющей. На соборе, избравшем Бориса Годунова на царство, из непривилегированных классов присутствовали только 13 сотских и притом только от столичных черносотенных обществ; между тем акты об избрании говорят про участие в этом деле «всенародного множества», «всех православных христиан *всех городов* Российского государства» и даже «всего многобесчисленного *народного* христианства от конец до конец всех государств Российского царствия». Здесь говорит не одно приказно-книжное красноречие, болезнь высших московских канцелярий: предполагалось, что всенародное множество духовно присутствует на соборе и говорит устами своих невыборных, прирожденных столичных представителей. Юридические фикции занимали гораздо больше места в общественном сознании тогдашнего русского человека, чем теперь. Фикция представительства рядовой народной массы высшими столичными чинами складывалась не без участия русских церковных законоведов, как и самый земский собор строился отчасти по подобию Освященного собора, у которого заимствовал и свое название *собора*. В древнерусском церковном обществе преобладала мысль, что настоящая деятельная Церковь—это иерархия. Потому церковный собор по своему составу был собранием только пастырей и учителей Церкви. И земский собор XVI века вышел собранием руководителей всех частей государственного управления, представителей всех ведомств, действовавших вне собора раздельно, в кругу своих особых задач. В земском соборе видели, как бы сказать, представительство государственной организации. То живое, ком-

кретное содержание, которое жило и работало в рамках этой организации, управляемое общество или народ, рассматривалось не как политическая сила, способная говорить на соборе устами своих уполномоченных, не как *гражданство*, а как *паства*, о благе которой могут думать сообща только ее пастыри. Земский собор был выразителем ее интересов, но не ее воли; члены собора представляли собою общество, насколько управляли им. Нужно было пережить страшное потрясение, испытанное государством в начале XVII века, чтобы переломить этот взгляд на народное представительство и сообщить дальнейшим земским соборам настоящий, не фиктивный представительный состав.

Соборный представитель.

При изложенном составе соборов не может быть вопроса о системе соборного представительства, о том, было ли это представительство сословий, чинов или еще какое другое. Если собор представлял что-либо, то только столицу; но в этой столице сосредоточивались властные, руководящие элементы всей земли. Поэтому и можно сказать, что собор представлял землю посредством столицы и самую столицу представлял лишь настолько, насколько она представляла землю. Тем же составом собора определялось и значение соборного представителя. Он шел на собор по должности, по служебному званию или положению. Правительство ли в силу этого призывало его на собор, или его посылало туда общество, во главе которого он стоял,—это в сущности было все равно, как скоро лицо, становившееся во главе известного общества из его же среды, по назначению или по выбору, в силу своего положения признавалось естественным, непременным представителем своего общества во всех случаях, когда оно нуждалось в представителе. Оба источника представительных полномочий, общественный выбор и правительственный призыв по должности, тогда не противополагались один другому, как враждебные начала, а служили вспомогательными средствами друг для друга; когда правительство не знало, кого назначить на известное дело, оно тре-

бовало выбора, и наоборот, когда у общества не было кого выбрать, оно просило о назначении. Дело было не в источнике соборных полномочий, а в отыскании надежного исполнителя соборного решения. На соборе нужен был не мирской челобитчик, уполномоченный ходатайствовать перед властью о нуждах и желаниях своих избирателей, а правительственный или общественный делец, способный отвечать на запросы власти, дать совет, по каким делам она его потребует. Потому на собор призывали из общества не людей, пользовавшихся доверием местных миров и общественных классов, по своим личным качествам и отношениям, а людей, стоявших во главе этих миров или классов, по своему положению знакомых с их делами и мнениями и способных исполнять решение, принятое на соборе. Такое положение среди местных обществ занимали столичное дворянство и высшее столичное купечество. Высказывая свое мнение на соборе или принимая его решение в присутствии центрального правительства, люди этих классов, как его исполнительные органы, тем самым обязывались проводить это мнение или решение на тех служебных постах, какие укажет им правительство. Такой тип представителя складывался практикой соборов XVI в. Представителя-челобитчика «обо всяких нужах своей братии», каким преимущественно являлся выборный человек на земских соборах XVII в., совсем еще не заметно на соборах XVI в. Значит, целью собора XVI в. было объединить мнение и действия высшего правительства и его подчиненных органов, давать первому справки о том, что думают о положении дел и как относятся к соборному вопросу люди, которые будут ответственными проводниками решения, принятого властью на основании наведенных справок и выслушанных мнений.

Соборные совещания.

Эта цель всего явственнее выступает в приговорной грамоте собора 1566 г. Из нее видим, что собор был открыт речью царя, который поставил на обсуждение собора вопрос, как ему стоять против своего недруга, мириться ли,

отступившись от ливонских городов, взятых королем под свою защиту, или продолжать за них войну. Соборный акт составился из письменных мнений, поданных в ответ на этот вопрос группами, на которые разделился собор. Эти группы образовали: 1) духовенство монашествующее, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены и старцы в числе 32 лиц, т. е. Освященный собор, 2) бояре, окольничие и другие сановники с 7 дьяками высшего ранга в числе 30 человек, т. е. Боярская дума, 3) дворяне первой статьи или степени в числе 97 человек и 4) дворяне и дети боярские второй статьи в числе 99 человек—те и другие принадлежали к столичному дворянству, 5) три торопецких помещика и 6) шесть великолуцких—те и другие тоже столичные дворяне, выделившиеся в две особые местные группы, 7) дьяки московских приказов, 33 человека, и 8) гости и купцы, *москвичи и смольняне*, те и другие—столичные купцы двух высших разрядов, соответствовавших сотням гостинной и суконной в соборной грамоте 1598 г.—всех с гостями 75 человек. Член думы печатник Висковатый не согласился с остальными думными людьми и «мысль свою сказал» особо, подал отдельное мнение, а смоленская гильдия, разделяя мнение своей братии, остального столичного купечества, внесла от себя дополнительное замечание. Видим, что члены собора группировались довольно разнообразно, по учреждениям, по чинам, общественным классам и даже частью по местностям. Замечаем далее, что собор был хорошо осведомлен по вопросу, который ему предложено было обсудить: высшие группы, даже духовенство, входят в такие подробности международные, политические, географические и стратегические, что, очевидно, правительство сообщило собору достаточные данные для разностороннего суждения о деле. Члены каждой группы обсуждали вопрос особо, «межи себя говорили о литовском деле». Но и в резолюциях, и в их мотивировке, даже в отдельных выражениях столько сход-

ства, что возникает мысль, не предшествовали ли групповому обсуждению вопроса общие совещания, на которых выработаны были наиболее веские соображения, усвоенные всеми группами или их большинством. Но при этом мнения групп не теряли своей профессиональной своеобразности: каждая группа смотрела на вопрос с своей точки зрения, указанной ее общественным положением. Мнение духовенства очень решительно; оно рассматривает дело преимущественно с нравственно-религиозной стороны и не без диалектики. Велико смирение государя: во всем он уступает. Столько городов уступил там-то и там-то; пленных полочан отпускает даром, своих выкупает. Велика его правда перед королем; больше уступить ничего нельзя. Уступить королю ливонские города—разорение церквам, которые государь в Ливонии поставил, Пскову теснота будет великая и всем купцам торговля затворится. Неправда короля та, что, взявшись защищать ливонские города от Москвы, он побрал их московскими же руками. Ливонские немцы отдались ему, обессилев от московского наступления; а без того мог ли он хоть один город ливонский взять? А Ливонская земля от прародителей, от великого государя Ярослава Владимировича—достояние нашего государя. Потому духовенство приходит к воинственному заключению—не мириться, за ливонские города стоять, «а как стоять, в том его государева воля, как его Бог вразумит: наш долг за государя Бога молити, а советовать о том нам не пригоже». Бояр и других думных сановников больше занимают виды политические и дипломатические. Они предусматривают опасности перемирия, в продолжение которого король соберется с силами и укрепится в Ливонии. Лучше продолжать войну, особенно в виду внешних затруднений Польши. «а нам всем за государя головы свои класть». Впрочем, во всем воля Божия да государева, «а нам как показалось, так мы государю и изъявляем свою мысль». Дворяне разных групп комбинируют по-своему соображения старших, духовенства

и думных людей. Они как будто даже смущены тем, что их спрашивают о таком важном государственном деле. Воля государя, как сделать свое государево дело, а они, холопи государевы, ведь только служилые люди, на конях сидят и с коня за государя помрут, велит государь, и они на его дело готовы, за одну десятину отвоеванной у недруга земли головы свои покладут. Одно соображение более всего убеждает их в правде государевой: пока государь Ливонской земли не воевал, король за нее вступаться не умел, а ныне вступается. Мнение приказных дьяков также очень воинственно. Полоцк и ливонские города государь взял своею саблею, а другие города обессилели от нашей же войны; потому их король и засел: так с какой же стати государю от них отступаться? Не имея боевых голов, дьяки пишут в заключение: «а мы холопи, к которым его государским делам пригодимся, головами своими готовы». Гости и купцы взглянули на дело с экономической стороны. Государь и все люди «животы свои положили», достатки свои потратили, добиваясь ливонских городов: как же от них отступиться? Мы люди неслужилые, заканчивает записка, службы не знаем, но не стоим не токмо за свои животы, а и головы свои за государя кладем везде, чтобы государева рука везде была высока. Надобно еще отметить разницу в терминах, какими обозначены в приговорной грамоте мнения соборных групп: духовные лица дают государю свой *совѣтъ*; все остальные члены собора только изъявляют свою *мысль*. Это, очевидно, сравнительная оценка мнения духовенства и всех мирских членов собора. Ободренный единодушно выраженной готовностью всего собора служить государеву делу, царь заломил королю непомерные требования, которые все были отвергнуты польским правительством, и война продолжалась. Но в 1570 г., не созывая нового собора, царь заключил перемирие на условии statu quo, хотя бояре настаивали на прежнем соборном приговоре.

Соборное крестоцелование.

Так шло дело на соборе. Но самым существенным моментом в соборной грамоте является общая резолюция, которой она оканчивается. Здесь духовенство заявляет, что оно «к сей грамоте, к своим речам» руки приложило, а прочие члены собора «на сей грамоте, на своих речах» государю своему крест целовали. Целовать крест на своих речах значило обязаться под присягой исполнять соборный приговор. Рукоприкладство духовенства заменяло присягу, которая была ему воспрещена. Обе формы скрепления соборного приговора показывают, что этот приговор имел не только нравственное, но и юридическое значение, был не просто результатом совещания, а формальным обязательством и притом общим, круговым, связывавшим всех членов собора в нечто целое, в корпорацию своего рода, по крайней мере в отношении к соборному приговору: все они в конце резолюции обязывались государю своему служить правдою и добра хотеть ему и его детям «и их землям» и против его недругов стоять, «кто во что пригодится, до своего живота по сему крестному целованию». Это обязательство ставит нас прямо пред вопросом о происхождении и значении земских соборов XVI века.

Собор и местные миры.

Не будучи представительным собранием в нашем смысле слова, собор однако не терял права считаться *земским*. В составе его легко различить два элемента, распорядительный и исполнительный. Первый выражался в высших центральных учреждениях, второй—в лицах столичного дворянства и высшего столичного купечества. Местные миры, служилые и земские, на соборе 1566 г. не имели прямого представительства, не были представлены ни специальными соборными уполномоченными, ни даже выборными своими властями. Но оба столичные класса поддерживали их связь с собором, не только социальную, но и административную. Местное самоуправление создавалось мирским *выбором*, столичное дворянство и купечество — правительственным *набором*, это были выжимки, извлеченные из

местных обществ на пополнение служебного столичного персонала. Но становясь орудиями центрального управления, они не порывали связи с местными мирами, продолжали там свои хозяйственные дела, а столица навязывала им новые местные заботы и отношения, рассылая их по уездам с разнообразными ответственными поручениями. И самая эта ответственность, скрепленная соборным крестоцелованием, сближала центральное правительство с местным самоуправлением общностью основного начала: это была ответственность перед *государством*—принцип новый, введенный в местное управление при Грозном взамен прежней ответственности *гражданской*, какой подлежали кормленщики по жалобам обиженных. Только эта ответственность на соборе была поставлена несколько иначе, чем в местном управлении. Там внизу местный мир ручался перед правительством за своего выборного управителя, а здесь наверху правительственные агенты корпоративно ручались за проведение соборного приговора в тех местных мирах, куда их пошлет правительство. Но при этой разнице цель правительства была и здесь, и там одна и та же—заручиться ответственными исполнителями. Такое соединение власти со службой посредством соборного крестоцелования было высшей формой государственной ответственности или корпоративной поруки, положенной в основание местного самоуправления.

Происхождение соборов.

Земский собор XVI века был не народным представительством, а расширением центрального правительства. Это расширение достигалось тем, что в состав Боярской думы, т.-е. государственного совета, в особо важных случаях вводился элемент по происхождению не правительственный, а общественный, но с правительственным назначением: это были верхи местных обществ, служилых и промышленных, стянутые в столицу. На соборе они не составляли особого собрания или совещания, становившегося или действовавшего отдельно от центрального правительства, а входили

прямо в его состав и лишь при подаче мнений образовали несколько групп, паралельнных правительственным, подававших голоса наряду Освященным собором, боярами и приказными людьми. Земский собор XVI века—это Боярская дума, т.-е. правительство, с участием людей из высших классов земли или общества. Такое пополнение правительства было потребностью времени. Царь Иван вынес из боярской опеки до боли удрученное чувство негодности системы правительственных кормлений: в ней он видел источник всех внешних и внутренних бедствий народа, и ему уже грезилась гибель государства. Тогда он стал думать не о замене родовитых кормленщиков новым правительственным классом, а только о постановке всего управления на новые основания и об освежении правительства новыми силами, взятыми снизу, из управляемого общества. В 1550 г. он говорил А. Адашеву, назначая его начальником Челобитного приказа: «взял тебя из самых малых людей, слыша о твоих добрых делах, и приблизил к себе и не тебя одного, но и других таких же, кто бы печаль мою утолил и на людей, врученных мне Богом, призрел; приноси к нам истину, избери судий правдивых из *бояр и вельмож*». В послании к Стоглавому собору он также умолял духовенство и «любимых своих князей и вельмож», воинов и все православное христианство: «помогайте мне и пособствуйте все единодушно». Мы уже знаем, как это воззвание было осуществлено в реформе местного управления: дела, отнесенные в ведомство местных учреждений, должны были вести правительственные органы из среды местных же обществ по их выбору и под двойной ответственностью, личной—самих выборных и круговой—всех избирателей. В центре дело строилось несколько сложнее. Здесь в помощь боярскому и приказному управлению прибрано было из местных обществ два штата исполнительных органов, военно-административный и казенно-финансовый. Рассылаемые из центра, они действовали на местах с помощью местных выборных, им подчиненных. То

были для столичных дворян уездные дворянские окладчики, для столичных гостей и купцов—местные целовальники. Для столичных агентов мирской выбор заменялся правительственным поручением; личная ответственность падала на тех и других, на столичных и местных агентов, обеспечивая их исполнительность. В вопросах чрезвычайной важности, требовавших особенно дружной энергии всех наличных правительственных сил, правительство призывало своих ближайших столичных агентов в свой состав, чтобы видеть, за что они могут взяться, что им в мочь и что не в мочь. Специальное соборное крестоцелование такого агента заменяло для верховной власти специальный выбор соборного народного депутата; оно создавало ей ответственного исполнителя, который, поручившись за исполнимость соборного приговора, будет проводить ответственное его исполнение на местах, являясь там показателем верховной воли и тем объединяя разрозненную деятельность сословных миров и дробных местных учреждений. Этим и отличались по своему происхождению наши соборы от западно-европейских представительных собраний, с которыми их обыкновенно сопоставляют. Там эти собрания вышли из потребности установить мирное отношение стойких за свои вольности средневековых сословий между собою и к правительству. Наши соборы вызваны были необходимостью для правительства сосчитать вместе со своими органами наличные общественные средства, потребные для известного дела, и обеспечить себе точное исполнение принятого решения. Наш собор родился не из политической борьбы, как народное представительство на Западе, а из административной нужды. Итак, *земские соборы возникли у нас в одно время и в связи с местными реформами царя Ивана и являются совместными совещаниями Боярской думы, т.-е. центрального правительства, с людьми столичных классов, служивших ему ближайшими ответственными органами; такие совещания устроялись для выработки общего постановления по особо*

важным вопросам государственной жизни и для принятия членами собора ответственного кругового ручательства в исполнении соборного приговора.

Их значение. Боюсь, как бы вы в моем взгляде на происхождение земских соборов не усмотрели желания умалить их значение. Мы часто приступаем к их изучению с большими ожиданиями. *Земское представительное собрание в Москве XVI века!* Но чтобы возможно было такое собрание, надобно предположить целый ряд политических и юродических понятий о народе и государстве, о власти и свободе, о личных и политических правах, об общем и частном интересе, о политическом представительстве и частном полномочии,— надобно предположить в тогдашних московских умах присутствие таких сложных понятий, во всем складе тогдашней русской жизни—целый запас условий, дающихся только на значительном уровне общественного развития. Как могли сложиться такие условия, откуда было вырости таким понятиям на верхневолжском суглинке, столь скудно оборудованном природой и историей? Изучая земские соборы XVI в., не встречаем таких понятий и условий, а видим только, что собор не был постоянным учреждением, не имел ни обязательного для власти авторитета, ни определенной законом компетенции и потому не обеспечивал прав и интересов ни всего народа, ни отдельных его классов, и даже выборный элемент незаметен или едва заметен в его составе. Что же это за представительное собрание, спросите вы, в котором представителями народа являлись все должностные служащие лица? Земский собор XVI в., конечно, не удовлетворял отвлеченным требованиям ни сословного, ни народного представительства. С этой догматической точки зрения вы правы, и я вслед за вами готов сказать: какое же это представительное собрание, в котором не было настоящих представителей? Но кроме догматики права, кроме общих форм и принципов государственного порядка, есть еще *политика*, совокупность разнообразных практических

средств достижения государственных целей. В этой сфере могут складываться такие формы участия общества в управлении, которые не подходят под привычные виды народного представительства. С этой стороны и наши земские соборы XVI в. находят свой политический смысл, свое историческое оправдание. В изучаемый период нашей истории у нас наблюдается нечто подобное тому, что бывало прежде и повторялось после. Известный правительственный порядок, вызванный своевременными нуждами страны, держался долго и по миновании их, как анахронизм, и общественный класс, руководивший и пользовавшийся этим отжившим порядком, ложился на страну ненужным бременем, его общественное руководительство становилось злоупотреблением. С половины XV в. московские государи продолжали править объединявшейся Великороссией посредством перешедшей из удельных веков системы кормлений, к которой с образованием московских приказов присоединилось быстро размножавшееся дьячество. То и другое к половине XVI в. сомкнулось в плотный приказный строй, кормивший пеструю толпу бояр и дворян с их холопами, дьяков и подьячих из тех же дворян, а наиболее «из поповичей и простого всенародства», по выражению кн. Курбского. В противовес этой приказной администрации, своими корможными привычками совсем не отвечавшей задачам государства, и были поставлены в областном управлении выборное начало, а в центральном— правительственный набор: тем и другим средством открывался постоянный приток в состав управления местных общественных сил, на которые можно было возложить безмездную и ответственную административно-судебную службу. В обществе времен Грозного бродила мысль о необходимости сделать земский собор руководителем в этом деле исправления и обновления приказной администрации. В приписке к *Беседе* валаамских чудотворцев, памфлету, составленному тогда против монастырского землевладения, неизвестный публицист приглашает духовные власти благо-

словить московских царей на такое доброе дело—созвать «вселенский совет» из всех городов и уездов, из людей всяких чинов, и «погодно» держать его при себе, каждодневно расспрашивая хорошенько про всякое мирское дело, и тогда царь сможет удержать своих воевод и приказных людей от поминка, посула и от всякой неправды, от «многочисленных властелинных грехов», и правдою тою устроится во благоденствии царство его. На деле земский собор XVI в. не вышел ни всеземским, ни постоянным, ежегодно созываемым собранием, и не взял в свои руки надзора за управлением. Однако он не прошел бесследно ни для законодательства и управления, ни даже для политического самосознания русского общества. Пересмотр Судебника и план земской реформы—дела, исполненные, как мы видели, не без участия первого собора. По смерти Грозного земский собор даже восполнил пробел в основном законе, точнее, в обычном порядке престолонаследия, т.-е. получил учредительное значение. Верховная власть в Московском государстве, как известно, передавалась удельным вотчинным порядком, по завещанию. По духовной 1572 г. царь Иван назначил своим преемником старшего сына Ивана. Но смерть наследника от руки отца в 1581 г. упразднила это завещательное распоряжение, а нового завещания царь не успел составить. Так второй его сын Федор, став старшим, остался без юридического титула, без акта, который давал бы ему право на престол. Этот недостающий акт и создан был земским собором. Русское известие говорит, что в 1584 г., по смерти царя Ивана, пришли в Москву из всех городов «именитые люди» всего государства и молили царевича, «чтоб был царем». Англичанину Горсею, жившему тогда в Москве, этот съезд именитых людей показался похожим на парламент, составленный из высшего духовенства и «всей знати, какая только была (all the nobility whatscever)». Эти выражения говорят за то, что собор 1584 г. по составу был похож на собор 1566 г., состояв-

ший из правительства и людей двух высших столичных классов. Так на соборе 1584 г. место личной воли вотчинника—завещателя впервые заступил государственный акт *избрания*, прикрытого привычной формой земского челобитья: удельный порядок престолонаследия был не отменен, а подтвержден, но под другим юридическим титулом, и потому утратил свой удельный характер. Такое же учредительное значение имел и собор 1598 г. при избрании Бориса Годунова. Редкие, случайные созывы собора в XVI в. не могли не оставлять после себя и немаловажного народно-психологического впечатления. Только здесь боярско-приказное правительство становилось рядом с людьми из управляемого общества, как со своею политическою ровней, чтобы изъявить государю свою мысль; только здесь оно отучалось мыслить себя всевластной кастой и только здесь дворяне, гости и купцы, собранные в столицу из Новгорода, Смоленска, Ярославля и многих других городов, связываясь общим обязательством «добра хотеть своему государю и его *землям*», приучались впервые чувствовать себя единым народом в политическом смысле слова; только на соборе Великороссия могла сознать себя цельным государством.

Мысль о всеземском соборе.

Наконец, мысль о привлечении общества к участию в управлении, руководившая областными реформами в царствовании Ивана IV, сообщила политическое движение, исторический рост и земскому собору. Состав его с каждым созывом становился сложнее, все шире захватывал общество—знак, что уяснялась самая идея общественного представительства. На собор 1566 г. призваны были только столичные дворяне и купцы высших степеней по должности или по званию: это были фиктивные представители общества; выборных уполномоченных не заметно. Наблюдатель московских событий Смутного времени немец Буссов говорит, что и Бориса Годунова избирали государственные чины, находившиеся тогда в Москве. Но из акта

1598 г. видим, что этот собор не имел уже прежнего чисто столичного именитого состава. Среди Освященного собора, прежде исключительно монашеского, появляются 11 московских протопопов. На соборе становится заметно присутствие выборных уполномоченных от провинциального дворянства, первого сословия, которому досталось прямое представительство на соборе. Далее, московские купеческие сотни или гильдии, успевшие уже сложиться в корпорации, были призваны на собор не поголовно, как в 1566 г., а в лице своих выборных властей, старост. Представительство спускается в глубь общества: призывается на собор и рядовое столичное население черных сотен так же в лице своих выборных сотских. Правда, столица и на этом соборе сохранила подавляющее преобладание: от торгово-промышленного населения провинциальных городов не видим ни одного уполномоченного. Но мысль о всеземском соборе уже мелькает в умах, как видно из помянутой *Беседы*, по крайней мере Борис Годунов, по свидетельству Маржерета, перед своим избранием требовал, хотя и притворно, созыва государственных чинов, от каждого города по 8 или по 10 человек, дабы *весь народ* решил единодушно, кого возвести на престол. Пресечение династии должно было ускорить движение этой мысли. Выборный царь не мог смотреть на государство взглядом наследственного, как на свою вотчину, и его власть, переставая быть *собственностью*, получала характер *должности*, возложенной на него сторонней волей, выражавшейся в соборном приговоре. Зарождалась новая идея народа, не как паствы, подлежащей воспитательному попечению правительства, а как носителя этой государственной воли, которая на соборе передавалась избранному царю. Вместе с ростом этой идеи расширялся на соборе и состав выборного представительства, первые признаки которого и встречаем по пресечении старой династии, на избирательном соборе 1598 г. Начинавшаяся смута, все шире захватывая общество, подгал-

кивала и эту идею. Первый самозванец шел в личине наследственного царя; однако и он для суда над князьями Шуйскими, обвинявшимися в распространении слухов о его самозванстве, созвал собор, на котором, по русским известиям, ни власти, т.-е. духовенство, ни бояре и никто из *простых* людей не заступался за обвиняемых, а все на них кричали. Маржерет уверяет, что на этом соборе присутствовали лица, выбранные из всех чинов или сословий (personnes choisies des tous estats). В XVII в., как увидим, изучая нашу историю этого столетия, собор разовьется в настоящее представительное собрание; но роковые условия русской жизни для противодействия которым были созываемы земские соборы, затрут их и надолго заглушат мысль пытавшуюся в них укрепиться,—мысль об установлении постоянного, законом нормированного притока здоровых общественных сил в состав правящего класса, ежеминутно стремящегося у нас превратиться в замкнутую от народа касту, в чужеядное растение обвивающее народное тело.

Ход устроения государства.

Мы изучили происхождение и ход устроения Московского государства и видели, что политический разлад государя с боярством не оказал заметного действия на ход государственного устроения. Реформы царя Ивана, так изменившие областное управление, были направлены не против боярства, а против кормленщиков, боролись не с политическими притязаниями, а с чиновничьими злоупотреблениями, с административным произволом. Наоборот, государственное устроение не оказало ли действия на политический разлад государя с боярством, не этим ли объясняется образ действий обеих ссорившихся сторон? Царь предпринимает поголовное истребление боярства, своей правой руки в управлении, но не устроняет от дел этого класса, без которого он не мог обойтись, а этот класс терпит и молчит, боязливо подумывая только о побеге в Литву. От ожесточившегося царя льется

и небоярская кровь, на всю землю его именем набрасывается стая опричников, легитимизованных мундирных анархистов, возмущавших нравственное чувство христианского общества, а это общество терпит и молчит. Туга и ненависть поднялась, по словам современника, в миру на царя, роптали и огорчались, однако—ни проблеска протеста. Только митрополит заговорил было за свою паству, но скоро замолк насильственно. Как будто одна сторона утратила чувство страха и ответственности за излишества произвола, а другая, многомиллионная сторона забыла меру терпения и чувство боли, застыв в оцепенении от страха перед какой-нибудь шеститысячной толпой озорников, гнездившихся в лесной берлоге Александровской Слободы. Как-будто какой-то высший интерес парил над обществом, над счетами и дрязгами враждовавших общественных сил, не позволяя им окончательного разрыва, заставляя их против воли действовать дружно. Этот высший интерес—оборона государства от внешних врагов. Московское государство зарождалось в XIV веке под гнетом внешнего ига, строилось и расширялось в XV и XVI в.в. среди упорной борбы за свое существование на западе, юге и юго-востоке. Эта внешняя борьба и сдерживала внутренние вражды. Внутренние домашние соперники мирились в виду общих внешних врагов, политические и социальные несогласия умолкали при встрече с национальными и религиозными опасностями.

Особенности его склада.

Так складывалось Московское государство. Оно складывалось тяжело и медленно. Мы теперь едва ли можем понять и еще меньше можем почувствовать, каких жертв стоил его склад народному благу, как он давил частное существование. Можно отметить три его главные особенности. Это, во-первых, *боевой строй государства*. Московское государство—это вооруженная Великороссия, боровшаяся на два фронта, на западе за национальное единство, на юговостоке за христианскую цивилизацию, там и здесь—за свое существование. Вторую особенность составлял *тягловой*, неправовой

характер внутреннего управления и общественного состава, с резко обособлявшимися сословиями. Управление вели обязанные органы, наверху служилые люди, внизу ответственные сословные выборные. Сословия различались не правами, а повинностями, между ними распределенными. Каждый обязан был или оборонять государство, или работать на государство, т.-е. кормить тех, кто его обороняет. Были командиры, солдаты и работники, не было граждан, т.-е. гражданин превратился в солдата или работника, чтобы под руководством командира оборонять отечество или на него работать. Было сословие, которое по своему назначению могло бы просвещать и солдат, и работников,—духовенство, и на Стоглавом соборе царь заставил его дать обещание, что оно устроит народное образование; но мы не знаем, была ли устроена после этого собора хотя одна церковно-приходская школа Третьей особенностью Московского государственного порядка была *верховная власть с неопределенным, т.-е. неограниченным пространством действия и с нерешенным вопросом об отношении к собственным органам*, именно к главному из них, к боярской аристократии. Ход дел указывал старой династии демократический образ действий, непосредственное отношение к народу; но она строила государство вместе с боярством, привыкла действовать с помощью родословной знати. Из образа действий Грозного видно, что у нее и явились было демократические стремления, но остались аристократические привычки и удельные понятия. Она не могла примирить этих противоположностей и погибла в борьбе с этим противоречием.

Его положение в Европе.

Теперь посмотрим, какое место заняло Московское государство среди других государств Европы. Тогдашняя Западная Европа не дала бы ответа на этот вопрос, потому что слабо замечала самое существование этого государства. Это, впрочем, не мешало ему быть полезным для Европы. У каждого народа своя судьба и свое назначение. Судьба народа слагается из совокупности внешних условий, среди

которых ему приходилось жить и действовать. Назначение народа выражается в том употреблении, какое народ делает из этих условий, какое он вырабатывает из них для своей жизни и деятельности. Наш народ поставлен был судьбой у восточных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии. Целые века истощал он свои силы, сдерживая этот напор азиатов, одних отбивал, удобряя широкие донские и волжские степи своими и ихними костями, других через двери христианской Церкви мирно вводил в европейское общество. Между тем Западная Европа, освободившись от магометанского напора, обратилась за океан, в Новый Свет, где нашла широкое и благодарное поприще для своего труда и ума, эксплуатируя его нетронутые богатства. Повернувшись лицом на Запад к своим колониальным богатствам, к своей корице и гвоздике, эта Европа чувствовала, что сзади, со стороны уралоалтайского востока ей ничто не угрожает, и плохо замечала, что там идет упорная борьба, что переменив две главные боевые квартиры на Днепре и Клязьме, штаб этой борьбы переместился на берега Москвы, и что здесь в XVI в. образовался центр государства, которое наконец перешло от обороны в наступление на азиатские гнезда, спасая европейскую культуру от татарских ударов. Так мы очутились в арьергарде Европы, оберегали тыл европейской цивилизации. Но сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается, особенно когда она исправна: чем бдительнее охрана, тем спокойнее спится охраняемым и тем менее расположены они ценить жертвы своего покоя. Таково было европейское положение Московского государства в конце XVI века.

Оглавление.

